4° Polon.

101 k

Heidenstenius

Отдѣлъ I. 4

Шкапъ 67

Полка 7

№ 11

<36611256320013

<36611256320013

Bayer. Staatsbibliothek

5001/12

643
900

РЕЙНГОЛЬДА ГЕЙДЕНШТЕЙНА

ЗАПИСКИ
О
МОСКОВСКОЙ ВОЙНѢ

(1578—1582)

Переводъ съ латинскаго.

ИЗДАНІЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1889.

ГЕЙДЕНШТЕЙНА

ЗАПИСКИ О МОСКОВСКОЙ ВОЙНѢ.

Рейнгольда Гейденштейна

ЗАПИСКИ

о

МОСКОВСКОЙ ВОЙНѢ

(1578—1582)

Переводъ съ латинскаго.

ИЗДАНІЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1889.

G.rr.5176

Библ.
Социалистической
Академии.
Направлено
в обменный фонд
54663

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Написанное по латыни и теперь издаваемое въ переводѣ на русскій языкъ сочиненіе польскаго автора «Записки о Московской войнѣ», если смотрѣть на его содержаніе съ русской точки зрѣнія, обнимаетъ послѣдній періодъ веденной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ борьбы съ Польшею за обладаніе Ливоніею, періодъ, начавшійся послѣ вступленія на польскій престолъ Стефана Баторія и закончившійся перемиріемъ въ Киверовой горѣ или иначе въ Запольскомъ Ямѣ. Сочиненіе это уже потому замѣчательно и важно, что оно появилось вскорѣ послѣ окончанія войны и почти современно самымъ событіямъ. Оно принадлежало *Рейнгольду Гейденштейну*, который былъ тогда еще малоизвѣстнымъ писателемъ, а послѣ прославился цѣлымъ рядомъ историческихъ трудовъ, составляющихъ украшеніе польской исторіографіи. Объ этихъ позднѣйшихъ трудахъ Гейденштейна мы не имѣемъ нужды говорить здѣсь; равнымъ образомъ и о самомъ авторѣ мы можемъ ограничиться только тѣми свѣдѣніями, которыя относятся къ первоначальной его литературной дѣятельности и могутъ способствовать правильной оцѣнкѣ значенія его наи-

болѣе важнаго для русской исторіи и наиболѣе ранняго произведенія [1]).

Родъ Гейденштейновъ, какъ показываетъ самое наименованіе, былъ нѣмецкаго происхожденія. Говорятъ, что этотъ родъ выселился въ Польшу при Казимірѣ IV и происходилъ изъ Франконіи, что права польскаго шляхетства (собственно индигенатъ) онъ получилъ только отъ Стефана Баторія въ 1585 году въ лицѣ нашего автора; но эти подробности довольно сомнительны [2]). Не въ собственной Польшѣ находились родовыя владѣнія Гейденштейновъ, а въ той части Пруссіи, которая входила прежде въ составъ владѣній Тевтонскаго ордена и съ тѣхъ поръ заключала въ себѣ значительную примѣсь нѣмецкаго населенія, и которая потомъ по Торунскому

[1]) Наиболѣе полное изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Гейденштейна принадлежитъ *Нерингу*; оно явилось первоначально въ видѣ докторской диссертаціи на латинскомъ языкѣ: De Reinholdi Heidensteinii scriptis historicis tractavit *Wladislaus Nehring* (Posnaniae. 1857), а послѣ было передѣлано и пополнено для польскаго изданія: O życiu i pismach Reinholda Heidensteina, napisał Wł. *Nehring* (Poznań, 1862). Это изданіе, кромѣ частнаго, имѣетъ болѣе общее заглавіе на выходномъ листѣ: O historykach polskich szesnastego wieku. Część pierwsza.—Краткая біографія автора съ перечисленіемъ его прочихъ трудовъ присоединена также къ польскому переводу большаго сочиненія Гейденштейна, вышедшему въ Петербургѣ въ 1857 году: Dzieje polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594», Михаила Глищинскаго (Gliszczyński). Она принадлежитъ Вл. Д. Спасовичу.

[2]) Дѣло въ томъ, что въ гербовникахъ, изъ которыхъ заимствуются эти подробности (у *Неринга* въ польскомъ изданіи стр. 1, у *Спасовича* стр. 1), сообщается даже о предкахъ нашего автора, графахъ Гейденштейнахъ, современныхъ Карлу Великому (*Niesiecki*, Korona Polska, III, 352): этого достаточно, чтобы судить о достовѣрности подобныхъ родословныхъ. *Старовольскій* (De claris Sarmat. oratoribus. Florentiae, 1688) просто говоритъ, что Гейденштейнъ происходилъ изъ знатнаго рода въ Пруссіи: nobili loco in Prussia natus.

миру (1466 г.) сдѣлалась непосредственнымъ владѣніемъ польской короны. Отецъ Рейнгольда Бернардъ жилъ въ западной Пруссіи и владѣлъ селомъ *Солецъ* или Соленчинъ (Solescium) около города Гданска (Данцига), откуда и происходитъ прозваніе Солецкій (Solescius), усвояемое также его сыну. Рейнгольдъ Гейденштейнъ родился приблизительно около 1556 года [1]); по матери онъ уже состоялъ въ родствѣ съ чисто польскими фамиліями и съ дѣтства былъ воспитанъ въ духѣ строгаго католичества [2]); жена его тоже была чистокровная полька (изъ фамиліи Конарскихъ). Есть извѣстія, что Рейнгольдъ Гейденштейнъ путешествовалъ и учился въ Германіи, Франціи, даже въ Италіи, что, конечно, не было необычнымъ въ то время ни для Польши (примѣръ Замойскаго, учившагося въ Падуанскомъ университетѣ), ни для Пруссіи: оттуда онъ вынесъ то гуманистическое образованіе, которымъ отличался, и которое заключалось главнымъ образомъ въ искусствѣ хорошо владѣть латинскимъ стилемъ. Послѣ возвращенія изъ—за границы онъ

[1]) *Nehring* l. c. Годъ рожденія Гейденштейна опредѣляется на слѣдующемъ основаніи: въ одномъ манускриптѣ, принадлежавшемъ Репелю (Roepell) и заключавшемъ въ себѣ первые три книги Rerum Polonicarum, находится предисловіе, очевидно принадлежащее Гейденштейну, хотя и подписанное другимъ именемъ; въ этомъ предисловіи, писанномъ въ Январѣ 1617 года, авторъ сравниваетъ себя съ кардиналомъ Бембо, исторіографомъ Венеціанской республики, который хвалился тѣмъ, что трудился надъ своимъ произведеніемъ будучи шестидесяти лѣтъ отъ роду: тоже я могу сказать и о себѣ (item de me dicere possum), прибавляетъ авторъ предисловія.

[2]) *Старовольскій* (De claris oratoribus Sarmatiae) говоритъ о полемическихъ трудахъ Гейденштейна противъ еретиковъ: ex controversiis contra hostes ecclesiae factis; но, по видимому, изъ этихъ трудовъ ничего до насъ не дошло.

*

съ начала поступилъ секретаремъ къ герцогу Прусскому, вассалу Польши, Альбрехту Фридриху, но оставался при немъ не долго. Неизвѣстно, какъ и почему, Гейденштейнъ обратилъ на себя вниманіе знаменитаго и образованнаго польскаго государственнаго дѣятеля, Яна Замойскаго. Замойскій рекомендовалъ его королю Стефану Баторію [1]). Въ 1582 году Гейденштейнъ уже былъ, по видимому, на службѣ короля; тотчасъ по заключеніи Запольскаго перемирія, въ виду опасностей и затрудненій со стороны Швеціи, заявлявшей соперничествующія притязанія на Ливонію, Баторій хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ Прусскаго герцога и для переговоровъ по этому дѣлу отправилъ къ нему Гейденштейна, какъ мы узнаемъ изъ шестой книги Комментаріевъ о Московской войнѣ [2]). Въ первомъ своемъ литературномъ опытѣ, относящемся къ слѣдующему, 1583 году, Гейденштейнъ уже прямо придаетъ себѣ титулъ королевскаго секретаря (см. ниже стр. VI). Видно, что онъ вообще считался особенно пригоднымъ для сношеній съ вассальною Пруссіей: послѣ первой своей поѣздки къ герцогу, въ томъ же самомъ 1582 году онъ снова туда

[1]) Сообщеніе, что Гейденштейнъ былъ съ начала личнымъ секретаремъ Замойскаго, хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, но недостаточно удостовѣрено (см. *Nehring*, O życiu Heidensteina pag. 2) и могло произойдти отъ смѣшенія государственной службы подъ начальствомъ Замойскаго съ частною.

[2]) Русскаго перевода стр. 281. Въ біографіи, приложенной къ польскому переводу (стр. III), говорится о посольствѣ къ князю *Курляндскому*, при томъ въ 1592 году (послѣднее—вѣроятно опечатка): авторъ предисловія, г. Спасовичъ, былъ введенъ въ заблужденіе невѣрнымъ переводомъ Глищинскаго, который неизвѣстно почему замѣнилъ Пруссію Курляндіей (польскаго перевода томъ II, стр. 114).

ѣздилъ по другому дѣлу, именно для примиренія правителя Пруссіи съ его собственными подданными, послѣ того, какъ они принесли жалобу и протестъ противъ нарушенія своихъ правъ верховному сюзерену, Польскому королю [1]); а за тѣмъ извѣстно, что Гейденштейнъ и позднѣе бывалъ туда посыланъ; онъ участвовалъ наконецъ въ составленіи или точнѣе въ исправленіи земскаго судебнаго уложенія собственно для королевской (то есть западной) Пруссіи, непосредственно подчиненной польской коронѣ; но это относится уже къ 1598 году [2]). Нужно сверхъ того замѣтить, что отношенія къ Замойскому нисколько не были прерваны поступленіемъ Гейденштейна на королевскую службу; напротивъ, Гейденштейнъ всегда оставался близокъ къ Замойскому; во первыхъ потому, что служилъ подъ его начальствомъ—Замойскому по званію канцлера были подчинены всѣ служащіе въ королевской канцеляріи, во вторыхъ потому, что состоялъ членомъ кружка ученыхъ, которыми любилъ себя окружать Замойскій, и къ которымъ, кромѣ его, принадлежали Цеклинскій, Пискоржевскій, Давидъ Гильхенъ, докторъ Левель и др. [3]).

[1]) Объ этомъ посольствѣ тоже говоритъ самъ Гейденштейнъ—въ тѣхъ книгахъ обширнаго своего и позднѣйшаго труда *О дѣяніяхъ Польскихъ* по смерти Сигизмунда Августа, которыя служатъ продолженіемъ къ Комментаріямъ: Rerum Polonic. L. VII, pag. 183. Ср. *Ranke*, Preussische Geschichte: S. Werke XXV, 183.

[2]) *Nehring*, De R. Heidensteinii scriptis historicis pag. 14.—O życiu i pismach R. Heidensteina str. 12. 13.

[3]) *Nehring* ll. cc. pag. 19; str. 18. 19 на основаніи собственнаго показанія Гейденштейна въ біографіи Замойскаго (Vita Zamoscii—Wyd. *Dzialynski*) и свидѣтельства Рудгера Горста въ книгѣ о канцлерѣ (Cancellarius, 1628. Rudgerus Horst).

Первое произведеніе Гейденштейна написано было по поводу брака его патрона, Яна Замойскаго, съ племянницей короля Стефана, Гризельдой, дочерью Христофора, князя Седмиградскаго; оно появилось въ формѣ письма къ маркграфу Бранденбургскому и герцогу Прусскому Георгу Фридриху и напечатано было въ Краковѣ въ 1583 году [1]).

За тѣмъ точно также въ Краковѣ вышли Комментаріи или записки о Московской войнѣ, помѣченныя 1584 годомъ. Въ перепискѣ извѣстнаго и въ свое время даже знаменитаго гуманиста Бруто, происходившаго изъ Италіи, но проживавшаго больше на сѣверѣ и между прочимъ при дворѣ Стефана Баторія, въ качествѣ исторіографа Венгріи, королевскаго секретаря и пенсіонера, находится относительно времени печатанія этой книги такое извѣстіе, которое на первый взглядъ кажется труднымъ примирить съ стоящею на заглавномъ листѣ датою. Въ іюлѣ 1585 года, отправляя письмо изъ Кракова въ Вѣну, къ придворному медику и ученому гуманисту, Кратону, Бруто прибавилъ въ концѣ его приписку, въ которой сообщалъ о прибытіи въ Краковъ Гейденштейна съ тою цѣлію, чтобы уговориться съ типографщикомъ относительно печатанія Комментаріевъ о Московской войнѣ [2]). И такъ лѣтомъ 1585 года Гейденштейнъ толь-

[1]) De nuptiis illustrissimi Joannis de Samoscio ac Griseldis Bathoreae ad illustrissimum Principem Georgium Fridericum Marchionem Brandenburgicum in Prussia Ducem. R (einholdi) H (eidensteinii) S (ecretarii) R (egii) epistola. Cracoviae in officina Lazari an. 1583.

[2]) Gratissimam rem facies, si clarissimo viro Monauco (leg. Monavio) meis verbis multam salutem imperties, simulque significes

ко собирается приступить къ изданію своего сочиненія, а судя по заглавному листу, оно было отпечатано еще въ предыдущемъ году. Для соглашенія двухъ датъ обыкновенно принимаютъ, что въ 1585 году рѣчь шла уже о второмъ изданіи Комментаріевъ. Предположеніе во всѣхъ отношеніяхъ мало вѣроятное; никакихъ слѣдовъ мнимаго втораго краковскаго изданія не существуетъ, и при всѣхъ разсужденіяхъ, вскорѣ возникшихъ по поводу книги Гейденштейна въ польской публикѣ, именно на съѣздѣ 1587 года, имѣется въ виду только одно первоначальное изданіе, безъ всякаго намека на существованіе втораго. Гораздо проще было бы предположить, что дата 1584 года поставлена была на манускриптѣ Гейденштейна, служившемъ въ качествѣ оригинала при печатаніи, что она означала только годъ, когда сочиненіе было окончено авторомъ и приготовлено для печати; но этому предположенію противорѣчитъ то обстоятельство, что таже самая дата повторена и на послѣднемъ печатномъ листѣ книги очевидно отъ лица типографщика (Cracoviae in officina Typographiae Lazari Anno Domini, 1584). Приходится думать, что въ изданіи добавочныхъ писемъ Бруто допущена была ошибка или простая опечатка въ означеніи года, выставленнаго имъ въ концѣ письма и впереди приписки: слѣдовало читать не XXCV (не 1585), а XXCIV (1584).

Aidensteinium, per hos dies huc advenisse, eo consilio, ut typographo rerum Moscoviticarum commentarios excudendos tradat: simulatque excudentur, dabo operam, ut habeat: habitat et ipso in arce, in praetoria domo non procul à Regia, ut sit facultas crebro conveniendi. *Michaelis Bruti opera varia selecta* (Berolini, 1698) pag. 1155.

При первомъ изданіи, теперь сдѣлавшемся весьма рѣдкимъ, сочиненіе Гейденштейна сопровождалось предисловіемъ, которое въ новѣйшихъ не повторяется.

Въ этомъ предисловіи, которое въ тоже время служитъ и посвященіемъ, авторъ обращается къ князю Трансильванскому, Сигизмунду Баторію, племяннику короля Стефана, и говоритъ прежде всего о великой важности и пользѣ историческихъ сочиненій, а также объ ихъ трудности. Впрочемъ, существуетъ два рода историческихъ сочиненій, и авторъ хочетъ писать не исторію въ собственномъ и высшемъ значеніи этого слова, а только комментаріи. Различіе между сими двумя родами такое, что комментаріи имѣютъ какъ бы служебное значеніе по отношенію къ настоящей исторіи; въ нихъ повѣтствуется о событіяхъ просто и безъ всякихъ украшеній, о которыхъ обязанъ думать историкъ; кто пишетъ комментаріи, тотъ не имѣетъ нужды заботиться объ ораторскихъ пріемахъ и о соблюденіи правилъ краснорѣчія, а только обязанъ какъ можно правдивѣе передать то, что случилось; совершенно иныя требованія съ точки зрѣнія внѣшней формы и обработки могутъ быть предъявлены настоящему историку. Однако, и комментаріи имѣютъ свои требованія по отношенію къ изложенію; главное требованіе отъ нихъ—простота, но простота, соединенная съ чистотою рѣчи и своего рода изяществомъ изложенія. Недосягаемый образецъ въ этомъ родѣ представляютъ комментаріи Цесаря. Если кому покажется, что авторъ не удовлетворилъ означеннымъ сейчасъ требованіямъ, тотъ пусть обратитъ вниманіе на то, въ какое короткое время онъ написалъ свое сочиненіе и среди какой неудобной обстановки онъ долженъ былъ работать;

онъ писалъ свое сочиненіе, занятый дѣлами при дворѣ, который почти не имѣлъ постоянной резиденціи, но всегда почти находился въ пути или въ сборахъ въ путь [1]). На ряду съ военными дѣлами въ Комментаріяхъ излагаются и гражданскія; ибо они были тѣсно связаны съ военными—какъ по времени, такъ и по самому своему существу; неудобно было бы раздѣлять то, что на дѣлѣ было связано. Первое и важнѣйшее достоинство всякаго историческаго произведенія есть, конечно, правдивость, уваженіе къ истинѣ. Гейденштейнъ увѣряетъ насъ, что онъ свято соблюдалъ это само собою разумѣющееся требованіе. За правдивость его повѣствованія ручается самое его отношеніе къ предмету сочиненія. Онъ пишетъ не о какихъ-либо происшествіяхъ, далекихъ отъ памяти современниковъ, при чемъ ошибки и даже прямой вымыслъ могли бы не встрѣтить противорѣчія со стороны людей помнящихъ: «я издаю то, что должно сдѣлаться извѣстнымъ для лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, пишу для того, чтобы ознакомить съ событіями минувшей войны лицъ, остававшихся вдали отъ нихъ, на основаніи свидѣтельства мужей, которые давали направленіе событіямъ и которые до сихъ поръ живы и находятся на лицо [2]). Положеніе мое было такое,

[1]) Verum haec quoque, quae ego quidem ipse in me requiro, si quis alius praeterea in commentariis hisce requirenda putabit, is vellem perspiceret, quam non modo brevi tempore, sed quam alieno etiam ac impedito, interque quot aliarum rerum occupationes in aula non solum negociosissima, sed et quae nullo certo in loco consistens perpetuis quodammodo profectionibus circumfertur, scribendi mihi fuerunt.

[2]) Primum enim minime de remotis à memoria nostra rebus scribo, in quibus vel errare facile possim, vel fingere, si quid velim,

что съ одной стороны я легко могъ собирать свѣдѣнія отъ многихъ, лично принимавшихъ участіе въ дѣлахъ, а съ другой стороны я не могъ ни въ чемъ отступать отъ истины, связанный сознаніемъ, что о томъ же знаютъ столь многія лица [1].... Къ этому нужно прибавить, что, благодаря мѣсту, которое занимаю, я имѣлъ полную возможность пользоваться оффиціальными документами, которыми засвидѣтельствована большая часть фактовъ, заключающихся въ этихъ книгахъ» [2]). Въ концѣ предисловія, снова обращаясь къ Сигизмунду, Гейденштейнъ объясняетъ, почему именно ему посвящается это сочиненіе. Основанія заключаются въ томъ, что часть славы, пріобрѣтенной королемъ въ минувшей войнѣ, какъ бы по праву наслѣдства принадлежитъ его родственнику, и въ томъ, что самъ Сигизмундъ подаетъ надежды, что онъ способенъ пойдти по стопамъ дяди и также совершить славныя дѣла.

Не останавливаясь пока на разъясненіи общихъ показаній Гейденштейна объ его источникахъ, мы можемъ уже теперь извлечь изъ его словъ одно не лишенное важности заключеніе. Гейденштейнъ ссылается только на документы и на сообщенія живыхъ свидѣтелей, уча-

nullius memoria iam refellente: sed edo haec iis cognoscenda, qui iis ipsis rebus, de quibus scribo, interfuerunt, ut res per hujus belli tempus gestas, iis, qui ab illis abfuerunt, eorum, à quibus administratae sunt, vivorum et praesentim memoria teste commendem.

[1]) Qua in re utrunque fuit, ut et ego facillime ea à multis, qui iis interfuerunt, cognoscere potuerim; à veritate autem ulla in re recedere non potuerim, tot hominum conscientia constrictus.

[2]) Accedit huc, ut publicorum actorum, quibus res, quae hisce libris compraehenduntur, magnam partem testatae sunt, pro eo loco, in quo sum, summam, facultatem habuerim.

ствовавшихъ въ дѣлахъ, и совсѣмъ не упоминаетъ о какихъ-либо личныхъ наблюденіяхъ; ясное дѣло, что самъ онъ не участвовалъ ни въ одномъ изъ трехъ походовъ Стефана Баторія въ предѣлы Московскаго государства не былъ очевидцемъ ни взятія Полоцка (1579), ни осады Великихъ Лукъ (1580), ни Псковской осады (1581). На это потомъ прямо указывали его недоброжелатели, его политическіе враги, о которыхъ рѣчь будетъ ниже [1]). «Гейденштейнъ не видалъ ни Москвы, ни Московской войны», говорится въ одномъ современномъ сочиненіи, отражающемъ неблагопріятные толки противъ нашего автора. И такъ, если Карамзинъ, описывая взятіе Полоцка и ссылаясь при этомъ на Гейденштейна, называетъ его *очевидцемъ* [2]), то онъ допустилъ тутъ маленькую неточность, весьма, конечно, извинительную. Что же касается словъ самаго Гейденштейна о томъ, что онъ постоянно долженъ былъ слѣдовать за королевскимъ дворомъ, по неволѣ отрываясь отъ своей работы, то они должны быть относимы ко времени послѣ окончанія войны. Не ранѣе 1582 года онъ могъ приняться за составленіе своихъ записокъ, а если припомнимъ, что въ этомъ году онъ два раза ѣздилъ въ Пруссію, то еще вѣрнѣе срокъ этотъ долженъ быть перенесенъ на 1583 годъ. Впрочемъ еще у современниковъ существовало такое мнѣніе, что трудъ, выпавшій на долю Гейденштейна, если и не былъ очень легкій, то былъ для него весьма облегченъ его вдохновителями. Гейденштейнъ въ предисловіи ссылается на сообщенія очевидцевъ, принимавшихъ въ дѣлахъ не-

[1]) См. стр. XIX примѣч. I.

[2]) Карамзинъ изд. Эйнерл. т. III кн. IX, 175.

посредственное и направляющее участіе; онъ никого не называетъ по имени, но очень естественно думать, что главнымъ его руководителемъ былъ его ближайшій начальникъ и его всегдашній патронъ, самъ Янъ Замойскій, правая рука Стефана Баторія во время Московской войны, съ саномъ канцлера соединявшій званіе главнокомандующаго (гетмана), и послѣ удаленія Баторія самостоятельно распоряжавшійся Псковскою осадой. Еще въ 1587 году высказывалось мнѣніе, что собственно авторомъ Комментаріевъ былъ не Гейденштейнъ, а Замойскій; другіе болѣе свѣдущіе и осторожные утверждали, что исторія о войнѣ Московской была пересмотрѣна и гдѣ нужно исправлена не только канцлеромъ, но и самимъ королемъ. Удивительно, что никакого прямаго намека на такое высокое сотрудничество нѣтъ въ предисловіи; тѣмъ не менѣе оно должно быть признано за фактъ весьма достовѣрный. Все это разъяснилось по случаю гоненія, которое было воздвигнуто на произведеніе Гейденштейна тотчасъ послѣ кончины короля Стефана.

Когда Стефанъ Баторій умеръ (12 декабря 1586 г.) и наступило новое безкоролевье, въ Польшѣ поднялось сильное броженіе, загорѣлась борьба между двумя партіями; онѣ и раньше существовали, такъ какъ всегда было много недовольныхъ политикою Баторія и вліяніемъ Замойскаго, а теперь вопросъ о замѣщеніи трона долженъ былъ обострить отношенія и глухую борьбу превратить въ открытую. Партія покойнаго короля, съ Яномъ Замойскимъ во главѣ, примкнула къ Шведскому королевичу Сигизмунду, отпрыску старыхъ Ягеллоновъ, такъ какъ избраніе его представляло больше видовъ на успѣхъ и обѣщало извѣстныя выгоды. Вожаками другой

партіи были Зборовскіе; ими руководила не какая либо политическая мысль, а только ненависть и оппозиція Замойскому, съ которымъ у нихъ были личные и весьма крупные счеты; они выставили кандидатуру Австрійскаго эрцгерцога, отчасти вопреки прежнимъ своимъ стремленіямъ. Въ первыхъ числахъ февраля 1587 года собрался конвокаціонный съѣздъ въ Варшавѣ, созванный примасомъ королевства. Сюда явились почти исключительно одни только приверженцы Зборовскихъ, а также всѣ недовольные прежнимъ правленіемъ или завидовавшіе положенію и значенію Замойскаго. Приверженцевъ послѣдняго было на этомъ сеймѣ не много, да и самъ онъ отсутствовалъ; по этому враждебная ему партія могла дать полный просторъ выраженію накопившейся ненависти и неудовольствія: среди громкаго шума, брани и бряцанія оружіемъ она стала требовать, чтобы привлечь Замойскаго къ отвѣтственности за все, что происходило въ прошлое царствованіе. Между прочимъ поднятъ былъ вопросъ и о недавно появившемся сочиненіи Гейденштейна, внесены были предложенія о полномъ уничтоженіи и совершенномъ истребленіи этого произведенія: оно было ненавистно преобладающей на съѣздѣ партіи, съ одной стороны, какъ прославленіе прошлаго царствованія и въ особенности идей и дѣятельности Замойскаго, а съ другой, какъ заключающее въ себѣ страницы, прямо оскорбительныя для нѣкоторыхъ сторонниковъ партіи Зборовскихъ. Обвиняли, впрочемъ, книгу не только за то, что было въ ней, но также и за то, чего въ ней не было, находили, на примѣръ, что въ ней не воздано надлежащей чести подвигамъ въ Московскую войну одного знатнаго литовскаго магната (именно

Радзивила). Всѣ разсужденія и постановленія сейма были потомъ изложены въ письмѣ, которое адресовалъ къ Замойскому примасъ королевства, архіепископъ Гнѣзненскій Карнковскій, желая разыграть роль посредника и примирителя и выставляя условія возможнаго соглашенія. Въ своемъ отвѣтѣ Замойскій между прочимъ остановился съ нѣкоторою подробностію и на томъ пунктѣ, который касался Комментаріевъ о Московской войнѣ. Весь этотъ эпизодъ, равно какъ и содержаніе отвѣта Замойскаго, переданы какъ самимъ Гейденштейномъ— въ позднѣйшемъ его трудѣ «Польской исторіи двѣнадцать книгъ», куда вошли и Комментаріи и продолженіе ихъ до 1602 года [1]), такъ и въ одномъ анонимномъ произведеніи (заглавіе будетъ приведено ниже), посвященномъ времени междуцарствія послѣ смерти Баторія до утвержденія на престолѣ Сигизмунда III. Упоминается о немъ и въ изданныхъ недавно дневникахъ конвокаціоннаго съѣзда 1587 года [2]). Отсюда мы видимъ, что 12 февраля противъ исторіи о войнѣ Московской говорилъ воевода Трокскій, называя ее пасквилемъ, потому что въ ней въ ложномъ видѣ представлено отношеніе къ войнѣ народа литовскаго, да умалена честь и самаго польскаго народа тѣмъ самымъ, что все приписано одному лицу; видимъ, что 28 февраля Чарнковскій просилъ о разрѣшеніи преслѣдовать автора «Московскихъ дѣлъ» за личную обиду (albo mu wolno bulo contra scriptorem

[1]) Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. Francfurti. 1672.

[2]) Dyjaryjusze sejmowe r. 1587 wydał A. Sokołowski. Kraków, 1887 (Scriptores rerum Polonicarum t. XIII), см. стран. 31, 54, 209, 221, 236.

rerum Moscoviticarum de injuria), что за тѣмъ было разсужденіе о Гейденштейнѣ въ засѣданіи 9-го марта (стр. 54) и т. д.

Самъ Гейденштейнъ говоритъ объ опасности, угрожавшей его книгѣ, и объ ея защитѣ Замойскимъ довольно кратко. На съѣздѣ не рѣшались ничего предпринять прямо противъ Замойскаго, но только выставили и предложили на общее одобреніе условія соглашенія, и въ числѣ ихъ шла рѣчь именно объ уничтоженіи Комментаріевъ о Московской войнѣ, а также книжки, которая вышла подъ именемъ Андрея Ржецицкаго, королевскаго инстигатора (прокурора), и содержала обвиненіе противъ Христофора Зборовскаго [1]). Что касается Комментаріевъ, то они почти ничего не заключали въ себѣ, касающагося дѣла Зборовскихъ, и возбудили противъ себя ненависть преимущественно Чарнковскаго и еще одного литовскаго сенатора; эти люди отчасти негодовали за правду, которая о нихъ была написана, отчасти за то, что имъ не воздано было похвалъ, которыя были бы ложными [2]). Намекъ на непоименованнаго члена литовской рады разъясняется вполнѣ удовлетворительно у Оржельскаго, который также жилъ и писалъ въ эту эпоху. Говоря объ экспедиціи Христофора Рад-

[1]) pag. 246. Conditiones hae erant— — —: nominatim de commentariis (de) bello Moscovitico et accusatione, quae sub Andreae Rzecicii, instigatoris, ut vocant, Regii, nomine in Christophorum Sborovium exiisset (l.exiissent), abolendis adjectum fuit. Брошюра Ржецицкаго носила заглавіе: Accusationis in Christophorum Sborovium actiones tres etc. Cracov. typ. Lazari 1585.

[2]) E quibus commentariis, cum ad res Sborovianas nihil plane pertinerent, Ciarnkovii potissimum et unius lithuani senatoris, partim vera non ferentium, partim falsas laudis (l. laudes) sibi non tributas dolentium, odio datae fuerunt.

зивила, отправленнаго въ 1581 году, при началѣ Псковской осады внутрь Московскаго государства къ Старицѣ и Ржеву, Оржельскій выражаетъ такое мнѣніе, что будто бы Гейденштейнъ, впрочемъ отличный писатель, въ своихъ Комментаріяхъ славу этого похода, неизвѣстно по какому побужденію, совсѣмъ оставилъ во мракѣ [1]). На самомъ дѣлѣ экспедиція вовсе не пройдена молчаніемъ, напротивъ описана съ достаточною подробностію, но только безъ всякихъ особыхъ выраженій удивленія или прибавленія похвальныхъ эпитетовъ мужеству или же предпріимчивости вождя (см. Записки Гейденштейна въ предлагаемомъ переводѣ стр. 219—222). Возвращаемся къ обвиненіямъ конвокаціоннаго съѣзда и къ передачѣ ихъ у Гейденштейна. Онъ утверждаетъ, что вышеозначенныя условія подписаны были не всѣми присутствующими, и что многіе удалились, не давъ на нихъ своего согласія. Когда они тѣмъ не менѣе сообщены были Гнѣзненскимъ архіепископомъ канцлеру, то Замойскій далъ на нихъ письменный отвѣтъ, въ которомъ о Комментаріяхъ было объяснено, съ какою цѣлію и въ какомъ честномъ духѣ они были написаны и изданы [2]); сверхъ того Замойскій указывалъ на опасности для общественной свободы, если будутъ преслѣдовать то, или другое сочиненіе, говорилъ, что

[1]) Reginaldus Heidenstenus, scriptor caetera egregius, *mihique* peramicus, in suis commentariis expeditionis istius famam et res gestas nescio quo consilio suppressit: Annales domus Orzelsiae изданіе Дзялынскаго (Działynskiego) 1854, pag. 19 (приведено у Спасовича въ предисловіи къ переводу на польскій языкъ Rerum Polonicarum XII libri I. pag. XIV).

[2]) pag. 247. De libris, de quibus ut tollerentur, nominatim conditio adjecta fuerat, quo consilio et qua religione scripti editique essent, ostendit.

такой способъ борьбы съ книгами вовсе не пригоденъ, что чѣмъ больше ихъ преслѣдуютъ, тѣмъ больше находится охотниковъ ихъ читать [1]); если кто полагаетъ, что въ книгѣ содержится что либо несообразное съ дѣйствительностію, то можетъ это обличить въ собственномъ произведеніи, написанномъ иначе, какъ это не стыдились дѣлать величайшіе государи или полководцы (imperatores): истина съ одной стороны говоритъ уже сама за себя, а съ другой—еще болѣе разъясняется отъ столкновенія съ ложью, и насколько съ каждымъ днемъ укрѣпляется правда, на столько-же ложь само собою рушится [2]). О томъ, какое имѣли дѣйствіе эти замѣчанія, у Гейденштейна ничего не говорится, равно какъ изъ его словъ не видно, чтобы кто-нибудь въ самомъ дѣлѣ перешелъ отъ словъ къ дѣлу и принялся за истребленіе печатныхъ экземпляровъ его произведенія [3]).

Съ бо̀льшими подробностями вся эта исторія гоненія на издаваемое теперь въ русскомъ переводѣ сочине-

[1]) Praeterea vero et libertatem publicam uno atque altero scripto notando, in aliis etiam tentari: nec eam rationem cum scriptis pugnandi esse; quae quo magis premerentur, eo magis fere expeterentur.

[2]) Si quis quid à re ipsa alienum sciptum existimaret; quod vel summos imperatores facere non puduisset, contrario scripto edito, argueret: vel cum sua sponte facile cuivis se probarent, tum magis, si contentione etiam falsi illustrata essent; atque illa ut dies, fere magis confirmaret, sic falsa sua sponte intercidere.

[3]) *Вишневскій* въ Исторіи Польской литературы (VI, str. XI) сообщаетъ, что Зборовскіе и Чарнковскій скупали экземпляры сочиненія Гейденштейна и предавали ихъ сожженію, но на чемъ основано это сообщеніе, не указываетъ. По видимому и Нерингъ (De Heidensteinii scriptis historicis, pag. 21; O Życiu i pismach R. Heidensteina, pag. 27) несовсѣмъ довѣряетъ Вишневскому.

ніе передается въ анонимномъ сочиненіи другаго современника, описавшаго событія 1586—1588 годовъ еще ранѣе Гейденштейна. Нужно думать, что оно принадлежало Варшевицкому [1]).

По словамъ Варшевицкаго вопросъ о книгѣ Гейденштейна подняли литовцы при чемъ, однако, онъ не объясняетъ, почему именно они взяли на себя въ этомъ дѣлѣ починъ, и ничего не говоритъ о неудовольствіяхъ Радзивила. Литовцы желали, чтобы на основаніи публичнаго авторитета, принадлежащаго съѣзду, было издано постановленіе объ уничтоженіи сочиненія Рейнгольда Гейденштейна о (Московской) войнѣ, какъ произведеніи лживомъ, при чемъ нѣкоторые высказывали мнѣніе, что дѣйствительный авторъ сочиненія есть самъ канцлеръ: въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ отъ себя Варшевицкій, хорошо извѣстно, что оно было внимательно пересмотрѣно и исправлено и королемъ и канцлеромъ [2]). Въ этихъ Комментаріяхъ Рейнгольда, продолжаетъ объяснять Вар-

[1]) *Rerum Polonicarum ab excessu Stephani regis* ad Maximiliani austriaci captivitatem liber singularis in lucem editus cum additamentis Sebastiano *Ciampi* in Italia ab negotiis literariis pro regno Poloniae. Florentiae, 1827.—Издатель Чіампи больше склонялся къ тому мнѣнію, что авторъ любопытнаго и весьма важнаго по подробностямъ сочиненія былъ извѣстный Бруто, хотя уже и ему представлялись соображенія въ пользу Варшевицкаго. Что именно Варшевицкій есть настоящій авторъ, убѣдительно и подробно доказывается въ монографіи, посвященной Варшевицкому, проф. Вержбовскимъ: «*Христофоръ Варшевицкій* (1543—1603) *и его сочиненія*» Историко—литературное изслѣдованіе *Ѳедора Вержбовскаго*. Варшава, 1886. См. стр. 237 и слѣд.

[2]) Reinholdi Heidesteini publica totius conventus authoritate volebant, ut falsam, aboleri historiam, cujus nonnulli ipsum Cancellarium opinabantur esse scriptorem; constat quidem et a Rege, et a Cancellario diligenter revisam et emendatam extitisse (pag. 7).

шевицкій, подвергался весьма тяжкимъ обвиненіямъ Чарнковскій, хотя это совсѣмъ не относилось къ обѣщаемому въ заглавіи предмету, то есть къ Московскимъ дѣламъ, и хотя Гейденштейнъ, никогда не видавшій ни Московіи, ни Московскихъ войнъ, точно также не зналъ и Чарнковскаго—такимъ, какъ его описываетъ [1]). Кратко изложивъ съ своей точки зрѣнія дѣло о Чарнковскомъ, а затѣмъ указывая на послѣднія страницы сочиненія Гейденштейна, гдѣ о немъ идетъ рѣчь, Варшевицкій выражаетъ еще болѣе прямое сомнѣніе въ истинности нѣсколько длиннаго повѣствованія и рѣшительно высказывается противъ его умѣстности. «Самъ подрываетъ къ себѣ довѣріе тотъ, кто безъ особенной нужды и безъ точнаго знанія, но больше по пристрастію и притомъ нелѣпымъ образомъ предается разысканіямъ о вещахъ, находящихся внѣ связи съ предметомъ повѣствованія [2]).

Изъ дальнѣйшаго изложенія о засѣданіяхъ съѣзда видно, что предложеніе литовцевъ было принято, рѣшеніе объ уничтоженіи произведеній Ржецицкаго и Гейденштейна было утверждено въ публичномъ засѣданіи съѣзда, правда, уже не имѣвшемъ обычнаго многолюдства.

Отвѣтъ Замойскаго на это постановленіе, сообщенное ему въ письмѣ примаса, переданъ Варшевицкимъ съ гораздо большею отчетливостію, чѣмъ у самаго Гейденштейна, на первый взглядъ ближе заинтересованнаго въ

[1]) Czarnkovius— — — — ab Heidesteino, qui neque Moscoviam ejusque bella viderat, nec Czarnkovium, sicut describit, noverat, graviter admodum notabatur (pag. 8).

[2]) Detrahit enim fidem sibi ipsi is, qui non tam necessario et scienter, quam studiose et inepte magis rebus in historia extra seriem narrationis inhaeret conquirendis.

этомъ дѣлѣ, если бы только онъ не желалъ уклоняться отъ щекотливыхъ вопросовъ о сотрудникахъ. «Требованіе объ истребленіи сочиненій Ржецицкаго и Гейденштейна—несправедливо: комментаріи Гейденштейна служатъ свидѣтельствомъ славныхъ дѣяній, совершенныхъ не только королемъ, но и Рѣчью Посполитою; самъ король не только видѣлъ ихъ, но и поправлялъ; экземпляръ съ сдѣланными королемъ исправленіями находится въ рукахъ автора [1]). И почему—это требуютъ уничтоженія Комментаріевъ, прежде чѣмъ они были подвергнуты провѣркѣ? Не слѣдуетъ-ли скорѣе допросить тѣхъ которые не только присутствовали при событіяхъ, но и заправляли дѣлами, и посмотрѣть, существуютъ ли въ самомъ дѣлѣ какія невѣрности въ этихъ Комментаріяхъ? Иначе тщетны будутъ попытки затушить истину; напротивъ чѣмъ больше будутъ преслѣдовать сочиненіе, тѣмъ больше будутъ содѣйствовать его распространенію. (Слѣдуютъ примѣры изъ классической древности: Анти-Катонъ Цесаря, Филиппики противъ Антонія).

«Комментаріи Рейнгольда разошлись не только внутри, но и внѣ королевства, они находятся въ рукахъ многихъ и даже очень многихъ ученыхъ людей; если въ нихъ чего-либо не достаетъ, слѣдуетъ это указать; не все сразу можно, какъ слѣдуетъ, увидѣть и разсмотрѣть» [2]).

[1]) Quae Rex ipse non modo vidit, sed et correxit, et liber ille cum emendatione a rege facta in manibus ipsius est authoris (pag. 12). Не совсѣмъ ясно, что здѣсь разумѣется подъ книгою (liber) – сочиненіе-ли въ рукописи, или отпечатанный экземпляръ.

[2]) Jam Reinholdi commentarios non modo intra, sed etiam extra regnum manibus teri permultorum, etiam perdoctorum, ni

Въ послѣднихъ словахъ какъ будто заключается намекъ на возможность новыхъ исправленныхъ изданій сочиненія. Вѣроятно, въ томъ же смыслѣ нужно понимать и заключительную мысль письма, очень неясно и дурно выраженную Варшевицкимъ: «типографщикъ новымъ и послѣднимъ изданіемъ, безъ сомнѣнія, отниметъ цѣну у предшествовавшихъ» [1]. Нужно, де, желать не уничтоженія книги, а того чтобы авторъ получилъ возможность сдѣлать въ ней исправленія, необходимость которыхъ ему будетъ доказана; когда появится новая исправленная редакція, она, конечно, вытѣснитъ старую, такъ какъ никакой издатель не станетъ перепечатывать книгу въ старомъ видѣ, разъ признанномъ за неудовлетворительный. —Такимъ именно образомъ разъясняется смыслъ приведенныхъ словъ въ полной редакціи письма Замойскаго—(на польскомъ языкѣ), которою мы, однако, не считаемъ возможнымъ пользоваться вслѣдствіе сомнѣній возникающихъ относительно ея подлинности [2].

quibus si quid forte desideratur, ostendendum est: non enim omnia simul possunt, ut par est, videri, et examinari (pag. 12, 13).

[1]) Typographus novis et ultimis exemplis typis vulgandis, anterioribus haud dubiae (sic) derogabit (pag. 13).

[2]) Письмо Замойскаго въ (мнимо) подлинномъ его видѣ напечатано Жеготою *Паули* (Pamiętniki do życia i sprawy Zborowskich wydał Żegota Pauli we Lwowie 1846 pag. 197). Но мы, къ сожалѣнію, не могли достать этого изданія; письмо приведено отсюда у Неринга (O Życiu i pismach Heidensteina, str. 25—27), который, по видимому, не сомнѣвается въ подлинности документа. Но вотъ какія обстоятельства возбуждаютъ въ насъ сомнѣніе. Во первыхъ, въ началѣ Замойскій говоритъ, что онъ получилъ Комментаріи Гейденштейна, приложенные къ письму примаса. Странно, что это могло имѣть мѣсто въ виду близкаго знакомства канцлера съ инкриминированнымъ произведеніемъ его подчиненнаго. Еще непонятнѣе слѣдующее обстоятельство; Замойскій, оправдывая Гейденштейна отъ нареканій, указываетъ на то, что если у него

Новыя изданія книги Гейденштейна дѣйствительно появились и въ очень скоромъ времени, но только не въ Краковѣ. Прежде всего Комментаріи о Московской войнѣ были перепечатаны въ Базелѣ у Вальдкирха; на заглавномъ листѣ этого изданія in 4°, экземпляръ котораго тоже находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, стоитъ 1588-й годъ [1]). Никакихъ исправленій оно въ себѣ не заключаетъ, да и перепечатано, вѣроятно, безъ вѣдома автора, такъ какъ въ данное время обычай контрафакціи

и упоминается о Зборовскихъ, то упоминается съ уваженіемъ и даже съ честію; такъ напримѣръ, о панѣ Гнезненскомъ говорится, что благодаря ему покойный король одержалъ побѣду подъ Щевомъ (по латыни Dirssavia: iz przezeń król J. M. neboszczyk u Tszewa zwycięztwo odniósł) и т. д. Подъ паномъ Гнезненскимъ нужно разумѣть, очевидно Зборовскаго Яна, кастеляна Гнезненскаго, о которомъ въ Комментаріяхъ упоминается на стр. 122, 191, 227, 246, 256 (перевода). Нигдѣ, однако, ни здѣсь, ни въ подлинникѣ рѣчь нисколько не касается его подвиговъ подъ Щевомъ. Дѣло въ томъ, что Щево есть мѣстечко вблизи Гданска и побѣда, одержанная здѣсь Баторіемъ, благодаря Яну Зборовскому, относится ко времени до начала Московской войны (къ 1577 году), а въ вслѣдствіе того совсѣмъ даже и не упомянута въ Комментаріяхъ какъ они вышли и выходили въ отдѣльномъ изданіи. Гейденштейнъ, правда, описалъ и осаду Гданска (Данцига) и побѣду подъ Щевомъ, но гораздо послѣ, въ своемъ болѣе обширномъ сочиненіи о дѣлахъ Польскихъ съ кончины Сигизмунда Августа (Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti pag. 110—111). Первыя двѣ начальныя книги этого сочиненія, за которыми уже слѣдуютъ ранѣе написанныя о Московской войнѣ, писаны Гейденштейномъ вскорѣ послѣ 1611 года (Nehring, O Życiu—pag.37), а издано оно въ свѣтъ только его сыномъ въ 1672 году. — Итакъ польское письмо Замойскаго заключаеть въ себѣ грубый литературный анахронизмъ, заставляющій думать, что оно сложено послѣ, на основаніи передачи содержанія отвѣта Замойскаго у Варшевицкаго, или что оно во всякомъ случаѣ подновлено и дополнено позднѣйшимъ редакторомъ.

[1]) *Reiholdi Heidesteni* (sic) secr .Regii de *Bello Moscovitico* quod Stephanus Rex Poloniae gessit commentariorum libri VI. Basileae per Conrad. Ualdkirchium MDLXXVIII.

былъ весьма распространенъ и особенно процвѣталъ въ Базелѣ; права литературной собственности ограждались специальными привилегіями государей, но только въ предѣлахъ извѣстной страны и на опредѣленный срокъ. Тоже самое слѣдуетъ думать и относительно кельнскаго изданія Комментарій въ видѣ приложенія къ сочиненію Кромера, изданія, относящагося къ 1589-му году [1]).

Во всякомъ случаѣ повторяющіяся одно за другимъ изданія свидѣтельствуютъ о томъ вниманіи, съ какимъ въ тогдашней Европѣ, интересовавшейся, правда, и борьбою Стефана Баторія съ царемъ Московскимъ, относились къ сочиненію Гейденштейна. По словамъ Замойскаго, оно обращалось въ рукахъ самыхъ ученыхъ людей тогдашняго времени. Что эти слова были сказаны канцлеромъ Баторія не безъ основанія, въ этомъ мы убѣждаемся изъ переписки современныхъ корифеевъ науки и вмѣстѣ публицистики. Приписка въ письмѣ Бруто, обѣщавшаго переслать книгу тотчасъ по отпечатаніи въ Вѣну, намъ извѣстна.

Знаменитый ученикъ Меланхтона, профессоръ университета въ Ростокѣ, со вниманіемъ слѣдившій за политическими и церковными дѣлами Европы, Давидъ Кохгоффъ больше извѣстный подъ именемъ *Хитрея* (Chytraeus), привѣтствовалъ автора Комментаріевъ о Московской войнѣ весьма лестнымъ письмомъ. «Я, —такъ говорится въ немъ—прочиталъ записки о войнѣ храбраго и мудраго короля Стефана противъ Московскаго тирана съ великимъ

[1]) *Chromeri Polonia*, sive de origine et rebus gestis Polonorum. His accesserunt recens ad historiam continuatio et cet. Coloniae Agrippinae, 1589.

удовольствіемъ и пользою для себя, удивляюсь политическому смыслу и здравому сужденію автора, правильности выраженія, ясности, изяществу и чистотѣ рѣчи»[1]). Не имѣвъ до тѣхъ поръ никакого знакомства и никакихъ сношеній съ Гейденштейномъ, Хитрей рѣшился ему писать, и желая отвѣта, посылаетъ въ подарокъ новое отдѣльное изданіе собственнаго сочиненія «Вандалія», въ которомъ идетъ рѣчь тоже о сѣверѣ[2]). Трудъ Гейденштейна не остался безызвѣстнымъ и для знаменитаго французскаго историка *Де-Ту* (de Thou, Thuanus), который отзывается о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Книги о Московской войнѣ, обращающіяся съ именемъ Рейнольда Гейденштейна, королевскаго секретаря, изложенныя, если я не ошибаюсь въ своемъ сужденіи, съ большимъ изяществомъ и точностію, написаны либо са-

[1]) Magnae cum voluptatis et utilitatis fructu perlegi commentarios de fortissimi et sapientissimi Stephani bellis cum Moscovitico tyranno gestis tuos, in quibus et σύνεσιν πολιτικήν judicii tui exquisiti sanitatem ac rectitudinem, et orationis in rebus narrandis perspicuitatem, elegantiam et puritatem probavi et admiratus sum.

[2]) Etsi igitur nulla inter nos notitia et familiaritas intercessit, tamen— — — scribere ausus sum... Adjunxi huic epistolae *Vandaliam* à me recens seorsim editam. *Davidis Chytraei* Epistolae Hannover. 1614, pag. 707. Такъ какъ отдѣльное изданіе Вандаліи относится къ 1589 году (оно есть въ Публичной библіотекѣ), то этимъ опредѣляется и годъ письма—не ранѣе 1589 года, но и не позже 1590 Предшествующее въ собраніи переписки посланіе къ Замойскому помѣчено 1589 годомъ.— О *Хитреѣ* см. *Wegele*, Geschichte der deutschen historiographie (München 1885) pag. 426—429. Отношенія его къ польской и русской исторіографіи заслуживали бы особеннаго вниманія; спеціальныя нѣмецкія монографіи объ его жизни и трудахъ Шютца и Краббе (*Schütze*, D. Chytraeus, Hamburg 1720, *Krabbe*, David Chytraeus Rostock 1870)—совсѣмъ не занимаются этимъ вопросомъ.

мимъ Замойскимъ, либо какимъ-либо другимъ лицомъ, опытнымъ въ латинскомъ стилѣ, подъ диктовку самого Замойскаго, или же на основаніи сообщенныхъ имъ его собственныхъ записокъ [1]).—Такимъ образомъ прославленный авторъ «Исторіи своего времени» (1553 - 1617) относительно самостоятельности Гейденштейна раздѣлялъ взглядъ нѣкоторой части польскихъ его современниковъ.— Заключеніе выведено имъ, повидимому, изъ близкаго знакомства съ Комментаріями и, конечно, не лишено основательности.

Обращаютъ на себя вниманіе похвалы литературнымъ достоинствамъ книги Гейденштейна, ея изложенію и языку. Похвалы эти, хотя онѣ отчасти и повторяются новѣйшими писателями, могутъ быть приняты только съ большими ограниченіями [2]). Правда, что въ Комментаріяхъ замѣтно стараніе о хорошей внѣшней формѣ, есть стремленіе къ группировкѣ фактовъ, къ нѣкоторому объединенію однороднаго содержанія, къ послѣдовательному изложенію мотивовъ дѣйствующихъ лицъ, что̀ достигается посредствомъ сжатаго изложенія произнесенныхъ ими рѣчей и соединенія нѣсколькихъ рѣчей въ одну; документы, на которые автору приходится ссылаться весьма часто, приводятся не въ подлинномъ сыромъ видѣ, и не въ буквальныхъ извлеченіяхъ, а въ сжатомъ изложеніи

[1]) Libri de Moscovitico bello, qui nomine Reinoldi Heidenstenii secretarii regii circumferuntur, elegantissime et accuratissime scripti, nisi judicii fallor, aut ab ipso Samoiscio scripti aut ab homine scribendi peritissimo, qui vel ipso Samoiscio dictante, aut saltem ex ipsius commentariis excripserit. *Historia sui temporis* (1553—1617) Francfr. 1618 lib. 73 pag. 716.

[2]) Ср. *Nehring*, de Heidenstenii scriptis pag. 42; O życiu i pismach Heidensteina str. 28, 52, 53. Ѳ. *Верждбовскій,* Христофоръ Варшевицкій стр. 235. 237.

ихъ существеннаго содержанія. Тѣмъ не менѣе остается въ силѣ основная форма записокъ—то есть разсказа о событіяхъ шагъ за шагомъ, съ соблюденіемъ хронологическаго порядка, и неудобства этого способа повѣствованія сказываются по мѣстамъ въ безсвязномъ нагроможденіи фактовъ, въ внезапныхъ переходахъ отъ Пруссіи въ Крымъ и обратно при перечисленіи разнаго рода дѣлъ посольскихъ и сеймовыхъ. Что касается собственно языка, которымъ пишетъ Гейденштейнъ, то, конечно, латынь его никакъ не можетъ быть признана изящною или даже просто хорошею. Стараніе подражать «недосягаемому» образцу, то есть Комментаріямъ Юлія Цесаря, очень замѣтно; но именно это самое придаетъ рѣчи какой-то школьный искусственный характеръ. Всѣ эти длинные періоды, непремѣнно начинающіеся придаточными предложеніями съ союзомъ quum, и вмѣщающіе въ себѣ одинъ или нѣсколько ablativi absoluti, и если возможно accusat. cum infinit., составлены довольно механически, такъ что при переводѣ почти всегда безопасно можно начинать не задумываясь опущеніемъ союза, съ тѣмъ чтобы превратить придаточное предложеніе въ самостоятельное. Школьную латинскую грамматику Гейденштейнъ несомнѣнно зналъ, привычку строить латинскія фразы ловко и скоро онъ имѣлъ, но пишетъ онъ по латыни все-таки довольно тяжело, свободы и плавности въ его слогѣ совсѣмъ нѣтъ, фразеологія довольно скудная и однообразная. Правда, что нѣкоторые современники Гейденштейна въ Польшѣ писали еще хуже, но настоящіе гуманисты, превосходили его безконечно, хотя бы тотъ же самый Бруто, прославлявшій въ своихъ письмахъ Стефана Баторія.

Въ этомъ отношеніи, пожалуй, можно было бы пожалѣть о томъ, что итальянскій гуманистъ, занятый своею венгерскою исторіей, предпринятою по желанію короля Стефана, не нашелъ времени и досуга—исполнить другое свое намѣреніе, о которомъ заявлялъ въ поздравительномъ посланіи къ Баторію послѣ втораго московскаго похода—прославить современные подвиги своего мецената и героя [1]).

Но съ точки зрѣнія исторической достовѣрности потеря, конечно, небольшая. Талантливые гуманисты умѣли льстить еще лучше, чѣмъ посредственные латинисты. Возвращаясь къ оцѣнкѣ этой стороны въ сочиненіи Гейденштейна, мы можемъ ограничиться нѣсколькими краткими замѣчаніями, такъ какъ входить въ подробности не наше дѣло, а будущаго спеціальнаго историка, войнъ за Ливонію. Нельзя, конечно, удовольствоваться общими завѣреніями Гейденштейна, что онъ могъ знать истину и не желалъ отступать отъ нея въ своемъ изложеніи, равно какъ нѣтъ причины и заподозривать искренность такихъ заявленій. Впечатлѣніе, производимое фактами даже на очевидцевъ, бываетъ не одинаковоу здѣсь многое зависитъ отъ субъективнаго настроенія, отъ личнаго предрасположенія, отъ характера и темперамента данной личности, и очень много отъ ея общественнаго положенія. Въ этомъ отношеніи нужно имѣть въ видо слѣдующія данныя, которыя выяснились изъ предыдущаго изложенія. Уже вслѣдствіе своего полунѣмецкаго происхожденія, Гейденштейнъ былъ отчасти чуждъ собственно польскому магнатскому и шляхетскому обществу;

[1]) *Bruti opera* pag. 80. Краковское письмо въ Ноябрѣ 1580 года.

польскимъ національнымъ увлеченіямъ и страстямъ: онъ могъ относиться съ извѣстною холодностію и объективностію къ соперничеству и враждѣ, которыя все-таки существовали между различными составными частями польско-литовскаго государства. Во время походовъ Баторія, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, довольно рѣзко и раздражительно обнаруживался антагонизмъ между разными народными группами, входившими въ составъ ополченія короля Стефана, обнаруживались соперничество и непріязнь между поляками и литовцами, и особенно нерасположеніе и прямая вражда тѣхъ и другихъ къ мадьярамъ, приведеннымъ Баторіемъ съ родины. Не раздѣляя такихъ чувствъ уже по своему происхожденію, Гейденштейнъ еще менѣе могъ отдаваться имъ по своему положенію, какъ чиновникъ такъ сказать дипломатическаго вѣдомства и какъ оффиціальный историкъ, ибо и король и Замойскій не имѣли интереса возбуждать и распалять эти страсти. Нельзя сказать, чтобы Гейденштейнъ совсѣмъ не касался означеннаго щекотливаго пункта. Онъ замѣчаетъ (стр. 56 русскаго перевода), что король опасался племеннаго соперничества, онъ упоминаетъ о ссорахъ между поляками и венграми (стр. 72 и стр. 86), въ одномъ мѣстѣ (стр. 78) онъ не умолчалъ о неодобрительной жестокости нѣмецкихъ солдатъ; но все это указано бережно и осторожно. То или другое настроеніе отмѣчается какъ фактъ, но писатель не желаетъ показать, что онъ раздѣляетъ его, что онъ сочувствуетъ той или другой сторонѣ; онъ стоитъ либо выше, либо внѣ подобныхъ увлеченій. Не нужно, однако, совсѣмъ обольщаться такимъ наружнымъ безстрастіемъ очень возможно, что тутъ, ради осторожности, затушеваны

и прикрыты нѣкоторыя проявленія непріятнаго для правительственныхъ лицъ племеннаго антагонизма, что самые факты, при которыхъ обнаруживались эти антипатіи или которые послѣ были предлогомъ для взаимныхъ укоризнъ и попрековъ, представлены въ намѣренно смягченномъ видѣ. Указанія на то, что это дѣйствительно по мѣстамъ встрѣчается въ Запискахъ о Московской войнѣ, будутъ сдѣланы ниже. Прибавимъ здѣсь, что безпристрастіе Гейденштейна въ извѣстной степени простирается и на непріятеля, то есть на русскихъ людей Московскаго государства. Дѣлая ихъ характеристику въ началѣ своего сочиненія (см. особенно стр. 31), Гейденштейнъ вовсе не отказываетъ имъ въ добрыхъ качествахъ и природныхъ дарованіяхъ, объясняя несимпатичныя черты дурными вліяніями и худыми привычками. Выносливость и стойкость, которую проявляли москвитяне во время войны съ Баторіемъ, также выставляются на видъ польскимъ историкомъ. Конечно, и вдохновители Гейденштейна могли понимать, что унижать врага, съ которымъ пришлось бороться и котораго удалось побѣдить, не значитъ возвышать значеніе и блескъ своего торжества надъ нимъ.—Очень важное значеніе для опредѣленія тенденціи записокъ о Московской войнѣ имѣютъ отношенія автора къ Замойскому. Мы видѣли, какія отсюда выводились заключенія современниками его. Съ одной стороны утверждали, что Гейденштейнъ былъ какъ-бы подставнымъ лицемъ, за которымъ скрывался дѣйствительный сочинитель—самъ канцлеръ, а отчасти даже и король Стефанъ. Такіе слухи мы должны считать явнымъ преувеличеніемъ. Справедливаго въ нихъ развѣ только то, что въ самомъ дѣлѣ безъ помощи ма-

теріаловъ, сообщенныхъ въ томъ или другомъ видѣ Замойскимъ, никакъ не могло быть частнымъ и постороннимъ человѣкомъ или даже членомъ королевской канцеляріи написано сочиненіе, такъ подробно и точно передающее рѣчи Замойскаго на сеймѣ, его совѣты королю, данные устно безъ постороннихъ свидѣтелей, его распоряженія въ лагерѣ. Однихъ дипломатическихъ документовъ королевской канцеляріи для этого было бы недостаточно, и самъ Гейденштейнъ ссылается на сообщенія ближайшихъ участниковъ въ дѣлахъ военныхъ. Очень возможно, что Замойскій просматривалъ и поправлялъ сочиненіе еще въ рукописи, нельзя рѣшительно отвергать такого же участія короля; но уже, конечно, ни тотъ, ни другой не могли взять на себя утомительной и въ сущности мелочной для нихъ работы сопоставленія документовъ, извлеченія изъ нихъ существеннаго содержанія и т. д... Это было дѣломъ Гейденштейна, который и послѣ занимался совершенно такими же работами—уже совсѣмъ независимо отъ Замойскаго. Только то несомнѣнно, что въ сочиненіи не сказано ни одного слова которое не соотвѣтствовало бы видамъ Замойскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самого короля. Въ какой степени это повліяло на правдивость историка? Вопреки слишкомъ раздражительнымъ и рѣзкимъ обвиненіямъ современниковъ, принадлежавшихъ къ другой партіи, мы должны прежде всего признать, что именно Замойскій, не говоря о королѣ Стефанѣ, былъ способенъ сообщить наиболѣе вѣрныя и точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ ходѣ военныхъ дѣлъ, о намѣреніяхъ и планахъ, которые давали имъ направленіе. Такъ или иначе Замойскій, а не Радзивилъ былъ руководящимъ

лицемъ—особенно во второмъ и третьемъ походѣ, и онъ является центральною фигурою въ Комментаріяхъ не вопреки исторической истинѣ. Какой смыслъ имѣли вопли недоброжелательныхъ современниковъ на сеймѣ 1587 года, объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ произведеніямъ предшествующихъ годовъ, посвященнымъ прославленію Радзиволовъ, писаннымъ ихъ кліентами въ Литвѣ—въ родѣ Франциска Градовскаго [1]). Превознося до небесъ своихъ героевъ, приписывая имъ даже небывалые подвиги, завоеваніе городовъ, которыхъ не отыщешь ни на современныхъ, ни на древнихъ картахъ, они желаютъ намъ внушить, что именно Радзивиламъ польско-литовское государство было обязано своими успѣхами; если бы не движеніе Христофора Радзивила къ Старицѣ и Волгѣ, напугавшее Грознаго, то, пожалуй, война и не кончилась бы такъ благополучно—Запольскимъ миромъ. Очень легко рѣшить, на которой сторонѣ находится беззастѣнчивое преувеличеніе. О страницѣ въ концѣ Записокъ о Московской войнѣ, посвященной Чарнковскому, не зачѣмъ много разсуждать. Она, дѣйствительно, не относится къ главному предмету сочиненія, она могла быть выпущена безъ вреда для дѣла, но Гейденштейнъ съ самаго начала держался такого плана, чтобы на ряду съ военными и политическими дѣлами говорить и о внутреннихъ домашнихъ событіяхъ. На Гейденштейна злились, что онъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ представилъ общее отношеніе литовцевъ къ войнѣ съ Москвою; но если обратиться къ показаніямъ другихъ современниковъ,

[1]) Имѣемъ въ виду: Hodoeporicon Moschicum—Christophori Radiwilonis--Scriptum Vilnae à Francisco *Gradovio*. Vilnae, 1582.

хотя бы къ дневнику Піотровскаго (о немъ см. ниже), то легко будетъ убѣдиться, что дѣйствительно походами своего короля всего болѣе тяготились литовцы, что именно они постоянно надоѣдали требованіями скорѣйшаго мира—конечно и потому, что отъ войны всего болѣе страдали ихъ экономическіе интересы и вообще ихъ родина, истощаемая продолжительною борьбою съ сосѣдомъ. Въ сущности Гейденштейнъ здѣсь еще сгладилъ многое согласно съ оффиціальнымъ характеромъ своей задачи.—Все сказанное не исключаетъ, однако, возможности, что вѣрное въ общемъ воззрѣніе все-таки въ частностяхъ выразилось нѣкоторыми погрѣшностями въ смыслѣ преувеличенія и односторонности, въ смыслѣ исключительности и неравномѣрнаго признанія заслугъ второстепенныхъ дѣятелей. Нельзя поручиться и за то, что всѣ сообщенія руководящихъ лицъ, разумѣя тутъ и самаго Замойскаго, на сколько рѣчь идетъ о позднѣйшихъ хотя бы на нѣсколько лѣтъ устныхъ сообщеніяхъ, отличались совершенною точностію и не были окрашены субъективною неизбѣжною примѣсью. Но такого рода мелкія извращенія и недостатки могутъ быть открыты только путемъ тщательнаго изученія подробностей при помощи вновь издаваемыхъ документальныхъ источниковъ, и въ особенности долго остававшихся подъ спудомъ, но немалочисленныхъ современныхъ польскихъ *дневниковъ*. Слѣдуетъ пожалѣть, что собственно русскіе источники, которые бы представляли ходъ дѣлъ съ московской точки зрѣнія, почти совсѣмъ отсутствуютъ за первые два года Баторіевой войны. Сказаніе о Псковской осадѣ[1]) въ высшей степени любопытно

[1]) Повѣсть о прихоженіи литовскаго Короля Степана на великій и славный градъ Псковъ.—Москва, 1847 (въ Чтеніяхъ общ. исторіи и

по своему основному духу и тону; проникнутое религіознымъ одушевленіемъ и крѣпкою вѣрою въ непосредственное дѣйствіе Божественной силы въ пользу православныхъ людей противъ иновѣрцевъ, оно представляетъ такой же выразительный рѣзкій контрастъ съ произведеніемъ польскимъ, какой бы могъ получиться при сопоставленіи средневѣковаго житія, наполненнаго чудесами, съ комментаріями Юлія Цезаря о Галльской войнѣ: имѣемъ въ виду образцы обоюднаго подражанія. Тѣмъ не менѣе повѣсть о прихожденіи короля Стефана на Псковъ не только даетъ намъ понять и почувствовать общую причину стойкости и твердости русскаго сопротивленія, заключавшуюся именно въ религіозномъ настроеніи, но и въ подробностяхъ можетъ служить къ исправленію и восполненію показаній, идущихъ съ другой стороны. Такъ или иначе, она все-таки написана непосредственнымъ свидѣтелемъ и очевидцемъ; помимо того, что внутри псковскихъ стѣнъ можно было лучше знать, что здѣсь именно происходило, каждая отдѣльная фактическая черта самостоятельнаго русскаго источника, хотя бы она касалась и внѣшнихъ по отношенію къ городскимъ стѣнамъ явленій, можетъ пригодиться для разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ противорѣчіями польскихъ свидѣтелей, то есть, другими словами—при критикѣ Гейденштейна. Нѣкоторыя указанія такого рода сдѣланы ниже.

Вообще дѣльный и трезвый трудъ Гейденштейна о Московской войнѣ, не смотря на недостатки изло-

древн. годъ III, № 7). Другое изданіе отдѣльно: «Повѣсть преславна сказаема о пришествіи Владычицы нашея Богородицы въ Богоспасаемомъ градѣ Псковѣ». Псковъ, 1878.

женія и формы, на сдержанность и нѣкоторую сухость тона, соотвѣтствующую его оффиціальному происхожденію, въ концѣ концевъ отличался такими большими достоинствами, что съ нимъ не могли выдержать соперничества другія польскія произведенія, касавшіяся того же предмета и появившіяся еще при его жизни—ни хроника Стрыйковскаго, на сколько дѣло касалось ея послѣдней части, ни сочиненіе Соликовскаго или даже писанная на польскомъ языкѣ *Хроника свѣта* Мартина Бѣльскаго продолженная сыномъ. Въ новѣйшей польской исторической литературѣ наиболѣе подробнымъ изложеніемъ царствованія Стефана Баторія и соотвѣтственнаго періода борьбы за Ливонію остается посмертный трудъ *Альбертранди*, выходившій нѣсколько разъ съ различными дополненіями [1]). Разсматривая его, мы видимъ, что авторъ въ своемъ разсказѣ слѣдуетъ здѣсь исключительно за Гейденштейномъ и держится своего руководителя столь усердно, что вся его работа есть въ сущности простой переводъ латинскаго подлинника съ легкими пропусками эпизодическихъ второстепенныхъ отдѣловъ лѣтописнаго характера (объ отправленіи и пріемѣ посольствъ и т. п.), съ отступленіями, обусловливаемыми требованіями стиля или хорошаго слога, однимъ словомъ—это есть сокращаемый по мѣстамъ, близкій къ подлиннику перифразъ.

Въ настоящее время задача спеціальнаго изслѣдованія по исторіи царствованія Баторія была бы совсѣмъ

[1]) Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego. Z rękopismów *Albertrandego*, z dołączeniem Pamiętników, odnoszących się do Stefana Batorego, a zebranych przez Ed. gr. Raczynskiego. Wydanie Turowskiego. W Krakowie 1861.

другая. Вслѣдствіе изданія цѣлаго ряда документальныхъ источниковъ какъ для изученія дипломатическихъ сношеній, предшествовавшихъ Московской войнѣ и сопровождавшихъ оную, такъ и для точнѣйшаго ознакомленія съ ходомъ военныхъ дѣлъ, теперь представляется возможность подвергнуть ближайшей критической провѣркѣ сочиненіе Рейнгольда Гейденштейна. Между этими изданіями первое мѣсто занимаютъ русскія публикаціи:

Тургенева «Historia Russiae Monumenta» (Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ 1 Т. I—II) и Supplementum (дополненія). С.-Петербургъ 1841—1842.

Погодина и Дубенскаго «Книга Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго» издана по порученію Императорскаго московскаго общества Исторіи и древностей (томъ второй 1843).

Проф. М. О. *Кояловича* Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію и дипломатическая переписка того времени (издано по порученію Императорской Академіи Наукъ). С.-Петербургъ, 1867.

А также новѣйшій томъ польскихъ историческихъ актовъ, издаваемыхъ Краковскою Академіею, именно XI томъ, составленный Игнатіемъ *Полковскимъ* и посвященный военнымъ дѣяніямъ короля Стефана Баторія [1]). Весьма важны также публикаціи неутомимаго Варшавскаго проф. А. И. *Павинскаго*, хотя для Московской войны онѣ уже не могли дать много новаго, такъ какъ Литовская ме-

[1]) Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Dyaryusze, relacye. listy i acta z lat 1575—1586. Zebrał wydał X. Ignacy Polkowski. (Acta historica res gestas Poloniae illustrantia tomus XI). Kraków 1886.

*

трика, главнѣйшій резервуаръ подлинныхъ актовъ, была уже исчерпана въ двухъ томахъ Археографической коммисіи; притомъ эти публикаціи захватываютъ главнѣйшимъ образомъ начальные годы правленія Баторія и останавливаются на первомъ годѣ Московской войны [1]). Достопамятный эпизодъ папскаго вмѣшательства, вызваннаго просьбою о посредничествѣ со стороны Грознаго, и участія въ мирныхъ переговорахъ Антонія Поссевина, эпизодъ, котораго Гейденштейнъ касается только вскользь и безъ особенной охоты, въ послѣднее время разъясненъ усердными изслѣдованіями и публикаціями іезуита *Пирлинга*, русскаго по мѣсту своего рожденія и образованія [2]). Не говоримъ о многоразличныхъ другихъ

[1]) Początki panowania w Polsce Stefana Batorego 1575—1577 (Żródla dziejowe t. IV). Wydał Adolf *Pawiński*.

— Acta metryki koronnéj z czasów Stefana Batorego 1576—1586 (Żródla dziejowe t. XI).—Zebrał i wydał Adolf Pawiński Warschawa. 1882.

— Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego (Żrodla tom IX).

— Сверхъ того одинъ томъ (III) носитъ заглавіе *Стефанъ Баторій подъ Гданскомъ* (Данцигомъ), эпизодъ, который не входитъ въ нашу область.

[2]) Rome et Moscou (1547—1579) par le p. Pierling. Paris Leroux 1883.

— Un nonce du pape en Moscowie, Préliminaires de la trève de 1582, par le même. Paris, Leroux 1884.

— Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou (1582—1587) par le p. Pierling 1885.

— Ant. Possevini Missio Moscovitica et cet. curante p. Pierling Paris, Leroux 1882.

— Bathory et Possevino, documents inédits publiés et annotés par le p. Pierling. Paris Leroux 1887.

Съ содержаніемъ изслѣдованій Пирлинга знакомилъ проф. Ѳ. И. Успенскій въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1884 и 1885 годы.

изданіяхъ болѣе общаго содержанія, каковы *Памятники* Рачинскаго, прилагаемые при новыхъ изданіяхъ Альбертранди, Реляціи апостольскихъ нунціевъ, продолженіе Церковныхъ лѣтописей Баронія Тейнерово и т. д. Въ Актахъ Литовской метрики, изданныхъ Археографическою коммисіею, заключаются тѣ самые документы, которыми располагалъ Гейденштейнъ. Какъ онъ ими пользовался—всегда-ли точно и внимательно передавалъ ихъ существенное содержаніе, объ этомъ отчасти можно судить по сдѣланнымъ нами примѣчаніямъ, сопровождающимъ русскій переводъ.

Мы не считали своею задачей дать полную систематическую провѣрку, что̀ завело бы насъ слишкомъ далеко, но если изъ сдѣланныхъ по мѣстамъ краткихъ указаній достаточно выяснились необходимость и польза постояннаго сопоставленія сообщеній Гейденштейна съ подлинными актами, на которые онъ въ своемъ предисловіи ссылается, то наша цѣль уже достигнута; спеціальная и болѣе детальльная работа всецѣло принадлежитъ будущему изслѣдователю даннаго періода. Прибавимъ, что, какъ сейчасъ окажется, существуютъ основанія сомнѣваться, чтобы Гейденштейнъ всѣми русскими документами пользовался въ ихъ первоначальномъ подлинномъ видѣ или даже въ полномъ переводѣ на польскій языкъ; иногда онъ, очевидно, предпочиталъ готовое *латинское* изложеніе ихъ содержанія, которое было доступно не только для него, но и для другихъ его литературныхъ современниковъ. Польскія сношенія съ Москвою входили собственно въ компетенцію литовской рады и литовскаго канцлера, и первое знакомство съ содержаніемъ иныхъ русскихъ предложеній получалось

полякамі чрезъ ихъ посредство,—если при этомъ имѣли въ виду и короля, то непремѣнно на латинскомъ языкѣ, потому что Стефанъ Баторій не понималъ польскаго.— Такого рода сообщенія или resumés, по видимому, были въ распоряженіи Гейденштейна.

При изученіи собственно военныхъ дѣлъ изложеніе Гейденштейна, какъ уже указано, слѣдуетъ повѣрять показаніями свидѣтелей-очевидцевъ, оставившихъ намъ свои *дневники* или *діаріуши*: очень распространенная и любимая у тогдашнихъ поляковъ литературная форма. Кромѣ дневника ксендза *Піотровскаго*, относящагося къ Псковской осадѣ и напечатаннаго профессоромъ М. О. Кояловичемъ, теперь изданы еще два, посвященные второму году войны; о нихъ мы скажемъ ниже [1]). Далѣе слѣдуютъ разнаго рода правительственныя сообщенія: королевскіе манифесты, въ которыхъ излагались причины и поводы войны съ Московскимъ царемъ, предписывались благодарственныя молебствія по случаю одержанныхъ успѣховъ; королевскія посланія къ чинамъ и сословіямъ, а также къ провинціальнымъ сеймикамъ, въ которыхъ, по поводу предлагаемыхъ новыхъ податей и сборовъ, указывались и довольно подробно описывались уже достигнутые утѣшительные результаты, а также и нужды будущаго. Такого рода документы, вообще довольно обширные,

[1]) Что дневникъ, изданный профессоромъ Кояловичемъ, принадлежитъ ксендзу Яну Піотровскому, уже догадывался самъ первоначальный издатель; теперь личность автора совершенно разъяснена новыми свѣдѣніями, собранными *Полковскимъ* во введеніи къ изданному имъ тому «Историческихъ актовъ».—Дневникъ переведенъ и на русскій языкъ: Дневникъ послѣдняго похода. Переводъ съ польскаго *О. Н. Милевскаго*. Псковъ, 1882 г.

тогда же предавались публичности и печати; въ отдѣльномъ видѣ они составляютъ обыкновенно большую библіографическую рѣдкость, но уже во времена Гейденштейна ихъ можно было найти въ историческихъ сборникахъ Писторія и Гваньини [1]). Сюда относятся 1) Edictum regium Svirense ad milites, ex quo causae susceptae in Magnum Moscoviae ducem belli cognoscentur. (Pistor. pag. 118 Rerum Polonic. tomi tres 1, 223).

На эдиктъ или манифестъ къ войску, данный 12 іюля 1579 года, объясняющій причины войны, ссылается и Гейденштейнъ (стр. 45, русскаго перевода).

2) Edictum regium de supplicationibus ob rem bene adversus Moschum gestam. Anno 1579 30 Augusti (Pistor. pag. 114.—Rerum Polonic. tomi tres 1, 214).

3) Rerum post captam Polociam contra Moschum gestarum narratio (Pistor. pag. 123 Rerum Polonic. 1, 238).

4) Edictum de supplicationibus, a serenissimo Rege Stephano Vuielicoluco ex Moschovia missum. Die 5 mensis Septembris Anno Domini 1580. (Pistor. pag. 126. Rerum Polonic. 1, 249).

5) Stephani Poloniae regis litterae ad ordines Regni Polonici, De rebus à se in bello adversus Moschos supe-

[1]) Polonicae historiae corpus: hoc est Polonicarum rerum latini scriptores, uno volumine comprehensi omnes Ex bibliotheca Joann. *Pistorii* Nidani (Nidda in Wetterau) Basileae, 1582.—*Rerum Polonicarum tomi tres*, Quorum primus omnium Poloniae regum, à Lecho—ad Stephanum Bathoreum, etiamnum Regem—gestas complectitur: adjecta recens historiarum in nostram aetatem incidentium continua narratione et ceter. *Alexandro Guagnino*, equite aurato peditumque praefecto authore. Francofurti. Excudebat Joann. Wechelus.—1584.

riori aestate gestis. Anno 1580 Die 6 Septembr. ad Vielíkolucum scriptae (Rerum. Polonic 1, 357).

Такіе манифесты и подобныя имъ другія королевскія грамоты къ сословіямъ отдѣльныхъ земель, встрѣчающіяся въ новѣйшихъ изданіяхъ [1]), содержатъ на столько подробное изложеніе по крайней мѣрѣ главнаго хода событій, что давали хорошую и удобную руководящую нить для позднѣйшаго дѣеписателя; ему оставалось вставить и развить подробности. Что Гейденштейнъ пользовался такимъ источникомъ, едва-ли можно въ томъ сомнѣваться, тѣмъ болѣе что о нѣкоторыхъ документахъ этого разряда онъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи, какъ напримѣръ о манифестѣ къ войску, данномъ въ Свирѣ. Во второмъ эдиктѣ - О молебстіи по случаю взятія Полоцка—въ началѣ излагаются соображенія, побудившія начать войну именно походомъ на Полоцкъ, и *Нерингъ* (польск. стр. 63, 64; лат. pag. 33, 34) находилъ, что въ изложеніи Гейденштейномъ тѣхъ же мотивовъ видны слѣды буквальнаго заимствованія изъ оффиціальнаго акта. Впрочемъ, мы думаемъ, что это едва-ли справедливо: въ документѣ переданъ только результатъ совѣщаній, а у Гейденштейна сообщаются противоположныя мнѣнія, высказанныя при обсужденіи вопроса, съ ихъ мотивами; равнымъ образомъ и разсказъ объ осадѣ Полоцка у Гейденштейна, конечно, гораздо подробнѣе; полнаго сходства фразеологіи не встрѣчается ни тамъ, ни здѣсь. Въ отчетѣ о военныхъ дѣйствіяхъ послѣ взятія Полоцка подробно раказывается о взятіи *Сокола* и про-

[1]) См. напримѣръ у *Полковскаго* Sprawy wojenne k. Stephana Batorego (Acta historica 1, 275): Реляція посольства въ земли прусскія Лукаша Дзялынскаго въ Декабрѣ 1580 года.

испедшемъ при этомъ избіеніи защитниковъ, починъ котораго приписывается нѣмцамъ; у Гейденштейна (стр. 73, 74) въ фактическомъ отношеніи — согласно, однако признаковъ буквальнаго заимствованія не замѣтно; у него есть и свои дополненія.

Кромѣ правительственныхъ документовъ, современно съ событіями появлялся неизбѣжный рядъ похвальныхъ рѣчей и стиховъ, такъ называемыхъ *Панегириковъ* — въ прозѣ и героическихъ поэмъ, писанныхъ гекзаметромъ. Здѣсь не за чѣмъ перечислять эти произведенія словоохотливой и льстивой латинской элоквенціи и версификаціи, выходившія не только въ Варшавѣ, Вильнѣ, Ковно, но даже въ Римѣ и Падуѣ; заслуживаютъ вниманія изъ рѣчей—*Панегирикъ* Варшевицкаго, содержащій обозрѣніе перваго и второго года войны Московской (Panegyricus ad Stephanum regem: Rerum Polonicar t. 1, 1—48) и его же поздравительная рѣчь къ королю Стефану по случаю заключенія мира (Rerum Polonic. 1, 255; ср. Turgen. Histor Russ. Monum. 1, 374, 240—273); изъ стихотворныхъ поэмъ—*Московская Стефанеида* Германа Прусса (Danielis Hermanni Borussi Stephaneis Moschoviticaвъ) двухъ книгахъ вышедшая въ Гданскѣ (Данцигѣ) въ 1582 году и содержащая довольно подробный разсказъ о первомъ и второмъ годѣ войны (въ позднѣйшемъ изданіи прибавлено начало и Псковскаго похода). Но какого-либо прямаго отношенія къ сочиненію Гейденштейна эти произведенія не представляютъ.

Наконецъ нужно имѣть въ виду такъ называемыя *Вѣдомости*, Zeitungen, то есть летучіе листки и небольшія брошюры, выходившія преимущественно въ Германіи и касавшіяся животрепещущихъ интересовъ совре-

менности, къ которымъ для нѣмцевъ принадлежалъ и вопросъ о судьбахъ Ливоніи, а ради того и ходъ борьбы между Баторіемъ и Московскимъ *тираномъ*. Такъ какъ король Стефанъ при началѣ этой борьбы обращался къ помощи и содѣйствію князей нѣмецкихъ и отчасти пользовался ихъ денежною помощью, такъ какъ онъ вербовалъ въ Германіи цѣлые значительные отряды военныхъ людей, то и онъ съ своей стороны обращалъ вниманіе на современное общественное мнѣніе Германіи, образованію и выраженію котораго служила публицистика Вѣдомостей: мы ихъ не называемъ газетами только потому, что онѣ еще не имѣли характера періодичности. Вслѣдствіе того въ числѣ собственно такъ называемыхъ «Польскихъ вѣдомостей» (Polnische Zeitungen) были такія, что уже при первомъ знакомствѣ съ ними возникаетъ большое предположеніе объ ихъ происхожденіи въ польскомъ лагерѣ среди ученыхъ гуманистовъ, группировавшихся вокругъ Замойскаго. Наша императорская публичная библіотека въ своемъ отдѣлѣ «Rossica» представляетъ наиболѣе полное собраніе означеннаго рода листковъ, выходившихъ непосредственно въ слѣдъ за событіями, къ которымъ они относились. Какъ они ни любопытны сами по себѣ, мы здѣсь не можемъ ими заниматься; а должны будемъ остановиться на двухъ только латинскихъ брошюрахъ, посвященныхъ событіямъ втораго года войны, потому преимущественно, что одна изъ нихъ прямо считалась то произведеніемъ Гейденштейна, то его источникомъ. Но предварительно не лишнимъ считаемъ указать одно обстоятельство, касающееся перваго (Полоцкаго) похода, до сихъ поръ остававшееся незамѣченнымъ. Давно уже сдѣлалась извѣстною любопытная карта военныхъ

дѣйствій между русскими и поляками въ 1579 году, изданная первоначально *въ Римѣ* въ слѣдующемъ 1580 году съ приложеніемъ плановъ отдѣльныхъ городовъ на отдѣльныхъ листахъ (Полоцка, Туровли, Ситна, Козьяна, Краснаго, Суши и Сокола). Все это составлено было, какъ объяснено надписаніями, въ самомъ лагерѣ Пахоловичемъ, секретаремъ коронной канцеляріи, и награвировано въ Римѣ І. Баптистомъ Каваллери [1]). При картахъ — сверху ихъ—находится объяснительный текстъ на латинскомъ языкѣ, особенно подробный относительно Полоцка. И вотъ теперь оказывается, что объяснительный текстъ, помѣщенный на верху карты, а также на планѣ города Полоцка, представляетъ столь близкое родство съ соотвѣтствующимъ описаніемъ у Гейденштейна, что необходимо предположить заимствованіе—очевидно со стороны послѣдняго, такъ какъ римское изданіе вышло ранѣе Комментаріевъ. О степени сходства предоставляется судить по прилагаемому ниже подъ литерою *А* сопоставленію обоихъ текстовъ. Но при этомъ возникаетъ вопросъ, ужели Гейденштейнъ—историкъ до такой степени сознавалъ за собою скудость литературныхъ средствъ, что сталъ бы прибѣгать къ столь мелочнымъ и нищенскимъ заимство-

[1]) Двѣ карты и текстъ всѣхъ восьми чертежей изданы *Коркуновымъ* въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1837-й годъ (часть пятнадцатая, стр. 235—249) съ объяснительною статьею; общая карта военныхъ дѣйствій и планъ Полоцка также въ первомъ томѣ Витебской старины *Сапунова*. Подпись на первой картѣ: Joa. Baptista de *Cauallcris* incidebat anno Domini 1580—Romae typis aeneis.—Сверхъ того на общей картѣ, а равно и на второмъ чертежѣ, представляющемъ планъ осады и взятія Полоцка, значится имя Пахоловича: S. Pacholowic; Delineavit in ipsis castris S. Pacholowic. Коркуновъ въ своей статьѣ приводитъ заимствованныя изъ Несѣцкаго и Папроцкаго, свѣдѣнія о *Пахоловичѣ* какъ о мастерѣ рисовать города, крѣпости и провинціи.

ваніямъ изъ оглавленій къ географическимъ картамъ. Можно догадываться, что карта и планы явились не отдѣльно, а сопровождали цѣльное историческое повѣствованіе о походѣ 1579 года, по чему-либо до насъ недошедшее или пока скрывающееся въ неизвѣстности и что заимствованія Гейденштейна не ограничивались однѣми выписками географическаго содержанія—предположеніе, получающее новую силу отъ обнародованной въ сборникѣ профессора Павинскаго привиллегіи короля Стефана, въ силу которой составленіе всякого рода изображеній и рисунковъ, относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ Полоцкаго похода было предоставлено одному лицу, а этимъ лицемъ не былъ ни Пахоловичъ, ни Италіанецъ Каваллери [1]).

Что касается втораго года войны, то именно здѣсь должны быть приняты во вниманіе тѣ двѣ подразумѣвавшіяся печатныя, въ высшей степени интересныя брошюры, вышедшія тотчасъ за окончаніемъ похода и теперь сдѣлавшіяся большою библіографическою рѣдкостью. Первая изъ нихъ появилась въ 1581 году безъ означенія мѣста печати, равно какъ безъ имени автора. На заглавномъ выходномъ листѣ она имѣетъ слѣдующій титулъ: Historia rerum a Poloniae rege in Moscovia superiori anno fortiter et feliciter gestarum; а на начальномъ листѣ вверху текста: Brevis narratio rerum à Regia M. Poloniae contra Moscum, Julio, Augusto,

[1]) Это былъ «Petrus Francus Geometra noster». см. Zródta dziejowe XI, 65. № 38. Diploma, quo cavetur, ne quisquam intra quinquennium expedtiionis regiae ad Polockum imaginem faciat praeter Petrum Francum Italum. Drisnae a. 1579 Septem. 19.

Septembri et Octobri mensibus bello gestarum, Anno 1580. Сверхъ того въ брошюрѣ, какъ это и обозначено на заглавномъ листѣ, напечатаны свѣдѣнія (narrationes), почерпнутыя изъ письма, полученнаго въ Январѣ 1581-го года изъ Константинополя, свѣдѣнія, касающіяся происходившей тогда турецко-персидской войны. Авторомъ *Краткаго повѣствованія* прежде считали самого Гейденштейна, но таковое мнѣніе опровергнуто Нерингомъ. Изъ самаго разсказа анонимнаго автора мы видимъ, что онъ лично участвовалъ въ походѣ, а Гейденштейнъ, какъ извѣстно, не ходилъ на войну и оставался дома; далѣе—Гейденштейнъ ведетъ счетъ разстояній на римскія мили въ тысячу шаговъ, а безыменный авторъ имѣетъ въ виду польскія мили (milliaria), изъ коихъ каждая, какъ оказывается по сравненію параллельныхъ указаній, заключаетъ въ себѣ пять тысячъ шаговъ. Сверхъ того нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, которое Нерингъ упустилъ изъ виду. Вышеупомянутая турецкая статья—по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны — тѣсно связана съ повѣствованіемъ о Великолуцкомъ походѣ короля Стефана; она начинается не съ новой страницы, а на той самой страницѣ, гдѣ кончается Краткое повѣствованіе, по срединѣ ея. Авторъ константинопольскаго письма, изъ котораго въ брошюрѣ сдѣлано извлеченіе, въ концѣ его названъ по имени; тамъ приведена его подпись: «Венцеславъ Будовичъ изъ Будовы». VVenceslaus Budowitz à Budowa. Само собою ясно, что Будовичъ, находившійся въ 1580-мъ году въ Константинополѣ, никакъ не могъ быть авторомъ Краткаго повѣствованія о Великолуцкомъ походѣ.

Отъ чего-же, однако, сообщенныя имъ свѣдѣнія изданы за разъ и вмѣстѣ съ польскою статьею? Объясненіе заключается, вѣроятно, въ личности издателя. По всѣмъ признакамъ брошюра, заключающая означенныя двѣ статьи, появилась въ Германіи и напечатана была *Хитреемъ*, тѣмъ знаменитымъ публицистомъ, о которомъ у насъ рѣчь была выше (стр. XIII). Насколько дѣло касается второй части, это—несомнѣнно, потому что о сношеніяхъ чеха Будовича, личности тоже весьма достопримѣчательной, съ Хитреемъ существуютъ очень опредѣленныя извѣстія, да и въ самомъ письмѣ 1581 года, приводимомъ въ брошюрѣ, находятся на эти сношенія косвенныя указанія. Припомнимъ, что Хитрей до присылки ему Гейденштейномъ Комментаріевъ о Московской войнѣ не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній (см. на стр. XXIV); отсюда будетъ слѣдовать, что онъ получилъ статью о польскихъ дѣлахъ, обнародованную имъ вмѣстѣ съ извлеченіями изъ письма Будовича, не отъ Гейденштейна, а отъ кого-либо другаго. При нѣкоторомъ знакомствѣ съ перепискою Хитрея, можно отыскать другіе слѣды, указывающіе дѣйствительнаго автора краткаго повѣствованія. О дѣлахъ польско-литовскихъ свѣдѣнія доставлялись Хитрею отчасти королевскимъ секретаремъ (при Стефанѣ Баторіѣ) Тидеманомъ *Гизе* (Гизіусъ), частію извѣстнымъ протестантскимъ пасторомъ *Одерборномъ*, авторомъ извѣстнаго жизнеописанія царя Іоанна Васильевича (Грознаго). Именно послѣдняго считаемъ мы авторомъ занимающей насъ реляціи о походѣ 1580-го года, изданной Хитреемъ подъ названіемъ Краткаго повѣствованія. Есть прямыя указанія, что Одерборнъ сопровождалъ Баторія во время Полоцкаго похода; онъ

же написалъ послѣ брошюру объ осадѣ Пскова и объ условіяхъ мира, заключеннаго въ Запольскомъ яму. Послѣдняя тоже была издана Хитреемъ, и чтó замѣчательно, она была напечатана—конечно, въ Германіи—совершенно тѣмъ же шрифтомъ, какъ и Краткое повѣствованіе.

Краткое повѣствованіе о походѣ 1580 года заслуживаетъ вниманія и само по себѣ, такъ какъ принадлежитъ хотя и не военному человѣку, но за то очевидцу, сопровождавшему польскую армію или точнѣе нѣмецкій наемный отрядъ при ней, а во вторыхъ оно ставится и новыми изслѣдователями въ прямое отношеніе къ Комментаріямъ Гейденштейна. *Нерингъ* положительно утверждаетъ, что Краткое повѣтствованіе, не принадлежа самому Гейденштейну, все-таки служило для него источникомъ, что въ Комментаріяхъ находятся очевидные слѣды прямыхъ и буквальныхъ отсюда заимствованій. Въ доказательство этого приведены два примѣра, изъ коихъ одинъ, впрочемъ, оказывается неудачнымъ и основаннымъ на простомъ недоразумѣніи [1]), за то второй, дѣйствительно, представляетъ несомнѣнное и близкое родство между сопоставляемыми отрывками изъ

[1]) *Нерингъ* (pag. 55) пишетъ: „до какой степени Гейденштейнъ полагался на означенную брошюру видно уже изъ того, что онъ повторялъ въ слѣдъ за нею неточныя даты. Анонимный авторъ говоритъ, что король прибылъ въ Усвяту 13 Сентября, ему послѣдовалъ и Гейденштейнъ, хотя онъ могъ даже изъ королевскаго манифеста—Edictum de supplicationibus (Pistorius III, 126), знать что уже 26 Августа король былъ подъ Великими Луками".—Но дѣло въ томъ, что ни анонимъ, ни Гейденштейнъ указываемой мнимой ошибки вовсе не дѣлали; у Гейденштейна (pag. 109) читается: XVIII Kal. Septemb—ad Vsuiatam pervenit, а это въ переложеніи съ Римскаго календаря на современный будетъ указывать на 15 число Августа (см. русскій переводъ стр. 122).

обоихъ сочиненій. Мы съ своей стороны можемъ привести, и ниже приводимъ, подобныхъ случаевъ, указывающихъ на буквальное сходство между двумя разсказами, не одинъ, а нѣсколько, и тѣмъ не менѣе мы все-таки должны будемъ усумниться въ прямомъ заимствованіи Гейденштейномъ у анонима, или что тоже у Одерборна, этихъ буквально сходныхъ мѣстъ. Дѣло въ томъ, что Нерингу осталось неизвѣстнымъ существованіе другой брошюры, тоже современной и тоже посвященной описанію похода 1580 года. Въ 1582 году нѣкто Фламиніо *Нобили* издалъ въ Римѣ полученныя имъ отъ знакомыхъ польскихъ духовныхъ сановниковъ различныя оффиціальные манифесты, касающіеся Полоцкаго и Великолуцкаго похода: Edictum regium Svirense, Edictum de supplicationibus и т. д., а вмѣстѣ съ ними анонимное частное повѣствованіе, озаглавленное Commentarius rerum à Stephano rege Poloniae in secunda expeditione adversus magnum Moscorum Ducem gestarum Ann. 1580. Сборникъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ отдѣлѣ Rossica. Для насъ представляетъ интересъ послѣдняя пьеса, наиболѣе обширная. Происхожденіе ея до сихъ поръ оставалось совершенно темнымъ; но не далѣе какъ въ прошломъ году мадъярскимъ ученымъ, графомъ *Сабо* (Szabo), посредствомъ фототипіи переиздана была еще болѣе рѣдкая отдѣльная брошюра, не находящаяся даже въ С.-Петербургской библіотекѣ, съ тѣмъ же самымъ (только болѣе краткимъ) заглавіемъ, но съ обозначеніемъ мѣста и года изданія: Commentarius rerum à Stephano rege adversus magnum Moscorum Ducem gestarum, Anno 1580. Claudiopoli in Officina Relictae Casparis Helti. Anno 1581.

Сверхъ того въ этомъ, очевидно, первоначальномъ изданіи брошюра сопровождается письмомъ автора, *Павла Гіулана* (Paulus Giulanus) къ Вольфгангу Ковачевичу (Kouacciocio), Трансильванскому канцлеру. И такъ авторъ *Комментарія* о военныхъ дѣйствіяхъ 1580 года, изданнаго первоначально въ Седьмиградскомъ Клаузенбургѣ, а за тѣмъ перепечатаннаго черезъ годъ въ Римѣ, былъ извѣстный по своей ученой дѣятельности мѣстный гуманистъ, принадлежавшій къ кружку вышеупомянутаго Бруто; о прибытіи Гіулана въ лагерь при Полоцкѣ говорится въ современномъ стихотворномъ описаніи подвиговъ Баторія, въ *Стефанеидѣ* Германа Прусса, при чемъ онъ называется питомцемъ музъ и харитъ и любимцемъ короля Стефана, посвященнымъ въ его секреты. Гейденштейнъ, какъ увидимъ ниже, тоже упоминаетъ о Гіуланѣ при разсказѣ о взятіи Великихъ Лукъ—во второмъ походѣ.

Читая разсказъ Гіулана о военныхъ дѣйствіяхъ 1580 года, писанный подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, мы замѣчаемъ то поразительное обстоятельство, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ разсказъ этотъ представляетъ буквальное сходство - во первыхъ съ текстомъ анонима (Одерборна), а во вторыхъ и съ текстомъ Гейденштейна. Еще точнѣе: тѣ именно мѣста, которыя сходны въ Краткомъ повѣствованіи и въ запискахъ Гейденштейна, въ тоже время буквально сходны у Гіулана и у анонима (Одерборна). Прилагаемое въ концѣ (подъ литерою В) сопоставленіе всѣхъ трехъ текстовъ въ данныхъ мѣстахъ наглядно убѣждаетъ въ несомнѣнномъ ихъ родствѣ. Что-же изъ этого слѣдуетъ? Такъ какъ Гіуланъ и Одерборнъ (анонимъ) писали въ одно и тоже время—одинъ

въ Трансильванію, другой въ Германію Хитрею, то, очевидно, они не могли списывать другъ у друга, а вѣроятно имѣли какой нибудь общій источникъ. Въ польскомъ лагерѣ заботились объ общественномъ мнѣніи тогдашней Европы, съ этою именно цѣлію привлекали сюда образованныхъ литераторовъ и гуманистовъ; они распространяли чрезъ посредство своихъ знакомыхъ публицистовъ и ученыхъ въ Германіи и другихъ странахъ реляціи или Zeitungen, соотвѣтствовавшія нынѣшнимъ корреспонденціямъ съ театра войны, и конечно, такъ же какъ и нынѣ, этимъ корреспондентамъ въ случаѣ нужды дѣлались подходящія сообщенія оффиціознаго характера. То, что̀ есть общаго у Гіулана и анонима именно и представляетъ слѣдъ такихъ сообщеній, сдѣланныхъ, разумѣется, на общедоступномъ для всѣхъ образованныхъ латинскомъ языкѣ. Тѣже самыя сообщенія были послѣ и въ рукахъ Гейденштейна. Иначе никакъ нельзя было бы себѣ объяснить такое странное совпаденіе, что Гейденштейнъ угадалъ и догадался заимствовать у анонима (Одерборна) именно только такія мѣста, какія раньше были заимствованы либо анонимомъ у Гіулана, либо Гіуланомъ у анонима. Сходныя мѣста относятся: 1) къ московскому посольству, прибывшему въ польскій лагерь послѣ взятія Велижа, при чемъ совершенно одинаково передается на латинскомъ языкѣ содержаніе царской грамоты, писанной, конечно, на русскомъ и въ этомъ подлинномъ видѣ могшей быть доступною—по крайней мѣрѣ для Гейденштейна; 2) къ описанію военнаго движенія отъ Велижа, при чемъ въ тождественныхъ выраженіяхъ говорится не только о наведеніи моста черезъ Двину и о новомъ мос-

сковскомъ посольствѣ, но также и о дальнѣйшихъ затрудненіяхъ, представляемыхъ лѣсами и болотами; 3) ка описанію осадныхъ дѣйствій и взятія крѣпости Усвятъ (русскій перев. стр. 123).

Если пойдемъ дальше, то замѣтимъ, что между повѣствованіемъ Гейденштейна и разсказомъ анонима (Одерборна) не только нѣтъ тождества, но даже являются существенныя отличія. Описаніе осады и взятія Великихъ Лукъ въ анонимной брошюрѣ, изданной Хитреемъ, очень кратко, такъ что оно никакъ не могло служить источникомъ для гораздо болѣе обстоятельнаго повѣствованія Гейденштейна (стр. 128—144). Нужно припомнить, что здѣсь все дѣло велъ Замойскій, и слѣдовательно его приближенному едва-ли предстояла надобность въ этомъ случаѣ обращаться за свѣдѣніями къ кому нибудь другому. О рѣзнѣ уже сдававшихся и даже сдавшихся защитниковъ, произведенной венграми и поляками (по Гейденштейну начали мадъяры, пристали поляки), анонимъ (Одерборнъ) говоритъ вскользь и только останавливается на убійствѣ Воейкова, сообщая, что его умертвили на пути къ венгерскимъ шанцамъ встрѣчные солдаты (fol. B въ началѣ). Гораздо подробнѣе здѣсь Гіуланъ, писавшій по личнымъ наблюденіямъ; отъ Гейденштейна (стр. 140) мы узнаемъ, что Гіуланъ (=Павелъ Юланъ, Julanus) былъ посыланъ въ крѣпость съ требованіемъ безусловной сдачи на милость короля. Не удивительно, что и онъ почелъ нужнымъ остановиться на постыдномъ фактѣ избіенія людей, которые уже отказались отъ сопротивленія и сдались побѣдителю; но Гіуланъ поступаетъ здѣсь нѣсколько иначе, чѣмъ Гейденштейнъ:

извиненія онъ приводитъ не отъ себя, а повторяетъ то, что тогда на этотъ счетъ говорили нѣкоторые *авторитетные и серьезные люди* (pag. 12) въ польскомъ лагерѣ. Отъ себя онъ замѣчаетъ, что при рѣзнѣ все-таки дѣйствовали не безъ разбора, и щадили дѣтей и женъ. Указанія на починъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ мадъяръ у Гіулана не находится, дѣйствуютъ вообще солдаты (milites).

Съ именами московскихъ воеводъ, полоненныхъ въ Великихъ Лукахъ, анонимъ (Одерборнъ) справился лучше, чѣмъ самъ Гейденштейнъ. Въ *Краткомъ повѣствованіи*: In his Palatini tres initio ante militarem caedem in castra traducti fuere: knias Fedor Iwanouicz Likow, k n i a s Georgius Aksakkow, knias Michael Kassen. His omnibus summa cum potestate praefuerat Iwan V o i e i k o. У *Гейденштейна* (pag. 114): knesium Theodorum Obalenscium Lichovum cum summa authoritate, secundum eum Michaelem Chassinum et Oxachovum praefecerat... Ioannem V i e c h o v u m primarium cubiculi ministrum. — Очевидно, что написаніе анонима (Одерборна) гораздо ближе къ русскому произношенію. Гейденштейна особенно затруднялъ *Воейковъ*; написавъ въ текстѣ Viechovum, онъ въ поправкахъ къ своему краковскому изданію на концѣ книги предлагаетъ читать Vieichovum (такъ, впрочемъ, и въ текстѣ ниже. pag. 125).

Въ Краткомъ повѣствованіи съ особенною подробностію описана экспедиція противъ *Торопца* и взятіе этого пункта, такъ что приходится предполагать личное участіе въ ней автора. Существуютъ признаки, указывающіе на родство разказа Гейденштейна съ изложеніемъ ано-

нима, но ведетъ ли это родство свое начало отъ непосредственнаго пользованія брошюрою со стороны Гейденштейна—рѣшительно сказать нельзя, потому что, если въ началѣ замѣчается буквальное сходство въ выраженіяхъ, то ниже у Гейденштейна помянутъ (стр. 143 русск. пер.) Станиславъ *Сабоцкій*, совсѣмъ непоименованный въ брошюрѣ. Вмѣсто пятнадцати миль или собственно 15 тысячъ шаговъ, указываемыхъ Гейденштейномъ (pag. 127=144 русск. пер.), какъ конечный путь преслѣдованія Русскихъ Поляками за Торопцомъ, авторъ Краткаго повѣтствованія, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, считаетъ милями: ad tria milliaria ultra Toropeciam.

Въ поименованіи воеводъ, плѣненныхъ Поляками около Торопца, опять есть разница между Краткимъ повѣствованіемъ и Комментаріями Гейденштейна. Въ первомъ: Gregorius Offannassovicius Nasczokinus, Dementinus Ceremistinus. У Гейденштейна въ текстѣ (pag. 127) здѣсь читается Demetrio Ceremissino, de quo supra dictum est, et Ioanne Nassokino Offanasi filio, но имя Димитрія при Черемисиновѣ есть очевидная ошибка, потому что выше (pag. 114) Гейденштейнъ назвалъ его Dementium Ceremissam; а въ поправкахъ къ 127 pag. замѣтилъ—lege: Damiano Ceremissino. У *Гіулана* (pag. 16): Dementinus Cerementinus et Gregorius Naschiochinus.

Изъ указаннаго при русскомъ переводѣ примѣчанія Карамзина видно, что и въ имени Нащокина ошибался Гейденштейнъ, тогда какъ другіе правильно называютъ его Григоріемъ.

За экспедиціею Збаражскаго къ Торопцу въ аноним-

номъ Краткомъ повѣствованіи прямо слѣдуетъ разсказъ о походѣ къ Смоленску Филона Кмиты. У Гейденштейна (pag. 128, русск. перев. стр. 144) ему посвящено нѣсколько строкъ, не упомянуто даже объ убитомъ русскомъ воеводѣ *Игнатьѣ Блудовѣ*, о которомъ говорится въ анонимной брошюрѣ—по поводу великолѣпно сдѣланной желѣзной кольчуги и булавы, оставшихся послѣ него въ добычу врагамъ и отправленныхъ въ даръ королю Стефану. Въ остальномъ Гейденштейнъ очень близко сходится съ авторомъ Краткаго повѣствованія; однако, нельзя съ увѣренностію сказать, что именно отсюда онъ выписалъ свою замѣтку. По видимому, въ основѣ лежитъ краткое оффиціальное сообщеніе, къ которому одинъ ничего не прибавилъ, такъ какъ тутъ не было Замойскаго, а другой узналъ объ интересной присылкѣ королю и нашелъ не лишнимъ и это сообщить. — У Гіулана о Кмитѣ ничего не сказано.

Замѣчательно и нѣсколько странно близкое сходство Краткаго повѣствованія и Комментаріевъ Гейденштейна въ разсказѣ о московскомъ посланцѣ подъ Невлемъ и въ передачѣ содержанія грамоты царя Іоанна, имъ привезенной. Въ примѣчаніи на стр. 148 русскаго перевода уже указано нѣкоторое искаженіе, допущенное Гейденштейномъ противъ подлинныхъ словъ документа, который, казалось бы, какъ и всѣ другіе подобные, долженъ былъ находиться у него въ рукахъ. На сей разъ, однако, мы принуждены сдѣлать такое предположеніе, что секретарь королевской канцеляріи не далъ себѣ труда внимательно изучить длинное посланіе Грознаго, а воспользовался готовымъ изложеніемъ—тѣмъ самымъ, которое послужило анониму, если только не имъ самимъ составлено. Дѣло

въ томъ, что какъ неизвѣстно откуда взявшееся показаніе о Святославѣ Мстиславовичѣ, такъ и искаженное производство названія города Юрьева-Дерпта находится также и въ Краткомъ повѣствованіи, а затѣмъ и все остальное очень сходно.

Brevis narratio A[3] (ошибочно вмѣсто B[3]).

Fuisse quendam ait in maioribus suis Suentoslaum Misceslavovicium: is antequam sacro baptismate christianae religioni fuisset initiatus, Jurg vocabatur, ab eo Jurgohorodum, quam arcem et civitatem alias Derbatum Germani nominant, conditam, ac inde cunctam Liuoniam ad se tanquam verum haeredem per successionem deuolutam и т. д.

Heidenst. Commentar. de bello Moscovit. pag. 131.

A Suentoslao quodam Misiclai filio genus suum deducebat. Eum antequam sacro baptismate christiana religione initiatus fuisset, Jurg vocatum: ab eoque Jurgo Horodum, quam arcem et urbem alias Derpatum Germani appellarent, conditam: inde cunctam Liuoniam ad se unicum Micislai ejus Haeredem longa successione pertinere.

У *Гіулана* (pag. 18) любопытно только сравненіе длины грамоты съ величиною копья: tam longas literas attulit, ut earum charta facile hastae longitudinem aequaret. Въ передачу содержанія онъ не пускается, говоритъ только, что Іоаннъ кромѣ Кокенгаузена готовъ былъ возвратить *семь* замковъ въ Ливоніи (вмѣсто четырехъ у Гейденштейна, у анонима и въ подлинной грамотѣ).

О взятіи Озерищъ Радзивиломъ въ обоихъ сравниваемыхъ источникахъ сказано кратко. Въ опредѣленіи

разстоянія отъ Невля употреблена каждымъ своя обычная система. Гейденштейнъ (pag. 132): Ieserісia, quindecim à Neuela millibus passuum [1]). Brevis narratio: Oseriscia tribus à Neuela milliaribus = три мили.

Объ осадѣ Заволочья, которую велъ Замойскій, у Гейденштейна, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, повѣствуется гораздо подробнѣе, чѣмъ у другихъ, то есть у анонимнаго автора и у Гіулана.

Нужно еще прибавить, что въ настоящее время для исторіи втораго похода противъ Московскаго государства короля Стефана мы имѣемъ помимо вышеозначенныхъ другіе превосходные источники, отчасти болѣе подробные, чѣмъ даже разсказъ Гейденштейна. Мы разумѣемъ два дневника, недавно (въ 1887 г.) изданные Краковскою Академіею въ XI-мъ томѣ собранія: «Acta historica res gestas Poloniae illustrantia» [2]): *Діаріушъ* добыванія замковъ Велижа, Усвята, Великихъ Лукъ, писанный Яномъ *Зборовскимъ*, кастеляномъ Гнезненскимъ (стр. 189—203) и *Діаріушъ* обложенія и взятія Велижа, Великихъ Лукъ и Заволочья, писаный *Лукою Дзялынскимъ*, старостою Ковальскимъ и Бродницкимъ (стр. 203—275), о личности котораго упоминаетъ и Гейденштейнъ (стр. 114). Особенно важенъ второй дневникъ; если даже исключить вставленные въ него обширные документы (военные артикулы, московскія грамоты), все таки останется въ немъ такое количество страницъ, посвященныхъ собственно описанію военныхъ дѣлъ, что Комментаріи Гейденштейна по объему, а вмѣстѣ

[1]) Въ русскомъ переводѣ (стр. 149) осталась неисправленная опечатка въ послѣдней строкѣ текста: *150* миль вмѣсто *15*.

[2]) Полное заглавіе тома приведено было выше, (стр. XXXV).

и по изобилію подробностей останутся позади. Зборовскій больше держался Радзивила, Виленскаго воеводы, Дзялынскій стоялъ ближе къ Замойскому и пользовался его довѣріемъ. Нѣтъ, однако, никакихъ признаковъ, чтобы второй дневникъ—о первомъ нечего и говорить—былъ извѣстенъ Гейденштейну. Этими вновь обнародованными источниками можно будетъ пользоваться будущимъ историкамъ эпохи для критической провѣрки Гейденштейна и для болѣе непосредственнаго ознакомленія съ духомъ и настроеніемъ въ Польскомъ лагерѣ. Мы здѣсь не можемъ этимъ заниматься. Отмѣтимъ только весьма любопытныя и важныя указанія на соперничество между Замойскимъ, стоявшимъ во главѣ Польскихъ войскъ, и Литвою, во главѣ которой стояли Радзивилы: оно проявилось въ виду Великихъ Лукъ въ стремленіи опередить другъ друга появленіемъ подъ стѣнами этой крѣпости (стр. 224). Вотъ гдѣ заключается источникъ обвиненій, органомъ которыхъ на сеймѣ 1587-го года явился кастелянъ Трокскій, то есть Христофоръ Радзивилъ. Упомянутый выше эпизодъ избіенія безоружныхъ и покорившихся защитниковъ Великихъ Лукъ съ наибольшею подробностію и откровенностію разсказанъ именно въ дневникѣ Дзялынскаго (стр. 233, 234—подъ 5 Сентября). Авторъ называетъ фактъ его настоящимъ именемъ «haniebnie wielkie morderstwo»; онъ не скрываетъ, что при этомъ не давали пощады ни полу, ни возрасту, и что разборъ, который по словамъ другихъ, при этомъ соблюдался, заключался только въ стараніяхъ «старшихъ» спасти хотя нѣкоторыхъ, какъ это отчасти и удалось. Экспедиція къ Смоленску Филона Кмиты въ разсказѣ—гораздо болѣе подробномъ—Дзялынскаго яв-

ляется совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ у другихъ, и не только по результатамъ не удачною, но и по самому ходу дѣла довольно безславною (стр. 257). На основаніи дневниковъ Зборовскаго и Дзялынскаго могутъ быть сдѣланы и другія частныя поправки въ сообщеніяхъ Гейденштейна; напримѣръ, если отъ Гейденштейна (стр. 118) мы знаемъ фамилію захваченнаго подъ Велижемъ мѣстнаго боярина, то отъ Дзялынскаго (стр. 208) можемъ узнать имя казака, который его захватилъ, а что того важнѣе—о пыткахъ, которымъ былъ подвергнутъ плѣненный мѣстный бояринъ и которыя вынудили у него сообщеніе нужныхъ врагамъ свѣдѣній. Равнымъ образомъ былъ подвергнутъ пыткѣ и другой плѣнникъ, захваченный казакомъ Острожскаго Винцентіемъ (Гейденшт. стр. 125. Дзялынскаго, Діаріушъ: Acta XI, 225); Гейденштейнъ называетъ плѣнника *Уланецкимъ* (pag. 112: Ulanecius),—Дзялынскій просто *татариномъ*, но Зборовскій (Дневникъ: Acta XI, 196) сыномъ боярскимъ *Уланомъ Износковымъ*, и послѣднее всего болѣе похоже на подлинное наименованіе лица... Отмѣтимъ, что въ томъ же томѣ Краковскаго сборника напечатаны *Акты Варшавскаго вальнаго сейма 1581-го года* (въ Январѣ), на которомъ, какъ уже знаемъ отъ Гейденштейна (стр. 165—170), главнымъ образомъ разсуждали о продолженіи войны съ Москвою, объ изысканіи средствъ для новаго похода, а также переговаривались съ Московскими послами. Все это съ гораздо большею подробностію можно теперь изучать по сеймовому дневнику, представляющему настоящее украшеніе изданія (Acta XI, 285—339).

Переходимъ къ замѣчаніямъ относительно третьяго похода и осады Пскова.

Существуетъ мнѣніе, что въ исторіи Псковской осады Гейденштейнъ пользовался, какъ источникомъ, трудами своего современника и даже сослуживца по королевской канцеляріи, который былъ еще болѣе близокъ къ событіямъ, такъ какъ участвовалъ въ походѣ и писалъ непосредственно подъ впечатлѣніемъ событій, а сверхъ того занимался и собираніемъ оффиціальныхъ документовъ. Разумѣется при этомъ «Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію», только въ новѣйшее время, двадцать лѣтъ тому назадъ, обнародованный русскимъ ученымъ, проф. М. О. Кояловичемъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ, а въ свое время веденный однимъ изъ младшихъ секретарей королевской канцеляріи, ксендзомъ Яномъ Піотровскимъ, по желанію его патрона, короннаго маршалка Андрея Опалинскаго [1]). Оставшись дома, этотъ важный и вліятельный магнатъ не желалъ, однако, прерывать своихъ связей со дворомъ, хотѣлъ имѣть точныя свѣдѣнія о всемъ томъ, что тамъ вдали происходило—о войнѣ и политикѣ, о раздачѣ мѣстъ и новыхъ назначеніяхъ, о столкновеніяхъ между партіями и отдѣльными лицами и т. п. Кліентъ его, принадлежавшій къ духовному званію, но вращавшійся болѣе всего въ свѣтскихъ сферахъ, долженъ былъ лично слѣдить за всѣмъ и сообщать о своихъ наблюденіяхъ, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, что̀ могло интересовать отсутствующаго придворнаго и патріота. Отсюда про-

[1]) Нѣкоторыя дополнительныя части дневника Піотровскаго сообщены въ изданіи *Полковскаго*, но преимущественно тѣ, которыя уже относятся къ его поѣздкѣ въ Лифляндію, куда онъ отправился не дождавшись конца Псковской осады и заключенія мира. — Мы уже замѣтили, что послѣ сообщеній Полковскаго не можетъ быть никакого сомнѣнія въ самой личности автора дневника.

изошелъ крайне любопытный сборникъ писемъ, не имѣющихъ общаго заглавія въ рукописи, но обозначаемыхъ каждое однимъ и тѣмъ же выраженіемъ: «письмо одного придворнаго пріятеля къ пану маршалку коронному». — Корреспонденція начинается съ 20 Января 1581-го года, ведется сперва съ промежутками, а за тѣмъ со времени прибытія въ лагерь при Диснѣ (съ 1-го іюля) идетъ непрерывно до конца года (до 31 Декабря); систематично день за днемъ авторъ записывалъ свои впечатлѣнія въ журналъ и затѣмъ при случаѣ отправлялъ его по частямъ своему *пріятелю*. Піотровскій получилъ отъ короннаго маршалка надлежащія рекомендаціи къ канцлеру Замойскому, которому раньше былъ мало извѣстенъ, а также и къ другимъ лицамъ, стоявшимъ близко къ королю; чрезъ посредство ихъ онъ имѣлъ возможность, впрочемъ довольно ограниченную, получать свѣдѣнія о скрытомъ и не для всѣхъ явномъ ходѣ дѣлъ, доставать и пересылать своему патрону копіи съ важнѣйшихъ документовъ, имѣвшихъ отношеніе къ частнымъ и личнымъ интересамъ Опалинскаго, а также къ дѣламъ государственнымъ, потому что и это входило въ задачу кліента, хотя съ другой стороны Опалинскій и самъ непосредственно получалъ письма отъ короля и канцлера (см. № 70 и 71—въ изданіи проф. Кояловича): вообще обширный сборникъ документовъ, составленный для Опалинскаго и найденный въ одной рукописи съ дневникомъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ далеко не одному Піотровскому.

Проф. *Кояловичъ* высказалъ такое утвержденіе, что *рукопись*, большую часть которой онъ издалъ, была извѣстна Рейнгольду Гейденштейну и что послѣдній

пользовался ею въ своемъ сочиненiи о Войнѣ Московской. Не совсѣмъ ясно, что при этомъ разумѣется: дневникъ-ли собственно Пiотровскаго, или же сопровождающая его въ рукописномъ сборникѣ дипломатическая переписка. О послѣдней едва-ли здѣсь можетъ идти рѣчь, такъ какъ, по собственному заявленiю Гейденштейна, оффицiальные документы доступны были для него въ силу его служебнаго положенiя, слѣдовательно не по какимъ либо частнымъ отношенiямъ и не изъ частныхъ сообщенiй. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* (Русская исторiя, томъ второй, стр. 296, примѣч. 104) положительно говоритъ о *дневникѣ*, какъ источникѣ, который послужилъ Гейденштейну при описанiи Псковской осады и вообще похода 1581-го года. Мы не знаемъ, на чемъ основано такое мнѣнiе, но возбуждаемый имъ вопросъ представляется въ связи нашего разсужденiя на столько важнымъ, что мы должны на немъ остановиться.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что письма Пiотровскаго имѣли совершенно частное, личное назначенiе и вполнѣ конфиденцiальный характеръ. Авторъ ихъ постоянно дѣлаетъ оговорки, что сообщаемыя имъ свѣдѣнiя должны оставаться въ секретѣ, что онъ пишетъ одной его милости «scriptum sit soli W. M.». Дѣло въ томъ, что корреспондентъ мало воинственнаго маршалка и самъ не особенно сочувствовалъ предпринятому Баторiемъ походу, и съ своей стороны предпочелъ бы мирное соглашенiе съ царемъ Московскимъ на предложенныхъ отъ него условiяхъ; по этому съ самаго начала своего пребыванiя при армiи онъ смотритъ на дѣло нѣсколько пессимистически, находитъ приготовленiя недостаточными, скоро впадаетъ въ унынiе, не ждетъ впереди

ничего хорошаго, послѣдовавшія неудачи находитъ вполнѣ естественными и —хотя не прямо—вину ихъ возлагаетъ на увлеченіе короля и нераспорядительность властей. Слѣдовъ подобнаго настроенія мы не найдемъ у Гейденштейна, и это объясняется, конечно, не только тѣмъ, что онъ лично не испыталъ на себѣ всѣхъ невзгодъ тяжелой экспедиціи, всѣхъ волненій и тревогъ очевидца, но также общими условіями его положенія въ отношеніи къ королю и Замойскому. Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что дневникъ Піотровскаго совсѣмъ не годился для пользованія позднѣйшему дѣеписателю, равно какъ первоначально довѣренный его характеръ не исключалъ возможности того, чтобы онъ былъ предоставленъ для означенной цѣли Гейденштейну либо самимъ авторомъ, либо владѣльцемъ, хотя такія предположенія, особенно первое, и несовсѣмъ вѣроятны. Чтобы придти къ болѣе рѣшительному результату, нужно ближайшее сличеніе обоихъ произведеній по ихъ фактическому содержанію, и вотъ нѣкоторыя наблюденія, сюда относящіяся.

При разсказѣ о нападеніи на Великую Русу (*Гейденшт.* стр. 171 русскаго перевода, *Дневникъ похода* въ изд. Кояловича pag. 11) подробности нѣсколько отличныя: у Піотровскаго не упомянуто объ участіи въ экспедиціи Сибрика, у Гейденштейна не сказано о порчѣ соляныхъ копей (варницъ).

Въ Дневникѣ похода (pag. 11, 12) находятся любопытныя подробности о совѣтахъ Баторію Бѣльскаго, а у Гейденштейна (стр. 174) просто сообщается только объ его переходѣ на сторону Польскаго короля, при чемъ одинъ Гейденштейнъ называетъ его *Богданомъ*—ошибочно.

Гейденштейнъ (стр. 179) излагаетъ содержаніе ин-

струкціи, данной Дрогоевскому, старостѣ Перемышльскому, при отправленіи посломъ къ султану, а Піотровскій въ дневникѣ отъ 17-го Іюля (pag. 22) прямо заявляетъ, что она осталась для него тайною.

Піотровскій въ дневникѣ отъ 22-го іюля (pag. 35, 36) даетъ только краткую характеристику грамоты Іоанна, говоря, что она содержала удивительные аргументы и безпрестанныя ругательства, а у Гейденштейна (стр. 182, 183) подробно изложено ея содержаніе.

При сообщеніи о тайномъ совѣщаніи 29 Іюля относительно дальнѣйшаго направленія похода (на Новгородъ или на Псковъ) Гейденштейнъ (стр. 183) гораздо подробнѣе, чѣмъ Піотровскій (pag. 41, 42), излагаетъ содержаніе различныхъ мнѣній; видно, что послѣдній пишетъ только по слуху о результатѣ совѣщанія, а первый имѣлъ свѣдѣнія о самомъ ходѣ преній и о мотивахъ, которые были выставляемы участвовавшими въ нихъ. Въ дипломатической перепискѣ, сопровождающей дневникъ, находится письмо самого короля къ маршалку (№ 59 pag. 329), въ которомъ говорится объ этомъ самомъ совѣщаніи и о мотивахъ принятаго рѣшенія, но также весьма кратко; не оно служило источникомъ для Гейденштейна, да и препровождено оно было къ Опалинскому, конечно, помимо Піотровскаго.

Піотровскій (pag. 42) передаетъ весьма кратко содержаніе отвѣтной грамоты Баторія Іоанну, хотя онъ самъ участвовалъ въ ея составленіи и переводѣ на русскій языкъ; онъ разсчитывалъ на то, что будетъ имѣть возможность сообщить своему корреспонденту полную копію документа; Гейденштейнъ (стр. 186) подробно излагаетъ содержаніе очень длиннаго документа.

Артикулы военной дисциплины, о которыхъ говорится у Гейденштейна (стр. 189), сообщаются Піотровскимъ (pag. 45, 46) въ подлинникѣ; но процедура ихъ обсужденія у Гейденштейна передается иначе, чѣмъ у Піотровскаго; по первому проектъ предложенъ сначала сенаторамъ, а потомъ военнымъ людямъ (ротмистрамъ), по дневнику же онъ обсуждается въ совѣтѣ короля въ присутствіи всѣхъ ротмистровъ.

О назначеніи Замойскаго гетманомъ 10 и 11-го Августа у Піотровскаго (pag. 45, 52) говорится гораздо короче, чѣмъ у Гейденштейна; Піотровскій ничего не знаетъ о бесѣдѣ короля съ Замойскимъ: это интимныя подробности, которыя можно было узнать только отъ канцлера; самое содержаніе рѣчи Замойскаго къ ротмистрамъ послѣ избранія сообщается только у Гейденштейна (стр. 190), у Піотровскаго приведена одна фраза изъ нея.

Описаніе укрѣпленій Острова подъ 12 Августа у Піотровскаго (pag. 57) нѣсколько отлично отъ того, какое находимъ у Гейденштейна (стр. 192); Піотровскій: стѣны не очень крѣпкія; Гейденштейнъ: довольно крѣпкія каменныя стѣны; Піотровскій: четыре каменныя башни; Гейденштейнъ: очень много башенъ или больверковъ.

Совѣщанія короля съ Замойскимъ относительно осады Острова дѣлаются намъ извѣстными только чрезъ посредство Гейденштейна (стр. 192): опять интимныя подробности, которыя можно было узнать не иначе, какъ только изъ благосклонныхъ сообщеній канцлера.

Первая стычка подъ Псковомъ 24-го Августа передана у Піотровскаго (pag. 61) въ другомъ видѣ, чѣмъ у Гейденштейна (стр. 194); первый обвиняетъ венгер-

цевъ въ томъ, что засада, сдѣланная Брацлавскимъ воеводою, оказалась безполезною, такъ какъ была преждевременно открыта, благодаря ихъ горячности и невыдержанности, а по Гейденштейну было *двѣ* засады и онѣ исполнили свое назначеніе и не были открыты Москвитянами прежде времени, но только первой засады они не испугались, а уже вторая обратила ихъ въ бѣгство. Авторъ дневника не преминулъ замѣтить, что «бранятъ венгерцевъ», но Гейденштейнъ вообще избѣгаетъ всякихъ нападокъ и обвиненій противъ той или другой племенной группы, тѣмъ болѣе противъ мадъяръ, выписанныхъ королемъ съ родины.

Въ описаніи Пскова у обоихъ авторовъ есть сходство, но не на столько близкое, чтобы нужно было предполагать прямую зависимость одного отъ другаго; оно было обусловлено единствомъ самого содержанія.

Николай Черкашенинъ Гейденштейна (стр. 201) у Піотровскаго названъ *Мишкою* Черкашениномъ (pag. 60).

Отвѣтъ, данный Турецкому гонцу въ лагерѣ подъ Псковомъ, сообщается только у Гейденштейна (стр. 205); у Піотровскаго подъ 31 Августа (pag. 69) описывается одна внѣшняя церемонія пріема.

Приступъ 8 Сентября описанъ Піотровскимъ въ качествѣ очевидца (pag. 75—79); всего скорѣе слѣды заимствованія Гейденштейномъ могли бы оказаться именно здѣсь, но этого незамѣтно. Конечно, есть много общаго, такъ какъ оба описанія относятся къ одному и тому же событію, но подробности отчасти расходятся, при томъ въ довольно существенныхъ пунктахъ: у Гейденштейна (стр. 207) сказано, что Замойскій совѣтовалъ повременить приступомъ, у Піотровскаго этого нѣтъ, а ска-

зано только, что гетманъ считалъ полезнымъ предварительную развѣдку мѣстности и пролома, что́ по Гейденштейну являлось уже его уступкою противоположному мнѣнію о пользѣ немедленнаго штурма. Піотровскій ничего не говоритъ объ измѣненіи первоначально указаннаго порядка приступа, вслѣдствіе чего, по словамъ Гейденштейна, нѣмцы устремились будто бы не туда, куда имъ слѣдовало по диспозиціи; у Піотровскаго нѣмцы и венгерцы *первые* занимаютъ одну изъ башенъ, у Гейденштейна (стр. 209) напротивъ *поляки* первые пролагаютъ себѣ путь среди столпившихся у (внѣшняго) рва нѣмцевъ и овладѣваютъ одною башней, а затѣмъ уже нѣмцы и венгерцы занимаютъ другую башню. Какъ дѣло было въ дѣйствительности, всего лучше можно судить по диспозиціи, напечатанной въ приложеніяхъ къ дневнику Піотровскаго (Кояловича, Дневникъ похода Стефана Баторія стр. 351, 352 № 73), съ замѣчаніями объ ея исполненіи. Отсюда видно, что относительно нарушенія диспозиціи нѣмцами Гейденштейнъ правъ, но за то онъ ошибается относительно первенства поляковъ: Уровецкій и Выбрановскій заняли башню при польскомъ участкѣ стѣны только тогда, когда увидѣли, что венгры подняли знамена на своей. Главною причиною неудачи штурма у Піотровскаго (pag. 116) является то обстоятельство, что поляки, прошедшіе чрезъ проломъ, очутились на обвалѣ стѣны, соскочить съ которой въ городъ было высоко и трудно, тѣмъ болѣе, что за стѣною стояли массою непріятели; и въ этомъ Гейденштейнъ не совсѣмъ сходится съ авторомъ Дневника похода, потому что у него главную роль играетъ *ровъ*, заранѣе выкопанный русскими

(стр. 210). За тѣмъ по Гейденштейну москвитяне два или даже три раза стараются поджечь башню, занятую поляками, а о венгерской не сказано, чтобы она была подожжена; у Піотровскаго подкладываютъ порохъ подъ *обѣ* башни, какъ подъ ту, которая занята была поляками, такъ и подъ ту, въ которой находились венгерцы съ нѣмцами, но съ бо́льшимъ успѣхомъ—подъ первую. Несомнѣнно, что мы имѣемъ два независимыхъ разсказа, изъ коихъ одинъ принадлежитъ очевидцу, хотя не военному человѣку, а другой только основанъ на показаніяхъ очевидцевъ, но за то ближе стоявшихъ къ дѣлу. Согласить ихъ между собою или же рѣшить, которому слѣдуетъ отдать предпочтеніе, будетъ дѣломъ критики, а эта послѣдняя входила бы въ обязанность всякаго историка, который вновь поставилъ бы себѣ задачею подробное повѣствованіе о походѣ Баторія или же о Псковской осадѣ. Въ данномъ случаѣ точкою опоры для критическихъ соображеній можетъ служить русское сказаніе «О прихоженіи короля Степана на великій градъ Псковъ». Здѣсь дѣло представляется такъ, что литовская сила появляется на стѣнахъ и въ башняхъ, враги стрѣляютъ во градъ, *сходу своего пути очищаютъ*; рва не предполагается, напротивъ замѣчено, что въ то время еще не была сооружена противъ проломныхъ мѣстъ деревянная стѣна съ бойницами (со многочисленными бои), долженствующая служить дальнѣйшею защитою, но что пока готово было только ея основаніе (стр. 24); а ниже (стр. 35) мы узнаемъ, что ровъ между каменною стѣною и деревянною выкопанъ былъ только послѣ приступа. Далѣе видно, что враги, которыхъ сказаніе, не различающее составныхъ частей королевскаго ополченія

по національностямъ, называетъ просто литовскими людьми, но подъ которыми слѣдуетъ разумѣть венгровъ, дольше всего держались въ *Покровской* башнѣ, но въ концѣ концевъ защитники «и подъ тою башнею зажгоша» (стр. 32). И такъ въ обоихъ случаяхъ болѣе точными оказываются показанія Піотровскаго. Разсказъ Гейденштейна отчасти противорѣчитъ еще болѣе авторитетному, хотя не столь подробному изложенію въ письмѣ самаго короля Стефана къ вице-канцлеру (отъ 13-го Сентября: *Тургеневъ*, Historica Russiae monum., I pag. 357, № 230; *Кояловича*, Дневникъ похода Стефана Баторія, стр. 346, № 70) послѣ двухдневной канонады, когда въ стѣнѣ сдѣланъ былъ проломъ, онъ нашелъ нужнымъ выслать извѣстное число отборныхъ воиновъ для развѣдки, открылись ли мѣста, удобныя для вторженія въ городъ; но прочіе тоже не могли сдержать своего пыла; не дождавшись знака, который должны были подать высланные для развѣдки, они развернули знамена и пошли на приступъ; однако дѣло не получило хорошаго оборота вслѣдствіе неудобнаго положенія мѣстности внутри стѣнъ и вслѣдствіе крутаго и высокаго спуска—ob loci intra moenia iniquitatem et praeruptum altumque descensum;—тѣмъ не менѣе занятыя башни удерживаемы были довольно долго, хотя врагъ и обстрѣливалъ ихъ сильно изъ пищалей, пока не приказано было самимъ королемъ отступить назадъ внутрь шанцевъ. Впрочемъ о *рвѣ* и при томъ *глубокомъ* говорится въ письмѣ Дзержка отъ 22-го Сентября (ibid. pag. 359, № 232): самая дата письма, относительно поздняя, ослабляетъ его авторитетность.

Показанія о числѣ убитыхъ и раненыхъ съ польской стороны опять не одинаковы у Піотровскаго и Гейден-

штейна. Первый (pag. 77) пишетъ «не знаю, сколько нашихъ легло при этомъ штурмѣ, потому что говорить объ этомъ не велятъ», но полагаетъ, что убитыхъ было до 500 человѣкъ [1]), а въ слѣдъ за тѣмъ перечисляетъ поименно наиболѣе извѣстныхъ между ними, но только онъ не называетъ француза Гаронна, по Гейденштейну (стр. 209) павшаго въ самомъ началѣ приступа. Гейденштейнъ о потеряхъ вообще распространяется еще меньше Піотровскаго, и общей цифры совсѣмъ не даетъ, ограничиваясь приблизительнымъ опредѣленіемъ погибшихъ изъ среды знати (по 40 человѣкъ съ польской и венгерской сторонъ).

Въ разсказѣ о дальнѣйшемъ ходѣ осады опять встрѣчаются существенныя отличія. Извѣстно, что послѣ неудачной попытки штурма осаждающіе обратились къ *подкопамъ*. У Гейденштейна (стр. 213) говорится о *двухъ* подкопахъ, которыхъ нельзя было довести до конца, потому что копающіе встрѣтили твердую и толстую скалу, и еще о *третьемъ* секретномъ (венгерскомъ) подкопѣ, который, однако, тоже былъ открытъ осаждающими и взорванъ. У Піотровскаго (pag. 88 и 90) напротивъ—о *двухъ* взорванныхъ и о третьемъ секретномъ, котораго нельзя было вести далѣе, потому что онъ уперся въ скалу. Русская *Повѣсть о прихожденіи короля Степана* (стр. 37) считаетъ *девять* подкоповъ, но за тѣмъ прибавляетъ, что каждый изъ начальниковъ разныхъ земель велъ свой подкопъ: былъ большой королевскій или поль-

[1]) Въ вышеуказанномъ письмѣ Дзержка (у Тургенева, I, стр. 360) сказано, что во время приступа или штурма убито сто человѣкъ, да до 400 пало внутри—въ продолженіе трехъ часовъ, пока поляки держались на стѣнахъ.

скій подкопъ, подлѣ него литовскій, угорскій, нѣмецкій и иные (послѣдніе, вѣроятно, меньшіе); они начаты были 17-го Сентября, а за тѣмъ съ большими подробностями Повѣсть (стр. 38) объясняетъ, какъ главные изъ нихъ были открыты русскими: 23-го Сентября вслѣдствіе указаній полоцкаго стрѣльца Игнаша, перебѣжавшаго отъ поляковъ во Псковъ, были переняты *два*, очевидно, важнѣйшіе подкопа, а иные литовскіе подкопы за городомъ сами обрушились (стр. 39). Слѣдовательно, и на этотъ разъ Дневникъ Піотровскаго ближе сходится съ русскимъ источникомъ.

Расходится Повѣсть съ дневникомъ Піотровскаго въ обозначеніи времени, когда были начаты подкопы. По дневнику (pag. 79) уже на другой день послѣ перваго штурма, то есть 9 Сентября, стали думать о подкопѣ; 12 Сентября по крайней мѣрѣ одинъ (нужно думать польскій) подкопъ былъ начатъ, и при этомъ уже оказалось, что копать приходилось въ каменистомъ грунтѣ (pag. 81); подъ 13 Сентября сообщается о продолженіи подземной работы (pag. 81), подъ 17 Сентября, какъ оказалось изъ перехваченныхъ писемъ, во Псковѣ уже знали о подкопахъ и даже объ ихъ направленіи (pag. 85), 23 Сентября въ польскомъ лагерѣ надѣялись, что подкопъ будетъ скоро готовъ (pag. 88); ночью съ 23-го на 24 Сентября русскіе подвели мину подъ одинъ изъ подкоповъ близъ венгерскихъ шанцевъ и взорвали его (pag. 89); оставался еще другой скрытый, но 27 Сентября осажденные взорвали еще одинъ довольно значительный подкопъ, а также и тотъ третій секретный, о которомъ никто не зналъ (pag. 90).

Весьма важнымъ моментомъ въ ходѣ осады было

проникновеніе во Псковъ подкрѣпленія, приведеннаго 7-го Октября Мясоѣдовымъ; и объ этомъ у Гейденштейна разсказывается иначе, чѣмъ въ дневникѣ Піотровскаго. Наиболѣе рѣзкимъ и нагляднымъ образомъ это различіе выражается въ представленіяхъ о судьбѣ, постигшей самаго предводителя отряда. Піотровскій 7-го Октября (pag. 99) полагаетъ, что Мясоѣдовъ либо былъ убитъ, либо ушелъ назадъ, и еще подъ 16 Октября (pag. 115) вспоминаетъ о немъ, какъ о лицѣ, только покушавшемся войдти въ городъ. Между тѣмъ Гейденштейнъ (стр. 216) думаетъ, что Мясоѣдовъ успѣлъ благополучно пробраться въ самый Псковъ. Изъ русской Повѣсти о нахожденіи короля Стефана (стр. 41) мы убѣждаемся, что на сей разъ правъ Гейденштейнъ, а не авторъ Дневника похода и очевидецъ осады.

Гейденштейнъ (стр. 222, 223) точнѣе и подробнѣе знаетъ о томъ, что предлагалъ королю Поссевинъ, воротившійся изъ Москвы въ польскій лагерь 5-го Октября, и что король ему отвѣчалъ. Піотровскій знаетъ о свиданіи Поссевина съ королемъ 6-го Октября (pag. 99), но такъ какъ кромѣ сенаторовъ никого туда допущено не было, то относительно содержанія привезенныхъ изъ Старицы предложеній онъ ограничивается одними догадками, и еще 8-го Октября (pag. 101) ему неизвѣстно было, съ какими вѣстями пріѣхалъ не особенно ему пріятный іезуитъ; по секрету ему сообщили только то, что въ этихъ вѣстяхъ нѣтъ ничего утѣшительнаго.

Очень естественно, что Гейденштейнъ имѣлъ впослѣдствіи болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о роли Поссевина, хотя и онъ останавливается на его дѣятельности не съ такою подробностію, какой бы можно было ожидать. Во

всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ нужды прибѣгать здѣсь къ дневнику Піотровскаго. За то изъ дневника, веденнаго ксендзомъ, можно придти къ такому заключенію, что, можетъ быть, Гейденштейнъ, какъ, впрочемъ, и другіе позднѣйшіе военные писатели въ подобныхъ случаяхъ, слишкомъ рано начинаетъ говорить о суровости русской зимы, придавая морозамъ преувеличенное вліяніе на ходъ военныхъ дѣлъ и мирныхъ переговоровъ уже съ начала Октября. Правда, что 6-го Октября выпалъ снѣгъ и былъ порядочный морозъ (pag. 99) и что это повторилось 8-го числа (pag. 100, 101), но за то съ 30 Октября наступила оттепель, снѣгъ стаялъ и шелъ дождь (pag. 139), 19-го Ноября опять была оттепель (pag. 155). Съ 15-го Февраля снова наступили теплые дни и дождливая погода (pag. 171). Объ этихъ перемѣнахъ въ состояніи атмосферы, имѣвшихъ важное вліяніе на ходъ осады, мы ничего не узнаемъ отъ Гейденштейна.

У Піотровскаго много говорится о рѣзкой оппозиціи Литовцевъ противъ продолженія осады послѣ неудачныхъ подкоповъ (pag. 119=20 Октября; pag. 125=23 Октября и т. д.). Нельзя сказать, чтобы Гейденштейнъ совершенно умалчивалъ о волненіяхъ и неудовольствіяхъ въ лагерѣ, но онъ касается этого пункта бережно и осторожно; ничего не специліазируя, онъ говоритъ, что волонтеры требовали отпуска, что нашлись *такіе*, которые считали болѣе выгоднымъ уступить часть Ливоніи царю, чѣмъ продолжать осаду (стр. 224 и дал.). Что это были Литовцы, прямо не сказано.

Попытка новаго приступа, послѣдовавшая 30-го и 31-го Октября, опять передается не съ одинаковыми подробностями въ Запискахъ Гейденштейна (стр. 229—

230) и въ Дневникѣ Піотровскаго (pag. 139). Вотъ, напримѣръ, одна черта, касающаяся любопытнаго пріема защиты противъ венгровъ, старавшихся разрушить стѣну, помѣстившись внизу ея. Псковитяне спускали огромной величины бревна, со всѣхъ сторонъ обитыя желѣзными зубцами и прикрѣпленныя цѣпями къ длиннымъ шестамъ; дѣйствуя ими искусно, они поражали враговъ съ низу направленными ударами. Такъ у Гейденштейна; у Піотровскаго, напротивъ, венгерцы противъ высовывающихся изъ за стѣнъ русскихъ закидывали на стѣны острые желѣзные крючья на длинныхъ веревкахъ и, зацѣпивши кого-нибудь за платье или руку, сбрасывали со стѣны. Въ примѣчаніи къ переводу Гейденштейна мы уже указали мѣсто изъ русской повѣсти, гдѣ означенная военная сноровка приписывается именно защитникамъ и описывается такъ, что скорѣе подтверждаетъ Гейденштейна, чѣмъ Піотровскаго. «Государевы бояре и воеводы — великіе кнуты повелѣша на шесты вязати, по концамъ же привязывати повелѣша желѣзные пуги съ вострыми крюки, и сими кнуты егда изъ града за стѣну противу Литовскихъ подсѣкателей ударяху, пугами же тѣми острыми крюками, яко ястребьими носы исподъ кустовья на заводяхъ утята извлачаху, кнутяными же тѣми желѣзными крюками, егда литовскихъ хвастливыхъ градоемцовъ за ризы ихъ и съ тѣломъ захватываше, и тѣми ихъ исподъ стѣны выдергаше» (стр. 40).

Остается прибавить нѣсколько словъ о разныхъ болѣе позднихъ изданіяхъ сочиненія Гейденштейна и объ его переводахъ на новѣйшіе языки. Кромѣ вышеупомя-

нутыхъ трехъ изданій Краковскаго, Базельскаго и Кельнскаго *Записки о Московской войнѣ* выходили въ свѣтъ еще нѣсколько разъ, то въ отдѣльномъ видѣ, то какъ составная часть болѣе обширнаго труда, обнимающаго исторію Польши отъ времени Сигизмунда Августа до 1602-го года. Библіографамъ извѣстно франкфуртское изданіе 1600-го года въ Rerum Moscoviticarum auctores varii (Francofurti, 1600). Затѣмъ только въ 1672-мъ году, черезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ смерти Гейденштейна (умеръ въ 1620 г.), уже наслѣдниками автора издано было его обширное твореніе, образовавшееся изъ Комментаріевъ, вслѣдствіе прибавленія въ началѣ и продолженія въ концѣ, и получившее такое заглавіе: «Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri duodecim». Московская война составляетъ здѣсь третью, четвертую, пятую и шестую книги, то-есть четыре книги изъ двѣнадцати. Въ новѣйшее время изданы были *Старчевскимъ* въ собраніи иностранныхъ писателей о Россіи XVI-го вѣка (Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berolini et Petropoli, 1841) опять отдѣльно одни Комментаріи о Московской войнѣ. Они помѣщены здѣсь подъ № XVII во второй части (pag. 87—186). Русскій переводчикъ пользовался двумя послѣдними наиболѣе новыми изданіями, между которыми почти нѣтъ никакой разницы. Самъ Старчевскій перепечаталъ, повидимому, изъ Кельнскаго изданія Кромеровой Польши [1]). Но единственнымъ болѣе исправнымъ изданіемъ слѣдуетъ считать то, кото-

[1]) Martini Chromeri, Varmiensis episcopi, Polonia et ceter. Coloniae Agrippinae 1589.

рое вышло подъ наблюденіемъ самаго автора въ Краковѣ и которое теперь составляетъ библіографическую рѣдкость. Именно новѣйшія изобилуютъ погрѣшностями и искаженіями текста. Во введеніи, когда дѣло касалось латинскаго подлиннаго текста, дѣлались ссылки на Краковское изданіе 1585-го года.

Существуютъ старинный нѣмецкій переводъ Комментаріевъ и новѣйшій польскій всѣхъ двѣнадцати книгъ Польской исторіи отъ смерти Сигизмунда Августа. Нѣмецкій переводъ принадлежитъ *Ретелю*; онъ появился еще въ 1590-мъ году съ посвященіемъ курфюрсту Саксонскому Христіану, въ которомъ указывается, что освобожденіе несчастныхъ угнетенныхъ христіанъ въ Лифляндіи отъ жестокой тираніи бывшаго Великаго князя Московскаго Іоанна Васильевича (Iwan Wasilowitzen) совершилось не безъ участія и совѣта нѣмецкихъ князей именно курфюрста Саксонскаго Августа (отца Христіана), курфюрста Брандербургскаго Іоанна Георга, и маркграфа Георга Фридриха, но даже при помощи съ ихъ стороны деньгами и другими вещами. Такъ какъ описаніе войны, прославившей польскаго короля Стефана Баторія, написанное на латинскомъ языкѣ благороднымъ и высокоученымъ Рейнгольтомъ (Reinholt) Гейденштейномъ, недоступно для нѣмецкихъ читателей, не знающихъ латинскаго языка, а между тѣмъ оно должно интересовать многихъ добрыхъ нѣмцевъ, принимавшихъ личное участіе въ войнѣ, то Ретель и взялъ на себя трудъ перевода. Переводчикъ надѣется, что посвященіе будетъ принято благосклонно курфюрстомъ Христіаномъ— изъ уваженія къ памяти отца, который вмѣстѣ съ другими князьями былъ возбудителемъ и поощрите-

лемъ въ дѣлѣ освобожденія Лифляндіи, а также изъ любви къ историческимъ сочиненіямъ, которыя онъ охотно читаетъ не только на латинскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ. Переводъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Warhaffte gründtliche und eigendtliche Beschreibung des Krieges welchen der nechstgewesene König zu Polen Stephan Batori etc. etliche Jahr nach einander wider den Grossfürsten in der Moschkaw Iwan Wasilowitzen geführet Dadurch er das hochbedrengete Lifflandt von des Moschkowiters vieljähriger hefftiger Verfolgung erlediget et ct. Durch Herrn Reingolt Heidenstein der kron Polen secretarium in VI Büchern ordentlich beschrieben: Nunmehr in Deutscher Sprache aussgangen. 1590 (съ портретомъ Стефана Баторія). Подпись подъ посвященіемъ, дата котораго въ концѣ обозначена 21 апрѣля 1590 г. въ Саганѣ, въ Силезіи: Heinrich Rätel. Нужно замѣтить, что тотъ же самый Ретель перевелъ на нѣмецкій языкъ и сочиненную Одерборномъ біографію Іоанна Васильевича Грознаго.

Заглавіе польскаго перевода, который сдѣланъ Глищинскимъ и вышелъ (въ 1857-мъ году) подъ редакціей В. Д. Спасовича, приведено выше (стр. II примѣч.). О качествахъ его мы должны сказать, что онъ вовсе не отличается близостію къ подлиннику и точностью, но часто представляется свободнымъ перифразомъ или даже сокращеннымъ изложеніемъ; при сравненіи съ изложеніемъ Альбертранди (см. выше стр. XXIV) не рѣдко оказывается, что перифразъ послѣдняго, вовсе не выдаваемый за переводъ, гораздо точнѣе передаетъ текстъ подлинника, чѣмъ переводъ Глищинскаго. Сверхъ того послѣдній вовсе не чуждъ погрѣшностей даже въ передачѣ на польскій языкъ

латинской терминологіи, служащей для обозначенія должностей и званій Польскаго государства, такъ напримѣръ слова structor regius (въ началѣ второй книги) въ польскомъ переводѣ объяснены: budowniczego krolewskiego, тогда какъ рѣчь идетъ о крайчемъ или стольникѣ (стр. 42 русск. перев.). Значительный по объему отрывокъ изъ Гейденштейна, касающійся осады и взятія Полоцка, а также другихъ городовъ, входящихъ въ составъ нынѣшней Витебской губерніи (въ первомъ и второмъ походѣ), переведенъ былъ г. *Сапуновымъ* и напечатанъ въ четвертомъ томѣ его изданія: «Витебская Старина» (Витебскъ, 1885) — стр. 200—232.

Предлагаемый нынѣ переводъ приготовленъ былъ собственно еще ранѣе перевода г. Сапунова кандидатомъ С.-Петербургскаго Универститета *И. И. Виноградовымъ*, но изданіе и печатаніе его по разнымъ причинамъ замедлилось. Переводчикъ стремился не только къ вѣрной передачѣ смысла, но и къ буквальной близости перевода къ тексту подлинника, насколько это вообще возможно. Ради этого обстотяельства слѣдуетъ извинить тѣ литературныя неловкости и шероховатости, какія при такой системѣ перевода, имѣющей, конечно, свои хорошія стороны, неизбѣжно являются. Переводчикъ однако, совершенно справедливо не считалъ необходимымъ при титулованіи московскаго государя удерживать вездѣ съ педантическою точностію выраженіе *Великій князь*, соотвѣтствующее постоянно употребляемому въ подлинникѣ Magnus Dux; оно было сохранено имъ только тогда, когда титулу придавалося особенное, такъ сказать дипломатическое значеніе, а во всѣхъ другихъ случаяхъ допускалася передача его словомъ *царь*.—Редакція пере-

вода была поручена Археографическою Коммиссіею члену ея В. Г. Васильевскому, который присоединилъ съ своей стороны къ переводу введеніе и нѣкоторыя примѣчанія сверхъ ссылокъ на Карамзина и Соловьева, сдѣланныхъ переводчикомъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

A.

Descriptio Ducatus Polocensis.

Polotia priscis temporibus, sub annum scilicet Christi 980 uel ut Russi supputant a creato mundo 6488, suum peculiarem Ducem habuit—Rochuoldum, qui a Wlodimiro Magno ob negatam in matrimonium filiam Rochnedam (ut annales Moschorum perhibent), bello uictus, uitam pariter cum duobus filiis ac imperio amisit. Inde Monarchis Russiae paruit, quorum sublato (Коркуновъ: salutato) stirpe ea, quae in Australi Russia regnabat, Lituanis cum quibusdam ditionibus Russicis concessit. Iagellone apud Lituanos pri-

Heidenst. Commentar. pag. 47.

Polotia antiquitus suos Duces habuit, subque annum à nato Christo CCCCLXXX vel ut Russi tempora numerant à condito mundo CCCCLXXXVIII S. VI M. Rochuoldo Duci paruit; qui à Vlodimiro magno ob negatam ei in matrimonium filiam Rochmedam, ut Moscorum annales habent, bello petitus, vitam pariter cum duobus filiis ac imperio amisit. Indè in Monarcharum et principum gentis Russicae potestatem concessit, quorum extincta stirpe ea, quae in Australi Russia regnabat; Lituanis, ut quaedam aliae

mum inde apud Polonos regnante, Andreas frater ipsius Polotiae dominatum arripuerat, fere cum ipse Jagello Cracoviae coronaretur sed mox missis copiis cum arce in potestatem regis uenit, inde ejus dominatus a Magnis Litvaniae Ducibus et Regibus Poloniae continuatus est ad annum 1563. Quo a Ioanne Basilii f. Duce Moscouiae rapta est ejusque ditionis ager aliquot nouis excitatis arcibus firmatus... Ditio haec ad 30 milliaria in longitudinem in latitudinem item minus patet, ac propter ubertatem glebae ac fluminum aliquot, imprimis vero Dunae omnium prope Europae fluuiorum pulcherrimi amoenissimi et ad navigandum accomodatissimi opportunitatem Rigensisque portus propinquitatem, Polotia dum à Mosco caperetur diuitiis incolarum ipsam Vilnam superabat.

ditiones Russiae cessit. Iagellone apud Lituanos primum, inde apud Polonos regnante, cum Andreas frater ejus Polotiae dominatum, sub idem fere tempus, quo Jagello Cracoviae insignia regni accipiebat, arripuisset, copiis aliquibus missis recepta mox fuit, continueque inde in fide Regum Poloniae, magnorumque Ducum Lituaniae ad annum LXIII S. M. D. permansit. quo à Ioanne Basilii filio Moscoviae Duce capta expugnataque fuit. Regio Polotiensis ad centum quinquaginta circiter millia totidem in latitudinem patens cùm ubertate glebae, tum fluminum atque lacuum copia nulli cedit. Fluuios nauigabiles complures habet, praecipuè Dunam, qui in Moscovia non procul à Turopecia ortus Rigensem portum efficit, omniumque Septentrionis fluminum amaenissimus fere ac pulcherrimus est.

Polotia, ex duabus arcibus superiore ac sclopetariorum oppidoque Zapolota constans, ita situ loci, propugnaculis ac inprimis bombardarum apparatu, pulvere globis, commeatu, militum praesidio munita et instructa, ut merito non solum Moschoviae, sed totius septemtrionis firmissimum propugnaculum existimaretur.

Pag. 51.

Constabat Polotia duabus arcibus, una in editiori loco posita, cademque media: altera quam scloppetariorum sua lingua Mosci appellabant: et opido Zapolotta.

B.

1) О Московскомъ посольствѣ подъ Велижемъ.

Brevis narratio — A³.

Capta Velisa literae à Mosco missae redduntur, quibus humiliter et demisse, quod plerique calliditati adcribebant, significat, iam se legatos, contra et suam et majorum suorum consuetudinem ad eum demisisse, cum iis mandatis, quae

Heidenst. de bello Moscov. pag. 108.

Sub idem tempus literae à Mosco afferuntur, quibus demissius, quam ut non simulata ab eo humilitas videretur, significabat, iam se legatos de pace cum idoneis mandatis, quibusque controversias minui posse exestimaret, contra et suam et majorum

Giulani Comment. pag. 4.

Capta Velisa literae ei à Mosco missae redduntur, quibus humiliter et demisse (quod plerique admirabantur) scriptis significabat, jam se legatum contra et suam et majorum suorum consuetudinem ad eum dimisisset. Cui qui-

postulatae ab ipso paci consentanea essent. Sed cum incertus esset, quid ab ipso Rex postularet, vereri ne non sit iis, quae legati ipsius nomine pollicerentur, contentus futurus: petere igitur, ut aut Rex quàm ocyssime sua postulata per literas signiflcaret, aut legatis suis id facere permitteret. Deinde, antequam legatos audiret, suis finibus contineret exercitum, nec pateretur in regione ipsius excursiones facere. Postremo, ne esset cupidus fundendi sanguinis christiani, neuè ab oblatae concordiae studiis abhorreret, memor saluberrimae illius admonitionis, ubi diuinus

suorum consuetudinem dimisisse quia fieri tamen possit, ut minus adhuc mentem Regis perspexerit, ideoque nondum omni ex parte ea Regi satisfaciant: petere se, ut aut Rex suam de his sententiam planius per literas aperiat, aut legatis suis id facere permittat: cum primis autem antequam legatos audiat, intra fines exercitum reducat abque omni in suos injuria prohibeat. sub finem literarum a crudelitate, locorum scripturae sacrae nonnullorum auctoritate, more suo ac solito majori laudandae, quam observandae ejus studio Regem dehortabatur.

dem dederit ea mandata, quae postulatae paci, aequis conditionibus, consentanea essent: sed cum haud satis exploratum haberet, quid à se Rex postularet, vereri ne parùm esset iis quae legatus ipsius nomini polliceretur, contentus futurus: Petere igitur, ut aut Rex quam ocyssimi sua postulata per literas significaret, aut legato suo id facere permitteret: Deinde ut antequam legatum audiret, suis finibus contineret exercitum, nec pateretur in regionem suae ditionis excursiones facere: postremo ne esset cupidus fundendi sanguinem Christianum,

vates, nunc inquit, Reges sapite, erudimini, qui judicatis terram: nam extremam secundi Psalmi partem literis suis inseruerat.

neue ab oblatae concordiae studiis abhorreret, memor saluberrimae illius admonitionis, ubi Diuinus vates, Nunc, inquit, Reges sapite, erudimini terrarum gubernatores. Nam extremam Psalmi secundi partem literis suis inseruerat.

2) О движеніи отъ Велижа къ Усвяту.

(Ср. Nehring l. c. 67 (= лат. р. 35).

Rex cognitis his literis nihilo remissius exequi destinata pergit, perfectisque tribus in Duna pontibus, universum exercitum in ulteriorem ripam traducit, ibique castra fecit. Postridie iter facienti iterum Mosci literae afferuntur, quibus significat,

Rex in eadem simulatione, qua ante usus fuerat, persistere eum videns, tribus pontibus universum exercitum in ulteriorem Dunae ripam mox traduxit. Postridie iter facienti iterum literae à Mosco redditae fuerunt: legatos suos maximis itineribus progredi (pag. *109*):

Rex lectis his literis, nihilo remissius exequi destinata pergit, perfectisque tribus ad Dunam pontibus, universum exercitum in ulteriorem ripam traducit, ibique castra fecit. Postridie iter facienti aliae Moschi literae offeruntur, multó quam supe-

legatos ipsius maximis itineribus progredi, expectaret venientes, nec tridui moram expectatione consumptam magno detrimento rebus suis fore putaret. Regem nihil de celeritate consueta remittere cupientem, retardabat difficultas viarum. Sylvestria erant loca, vix singulis pervia implicatis inter se arborum ramis, veluti perpetuam objicientibus sepem. Ad haec ob crebras paludes objectas, coenosamque humum, equorum, hominumque vestigiis cedentem, aegre moliebantur transitum copiae Lithuanicae, vociferantibus in exerci-

expectaret venientes, ne tridui moram magno detrimento rebus suis futuram cogitaret. Regem nihil de celeritate consueta remittere cupientem tardabat difficultas viarum... Itaque hic quoque siluestria erant loca, vix singulis pervia: propter crebras autem paludes interjectas magna praeterea ex parte coenosa, per quae aegre jumenta euaderent. Accedebat huc, quod à primis omni pabulo, si quod fortè erat, consumpto, apud majorem exercitus partem magna ejus quoque rei inopia laboraretur.

riores demissius scriptae. Earum sententia erat, legatum quocunque Rex imperasset paratum ire, expectaret igitur magnis itineribus euntem, nec tridui moram, dum missum à se legatum opperiretur, consumptam, magno detrimento suis rebus fore putaret. Regem nihil de celeritate consueta remittere cupientem retardabat difficultas viarum. Silvestria erant loca, vix singulis pervia, implicatis inter se arborum ramis veluti perpetuam objicientibus sepem. Ad haec, ob crebras paludes objectas, caenosamque humum equorum hominumque ves-

tu regio militibus, quod lente procedentes, tardeque viam sternentes Lituani, consumpto omni pabulo, nihil praeter nudum solum sequentibus ipsis reliuquerent.		tigiis cedentem, aegre moliebantur transitum copiae Lithuaniae, vociferantibus in exercitu Regio militibus, lente praecedentes tardeque viam sternentes Lithuanos, consumpto omni pabulo, nihil praeter nudum solum sequentibus relinquere.

3) Объ осадныхъ дѣйствіяхъ противъ Усвята.

Brevis narratio fol A[3].	Heidenst. pag. 109 — 110.	Giulani Comment. pag. 5—6.
Ill icum ferociter initio respondissent, ac tandem circumduci fossam admoverique vimineos corbes vidissent, deditionem eodem die polliciti sunt, territi potissimum aduentu Ungarorum peditum, qui una nocte admirando labore, pro	Coeperat ad arcem admovere munitiones jussu Palatini Vilnensis cum Lituanis Georgius Socolinscius. Huic cum Ungari se adjunxissent, atque una nocte admirando labore ad portam tam propé, unde telum adiici posset, fossa perducta, con-	Illi cum ferociter initio respondissent, tandem ubi circumduci fossam, admoverique vimineos corbes videre, nullam moram deditioni fecerunt, territi potissimum aduentu peditum nostrorum, qui per unius noctis spacium, admi-

ipsa porta intra lapidis jactum fossa perducta continenti sclopetarum ictu, neminem in aduersa turri versari paciebantur. Deditis concessa à Rege vita dataque facultas, exceptis Praefectis, iis qui vellent in Moscoviam redeundi. Rex postridie, quae fuit 17. August. ad veterem Usuiatam positis castris, nauim cum paucis ingressus ad inspiciendam ex aduerso arcem nauigauit ubi quatriduum commoratus Velicilucum versus contendit. Inde per longissimas et densissimas silvas aliquot diebus patefaciendo itinere consumptis 27 die Augusti non longe ab

tinenti sclopetorum ictu neminem in aduersa turri consistere paterentur; nomine simul et aduentu regio, quem ex latis castrorum spatiis ab castello in omnes subjectos campos despectum habente cognouerant, territi, qui in praesidio erant, deditionem eodem die fecerunt.

Rex ab Usuiata Lukos versus ten-

rando labore intra lapides jactum perducta fossa, continenti scopetorum (sic) ictu neminem in aduersa turri versari patiebantur. Deditis concessa à Rege incolumitate, permissum est, exceptis Praefectis, qui vellent in Moscoviam redire. Rex postridie ad veterem Usuiatam positis castris, nauim cum paucis ingressus aduerso flumine in lacum ad inspiciendam arcem nauigauit. Usuiata praesidio firmata, paratisque itineribus, XIII Cal. Sept. decem millia passuum inde processit.

Дальнѣйшій маршрутъ короля въ

arce Lucana cis flumen castra posuimus; cum jam quinto die ante civitas ipsa amplissima à praesidiario milite incendio deleta esset. Eo etiam cancellarius Regni Velisa diverso itinere veniens, sua castra cum nostris conjunxit.

dens principio eadem rursus viarum asperitate, perpetuis siluis densissime — inter se implicatis, ad haec solo coenoso et impeditissimo exceptus fuit. Post commodiore aliquanto via usus fuit, aridiore ac arenoso pene solo.

письмѣ Гіулана описанъ съ большею подробностію, чѣмъ въ безымянной брошюрѣ, а вслѣдствіе того буквальное сходство прерывается.

ЗАПИСКИ О МОСКОВСКОЙ ВОЙНѢ.

КНИГА I.

Стефанъ Баторій, послѣ своего избранія въ короли, думая, что по заключеніи мира извнѣ и по установленіи дружественныхъ отношеній со всѣми сосѣдями легче будетъ прекратить и внутри раздоры, возникшіе вслѣдствіе избирательной борьбы, и тѣмъ доставить государству полное спокойствіе, написалъ къ большой части сосѣднихъ князей грамоты, въ которыхъ по обычаю, принятому между государями, объявлялъ о томъ, что королевство вручено ему, и, заявляя о своихъ добрыхъ чувствахъ къ нимъ, выражалъ желаніе хранить со всѣми миръ. Между прочимъ онъ послалъ также и къ великому князю Московскому Ивану Васильевичу поляка Георгія Груденскаго и литовца Льва Буховецкаго съ грамотою о томъ, что призванный на королевство божественнымъ провидѣніемъ и желаніемъ сейма, онъ рѣшился вести дѣла такъ, чтобы быть въ мирѣ и дружбѣ со всѣми христіанскими государями, и что къ нему, какъ къ сосѣднему и христіанскому государю, онъ питаетъ такія же добрыя чувства. Если же между нимъ, великимъ княземъ съ одной стороны, королевствомъ Польскимъ и вели-

1576. кимъ княжествомъ Литовскимъ съ другой и существуютъ какія несогласія, наслѣдованныя отъ предшественниковъ обоихъ ихъ, то ихъ можно уладить дружелюбными переговорами согласно съ справедливостью. На это царь Московскій отвѣчалъ, что хотя онъ и слышалъ объ избраніи въ короли Максимиліана, тѣмъ не менѣе, однако, не отказывается быть въ дружбѣ и доброй пріязни и съ нимъ самимъ. Ему желательно, чтобы по обычаю предковъ были посланы великіе послы, а въ ожиданіи пословъ съ обѣихъ сторонъ пусть будутъ прекращены незаконныя и враждебныя дѣйствія [1]). Получивъ такой отвѣтъ, король всецѣло предавшись заботѣ о внутреннемъ успокоеніи и въ особенности о прекращеніи бунта жителей Гданска, созвалъ сеймъ въ Торнѣ и на немъ же порѣшилъ съ одобренія рады послать въ Москву пословъ для переговоровъ о мирѣ. Послами были избраны Станиславъ Крыскій, воевода Мазовецкій,—Николай Сапѣга, воевода Минскій,—Θедоръ Скуминъ, литовскій надвор-
1577. ный подскарбій [2]). Такъ какъ королю послѣ этого приходилось приводить къ покорности городъ Гданскъ оружіемъ, то Московскій царь, полагая, что теперь для него настало са-

1) Грамота Баторія къ великому князю Московскому съ просьбою объ охранной грамотѣ для великаго посольства, писана въ Варшавѣ 12-го іюля 1576 года. См. въ Книгѣ посольской метрики великаго Княжества Литовскаго (издана по порученію Московскаго общества исторіи и древностей *М. Погодинымъ* и *Д. Дубенскимъ*. Москва. 1843) II, № 1 (стр. 1, 2). Тамъ же читается въ подлинникѣ инструкція посланцамъ Груденскому и Буховецкому (№ 2), а также грамота отъ пановъ рады коронныхъ и литовскихъ къ московскимъ боярамъ объ установленіи мира и о выдачѣ охранныхъ грамотъ для посольства (№ 3). Отвѣтъ московскихъ думныхъ бояръ панамъ (№ 6 стр. 7) писанъ въ ноябрѣ того же 1576 года, и въ немъ кромѣ жалобъ на неправильный отказъ въ царскомъ титулѣ и вступательство въ Ливонскую землю—между прочимъ говорится объ отправленіи съ посланцами Груденскимъ (Городенскимъ) и Буховецкимъ охранной грамоты для большаго посольства. Самая грамота, данная 4-го ноября въ Москвѣ, находится подъ № 11-мъ, стр. 17. Ср. *Соловьевъ*, Исторія Россіи VI, 312.

2) Отправленіе Крыскаго и Сапѣги рѣшено было въ мартѣ 1577 года и тогда же были составлены для нихъ инструкціи (Метрика Литовск. II. №№ 11, 12, стр. 17 и сл.); но за тѣмъ оно было пріостановлено и замедлилось на довольно долгое время вслѣдствіе дѣйствій Іоанна въ Ливоніи. См. ниже.

мое удобное время занять Ливонію, къ насилію и военнымъ 1577.
дѣйствіямъ прибавилъ еще лукавство. Въ то время Ливонія находилась подъ управленіемъ Ивана Ходкевича съ титуломъ администратора; въ крѣпостяхъ было мало Поляковъ, большая часть начальниковъ были съ Литовской стороны. Туземцы подвергаясь отъ нихъ дурному обращенію и вмѣстѣ съ тѣмъ видя, что они не располагаютъ достаточными средствами противъ московскаго могущества, расположены были въ пользу какой бы то ни было перемѣны. Хорошо зная объ этомъ, Московскій князь послалъ въ Ливонію Магнуса, Голштинскаго герцога, котораго онъ держалъ при себѣ, связавъ обѣщаніями и родственными узами. Царь распространилъ слухъ, что если Ливонцы передадутся принцу, то онъ передастъ послѣднему для управленія Ливонію на ленномъ правѣ, по примѣру Пруссіи, съ тѣмъ, чтобы все управленіе и власть сосредоточивались въ рукахъ Магнуса, а за нимъ оставалось бы верховное господство и соотвѣтствующій тому титулъ. Жители края, побуждаемые съ одной стороны нерасположеніемъ и ненавистью къ чужеземной власти, съ другой надеждою и горячимъ желаніемъ имѣть начальниковъ того же языка и происхожденія, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ и мятежныхъ людей, прогнали почти изъ всѣхъ городовъ польскіе гарнизоны, и сами собрались въ Венденъ, гдѣ въ то время находился Магнусъ, возложили на него здѣсь титулъ и знаки королевской власти и присягнули на его имя. Между тѣмъ Московскій князь, собравъ огромнѣйшее войско, проникъ въ Ливонію безъ всякаго препятствія, такъ какъ изгнаны были всѣ гарнизоны и большая часть крѣпостей были заняты Магнусомъ. Принявъ подъ власть сдавшіеся Маріенгаузенъ, Рѣжицу, Люцинъ, Динабургъ, Когенгаузенъ до самаго Ашерадена, и не дѣлая имъ никакого вреда, для того, чтобы слухъ о его милосердіи распространился при самомъ началѣ управленія, Іоаннъ отправился дальше. Въ Ашераденѣ собралось огромное множество

1577. людей обоего пола и всякаго сословія, въ особенности же много женщинъ и дѣвицъ; тамъ же находился ландмаршалъ, человѣкъ почтенный и по лѣтамъ и по тѣмъ высшимъ должностямъ, которыя нѣкогда онъ занималъ. Московскій князь, перебивъ безъ разбора всѣхъ, способныхъ носить оружіе, не воинственный полъ, женщинъ и дѣвицъ, отдалъ Татарамъ на поруганіе; затѣмъ прямо отправился въ Венденъ. Находившіеся тамъ жители, перепуганные слухомъ о такомъ жестокомъ поступкѣ Московскаго князя, заперли ворота. Магнусъ, вышедшій за нихъ просителемъ съ униженнымъ видомъ и умолявшій на колѣняхъ о помилованіи, ползая у его ногъ, былъ обруганъ княземъ, который даже ударилъ его въ лицо. Убѣдившись, что вліяніе Магнуса нисколько не можетъ послужить къ ихъ спасенію, такъ какъ даже ему самому угрожаетъ опасность, и видя себя со всѣхъ сторонъ окруженными и обманутыми вѣроломнымъ непріятелемъ, жители подъ вліяніемъ гнѣва, страха и отчаянія подложили подъ зданія порохъ, и отъ этого взрыва погибло огромное множество людей обоего пола, всякаго возраста и сословія, и почти весь цвѣтъ знати ливонской, сколько ея еще оставалось до сихъ поръ. Овладѣвъ такимъ образомъ Венденомъ, и въ то же время сдавшимся Роннебургомъ, сосѣднимъ съ Венденомъ, Московскій царь уже имѣлъ подъ своею властію всю Ливонію, за исключеніемъ Ревеля, Риги и немногихъ пограничныхъ съ ними крѣпостей. Послѣ отъѣзда Генриха, во время безкоролевья, онъ захватилъ Перновъ, отъ Шведовъ взялъ славную, искусственно и естественно очень укрѣпленную крѣпость Вейссенштейнъ, Нарву же и Дерптъ, Феллинъ и Маріенбургъ и нѣкоторые другіе уже гораздо раньше онъ отнялъ отчасти у епископа Рижскаго, частію у Ливонскаго ордена св. Маріи. Положивъ такое начало, Московскій князь дѣлалъ затѣмъ постоянныя вторженія къ Ливонію, нанося ея жителямъ множество вреда, и тѣмъ заставилъ ихъ отдаться подъ власть и покровительство Сигизмунда Августа и поль-

скихъ королей. И вотъ это то обстоятельство, вмѣстѣ съ прежними спорами и притязаніями по отношенію къ великимъ князьямъ Литовскимъ изъ за нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностей, служило затѣмъ постояннымъ предлогомъ враждебныхъ дѣйствій между нимъ и Польскими королями. Эта война, иногда прерываемая перемиріемъ, большею частію веденная съ перемѣннымъ успѣхомъ какъ въ Ливоніи, такъ и въ Литвѣ, досталась по наслѣдству и королю Стефану. Впрочемъ Московскій князь, уведя съ собою воеводу Ходкевича, Александра Полубенскаго и прочихъ начальниковъ, вернулся въ Москву. На дорогѣ онъ написалъ королю письмо, чтобы тотъ совсѣмъ отказался отъ Ливоніи. Въ письмѣ онъ выводилъ свой родъ отъ какого то Прусса, брата Августа Цезаря, никому раньше неизвѣстнаго, о которомъ онъ утверждалъ, будто бы онъ управлялъ въ Хойницѣ и Маріенбургѣ и на обширномъ пространствѣ въ остальной Пруссіи, для того, чтобы тѣмъ заявить притязаніе на господство до самыхъ границъ Пруссіи [1]). Послы, которые были отправлены для переговоровъ объ условіяхъ мира, тѣмъ не менѣе продолжали свой путь, получивъ на дорогѣ новыя инструкціи—жаловаться на несправедливыя дѣйствія, совершенныя подъ прикрытіемъ перемирія, и требовать удовлетворенія. Пока король стоялъ лагеремъ подъ Гданскомъ, онъ не имѣлъ въ готовности никакого войска въ Ливоніи и Литвѣ, какъ въ виду существующаго по наружности мира, такъ и вслѣдствіе недостатка денегъ въ казнѣ, сильно ощущаемаго въ началѣ царствованія; услышавъ же о вторженіи непріятеля, онъ обратился съ военнымъ призывомъ къ литовской шляхтѣ и передалъ воен- 1577.

1) Это было прописано въ грамотѣ Іоанна Васильевича къ пану Полубенскому при вторженіи въ Ливонію, а Полубенскій, захваченный въ плѣнъ и увезенный въ Москву, переслалъ документъ Баторію. См. объ этомъ въ инструкціи Баторія своему послу на повѣтовыхъ сеймикахъ ноября 1577. *Pawiński*. Początki Panowania Stefana Batorego (Zródla Dzjejowe t. IV. Warszawa, 1877, № 140, dag. 250); а также въ метрикѣ Литовской II № 16, стр. 27 (въ инструкціи гонцу Мартину Полуяну, іюля 1577 г.).

1577. ную власть въ этомъ княжествѣ Николаю Радзивилу, воеводѣ Виленскому, такъ какъ Григорій Ходкевичъ, который раньше тамъ начальствовалъ, въ это время умеръ. Радзивилъ съ значительнымъ отрядомъ охотниковъ прибылъ въ Сеельбургъ. Между тѣмъ когда, благодаря посредничеству пословъ со стороны многихъ нѣмецкихъ князей, жители Гданска снова покорились королю, онъ всецѣло обратился къ войнѣ противъ Москвы, которую уже гораздо раньше имѣлъ въ виду. Много причинъ побуждало его начать войну, кромѣ полученныхъ оскорбленій и кромѣ возвращенія Ливоніи; прежде всего онъ питалъ весьма справедливое желаніе какимъ нибудь великимъ подвигомъ оказать услугу, не только людямъ своего государства, но множеству другихъ, которымъ московская власть, соединенная съ ужасною жестокостію, внушала страхъ или была невыносима, и тѣмъ самымъ стяжать своему имени въ потомствѣ такую славу, чтобы всѣ знали, что онъ не только по имени былъ королемъ, но и былъ достоинъ этого сана. Сверхъ того онъ разсчитывалъ, что сломивъ Москву, онъ получитъ возможность обратиться къ другимъ еще болѣе великимъ предпріятіямъ, которыя у него были на умѣ и о которыхъ онъ сообщалъ папѣ Григорію XIII чрезъ отправленнаго въ Римъ посла Павла Зайончковскаго. Въ такомъ настроеніи онъ назначилъ на январь мѣсяцъ сеймъ въ Варшавѣ [1]). Это было уже въ 1577 году. Въ это время возвращенъ былъ подъ власть короля Динабургъ,

[1]) Какъ сказано выше, отправленіе великихъ пословъ Крыскаго съ товарищами замедлилось. Въ сентябрѣ 1577 года Крыскій находился въ Вильнѣ и ждалъ здѣсь новыхъ инструкцій отъ короля, посылалъ между тѣмъ гонца въ московскій станъ въ Ливоніи, сообщалъ Баторію новости о ходѣ дѣлъ въ Ливоніи (см. *Pawiński*, Początki Panowania Stefana Batorego № 138, pag. 218); король писалъ ему два раза, второй разъ въ ноябрѣ 1577 года (ibid. № 139. 150 pagg. 221.235) Крыскій и Сапѣга прибыли въ Москву въ январѣ 1578 года. *Соловьевъ*, Исторія Россіи VI, 313. Въ наказѣ польскому гонцу Полуяну (іюля 30, 1577), который былъ посыланъ въ промежуткѣ, объясняются причины замедленія. Метрика Литов. II, № 15 и 16, стр. 26 и сл. Впрочемъ въ письмѣ къ Крыскому отъ 17-го сентября 1577 года Баторій говоритъ, что нужно протянуть время до сейма, а между тѣмъ barbarum verbis ducendum (Początki pag. 222).

взятый обратно Борисомъ Савою и Вильгельмомъ Платеромъ. **1577.**
Эти бдительные военноначальники, внимательные ко всякимъ обстоятельствамъ, замѣтивъ, что московскій гарнизонъ страдаетъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, подъ видомъ дружбы и доброй военной пріязни, послали туда нѣсколько явствъ и питья, и въ томъ числѣ бочку съ водкой,—которую особенно любятъ Москвитяне, по причинѣ недостатка въ настоящемъ винѣ. Когда Москвитяне напились до пьяна, тѣ заранѣе это предусмотрѣвъ, ночью приставили лѣстницы, взбѣжали на валы, которыми только была окружена крѣпость, и проникли въ самую крѣпость, выгнали оттуда едва успѣвшихъ опомниться отъ сна и опьяненія Москвитянъ и овладѣли такимъ образомъ ею. Немного времени спустя затѣмъ и Венденъ былъ возвращенъ такимъ же образомъ. Подъ начальствомъ Матѳея Дембинскаго находился какой то плотникъ Латышъ, сестра котораго находилась во власти Москвитянъ; пользуясь предоставленною крестьянамъ свободою сношеній, онъ часто приходилъ въ Венденъ подъ предлогомъ свиданія съ нею. Разъ улучивъ удобное время, онъ сдѣлалъ восковой оттискъ городскихъ ключей, и, приготовивъ по этому образцу другіе, доставилъ ихъ Дембинскому. Въ назначенный день, который Москвитяне праздновали у воротъ города, Дембинскій, подошелъ со своимъ наскоро собраннымъ отрядомъ, и когда съ одной стороны были приставлены лѣстницы, а съ другой сбѣжались Латыши, находившіеся въ Венденѣ, то одинъ изъ нихъ отворивъ ворота, впустилъ Поляковъ.

Въ то время, какъ король направлялся въ Варшаву на **1578.**
сеймъ, онъ получилъ на дорогѣ извѣстіе, чуждое отношенія къ тѣмъ дѣламъ, которыя его занимали [1]). Границею между королевствомъ Польскимъ и великимъ княжествомъ Литовскимъ большею ча-

1) Сеймъ открылся 19-го января 1578 года и закрылся 10-го марта. *Вержбовскій*, Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 годахъ. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія 1882, августъ, стр. 233.

1578. стію служитъ Днѣпръ, который начинаясь въ Московскомъ княжествѣ, течетъ съ небольшими изгибами на западъ, затѣмъ на югъ и потомъ вливается въ Черное море, неся огромное количество воды; болѣе верхняя часть рѣки принадлежитъ къ Литвѣ, у болѣе нижней части соединяются границы различныхъ народовъ. Кромѣ Москвитянъ и Русскихъ, находящихся подъ польской властью, здѣсь соприкасаются нѣкоторыя владѣнія Турокъ, на небольшемъ же разстояніи начинаются владѣнія Валаховъ. При сосѣдствѣ столькихъ народовъ, притомъ сохранившихъ воинственный характеръ, съ древнихъ вѣковъ и до сихъ поръ здѣсь не можетъ держаться мирный порядокъ. Огромное пространство полей, множество земли остается тамъ не воздѣланнымъ и не населеннымъ по причинѣ разбоевъ или вслѣдствіе страха. Всякій, кто былъ въ тяжкой нуждѣ или былъ осужденъ за уголовныя преступленія, и всѣ тѣ, которымъ или обстоятельства или законы не дозволяли жить въ отечествѣ, какъ изъ другихъ народовъ, такъ и изъ Поляковъ и Литовцевъ,— собирались сюда, чтобы жить грабежемъ и добычею. Въ прежнія же времена, при общемъ мирѣ между народами, даже нѣкоторые знатные юноши стремились къ этимъ мѣстамъ, ненавидя спокойную жизнь, избѣгая праздности и бездѣйствія, и желая упражняться въ военныхъ подвигахъ. Всѣ подобнаго рода люди большую часть жизни проводятъ здѣсь на водѣ, въ рыбной ловлѣ и въ разбояхъ, считаютъ врагомъ всякаго, отъ кого надѣются получить больше добычи; но такъ какъ среди ихъ все-таки численно преобладаютъ христіане, то они питаютъ особенную вражду къ невѣрнымъ (варварамъ) и въ особенности къ Татарамъ, и не разъ оказывали усердное содѣйствіе Польскимъ королямъ. Такъ какъ они занимаютъ самую нижнюю части Польши, соприкасающуюся съ рѣкою, о назывались по мѣсту Низовыми, и среди остальныхъ *казаковъ*, — такимъ именно общимъ именемъ называются какъ конные, такъ и пѣшіе люди, которые собираются по доброй

волѣ для занятій разбоемъ на границахъ и для того, чтобы тревожить сосѣдей набѣгами, — эти Низовые въ особенности имѣли значеніе и силу, какъ по своей многочисленности, такъ и по отважности. Среди этихъ людей жилъ съ нѣкотораго времени Иванъ Подкова, по народности Валахъ, человѣкъ низкаго происхожденія, но отличавшійся физическою силой и пріобрѣвшій себѣ прозваніе Подкова тѣмъ, что разрывалъ рукою желѣзныя лошадиныя подковы. При сходствѣ образа жизни и занятій, онъ своими обѣщаніями легко уговорилъ людей, жившихъ грабежемъ, напасть вмѣстѣ съ нимъ на Валахію и передать ему власть надъ нею. Они захватили Петра, воеводу Валашскаго, совершенно въ расплохъ и лишили его власти, прежде чѣмъ тотъ могъ заподозрить, что ему грозитъ откуда нибудь оружіе. Король, узнавъ объ этомъ, недовольный уже тѣмъ, что безъ его приказанія затронуты были войною чужія границы, и сверхъ того желая возстановить власть Петра, которому онъ благопріятствовалъ, отправилъ письма въ Польшу къ нѣкоторымъ лицамъ и въ Трансильванію къ брату своему, князю Христофору, съ просьбою оказать помощь Петру. Когда этотъ послѣдній (т. е. братъ) прислалъ нѣсколько эскадроновъ всадниковъ и пѣшихъ подъ предводительствомъ Стефана Баторія, сына брата своего Андрея, то Подкова, принужденный отступить въ польскій городъ Немировъ, попалъ въ руки Николая Сенявскаго, кастеляна Каменецкаго, начальствовавшаго надъ пограничными войсками въ Руси, и былъ отосланъ имъ къ королю. **1578.**

Послѣ того какъ собрался сеймъ, въ первый день совершено было торжественное богослуженіе, а на другой день было доложено сословіямъ, каждому порознь, объ оскорбленіяхъ со стороны Москвитянъ и Татаръ, и король спросилъ: желаютъ ли они вести войну съ Москвитянами и Татарами, или съ которымъ нибудь однимъ изъ этихъ двухъ народовъ. Рѣшена была война съ Москвою, а съ Татарами пока отложена. Та-

1578. тарскій ханъ, по отъѣздѣ Генриха, дѣлалъ набѣги на границы въ то время, какъ государство было обезпокоено и занято другими дѣлами, и тревожилъ ихъ опустошеніями, грабежомъ и всякаго рода безчеловѣчіемъ; во время же осады Гданска онъ сдѣлалъ хищническій наѣздъ въ большихъ размѣрахъ. Въ самые дни сейма, узнавъ по слухамъ о свадебномъ торжествѣ, которое справлялъ для своей родственницы князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, ханъ сдѣлалъ набѣгъ на Волынь и осадилъ князя Острожскаго. По усмиреніи возстанія въ Гданскѣ, король отправилъ войско, бывшее подъ Гданскомъ, въ Русь для защиты границъ, и уже нѣсколько полковъ достигли Волыни, когда дошелъ слухъ о вторженіи Татаръ. Временное начальство надъ этимъ войскомъ король поручилъ Яну Збаражскому, воеводѣ Брацлавльскому [1]). Нѣкоторые изъ польскихъ отрядовъ, не подалеку отъ Торчина наткнулись на толпу Татаръ, которые, еще не зная о приходѣ войска, совершенно беззаботно занимались грабежемъ; завязалась тотчасъ битва и польскіе полки вышли побѣдителями. Татарскій ханъ, узнавъ изъ этого о приближеніи войскъ, выслалъ противъ Збаражскаго отборныхъ воиновъ съ обычнымъ порученіемъ, разъузнать о намѣреніяхъ и силахъ непріятеля. Послѣдніе встрѣтились съ нашими у Заславля, и когда нападеніе ихъ храбро было отражено нашими, тотчасъ возвратились,—а татарскій ханъ, заключивъ договоръ съ полководцемъ, между прочимъ и о томъ, чтобы тотъ хлопоталъ предъ королемъ объ удаленіи отъ Крымскихъ границъ Низовцевъ, разбои которыхъ онъ выставлялъ единственною причиной войны, удалился. Тѣмъ не менѣе рѣшено было на этомъ сеймѣ не поднимать пока рѣчи о наказаніи Татаръ. Да и какой богатой добычи можно было

1) Донесеніе Збаражскаго о татарскомъ набѣгѣ съ перечисленіемъ раззоренныхъ мѣстъ. Początki Panowania Stefana Batorego № 80, стр. 138—безъ даты; но рядомъ другіе документы показываютъ, что это было весною 1577 года (№№ 81, 85, 107, 109 и 110).

ожидать отъ непріятеля бѣднаго, кочеваго? а между тѣмъ на ихъ 1578.
защиту легко могли подняться войска Турокъ, тѣмъ болѣе, что турецкій султанъ утверждалъ, будто земля, на которой они находятся, принадлежитъ ему и будто они владѣютъ ею какъ его подручники. Молва приписывала несравненно больше могущества Московскому государству: тѣмъ большую славу въ настоящемъ и въ потомствѣ можно получить побѣдою надъ нимъ; наградою побѣды будетъ служить Ливонія, провинція цвѣтущая, нѣкогда богатая средствами и городами, представляющая и теперь множество выгодъ, особенно вслѣдствіе своего приморскаго положенія.

Такимъ образомъ рѣшена была война противъ Москвы, и при этомъ положено было вести ее въ предѣлахъ непріятельскихъ, такъ какъ прежній способъ держать войска внутри собственныхъ границъ и только обороняться отъ врага былъ осужденъ на основаніи происходящаго отсюда домашняго вреда и на основаніи примѣра прошлаго года. Ближайшею затѣмъ заботой была забота о денежныхъ средствахъ. Въ сенатѣ выбрана была коммисія для того, чтобы обсудить сколько нужно солдатъ для войны, и какое жалованье положить на каждаго солдата. Назначена была подать на каждый ланъ (*югеръ*) по одному злоту, учреждена была подать на пиво въ городахъ и мѣстечкахъ, въ размѣрѣ одной восемнадцатой части съ продажной цѣны каждой бочки. Это была тяжелая подать, подобной которой до того времени никто не помнилъ; однако всѣ согласились, за исключеніемъ только пословъ воеводствъ Краковскаго, Сендомірскаго и Сѣрадскаго, сопротивлявшихся на томъ основаніи, что они по ихъ словамъ не имѣли никакихъ полномочій насчетъ одобренія такого налога [1]). Шляхта не

[1]) См. универсалъ Стефана Баторія о налогахъ (universal poborowy: Volumina legum II, 980—994), данный во Львовѣ 10-го іюня 1578 г. послѣ воеводскихъ сеймиковъ. *Albertrandi*, Panowanie Henryka Walezyusza ï Stefana Batorego (W Krakowie, 1861) pag. 373.

1578. хотѣла подать голоса ни за войну, ни за налогъ, пока король не установитъ для нея судовъ, которыхъ она требовала еще во время Сигизмунда Августа, и какіе во время междуцарствія сама собою учредила. Въ древности существовала аппеляція отъ гродскихъ судовъ къ воеводскимъ, смотря потому, къ какому воеводству принадлежалъ городъ, затѣмъ аппеляція къ королю на сеймъ. Такъ какъ Сигизмундъ Августъ весьма рѣдко производилъ судъ вслѣдствіе слабаго здоровья, то шляхта постоянно просила, чтобы позволено было ей постановлять судей изъ своей среды. Король противился этому всю свою жизнь. Лишившись такимъ образомъ надежды испросить себѣ эту привиллегію у короля, шляхта во время междуцарствія, прежде чѣмъ выбрать королемъ Генриха, между прочимъ предложила ему и это условіе о передачѣ судебныхъ дѣлъ шляхтѣ, и тотъ принялъ оное. Вслѣдствіе этого, послѣ отъѣзда Генриха, шляхта въ каждомъ воеводствѣ выбрала себѣ изъ среды своей въ судьи кого ей было угодно для разбора аппеляціонныхъ дѣлъ. Какъ и слѣдовало ожидать, отсюда произошла большая путаница во всемъ. Король Стефанъ, замѣтивъ это, хотѣлъ, сколько возможно было, поправить испорченное и возстановить порядокъ и однообразіе, и ради того постановилъ, чтобы не въ каждомъ воеводствѣ былъ особый трибуналъ, но чтобы каждое большее воеводство избирало по два, а меньшее по одному делегату отъ шляхты ежегодно, и чтобы эти делегаты, съѣхавшись съ начала въ Петроковѣ, отъ дня св. Мартина до Пасхи засѣдали и судили для шляхты Великой Польши, а затѣмъ отъ Пасхи до убора жатвы въ Люблинѣ для Малопольской шляхты. Судъ въ частныхъ дѣлахъ переходилъ при этомъ всецѣло къ шляхтѣ; въ дѣлахъ, касающихся государства, королевскихъ правъ или казны, онъ оставался по прежнему за королемъ, равно какъ юрисдикція въ тѣхъ земляхъ, которыя имѣли свои законы и особыя отъ другихъ права. Нѣкоторая остановка въ изданіи устава (конституціи) произошла отъ того, что шляхта домога-

лась, чтобы сенаторы (паны рады) были устранены отъ участія и засѣданія въ тѣхъ судахъ, между тѣмъ послѣдніе напротивъ утверждали, что несправедливо будетъ, если ихъ санъ и достоинство вмѣсто выгоды, какъ бы это слѣдовало, будетъ служить имъ въ ущербъ и если бы они, выдаваясь среди шляхты своею знатностію и честью, были лишены привиллегіи, даруемой цѣлому сословію, при томъ въ такомъ дѣлѣ, которое относится къ области публичнаго права и слѣдовательно касается всѣхъ одинаково. Наконецъ согласились на томъ, чтобы шляхта могла выбирать делегатовъ въ трибуналы, какъ изъ среды шляхты, такъ равно изъ среды сенаторовъ. Между королемъ и шляхтою былъ небольшой споръ по тому поводу, что шляхта хотѣла, чтобы и королевскіе города зависѣли отъ нея въ дѣлахъ, ей подсудныхъ (подчинялись ея юрисдикціи), и въ предшествовавшіе годы она уже привлекала къ своему суду нѣкоторыя дѣла такого рода. Уступила шляхта, и положено было, что подобныя дѣла, не смотря на рѣшеніе ихъ судами шляхты, будутъ перенесены въ высшую инстанцію и снова пересмотрѣны королемъ на этомъ же сеймѣ. Шляхта домогалась, чтобы королевскіе урядники и старосты, главная обязанность которыхъ заключается въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, были подъ властью шляхетскихъ судовъ, поколику на нихъ лежитъ обязанность исполненія судебныхъ приговоровъ; говорили, что не зачѣмъ было бы вручать шляхтѣ судъ, если она не будетъ имѣть юрисдикціи надъ тѣми, которые должны приводить въ исполненіе рѣшенія ея суда. Король согласился на то, чтобы насколько дѣло будетъ касаться исполненія трибунальныхъ приговоровъ, урядники и старосты были подвластны трибуналамъ. Оставалось рѣшить споръ между духовнымъ и свѣтскимъ сословіями, такъ какъ послѣднее хотѣло чтобы духовные подчинены были тѣмъ же самымъ судамъ, какъ прочая шляхта; духовныя лица утверждали, что эти суды шляхты, въ составъ которыхъ, понятно, будутъ входить

1578

1578. и разновѣрцы (диссиденты), по многимъ причинамъ для нихъ подозрительны, и потому духовные не хотѣли отъ нихъ зависѣть. Канцлеръ Янъ Замойскій поставилъ имъ на видъ, что отъ подчиненія этимъ судамъ они ничего не потеряютъ, равно какъ ничего не выиграютъ отъ того,что откажутся признавать ихъ, потому что все-таки ихъ будутъ подвергать заочнымъ приговорамъ и штрафамъ за неявку, какъ это водилось ранѣе въ судахъ воеводскихъ, гдѣ между прочимъ одинъ архіепископъ былъ присужденъ къ пенѣ въ 150 т. злотыхъ. По внушенію канцлера прибавлена была такая статья, чтобы каждый разъ какъ будетъ подлежать разбору церковное дѣло, къ шести судьямъ шляхетскаго сословія, которые будутъ разбирать дѣло, присоединялось столько же чиновъ духовнаго званія, и если окажется равенство голосовъ, то пусть дѣло переходитъ къ королю на сеймъ. Споръ объ этомъ тянулся нѣсколько дней, наконецъ было рѣшено въ такомъ именно смыслѣ [1]). По обычаямъ Польскаго народа, на тѣхъ, которые, будучи присуждены ко взысканію за долги, или за другія частныя дѣла, не повинуются рѣшенію суда, налагается пеня; если они откажутся заплатить, то налагается въ три раза большій штрафъ; ежели и тогда даже не послушаются, посылается военная экзекуція въ имѣніе, и если кто воспротивится ей, то подвергается банниціи (опалѣ) постановленіемъ старосты. Это весьма страшное оружіе нѣкогда было направлено противъ мотовъ, а въ настоящее время, когда роскошь еще больше распространилась, а съ нею и число должниковъ умножилось, стали относиться съ пренебреженіемъ къ этому постановленію, и на этотъ разъ объ немъ много говорили, но не

[1]) См. Konstytucya Seimu walnego Warszawskiego roku Panskiego 1578. Volumina legum II, 862 и сл. Впрочемъ здѣсь прямо формулованы постановленія, принятыя окончательно на сеймѣ, и совсѣмъ нѣтъ слѣдовъ тѣхъ преній, о которыхъ сообщаетъ намъ Гейденштейнъ.—Подвергнутый пенѣ въ 150 злотыхъ архіепископъ есть Яковъ Уханскій. См. *Szujskego* Dzieje Polski III, pag. 58.

принято было никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ его поддержкѣ. По выслушаніи за тѣмъ пословъ иноземныхъ государей, Георгъ Фридрихъ, маркграфъ Бранденбургскій, былъ допущенъ къ опекѣ надъ болѣзненнымъ родственникомъ его Альбрехтомъ Фридрихомъ, сыномъ Прусскаго герцога Альбрехта; принявъ такъ называемую инвеституру, онъ далъ торжественную присягу королю. При этой церемоніи присутствовали и послы курфюрста Саксонскаго и герцога Вюртембергскаго. Когда послы Бранденбургскаго курфюрста отъ имени своего государя стали требовать права на одновременное участіе въ инвеституре, взявшись за знамя, то послы шляхты стали протестовать на томъ основаніи, что въ условіяхъ о ленной связи, заключенныхъ между Сигизмундомъ и Бранденбургскою фамиліей, вѣтвь Бранденбургскихъ маркграфовъ не была упомянута; они высказывали, что считаютъ незаконнымъ то, что впослѣдствіи было дано частною властію и безъ вѣдома сословій. Послы стали жаловаться королю на это и заявляли, что они готовы вести свое дѣло предъ сословіями. Имъ былъ данъ отвѣтъ, что они конечно хорошо знаютъ (юридическое) значеніе всякой протестаціи и то, что ею какъ ничье право не уменьшается, такъ и не усиливается, и что потому предлагаемая ими мѣра не можетъ быть признана ни своевременною, ни необходимою. Тутъ находились также и послы князей *Помераніи*; отъ имени своихъ государей они признали верховную власть короля надъ *Битовскою* и *Лауенбургскою* областями и получили грамоты инвеституры. Между тѣмъ послы, отправленные, какъ мы выше указали, къ Московскому князю, явились въ Москву. Московскій князь, жестокій по своему характеру, и еще болѣе возгордившійся по причинѣ удачныхъ дѣйствій въ Ливоніи, сдѣлалъ имъ недостойный и унизительный пріемъ; многіе поступки царя и слова были оскорбительны для Польскаго и Литовскаго народа; и такъ какъ обычай обоихъ народовъ требовалъ, чтобы уполномоченнымъ другой стороны отпускалось содержаніе, то онъ приказалъ до- 1578.

1578. ставлять посламъ пищу, но съ величайшимъ неуваженіемъ, только самыя простыя и отвратительныя кушанья, а покупать провизію въ Москвѣ и не въ обычаѣ, да и не было возможности, еслибы они того захотѣли. Затѣмъ, когда во время переговоровъ послы объявили, что они имѣютъ полномочія только о перемиріи, онъ далъ имъ перемиріе на три года: при этомъ грамоту, которую послы должны были подписать, онъ приказалъ писать просто не внося никакого условія, а въ грамотѣ, которую онъ долженъ былъ отъ себя передать посламъ и къ которой онъ приложилъ собственную печать, онъ прибавилъ такія условія, что король уступаетъ ему всю Ливонію, вмѣстѣ съ Ригою и Курляндіею, которыя находились до сихъ поръ во власти короля, и все, что простирается до границъ *Пруссіи*; что онъ не вступится за Ливонцевъ, хотя бы тѣ и просили его помощи, а еще менѣе займетъ какой либо городъ, и вообще не окажетъ съ своей стороны никакой поддержки или помощи. Затѣмъ, когда по обычаю слѣдовало скрѣпить соглашеніе клятвою, то царь, отложивши въ сторону грамоту, надъ которою присягали послы, взялъ только эту послѣднюю и надъ нею произнесъ клятвенное обязательство [1]). Такъ какъ послѣ этого уже не оставалось мѣста для дальнѣйшихъ переговоровъ, то онъ приказалъ посламъ выѣхать изъ Москвы и въ то же время, пославъ войска въ Ливонію, онъ сталъ осаж-

[1]) Перемирная грамота въ томъ и другомъ видѣ напечатана въ Литовской Метрикѣ II, №№ 17 и 18: на первомъ мѣстѣ—перемирный листъ великаго князя Московскаго, данный въ январѣ 1578 г. и привезенный послами короля въ Варшаву, а на второмъ—*листъ пановъ пословъ его королевской милости*, *который они противу того листу Московскаго подъ печатьми своими великому князю дали;* добавленіе о Ливонской землѣ см. тамъ на стр. 32. Перемиріе должно было считаться съ Благовѣщенія, 25-го марта 1578 года по Благовѣщеніе 1581 года. Крыскій воротился въ Польшу въ апрѣлѣ, но писалъ о заключеніи договора еще изъ Москвы въ февралѣ; 15-го апрѣля папскій нунцій доносилъ въ Римъ о содержаніи разговора, который онъ имѣлъ съ королемъ относительно результатовъ посольства, послѣ возвращенія Крыскаго. Обо всемъ этомъ см. въ статьѣ Вержбовскаго стр. 231 232. Ср. *Соловьева* Исторія Россіи VI, 314.

БИБЛИОТЕКА

дать Венденъ. Слухи обо всемъ этомъ, дошедшіе при концѣ сейма, возбудили гнѣвъ и негодованіе въ умахъ, уже и безъ того настроенныхъ воинственно противъ Москвы. Однако Московскій князь тщетно осаждалъ Венденъ. Когда Московиты въ продолженіи нѣсколькихъ дней сильно били машинами въ стѣны, и уже разрушили часть стѣны, то Дембинскій, въ виду малочисленности гарнизона опасаясь за городъ, пытался убѣдить своихъ войдти съ нимъ въ городъ, но не достигъ цѣли, такъ какъ вслѣдствіе недостатка припасовъ и неуплаты жалованья, они были не особенно готовы подвергаться опасности, и притомъ большая часть была всадники, которые полагали, что запертымъ внутри стѣнъ имъ не будетъ мѣста для проявленія своей храбрости. Наконецъ онъ настаивалъ, чтобы они по крайней мѣрѣ ближе подступили къ стѣнамъ вмѣстѣ съ нимъ, дабы этимъ причинить тревогу караулу и лагерю непріятельскому. Достигнувъ этого, онъ въ глубокомъ молчаніи, ночью, не задолго до разсвѣта, подвелъ ихъ къ воротамъ города и объявилъ, что такъ какъ они уже стали видны непріятелю, то могутъ быть легко окружены его превосходными силами, и потому лучше войдти, какъ слѣдуетъ храбрымъ военнымъ людямъ, въ городъ для того, чтобы своею храбростью, своимъ мужествомъ подать и ему помощь и себѣ найдти въ немъ защиту. Вступивъ въ городъ, они дѣйствительно помогли сохранить и защитить его. Поправивъ старательно разрушенныя непріятелемъ стѣны посредствомъ спѣшной работы ночью, они затѣмъ вездѣ оказали весьма храбрый отпоръ непріятелю. Вслѣдствіе этого Москвитяне, прекративъ уже дѣйствительно начатую осаду, при наступленіи весны, ушли, отправивъ напередъ пушки Александръ Ходкевичъ, начальникъ Гродненскій, племянникъ Яна Ходкевича, котораго помощникомъ онъ состоялъ по управленію Ливоніей, хотя и былъ въ то время боленъ, собравъ однако отовсюду войска, преслѣдовалъ ихъ до Зевальда, но не могъ все-таки настигнуть. Почти около того **1578.**

1578. же времени измѣнилъ Московскому царю герцогъ Магнусъ, перейдя подъ покровительство короля. Этотъ юноша, происходившій изъ очень знатнаго рода, прежде владѣлъ епископствомъ Курляндскимъ и Эзельскимъ въ Ливоніи. Увлеченный совѣтами нѣкоторыхъ дурныхъ людей, московскими обѣщаніями и молодостію, такъ какъ по своему возрасту онъ еще не былъ въ состояніи самъ вѣдаться съ своими дѣлами, Магнусъ перешелъ на сторону московскаго властителя и получилъ отъ него въ супруги дочь его двоюроднаго брата, при чемъ ему внушили надежду, что онъ, съ помощію Москвы, можетъ получить въ видѣ королевства весь Ливонскій край; затѣмъ онъ былъ посланъ съ большимъ войскомъ осаждать Ревель. Однако, принужденный отступить безъ успѣха, онъ во время осады Гданска съ тѣми же обѣщаніями былъ, какъ сказано выше, отпущенъ въ Ливонію. Тамъ, устрашившись жестокости Московскаго царя, такъ какъ тотъ замышлялъ, отнявъ у него крѣпости въ Ливоніи, отправить его къ границамъ татарскимъ, и узнавъ чрезъ доносъ, въ какой онъ находится опасности, Магнусъ рѣшился отпасть отъ него и, мало по малу выходя изъ-подъ его власти, бѣжалъ въ Лемпсалъ, затѣмъ ближе къ Ригѣ и королевскимъ границамъ, и просилъ короля, при посредствѣ герцога Курляндскаго и чрезъ частныхъ пословъ письмами о томъ, чтобы послѣдній принялъ его снова подъ свое покровительство. Король, не имѣя яснаго представленія о положеніи дѣла, такъ какъ объ удаленіи Магнуса ходили разные толки и неизвѣстно было, одобряетъ ли братъ его, Датскій король, это его намѣреніе и вообще принимаетъ ли онъ съ прочими родственниками какое либо участіе въ его судьбѣ, не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта относительно вступленія подъ его верховную власть, однако далъ понять, что ему дозволяется жить безопасно въ Ливоніи, пользуясь общимъ покровительствомъ закона. Затѣмъ, когда отправился въ Ливонію Николай Радзивилъ, воевода Виленскій, то король

позволилъ ему тамъ устроить дѣло съ принцемъ Магнусомъ, как онъ найдетъ выгоднымъ для государства. Когда тотъ прибылъ въ Курляндію и къ нему пришелъ Магнусъ, то онъ принялъ его со всѣми его владѣніями отъ имени короля подъ покровительство и привелъ его къ присягѣ на вѣрность королю. Условія сдачи были слѣдующія: король либо оставитъ за нимъ тѣ земли, которыми онъ теперь владѣетъ, на тѣхъ правахъ, на какихъ владѣютъ и другіе ленные владѣтели, либо дастъ ему другія въ какомъ нибудь иномъ мѣстѣ нисколько не худшаго положенія, сообразно достоинству его рода и фамиліи. 1578.

Когда король узналъ объ исходѣ своего посольства, онъ послалъ тотчасъ къ Московскому князю Гарабурду объявить, что онъ считаетъ для себя обязательнымъ перемиріе не иначе, какъ только если тотъ устранитъ условіе относительно Ливоніи, не принятое королевскими послами [1]). Московскій государь, задержавъ Гарабурду, назначилъ между тѣмъ посольство къ королю, чтобы склонить его къ утвержденію условій перемирія и скрѣпленію ихъ присягою, и уже при наступленіи конца лѣта отправилъ другое войско, гораздо сильнѣе прежняго, снабженное большимъ запасомъ, къ Вендену, который былъ захваченъ нами и потомъ былъ, какъ мы выше сказали, имъ осажденъ.

Прежде чѣмъ пойти дальше, я хочу предпослать немного словъ о происхожденіи Русскихъ князей, могуществѣ, нравахъ народа и о положеніи всего государства. Древнѣйшій престолъ

1) Еще по первымъ письменнымъ донесеніямъ Крыскаго, въ которыхъ говорилось о заключеніи перемирія только относительно Литовскаго княжества безъ земли Ливонской, Стефанъ Баторій 12-го марта послалъ въ Москву гонцемъ Петра Гарабурду, наказъ котораго напечатанъ въ Литовск. Метрикѣ подъ № 19 (стр. 38). Московское великое посольство къ Баторію, которое должно было присутствовать при его присягѣ о соблюденіи перемирія, выѣхало 16-го мая 1578 года; во главѣ его стоялъ дворянинъ Михаилъ Долматовичъ Карповъ, а въ числѣ товарищей названы Головинъ и Грамотинъ. Ср. *Карам. инз* III, 171 и примѣч. стр. 116 (примѣч. 503). *Соловьевъ*, Исторія Россіи VI, 314.

1578. Русскаго государства сперва находился въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ, въ послѣдующія же времена престолъ, прежде чѣмъ перенесенъ былъ въ Москву, былъ во Владимірѣ, который по этой причинѣ еще доселѣ полагается въ княжескомъ титулѣ выше Московскаго. Лѣтописи относятъ по происхожденію князей Русскихъ къ Варягамъ, народу теперь неизвѣстному, какъ и многіе другіе изъ древнихъ народовъ, который, по свидѣтельству тѣхъ же лѣтописей, жилъ однако за моремъ. Три брата изъ этого племени, будучи призваны сначала и приняты Новгородцами, принадлежащими тоже къ Славянамъ, получили власть въ Новгородской землѣ; главную власть получилъ въ Новгородѣ старшій изъ братьевъ Рюрикъ, а двоимъ другимъ, какъ передаютъ, достались двѣ области Русскія: Бѣлозерская и Изборская. У Рюрика затѣмъ былъ сынъ отъ Ольги Псковитянки [1]), Святославъ. Послѣдній, съ большимъ войскомъ проникнувъ въ Болгарію до самаго Дуная, побѣдилъ Болгаръ и Грековъ, подъ властью которыхъ находились тогда Болгары, и полюбивъ красоту и богатство этой земли, избралъ здѣсь для себя столицу. Кіевъ онъ оставилъ въ управленіе своему сыну Ярополку, второму сыну Олегу далъ Древлянскую область, Новгородъ же предоставилъ сыну Владиміру, рожденному отъ служанки Ольги, дочери, какъ говорятъ лѣтописи, какого то Любечанина Малха. Владиміръ, будучи изгнанъ Ярополкомъ изъ своего владѣнія, бѣжалъ за море и, вернувшись оттуда съ набранными морскими дружинами, занялъ какъ тѣ земли, которыя ему были отданы отцемъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Кіевъ, свергнувъ Ярополка. Отъ Владиміра произошли, какъ говоритъ преданіе, всѣ русскіе князья. Оставивъ двѣнадцать сыновей и раздѣливъ между ними всю Русь, онъ передалъ власть и главный престолъ Кіевскій старшему сыну Святополку. Такъ какъ

1) У Рюрика, какъ извѣстно, былъ сынъ Игорь, а у Игоря отъ Ольги— сынъ Святославъ.

послѣдній умеръ бездѣтнымъ, то ему наслѣдовали на престолѣ 1578.
по порядку другіе два брата, Ярославъ и Изяславъ [1]), послѣ их занялъ престолъ Владиміръ Мономахъ, сынъ Всеволода князя Владимірскаго, имя котораго до сихъ поръ пользуется почетомъ у Русскихъ; онъ происходилъ изъ того же рода. Несмотря на то, что на нѣкоторое время Всеволоду, внуку Святослава отъ Олега и правнуку Игорю, удалось получить обратно дѣдовскій престолъ [2]), послѣдній остался во власти потомства Владиміра и въ послѣдующія времена князь Суздальскій Андрей, происходившій изъ того же поколѣнія Владиміра, заключивъ договоръ съ 11-ю другими родственными князьями, свергнулъ Мстислава, который владѣлъ Кіевскимъ престоломъ, принадлежа тоже къ потомкамъ Мономаха, и посадилъ на него сына своего Мстислава. Онъ первый перенесъ столицу во Владиміръ и далъ первенство Суздальскому роду; тотъ, кто владѣлъ этимъ городомъ, хотя бы и не имѣлъ власти надъ остальными родственными князьями, тѣмъ не менѣе пользовался титуломъ великаго князя, а достоинствомъ и почестями возвышался надъ прочими, которые чтили его величіе, между тѣмъ какъ прежде эта честь доставалась кому либо одному, либо по наслѣдству, либо по желанію всѣхъ остальныхъ, либо, какъ это не рѣдко бывало, достигалась силою или оружіемъ. Послѣ того, какъ князья подпали подъ власть Татаръ, они стали выпрашивать великокняжескій престолъ у нихъ. Въ лѣтописяхъ ихъ о власти Татаръ упоминается около 6732 года, какъ считаютъ Русскіе, отъ Р. Х. уже въ 1224, когда Татары, выступивъ съ войскомъ противъ Половецкаго князя Котяна, опустошили Русь. Когда же Котянъ призвалъ на помощь Мстислава Романовича, князя Черниговскаго или Кіевскаго (ибо

[1]) Опять явная ошибка, принадлежащая, конечно, самому Гейденштейну, а не его источникамъ.

[2]) Рѣчь идетъ конечно объ Игорѣ Ольговичѣ, который поэтому будетъ точно также внукомъ Святослава, какъ и его братъ Всеволодъ.

1578. подъ тѣмъ и другимъ именемъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ), женатаго на его дочери и многихъ другихъ русскихъ князей, тогда Татары въ большомъ сраженіи при Калкѣ 17-го іюля побѣдили ихъ, перебивъ 11 русскихъ князей и 70 богатырей (героевъ), какъ называютъ ихъ лѣтописи, составлявшихъ храбрый конный отрядъ и многихъ взяли въ плѣнъ. Возвратившись затѣмъ подъ предводительствомъ Батыя около 6745 года, Татары, покоривъ сперва Рязанскихъ, Владимірскихъ и почти всѣхъ остальныхъ князей, поработили всю Русь и, хотя не рѣдко потомъ Русскіе князья вступали съ ними въ войну, тѣмъ не менѣе почти всегда Русь должна была платить дань. И вотъ съ этого то времени Татары начали назначать даже великихъ князей для Руси. Назначались же они, какъ мы выше указали, почти всегда изъ князей Суздальскихъ. Упоминаніе о Московскихъ князьяхъ и о самомъ городѣ начинаетъ встрѣчаться въ лѣтописяхъ со времени Батыя, вмѣстѣ съ упоминаніемъ о тѣхъ опустошеніяхъ, которые произведены были послѣднимъ на Руси. Среди другихъ городовъ, какъ передаютъ, была завоевана Батыемъ Москва, и тамъ былъ взятъ въ плѣнъ Татарами нѣкій воевода Филиппъ и Владиміръ, сынъ Юрія, великаго князя. Въ 6812 году отъ сотворенія міра, по смерти великаго князя Андрея Александровича, между Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ и Георгіемъ Даниловичемъ, Московскимъ княземъ, произошелъ споръ изъ-за власти и великаго княжества Владимірскаго; когда оба они стали просить о томъ у татарскаго хана, то послѣдній, удержавъ у себя Георгія, посадилъ на престолъ сперва Михаила, а потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, въ 6825 лѣто, утвердилъ Георгія; съ этого времени доселѣ, не смотря на то, что всякіе другіе Русскіе князья пытались выпрашивать у татарскаго хана Суздальское княжество, однако честь эта оставалась постоянно принадлежащею Московскому дому. Изъ этой фамиліи произошелъ прадѣдъ нынѣшняго царя, Василій Васильевичъ, наслѣ-

довавъ княженіе послѣ отца; онъ былъ лишенъ престола вслѣдствіе заговора, составленнаго противъ него князьями Дмитріемъ Георгіевичемъ, по прозванію Шемяка, Сѣверскимъ княземъ, Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ, Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ и ослѣпленъ Георгіемъ Сѣверскимъ, но потомъ съ помощію Новгородцевъ онъ снова получилъ княжескій престолъ и затѣмъ княжилъ мирно. Василію наслѣдовалъ сынъ его Иванъ, который первый положилъ основаніе тому могуществу, до котораго теперь дошли Москвитяне. Лишивъ княжества князя Тверскаго, не смотря на то, что самъ имѣлъ жену изъ того же рода, Іоаннъ овладѣлъ его удѣломъ; затѣмъ онъ сталъ собирать и другія княжества и достигъ такого могущества, что прочіе князья отъ страху стали уступать ему, и не было никого, кто рѣшился бы противиться его стремленіямъ. Онъ же первый свергнулъ и татарское иго, побужденный къ тому рѣчами умной женщины, своей супруги, Софіи Греческой, изъ фамиліи Палеологовъ, на которой онъ женился по смерти княжны Тверской. Затѣмъ сынъ его Василій подобнымъ же образомъ почти до безконечности усилилъ могущество, основаніе которому положилъ отецъ. Къ землямъ, пріобрѣтеннымъ отцемъ, Василій присоединилъ великое княжество Смоленское и что оставалось отъ Сѣверскаго княжества; онъ воевалъ съ моря и съ суши Казанское царство, привелъ въ полную зависимость всѣхъ родственныхъ князей, лишивъ ихъ владѣній, а также покорилъ и Псковскую область. Ему наслѣдовалъ на престолѣ нынѣ царствующій Иванъ, который также съ своей стороны еще болѣе увеличилъ при помощи своего счастія и искусства обширное царство, полученное имъ отъ отца. Онъ покорилъ Казанское и Астраханское царства, противъ которыхъ ходилъ съ величайшими силами еще его отецъ, преимущественно съ помощію новаго въ то время у тѣхъ народовъ способа, которымъ онъ сталъ пользоваться при осадѣ городовъ, т. е. посредствомъ подкоповъ и пороха. Получивши съ покореніемъ этого царства власть надъ

1578.

1578. Каспійскимъ моремъ, онъ распространилъ предѣлы своего государства почти до Персіи, занялъ, благодаря внутреннимъ раздорамъ Ливонцевъ, большую часть Ливоніи, часто наносилъ пораженія Шведамъ; во время Сигизмунда Августа взялъ Полоцкъ. Когда же турецкій султанъ Селимъ вздумалъ соединить Донъ съ огромнѣйшей рѣкой Rha, которую Русскіе на своемъ языкѣ называютъ доселѣ Волгой, съ тою цѣлію, чтобы отправившись на корабляхъ изъ Чернаго моря вверхъ по теченію Дона въ Волгу (Rha), подчинить своей власти Астрахань, расположенную въ устьѣ Волги, гдѣ она впадаетъ въ Каспійское море, и чрезъ то овладѣть и всѣмъ Каспійскимъ моремъ, то молва приписала ему побѣду надъ Турками. Именно *Селимъ* потребовалъ отъ Сигизмунда-Августа, чтобы король пропустилъ его войско чрезъ свои владѣнія, и съ этимъ требованіемъ прислалъ чауша Ибрагима, польскаго шляхтича изъ фамиліи Струсей, съ дѣтства однако воспитаннаго въ турецкомъ нечестіи и потомъ за свои отличныя способности достигшаго величайшихъ почестей. Когда онъ воротился съ отказомъ Сигизмунда Августа, то Селимъ, не смотря на то, отправилъ войско чрезъ Татарію для прорытія канала тамъ, гдѣ было самое узкое мѣсто между этими двумя рѣками уже на Московской землѣ. При явномъ нерасположеніи самихъ Татаръ помогать предпріятію, войско это должно было совершить путь чрезъ обширныя пустыни и въ дорогѣ сильно пострадало отъ всякаго рода неудобствъ, и за тѣмъ встрѣтившись съ Москвитянами, принуждено было воротиться назадъ, не сдѣлавъ ничего важнаго. Такимъ образомъ быстро образовавшееся могущество Московскаго князя стало внушать страхъ не только сосѣднимъ народамъ, но даже и болѣе отдаленнымъ, и высокомѣріе его при такихъ обширныхъ границахъ и великихъ удачахъ дошло до того, что онъ презиралъ въ сравненіи съ собою всѣхъ другихъ государей и полагалъ, что нѣтъ ни одного народа, который бы могъ поспорить съ нимъ богат-

ствомъ и могуществомъ. До того времени Московскіе государи 1578.
употребляли титулъ князя, прибавивъ къ тому прозваніе великій для обозначенія превосходства надъ другими князьями, которые были подъ ихъ властію; но отецъ Іоанна, Василій, первый захотѣлъ называться царемъ, названіемъ, заимствованнымъ изъ славянскаго перевода св. писанія, которое на ихъ языкѣ означаетъ короля, и хвастался, что Максиміліанъ Первый уже величалъ его этимъ титуломъ. Русскій народъ былъ приведенъ къ христіанской религіи и посвященъ въ христіанскія таинства константинопольскимъ архіепископомъ, нѣкіимъ Василіемъ, какъ указываютъ ихъ лѣтописцы и византійская исторія. Такъ какъ первыми учредителями религіи были Греки, и такъ какъ были частыя сношенія между Греками и Русскими съ одной стороны чрезъ Мизію и Иллирію, страны, занимаемыя Славянскими народами того же племени,—съ другой стороны чрезъ Кіевъ, который соединяется черезъ Днѣпръ (Borysthenes) съ Чернымъ моремъ (Pontus Euxinus), то потому Славяне и удерживаютъ по большой части какъ письмена греческія, такъ и обычаи, отличные отъ постановленій Римской церкви; однако многое измѣнилось у нихъ изъ этихъ постановленій частію отъ вліянія времени, частію вслѣдствіе желанія митрополита и другихъ епископовъ угождать своему князю. У нихъ существуетъ немного законовъ, и даже почти только одинъ—почитать волю князя закономъ. О князѣ у нихъ сложилось понятіе, укрѣпленію котораго особенно помогали митрополиты, что черезъ князя, какъ бы посредника, съ ними вступаетъ въ единеніе самъ Богъ,—и, смотря по заслугамъ ихъ передъ Богомъ, князь ихъ бываетъ или милостивымъ, или жестокимъ. Вслѣдствіе этого они считаютъ за долгъ, предписываемый вѣрою, повиноваться его волѣ, какъ волѣ божественной, во всѣхъ дѣлахъ, прикажетъ ли онъ постыдное или честное, хорошее или дурное; князь имѣетъ относительно своихъ власть жизни и смерти и неограниченное право на ихъ имущество. Это об-

1578. стоятельство,—что онъ одинъ сохраняетъ во всемъ высшую власть, и что отъ него одного исходятъ всѣ распоряженія, что онъ воленъ принимать тѣ или другія рѣшенія и властенъ надъ всѣми средствами для выполненія оныхъ, что онъ можетъ въ короткое время собрать самое большое войско и пользоваться имуществомъ гражданъ, какъ своимъ для установленія своей власти,—все это имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для пріобрѣтенія могущества и для успѣшнаго веденія войнъ. Но если при этомъ увеличилась власть и могущество Московскаго царя, то съ другой стороны тѣмъ сильнѣе поддерживался его жестокій и суровый образъ управленія. Онъ совершилъ безчисленное количество убійствъ, и между прочимъ замучилъ самыми изысканными пытками своего двоюроднаго брата Андрея, на основаніи какихъ то подозрѣній въ мятежныхъ замыслахъ, со всѣми его дѣтьми и всѣмъ родомъ, за исключеніемъ только одной дочери, которую онъ потомъ сосваталъ за герцога Магнуса; онъ почти совершенно истребилъ Новгородское знатное дворянство, которое онъ подозрѣвалъ въ расположеніи къ брату. Гдѣ попадалось, онъ не щадилъ также простолюдиновъ, избивая ихъ массами, такъ что иной разъ попавшія ему на встрѣчу толпы несчастныхъ людей, умолявшихъ его о расположеніи и милости, по его приказанію избивались его сателлитами, или же въ большомъ числѣ утопляемы были подо льдомъ, которымъ тамъ бываютъ покрыты большую часть года озера и рѣки. Тому, кто занимается исторіею его царствованія, тѣмъ болѣе должно казаться удивительнымъ, какъ при такой жестокости могла существовать такая сильная любовь къ нему народа, любовь, съ трудомъ пріобрѣтаемая прочими государями только посредствомъ снисходительности и ласки, и какъ могла сохраниться та необычайная вѣрность его къ своимъ государямъ. При чемъ должно замѣтить, что народъ не только не возбуждалъ противъ него никакихъ возмущеній, но даже выказывалъ во время войны невѣроятную твердость при защитѣ и охраненіи крѣпостей, а перебѣжчиковъ было вообще весьма

мало. Много, напротивъ, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли вѣрность къ князю, даже съ опасностію для себя, величайшимъ наградамъ. Это объясняется, кромѣ многихъ другихъ причинъ, между прочимъ и тою, о которой мы говорили выше, двоякимъ религіознымъ ихъ убѣжденіемъ. Они считаютъ варварами или басурманами всѣхъ, кто отступаетъ отъ нихъ въ дѣлѣ вѣры, даже и тѣхъ, кто слѣдуетъ обрядамъ Римской церкви, и отвращаются отъ нихъ, какъ отъ какой-то язвы, считая непозволительнымъ имѣть что либо общее съ ними; вслѣдствіе такого убѣжденія явился обычай, что всякій разъ, когда князья выслушиваютъ иностранныхъ пословъ, они имѣютъ предъ собою тазъ съ водою, чтобы ею тотчасъ обмыть руки, какъ бы оскверненныя отъ прикосновенія иностранцевъ. По установленіямъ своей религіи, считая вѣрность къ государю въ такой же степени обязательною, какъ и вѣрность къ Богу, они превозносятъ похвалами твердость тѣхъ, которые до послѣдняго вздоха сохранили присягу своему князю, и говорятъ, что души ихъ, разставшись съ тѣломъ, тотчасъ переселяются на небо и наслаждаются небеснымъ блаженствомъ наравнѣ съ душами тѣхъ учениковъ нашего Спасителя, которые до конца остались тверды въ своемъ благочестіи и вѣрѣ. Князья поддерживаютъ суевѣріе, сколько это зависитъ отъ ихъ власти. Они не позволяютъ никому ѣздить къ чужестраннымъ какимъ либо народамъ, не позволяютъ даже чужестранцамъ вступать съ ихъ подданными въ сношенія; отправляя кого либо послами, они распоряжаются такъ, что къ каждому послу приставляютъ по одному сторожу, и никому изъ нихъ не позволено переговариваться съ кѣмъ либо безъ сторожа. Вслѣдствіе этого Москвитяне, ходя какъ бы въ постоянныхъ потемкахъ невѣжества, не видѣвъ обращенія другихъ народовъ и не понимая вообще пріятности свободы, настоящее предпочитаютъ болѣе лучшему, извѣстное сомнительному. Къ этому присоединяется страхъ, любовь и забота каждаго о своихъ близкихъ—

1578.

1578. обстоятельство, легко ослабляющее даже и великіе характеры, привыкшіе къ свободѣ. Отъ тѣхъ, кого князь выбираетъ начальниками войскъ или крѣпостей, или вообще назначаетъ на какія либо должности, онъ всегда держитъ въ видѣ заложниковъ женъ, дѣтей, родственниковъ и все то, чѣмъ всего болѣе тотъ дорожитъ. Если кто либо изъ такихъ лицъ измѣнитъ ему, или если какое либо дѣло сдѣлаетъ не по его желанію, или не по его волѣ, онъ предаетъ заложниковъ страшнымъ мученіямъ. Относительно займовъ, долговыхъ обязательствъ и другихъ частныхъ сдѣлокъ у нихъ очень мало писанныхъ законовъ. Есть разнообразныя и жестокія наказанія смертью, есть разнаго рода штрафы и битье батогами; всѣ эти наказанія, при безграничной власти князя, налагаются столь же часто, какъ мы сказали, по его произволу, сколько по заслугамъ; содержаніе въ тюремномъ заключеніи они считаютъ больше, чѣмъ штрафомъ или пенею, наказаніе же ссылкою имъ совершенно неизвѣстно. Князь собираетъ думу болѣе для вида, такъ какъ всѣмъ распоряжается по своей волѣ. Большая часть ея членовъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ князей, потомковъ тѣхъ первоначальныхъ князей, которые были подчинены Московскими князьями, или такихъ, которыхъ государь изъ уваженія къ заслугамъ или по своей милости возвелъ въ это званіе или чинъ. Болѣе знатные отличаются отъ народа, какъ разными знаками, такъ и тѣмъ, что они, по примѣру государя, одни пишутъ имя своего отца впереди другихъ титуловъ, напримѣръ: князя, что считается у нихъ весьма высокой честью, и они употребляютъ такой способъ только пиша къ равнымъ, или къ болѣе низкимъ; пиша же къ государю, они не только не употребляютъ имени отца, но даже не пишутъ своего, развѣ только въ нѣкоторомъ испорченномъ видѣ, свойственномъ тому языку (въ уменьшительномъ), для того, чтобы показать, что они въ сравненіи съ государемъ не только рабы, но какъ бы маленькіе человѣчки, а не люди. Въ войскѣ каждый имѣетъ маленькій

барабанъ привѣшенный къ сѣдлу, который употребляется всякій разъ, когда войску нужно остановиться; при первомъ ударѣ и звонѣ, перенятомъ ближайшими и переданномъ остальнымъ, въ короткій промежутокъ времени войско перестаетъ двигаться впередъ. Митрополитъ не входитъ въ думу, но иногда государь пользуется также его совѣтомъ, отчасти для того, чтобы снискать себѣ большое довѣріе у народа, отчасти чтобы показать по крайней мѣрѣ видъ, что его слушаетъ. Войско князя состоитъ по обычаю и прочихъ народовъ изъ пѣхоты и конницы, лошади по преимуществу ногайскія. Ни на одно средство князь не полагается такъ много, какъ на укрѣпленія, и потому большая часть послѣднихъ расположена на самыхъ удобныхъ мѣстахъ между извилинами рѣкъ и озеръ; и гарнизономъ, военными снарядами, провизіей они снабжаются тщательнѣе, чѣмъ у какого бы то ни было другаго народа. По видимому, они усвоили такой способъ войны съ того времени, когда при незначительности своей они еще имѣли мало возможности бороться открытою силою съ болѣе могущественными сосѣдями, и потому искали защиты большею частью въ свойствахъ мѣстности; захватывая удобныя мѣста, они понемногу усиливались, а за тѣмъ они удержали этотъ образъ дѣйствій по неволѣ, такъ какъ видѣли, что при всякомъ сраженіи съ сосѣдями и въ особенности съ Поляками ихъ воины остаются побѣжденными и такимъ образомъ они на самомъ опытѣ узнали, что нельзя много разсчитывать на храбрость своихъ въ битвѣ. Вслѣдствіе большаго богатства лѣснаго запаса, у нихъ выстроены почти всѣ крѣпостцы изъ дерева, изъ собраннаго въ кучу множества огромныхъ бревенъ, обыкновенно покрытыхъ дерномъ; притомъ всѣ крѣпостцы снабжаются больверками и башнями и кромѣ того окружаются искуственными рвами, если не было природныхъ, валомъ и заборомъ; вслѣдствіе чего эти строенія не только не оказываются по виду некрасивыми, но до послѣдней войны, во время которой 1578.

8. большая часть ихъ была взята королемъ вслѣдствіе воспламененія отъ падавшихъ бомбъ, считалось, что эти строенія болѣе безопасны для обороны и представляютъ большую выгоду, нежели каменные, такъ какъ съ одной стороны таковое строеніе больше противится дѣйствію орудій, а съ другой, если оно и пробито, то это не ведетъ за собою большаго разрушенія стѣны, что обыкновенно бываетъ съ каменною постройкой. Что же касается Ливоніи, то въ ней есть и каменныя стѣны. Ежегодно царь, по своему усмотрѣнію, назначаетъ въ каждую крѣпость бояръ и дворянъ въ извѣстномъ количествѣ и, распредѣливъ послѣднихъ по укрѣпленіямъ, держитъ всякаго въ одной крѣпости не дольше года. Къ нимъ онъ прибавляетъ стрѣльцовъ, т. е. воиновъ, на жалованьѣ изъ среды народа. Воеводства также бываютъ годичныя. По большой части назначается по три военноначальника; перваго назначаютъ для того, чтобы заботиться преимущественно объ укрѣпленіяхъ, и ему не позволяется вообще ни въ какомъ случаѣ выходить за предѣлы укрѣпленій, тѣмъ менѣе проводить ночь внѣ ихъ; двое остальныхъ назначаются наблюдателями или стражами къ первому, изъ которыхъ одному въ случаѣ нужды, и если онъ получилъ полномочіе отъ князя, позволяется дѣлать вылазки и выходить за укрѣпленія. Этихъ начальниковъ на своемъ языкѣ, по примѣру польскихъ воеводъ, они называютъ воеводами, иначе сказать-какъ бы военными предводителями, хотя у нихъ эта должность не бываетъ постоянною и ограничивается только одною крѣпостью, и притомъ власть эта раздѣлена бываетъ между многими. Не могу утверждать, отъ самой ли природы, или по ихъ неумѣнью находить, въ Московскомъ государствѣ нѣтъ золота, серебра и другихъ металловъ, все это у нихъ привозное; изъ Персіи они получаютъ вышитыя одежды, шелкъ, драгоцѣнные каменья, жемчугъ. Съ Германіей и другими западными странами они большею частію ведутъ мѣновую торговлю, при чемъ за свои товары, за дорогіе мѣха, которыхъ у нихъ множество,

за воскъ, кожу, они получали оружіе, снаряды, порохъ, а также серебро и золото, и мѣстомъ такой торговли Московскій царь сдѣлалъ Нарву, послѣ того какъ она была покорена имъ. Англичане же, объѣхавши Норвегію, Лапландію и почти весь сѣверъ, открыли себѣ дорогу по Ледовитому морю, тамъ, гдѣ рѣка Вологда, берущая начало изъ болѣе внутренней части Московской земли, образуетъ гавань Св. Николая. Въ характерѣ разсматриваемаго нами племени, кромѣ вѣрности къ князю, можно отмѣтить еще крайнюю выносливость при всякаго рода трудахъ, при голодѣ и при другихъ тягостяхъ, а также презрѣніе къ самой смерти. Впрочемъ, мужчины склонны къ любострастію, и предаются любви не только съ женщинами, почему даже въ юношескомъ возрастѣ женятся, но и съ мальчиками. Они отличаются лживымъ характеромъ, вслѣдствіе дурной привычки, чрезвычайно изворотливы во всякаго рода обманахъ и козняхъ; но можетъ быть столько же способны къ быстрому усвоенію и добрыхъ художествъ, если бы кто наставилъ ихъ въ таковыхъ. 1578.

Король, выступивъ изъ Варшавы, для устройства русскихъ дѣлъ направился во Львовъ. Прежде чѣмъ отправиться, онъ назначилъ сеймики въ воеводствахъ Краковскомъ, Сандомірскомъ и Сѣрадскомъ, такъ какъ эти воеводства, какъ мы выше упомянули, при установленіи налога не согласились съ общимъ мнѣніемъ. На дорогѣ онъ узналъ, что воеводство Сѣрадское потомъ согласилось, остальные же два упорно настаивали на своемъ отказѣ. Поэтому онъ остановился въ Сандомірѣ и сюда вызвалъ всѣхъ сенаторовъ Малой Польши. По ихъ желанію онъ снова назначилъ съѣздъ для тѣхъ же воеводствъ въ Корчинѣ. Здѣсь наконецъ согласились и эти два послѣднія послѣ того, какъ король уменьшилъ налогъ на пиво, такъ чтобы выплачивалась 18-я часть дохода въ имѣніяхъ королевскихъ и духовныхъ и 24-я въ имѣніяхъ шляхты. Во Львовѣ король

1578. выслушалъ татарскихъ пословъ. [1]) Султанъ турецкій по просьбѣ Татаръ присоединилъ къ посольству ихъ и своего посла. Съ Татарами былъ заключенъ миръ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ они его имѣли при прежнихъ короляхъ. Посолъ ихъ привезъ грамоту своего повелителя, въ которой онъ требовалъ мира, нѣчто упоминалъ относительно границъ, и заранѣе дѣлалъ прямо угрожающія оговорки относительно Низовцевъ. Король, не взявъ письма, отвѣчалъ, что онъ будетъ держать миръ съ нимъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ его хранили предки, и что онъ будетъ давать такіе поминки, какіе тѣ обыкновенно давали. Такимъ образомъ, все время войны съ Москвою былъ миръ съ Татарами. А чтобы со стороны Низовцевъ, во время отсутствія его, не произошло какого либо замѣшательства, король, желая ихъ сдержать примѣромъ и страхомъ, казнилъ смертію Подкову, тогда какъ султанъ турецкій требовалъ чрезъ пословъ его выдачи. Король находилъ тѣмъ болѣе поводовъ поступить такъ, что казаки, не смотря на несчастный исходъ прежней экспедиціи въ Валахію, не отказывались отъ своего намѣренія и, взявъ съ собою младшаго брата Подковы, Александра, снова съ опасностію для себя свергли воеводу Петра. Александръ попался живымъ въ руки непріятелей, и посаженъ былъ на колъ, а часть Низовцевъ, захваченная Турками, была отослана въ цѣпяхъ въ Константинополь. Однако и самому Петру, столько разъ низвергаемому какъ бы за его малодушіе или безпечность, это послужило къ бѣдѣ. Когда убитъ былъ Магометъ-паша, занимавшій первое мѣсто между турецкими вельможами, то его мѣсто заступилъ Ахметъ, и по его навѣту Петръ былъ лишенъ власти, а на его мѣсто затѣмъ былъ назначенъ нѣкій Янкола, родомъ изъ Трансильванскихъ Саксовъ, ложно утверждавшій, будто онъ не только принадлежитъ къ народу Валаш-

[1]) Во Львовѣ Баторій былъ въ началѣ апрѣля. См. *Albertrand*. pag. 480 (вышеприведенная инструкція). О согласіи трехъ воеводствъ на пивной налогъ пишетъ Лауреo отъ 6-го іюня: вышеозначенная статья *Вержбовскаго*, стр. 234.

скому, но даже и къ роду князей Валашскихъ. Покончивъ такимъ образомъ дѣла русскія, король отправился въ Краковъ, туда же явилось и московское посольство; старѣйшій и сановитый начальникъ посольства умеръ на дорогѣ отъ болѣзни [1]). Остальные же были по обычаю приняты высланными имъ на встрѣчу людьми, затѣмъ введены были въ городѣ, въ домъ, для нихъ назначенный, и послѣ представлены королю. Послы объявили, что не будутъ говорить, если сперва король, съ открытою головой, стоя, не освѣдомится у нихъ о здоровьѣ и о состояніи ихъ государя. Помимо унизительности такого требованія, король вообще былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ увеличивать уступчивостію высокомѣрія врага и безъ того уже напыщеннаго дикимъ тщеславіемъ, и проявившаго едва выносимыя гордость и надменность. Послы съ своей стороны упорствовали въ своемъ требованіи и твердо объявляли, что они въ противномъ случаѣ уѣдутъ не исполнивъ порученія. Король позволилъ удалиться имъ въ ихъ помѣщеніе, не давъ имъ аудіенціи, и затѣмъ уѣхать въ Литву [2]). Здѣсь же оказалось, что налогъ, утвержденный на Варшавскомъ сеймѣ, даетъ гораздо меньше, чѣмъ нѣкоторые утверждали, и что онъ совсѣмъ не будетъ соотвѣтствовать потребностямъ войны, ради которой онъ былъ утвержденъ сеймомъ. Король видѣлъ, что ему нельзя ни созвать сейма въ это время, пока еще не совершено ничего важнаго, дабы потомъ его не упрекали нѣкоторые, будто онъ подъ пустымъ предлогомъ войны ищетъ способовъ собрать какъ можно болѣе де- **1578.**

[1]) Умеръ въ дорогѣ Михаилъ Далматовичъ *Карповъ*—не на возвратномъ пути въ Россію, какъ сказано у *Карамзина* (примѣчаніе 503 къ тому IX), а на пути въ Польшу. См. Литовск. Метр. II. № 21, стр 41: «ино посолъ твой старшій Михайло Долматовичъ Карповъ еще идучи до насъ въ дорозе вмеръ»—пишетъ Баторій Іоанну. Править посольство должны были Головинъ и Грамотинъ; вмѣсто того у *Карамзина* (изд. Ейнерл. IX, 171) и у *Соловьева* (VI, 316) ошибочно говорится о *Карповѣ* и Головинѣ.

[2]) Послы выѣхали изъ Кракова 11 декабря 1578 г., а изъ Литвы—12 іюня 1579 г. *Кар.* Т. IX стр. 171 и примѣч. 515. Ср. Метрика Литовск. II, стр. 41 и 45. *Соловьевъ* VI, 315. *Albertrand.* p. 130.

1578. негъ, ни созвать шляхту на сеймики, дабы не стали жаловаться, что онъ противъ обычая предковъ слишкомъ часто обращается къ этому средству. Такъ какъ въ данный періодъ времени шляхта засѣдала въ судахъ, то король счелъ нужнымъ объявить черезъ эти собранія о томъ, чего онъ можетъ себѣ ожидать отъ утвержденнаго налога, потому что были люди, которые до безконечности преувеличивали въ рѣчахъ своихъ величину налога. Затѣмъ онъ назначилъ пословъ къ сосѣднимъ государямъ, чтобы еще больше укрѣпить доброе расположеніе къ нему друзей и воспрепятствовать планамъ недоброжелателей. Августу, курфюрсту Саксонскому и Іоанну-Георгу Бранденбургскому онъ сообщилъ о своихъ планахъ войны. Послѣдніе съ негодованіемъ взирая на то, что Московскій царь такъ долго свирѣпствуетъ противъ Германскаго племени съ варварскою жестокостію, дружески поощряли короля предпринять войну за Ливонцевъ, такъ какъ сами, будучи отдѣлены отъ границъ ихъ другими землями, не могли имъ ничѣмъ помочь. Бранденбургскій же курфюрстъ даже прислалъ ему въ подарокъ военныя пушки. Когда польскіе послы явились къ турецкому султану, то Магометъ, умнѣйшій совѣтникъ послѣдовательно трехъ восточныхъ государей, питавшій расположеніе къ королю, узнавъ о его намѣреніяхъ вести войну съ Московскимъ царемъ, объявилъ, что онъ сочувствуетъ его попыткамъ и желаетъ ему успѣха, но при этомъ прибавилъ, что король беретъ на себя трудное дѣло. «Велики силы Московцевъ, говорилъ онъ, и за исключеніемъ его повелителя, нѣтъ на землѣ болѣе могущественнаго государя.» Отпустивъ посольство, король обратилъ свое вниманіе на внутреннія дѣла. Такъ какъ утверждали, что уставы королевства не допускаютъ назначенія намѣстника, то онъ объявилъ, что онъ будетъ сноситься съ первѣйшими изъ сенаторовъ, въ случаѣ если произойдетъ что либо во время его пребыванія на непріятельской землѣ. Онъ обезпечилъ строгими постановленіями общій миръ, дабы предупредить вся-

кія волненія среди диссидентовъ (несогласныхъ о вѣрѣ), 1578.
что бывало въ другія времена, особенно въ Краковѣ. Король издалъ такое постановленіе: въ случаѣ, если кто въ городѣ или мѣстечкѣ совершить какой либо слишкомъ дерзкій своевольный поступокъ, особенно если будетъ какое нибудь сомнѣніе относительно законнаго судебнаго приговора по отношенію къ нему, тотъ пусть будетъ содержаться подъ стражей до его прибытія; тогда какъ, по обыкновенному и общему порядку судопроизводства, разбирательство вновь совершенныхъ преступленій принадлежало старостамъ вмѣстѣ съ городскими урядниками (магистратами) и только въ случаѣ несогласія между ними слѣдовало обращаться къ королю. Въ то время, какъ король находился въ Краковѣ, получено было извѣстіе объ одержанной нами побѣдѣ при Венденѣ; это извѣстіе принесло съ собою какъ бы предзнаменованіе о ходѣ всей войны. Венденъ, какъ мы выше сказали, снова подвергся осадѣ со стороны Москвитянъ съ далеко большими чѣмъ прежде силами, при чемъ послано было къ городу четверо воеводъ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ: Петръ Татевъ, Василій Воронцовъ, Петръ Хворостининъ и Андрей Щелкаловъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней они тщетно осаждали городъ, и тѣмъ самымъ дали время нашимъ собраться съ силами и войдти въ сношеніе съ начальникомъ шведской милиціи Георгомъ Бойе. Подъ городкомъ Стропою соединились Андрей Сапѣга, вождь тѣхъ войскъ, которыя въ небольшомъ количествѣ находились въ Ливоніи: не смотря на весьма незначительныя силы, онъ съ большимъ мужествомъ до сихъ поръ воевалъ противъ непріятеля,—Матвѣй Дембинскій; кромѣ того пришли изъ Ливонцевъ Николай Корфъ и нѣкоторые другіе какъ изъ Поляковъ и Литовцевъ, такъ и изъ Ливонцевъ, съ отрядомъ изъ нѣсколькихъ всадниковъ. При рѣкѣ Говьей, въ срединѣ между Вольмаромъ и Венденомъ, къ намъ присоединились шведскія войска. Выступивъ отсюда, они встрѣтили непріятеля,

1578. который въ боевомъ порядкѣ, съ распущенными знаменами, ожидалъ ихъ у Вендена. Наши очень храбро сражались, ибо Поляки, Литовцы и Шведы поощряли другъ друга, чтобы отомстить за свои оскорбленія, а Ливонцы, чтобы достичь свободы, всѣ же вообще стремились къ чести и славѣ; конница непріятельская была обращена въ бѣгство, при чемъ Татары прежде всѣхъ бросились бѣжать. Къ ночи воеводы стали задерживать бѣгущихъ и собирать ихъ въ лагерѣ, увѣщевая во имя давнишней славы народа, во имя вѣрности своимъ князьямъ, лучше подвергнуться крайней опасности и гибели, чѣмъ покинуть лагерь и военные снаряды, ввѣренные ихъ мужеству государемъ. Однако, когда страхъ сталъ увеличиваться съ приближеніемъ опасности и ночи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, прикрывала ихъ позоръ и стыдъ, то исчезла всякая возможность сдерживать толпу, и двое воеводъ, Петръ Хворостининъ и Андрей Щелкаловъ, начальствовавшіе надъ конницею, вмѣстѣ съ нею бѣжали; другіе двое, коимъ ввѣрены были пушки и снаряды, оставшись почти одни въ лагерѣ, охватили руками болѣе важныя военныя орудія, дабы показать, что они до послѣдняго вздоха охраняли лагерь, военные снаряды и вѣрность къ государю; въ такомъ положеніи они были найдены на другой день рано утромъ, когда наши ворвались въ лагерь и окопы, и взяты живыми вмѣстѣ съ лагеремъ и съ 30-ю приблизительно орудіями. Другое не менѣе замѣчательное доказательство вѣрности представили простые бывшіе при нарядѣ пушкари. У Москвитянъ такой способъ управленія орудіями: они зарываютъ пушки въ землю; впереди ихъ, тамъ, гдѣ приходится дуло, проводятъ ровъ надлежащей глубины, въ немъ прячутся тѣ, которые заряжаютъ пушку; къ жерлу дула прикрѣпляютъ веревку, и когда нужно зарядить ее, то пушку пригибаютъ ко рву, когда же нужно стрѣлять, снова опускаютъ. Изъ орудій особенно замѣчательны были слѣдующія: одно подъ названіемъ волкъ, другое ястребъ, два подъ названіемъ дѣвушки,

столько же съ именемъ и изображеніемъ соколовъ, сверхъ того нѣсколько отнятыхъ у Шведовъ съ ихъ же знаками. Когда изъ поставленныхъ при этихъ орудіяхъ пушкарей большая часть была перебита, а другіе разбѣжались, то остальные, видя, что наши овладѣли лагеремъ, потерявъ надежду на спасеніе орудій, и вмѣстѣ съ этимъ любовь къ жизни, добровольно повѣсились на веревкахъ, которыя, какъ мы выше сказали, спускались сверху жерлъ. Эта побѣда была замѣчательна: много непріятелей было убито, не мало взято въ плѣнъ, причемъ съ нашей стороны былъ незначительный уронъ. [1]) Потерявъ названныя пушки, Московскій царь тотчасъ приказалъ вылить другія съ тѣми же названіями и знаками и при томъ еще въ большемъ противъ прежняго количествѣ; для поддержанія должнаго представленія о своемъ могуществѣ, онъ считалъ нужнымъ показать, что судьба не можетъ взять у него ничего такого, чего бы онъ при своихъ средствахъ не могъ въ короткое время выполнить еще съ знатнымъ прибавленіемъ. Около того же времени жители Ревеля, умоляя короля о помощи и милосердіи, просили помочь имъ нѣкоторымъ количествомъ хлѣба, такъ какъ вслѣдствіе продолжительной войны, они приведены непріятелемъ въ ужаснѣйшую крайность; отрѣзанные почти отъ всякихъ сношеній и загнанные въ городъ, они уже долгое время лишены были возможности заниматься земледѣліемъ. Король подарилъ 100 мѣръ хлѣба. **1578.**

Прежде чѣмъ оставить Краковъ, король посовѣтовался съ сенаторами относительно назначенія главнаго предводителя войска; сенаторы говорили, что онъ можетъ назначить либо пожизненнаго гетмана, либо чрезвычайнаго на извѣстный срокъ, какъ напримѣръ на одинъ или на два похода, но большинство вы-

1) О Венденскомъ боѣ и взятіи Поляками Вендена (21 Октября 1578 г.) см. *Карамз.* IX стр. 168 (Эйнерл.) и примѣч. 509 *Соловьева* VI, 311, 312 и примѣч. 105 (Стр. XII). *Бестужева-Рюмина* Русская Исторія II, 292. *Albertrand*. p.131.

1578. сказывалось въ пользу назначенія для одной только этой войны. Король, отправляясь изъ Кракова въ Варшаву, вызвалъ туда Подольскаго воеводу Николая Мелецкаго. Онъ еще при жизни Сигизмунда Августа снискалъ себѣ большую славу храбраго и знающаго военное дѣло человѣка, такъ какъ, сопровождая Богдана въ Валахію и будучи неожиданно окруженъ многочисленнѣйшимъ войскомъ Валаховъ и Турокъ, онъ съумѣлъ отвести войско назадъ въ Польшу съ честію и безъ всякаго урона. Мелецкій извинялся своимъ слабымъ здоровьемъ и разными другими препятствіями, но наконецъ принялъ начальство только надъ этою экспедиціей. По этому король, условившись съ нимъ о томъ, какихъ и сколькихъ онъ желаетъ набрать полковниковъ и ротмистровъ, отпустилъ его домой для приготовленій.

1579. Отсюда король двинулся въ Гродно; онъ находился въ большомъ затрудненіи, потому что суммы, поступившія отъ установленнаіго налога, были пока незначительны сравнительно съ важностію предпріятія, и если бы даже онѣ поступили всѣ въ цѣлости, то онъ видѣлъ, что и тогда ихъ было бы далеко недостаточно для предстоящихъ военныхъ потребностей. Въ виду всего этого онъ съ величайшею энергіею принялъ рядъ необходимыхъ мѣръ. Что касается денегъ, то онъ частію взялъ взаймы, частію отдалъ свои, которыя имѣлъ, какъ частный человѣкъ, въ казнѣ. Повсюду въ Польшѣ онъ приказалъ набирать солдатъ, послалъ къ брату Христофору, князю Трансильванскому, чтобы онъ прислалъ ему нѣсколько ротъ старой венгерской пѣхоты и нѣсколько конныхъ эскадроновъ Далъ порученіе вербовать солдатъ въ Германіи Христофору Розражевскому и Эрнесту Вейеру. Литовскіе паны, которымъ онъ сообщилъ о своихъ затрудненіяхъ, обѣщались выставить солдатъ, каждый сообразно со своими средствами, и при этомъ каждый въ отдѣльности заранѣе обозначалъ количество, которое онъ имѣлъ привести съ собою; когда это число стало доходить до 10.000 человѣкъ, то король, ободренный усердіемъ Литов-

цевъ, съ большимъ одушевленіемъ занялся остальными дѣлами **1579**.
и устроивъ ихъ сообразно съ требованіями времени, прибылъ въ Вильну. Воевода Виленскій Николай Радзивилъ, которому король еще прежде отдалъ Литовское гетманство, а позднѣе, по сдачѣ Ходкевичемъ управленія Ливоніею, поручилъ на время попеченіе и объ этой провинціи, съ своей стороны передалъ начальство надъ войскомъ, находившимся въ Ливоніи, своему сыну Христофору, королевскому подчашему и гетману надворному литовскому. Сей послѣдній успѣлъ совершить экспедицію къ Дерпту и опустошивъ на огромномъ пространствѣ непріятельскія земли, захватилъ и разрушилъ, при первомъ нападеніи, Киремпешь; къ этому же времени онъ явился въ Вильну къ королю и къ отцу, а за нимъ послѣдовало войско, требуя заслуженнаго жалованья. Тамъ же король приказалъ приготовить и все другое, что нужно было для войны; онъ приказалъ выливать военныя пушки по извѣстному образцу, который онъ призналъ самъ по опыту и пробѣ самымъ удобнѣйшимъ; приказалъ навести мостъ въ Ковнѣ, чтобы воспользоваться имъ при слѣдующихъ экспедиціяхъ. Мостъ составлялся изъ отдѣльныхъ судовъ, которыя затѣмъ соединялись между собою посредствомъ досокъ, такъ что всякій разъ, когда нужно было, суда эти могли быть разъединены и, будучи поставлены вмѣстѣ съ разобранными досками на телѣги, могли быть перевезены куда угодно безъ всякаго затрудненія на запряженныхъ попарно лошадяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ и не всѣ войска собрались, и не прекратились морозы, которые въ этой странѣ, находящейся подъ созвѣздіемъ Большой Медвѣдицы, въ этомъ году продолжались дольше обыкновеннаго, до дня св. Ивана, такъ что никакія травы не показывались до того времени,—король занялся разсмотрѣніемъ литовскихъ дѣлъ, отложенныхъ было уже на болѣе долгій срокъ. Затѣмъ онъ отправилъ Василія Лопатинскаго [1]) съ

[1]) Письмо Баторія, отправленное съ гонцемъ Вацлавомъ *Лопатинскимъ*, и данная сему послѣднему инструкція напечатаны въ Метрикѣ Литовской, т. II,

1579. письмомъ къ Московскому князю, въ которомъ онъ объявилъ ему открытую войну, выставляя слѣдующія причины: несмотря на объявленное перемиріе, царь опустошилъ огнемъ и мечемъ провинцію Ливонію; пословъ его принялъ неуважительно, обманулъ ихъ двойственностью перемирныхъ грамотъ и въ это самое же время отправилъ въ Ливонію войска, осадилъ Венденъ, и наконецъ чрезъ посредство своихъ собственныхъ пословъ прибавилъ къ прежнимъ оскорбленіямъ новую обиду и насмѣшку. Около того времени, Московскій царь отпустилъ Гарабурду, котораго до сихъ поръ онъ удерживалъ, давъ ему только ту отповѣдь, что онъ пошлетъ къ королю спустя немного своего человѣка переговорить объ этихъ дѣлахъ. И дѣйствительно, за Гарабурдой тотчасъ отправился кто то съ письмомъ. [1]) Царь требовалъ, чтобы король сохранялъ перемиріе раньше заключенное; если же есть еще какое либо несогласіе относительно Ливоніи, то пусть онъ покончитъ его съ нимъ полюбовно чрезъ посредниковъ, выбранныхъ съ обѣихъ сторонъ. Король отвѣчалъ тоже что и прежде, что онъ никакъ не можетъ допустить перемирія на такомъ основаніи. Что же касается прибавленія относительно Ливоніи и полюбовнаго рѣшенія спора о ней, то это напрасная и смѣшная выдумка; ибо, если бы онъ (король), однажды принявъ и скрѣпивъ клятвою перемиріе, по которому онъ отступался отъ всякаго права на Ливонію и заявлялъ, что впредь не будетъ имѣть притязанія на какую бы то ни было часть ея, затѣмъ снова захотѣлъ бы вести о ней рѣчь, то—развѣ возможно для кого сомнѣніе въ томъ, что онъ пошелъ бы противъ своей клятвы,

№№ 22 и 23; первое помѣчено 26 іюня 1579 г. въ Вильнѣ. Ср. *Карамзинъ* IX стр. 171.

[1]) Гарабурда, посланный гонцемъ въ апрѣлѣ 1578 года (см. выше), былъ отпущенъ изъ Москвы въ январѣ 1579 года; въ слѣдъ за нимъ отправленъ былъ къ Баторію Андрей Тимоѳеевъ *Михайловъ* (Метрика Лит. II, 42) или *Михалковъ*: *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр. 169 и пр. 512. *Соловьевъ* VI, 315. Нужно помнить, что Гарабурда поѣхалъ въ Москву раньше возвращенія большаго польскаго посольства, а Михайловъ раньше возвращенія Головина и Грамотина изъ Литвы.

и уже по этому самому долженъ былъ бы проиграть свое дѣло. **1579.** Если царь желаетъ, чтобы былъ миръ между нимъ и королемъ въ Литвѣ и Руси, а споръ о Ливоніи въ тоже самое время рѣшался бы на мѣстѣ оружіемъ, то такой видъ перемирія ему (королю) кажется чѣмъ-то новымъ и страннымъ, и хотя онъ хорошо знаетъ, что во время Сигизмунда Августа и безкоролевья Польшѣ было навязано перемиріе такого же рода, однако онъ самъ, когда ему представляется случай заключить новое перемиріе, желаетъ имѣть надлежащее. Нѣтъ человѣка до такой степени тупаго и неопытнаго, который бы не видѣлъ, что еслибы, получивъ нѣкоторый успѣхъ въ Ливоніи, царь пожелалъ возобновить войну въ Литвѣ, то благодаря тому перемирію, къ которому онъ прибавилъ условіе объ уступкѣ Ливоніи, у него всегда нашелся бы предлогъ къ перенесенію военныхъ дѣйствій въ Литву, какъ только показалось бы ему это удобнымъ; достаточно было бы сослаться на то, что король нарушилъ вышеозначенное условіе, ведя войну въ Ливоніи. По отпускѣ этого посла, разсмотрѣны были предложенія татарскаго хана. Послѣдній въ это время прислалъ пословъ къ королю, зная, что предпринимается война противъ Московскаго царя; согласно договору, по которому онъ обязанъ былъ помогать Польскимъ королямъ противъ всякихъ непріятелей, за исключеніемъ одного турецкаго султана, ханъ предлагалъ съ своей стороны вторгнуться въ Московское государство, просилъ даровъ, требовалъ обузданія буйства Низовцевъ. Хану отвѣчали, что онъ, обѣщая свою помощь противъ Московскаго царя, исполняетъ свою обязанность, и что ему присланы будутъ дары: дано было дѣйствительно нѣсколько тысячъ золотыхъ монетъ и извѣстное число одеждъ; что же касается до Низовцевъ, то отвѣтомъ было, что этотъ сбродъ изъ всякихъ народовъ не находится во власти короля, и притомъ часто сами Турки и Татары къ нимъ присоединяются, но король всетаки постарается, на сколько это возможно, огра-

1579. дить Татаръ отъ обидъ съ этой стороны. Татарскій ханъ, вопреки обѣщанію, совершенно не участвовалъ въ войнѣ противъ Московскаго царя, будучи занятъ другою войной противъ Персовъ, веденной тогда турецкимъ султаномъ. Явился и Готтардъ, князь Курляндскій и Семигальскій, и просилъ подтвержденія своихъ владѣній и инвеституры. Король приказалъ ему остановиться въ Диснѣ и обѣщалъ между тѣмъ предложить объ этомъ сенату. Затѣмъ онъ далъ приказъ собраться войску къ началу іюля мѣсяца въ Свирь. Въ Вильну въ это время пришла венгерская пѣхота, присланная Трансильванскимъ княземъ Христофоромъ и значительный эскадронъ всадниковъ. Мелецкій, возвратившійся тогда же къ королю, замѣтилъ, что вслѣдствіе медленнаго доставленія денегъ сборщиками податей и запоздавшей по этому уплаты военнаго жалованья, уже обнаруживается нѣкоторое охлажденіе усердія со стороны солдатъ, сталъ настойчиво побуждать, чтобы польское войско собиралось какъ можно скорѣе на призывъ короля.

КНИГА II-я.

1579. Отправившись изъ Вильны наканунѣ іюльскихъ календъ [1]), король прибылъ затѣмъ въ Свирь. Тутъ онъ увидѣлъ часть литовской конницы, которая была отлично снабжена всѣмъ нужнымъ, въ особенности та, которая приведена была фамиліей Радзивиловъ и королевскимъ крайчимъ Иваномъ Кишкой. Король, считая нужнымъ предварительно рѣшить главный вопросъ войны, держалъ здѣсь совѣтъ о томъ, въ какую сторону лучше всего направить походъ. По мнѣнію почти всѣхъ Литовцевъ, слѣдовало идти черезъ Ливонію ко Пскову, такъ какъ этотъ городъ по обширности и по значенію достоинъ былъ того,

1) т. е. 30 іюня 1579 года.

чтобы изъ-за него подвергнуться величайшимъ трудамъ и всяческимъ опасностямъ; къ тому же его считали мало защищеннымъ противъ нападенія, ибо стѣны его, вслѣдствіе ветхости, были въ упадкѣ, и никакихъ мѣръ предосторожности не было принято, какъ въ мѣстѣ совершенно безопасномъ и отдаленномъ отъ театра войны. Поэтому Литовцы выражали надежду, что король могъ бы безъ большаго труда и опасности овладѣть имъ. Король былъ противнаго мнѣнія; главнѣйшею задачею войны онъ поставилъ — освобожденіе Ливоніи отъ непріятеля, и понималъ, что если перенести военныя дѣйствія на Ливонскую территорію, то въ странѣ, обладающей частыми городами и крѣпостями, впродолженіи столькихъ лѣтъ раззоряемой, при недостаткѣ припасовъ и при необходимости многократно прибѣгать къ осадамъ, военныя дѣйствія были бы медленны и трудны при томъ онъ не только бы передалъ страну, ради освобожденія; которой предпринялъ войну, снова въ жертву опустошеніямъ непріятеля и своихъ, но и Литву, лишенную защиты, открылъ бы въ тоже время для непріятельскихъ нападеній, направивъ всѣ военныя средства въ другія мѣста. Если же направиться на Псковъ по другой дорогѣ, чрезъ непріятельскую землю, то онъ считалъ противнымъ правиламъ военнаго искусства, оставивъ въ тылу столько вражескихъ гарнизоновъ, черезъ край непріятельскій и трудно проходимый углубляться такъ далеко въ страну противника; въ случаѣ какой-либо неудачи, не было бы оттуда ни удобнаго отступленія, ни возможности вызвать подкрѣпленія изъ сосѣднихъ пунктовъ. Онъ видѣлъ, что избѣгнетъ того и другаго взятіемъ Полоцка, такъ какъ этотъ городъ, расположенный у рѣки Двины, открываетъ легкій доступъ въ Ливонію и въ Литву; продолжая затѣмъ постепенно движеніе впередъ, онъ могъ бы внести потомъ войну въ самое Московское государство, и потомъ, какъ- бы обойдя Ливонію и преградивъ къ ней доступъ непріятелю, онъ могъ бы овладѣть ею вполнѣ, не удаляясь далеко отъ Литвы; притомъ обѣимъ, и Литвѣ и Ли- 1579.

1579. воніи, онъ могъ бы подать руку помощи въ случаѣ непріятельскихъ нападеній. Къ этому присоединялось и то обстоятельство, что король кромѣ возвращенія Ливоніи очень много думалъ о томъ, чтобы доставить Литовцамъ и Ливонцамъ судоходство по рѣкѣ Двинѣ, которою одной только держится Рижская гавань; плаваніе по ней много содѣйствовало бы охраненію Ливоніи и недопущенію къ ней непріятеля, а вмѣстѣ доставило бы большія удобства для торговли и промышленности. Король видѣлъ, что завоеваніемъ Полоцка будетъ сдѣлано много для таковой цѣли, ибо гарнизонъ Полоцка господствуетъ на значительное протяженіе надъ теченіемъ Двины; изъ этого города посылаются вспомогательныя войска и провіантъ въ Кокенгаузенъ и въ другія крѣпости Ливоніи, отсюда производятся набѣги, вслѣдствіе которыхъ останавливается торговля Риги и Вильны. Наконецъ, такъ какъ Полоцкъ очень недавно былъ взятъ непріятелемъ, то чѣмъ свѣжѣе сохранялась память у людей о той потерѣ, тѣмъ живѣе была бы радость при его возвращеніи и бо́льшая слава досталась бы его освободителю. Другіе говорили, что осада Полоцка дѣло слишкомъ трудное, чтобы предпринимать его при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій: Полоцкъ—городъ сильно укрѣпленный самою природою, а также и искусствомъ, и въ виду своего пограничнаго положенія, весьма тщательно снабженный припасами, пушками, порохомъ и всѣми военными снарядами, такъ какъ непріятель не могъ сомнѣваться, что (въ случаѣ нашествія) ему придется выдержать первое нападеніе. Во всякомъ дѣлѣ много значитъ самое начало, такъ какъ по первому впечатлѣнію люди легко склоняются въ ту или другую сторону; общее настроеніе во время войны, увѣренность въ успѣхѣ зависитъ оттого, чтобы не встрѣтить неудачи при началѣ. Но король полагалъ, что нѣтъ ничего непреодолимаго для мужества, и былъ того мнѣнія, что чѣмъ больше будутъ побѣжденныя въ началѣ трудности, тѣмъ ревностнѣе будутъ всѣ стремиться къ достиженію прочихъ цѣлей

войны, и что если встрѣтятся какія либо затрудненія, то во **1579**.
всякомъ случаѣ они будутъ гораздо меньше, когда все будетъ съ тыла спокойно и недалека помощь изъ дому. Поэтому король полагалъ не отступать отъ ранѣе принятаго рѣшенія. Соображая, что слухъ о предпринятомъ походѣ распространился уже на огромномъ пространствѣ по различнымъ народамъ, и кромѣ того, что у него войско собрано изъ различныхъ племенъ, и желая, чтобы всѣми была одобрена не только война, но и поводъ къ ней, онъ обнародовалъ манифестъ, сперва написанный по латыни, потомъ переведенный на польскій, венгерскій и на нѣмецкій языки, ибо изъ этихъ народностей исключительно состояло его войско; въ манифестѣ онъ напоминалъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ему Московскимъ царемъ, и излагалъ, по какимъ причинамъ онъ предпринимаетъ войну противъ него. Затѣмъ рѣшено было послать напередъ кого нибудь съ частью войска для того, чтобы согласно правиламъ военнаго искусства задерживать непріятеля въ стѣнахъ и открыть дорогу остальному войску, пока оно не подойдетъ. Такъ какъ наибольшее вліяніе и главная власть и право команды въ лагерѣ принадлежали польскому (коронному) гетману, и притомъ не всѣ польскіе войска собрались, то король, удержавъ при войскѣ Мелецкаго, послалъ напередъ Радзивила съ сыномъ Христофоромъ и съ нѣсколькими литовскими войсками въ Полоцкъ; съ ними же онъ приказалъ отправиться Каспару Бекешу съ венгерскою конницей и нѣсколькими полками. Затѣмъ изъ Свири онъ направился въ Дисну въ слѣдующемъ порядкѣ: такъ какъ съ правой стороны на дорогѣ были непріятельскія крѣпости — Красный, Суша, Туровль, то по этой сторонѣ двигался Мелецкій съ польскимъ войскомъ, при чемъ Иванъ Збаражскій получилъ приказаніе быть у него въ авангардѣ. Король шелъ по лѣвой сторонѣ. По дорогѣ къ королю пристали отличнѣйшимъ образомъ снаряженныя войска другихъ литовскихъ магнатовъ, воеводъ: Степана Збаражскаго, воеводы Трокскаго; Ни-

1579. колая Дорогостайскаго, воеводы Полоцкаго, и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ; войска эти были имъ осмотрѣны. Впродолженіе нѣсколькихъ дней непрерывно шли сильные дожди, что до такой степени затрудняло перевозку тяжелыхъ военныхъ снарядовъ, особенно пушекъ, что король счелъ нужнымъ уступить лошадей, которыя у него были при собственныхъ повозкахъ, для того, чтобы поскорѣе подвинуться къ цѣли похода. Это затрудненіе, явившееся при самомъ началѣ, даже безъ словъ опровергало мнѣніе тѣхъ, которые полагали, что нужно идти такимъ далекимъ путемъ прямо на Псковъ. Въ Диснѣ Мелецкій показалъ королю конницу и польское войско почти въ полномъ сборѣ, превосходнѣйшимъ образомъ на видъ устроенное и раздѣленное на эскадроны и полки, которые проходили передъ королемъ подъ знаменами. Всадники, покрытые желѣзными панцырями и шеломами, кромѣ копья всѣ были вооружены саблею, дротикомъ и двумя пищалями, прилаженными къ сѣдламъ, такъ что и всадники во время маневровъ производили такой же трескъ и громъ, какъ и пѣхотинцы, принадлежностью которыхъ были ружья. Туда же явились и запоздавшія литовскія войска; въ числѣ ихъ 900 отборнѣйшихъ всадниковъ Ивана Ходкевича, кастеляна Виленскаго, одержимаго въ то время весьма тяжелой болѣзнью, отъ которой немного спустя онъ умеръ; также были всадники и Ивана Глѣбовича, кастеляна Минскаго и другихъ. Въ тоже время пришло съ Христофоромъ Розражевскимъ и Эрнестомъ Вейеромъ и нѣмецкое войско; хотя они не имѣли позволенія на открытую вербовку и производили ее только урывками и тайно, однако приведенные ими люди не уступали всѣмъ другимъ въ мужествѣ, а также по роду оружія и по опытности въ военномъ дѣлѣ они нисколько не были ниже остальныхъ. Вообще всѣ войска, какъ по роду и числу людей, такъ и по умѣнью владѣть оружіемъ были таковы, что Мелецкій не поколебался увѣрить короля, что войско составлено гораздо даже лучше,

чѣмъ того требовала важность начатой войны, и что оно снаряжено такъ удачно и хорошо, какъ ни одно изъ видѣнныхъ имъ, въ коихъ онъ служилъ на родинѣ и на чужбинѣ въ качествѣ ли полководца, или простаго воина, ибо прежде онъ всегда замѣчалъ, что съ какой нибудь одной стороны войско бываетъ неудовлетворительно, либо со стороны пѣхоты, либо конницы. 1579.

Послѣ осмотра войскъ, за герцогомъ Курляндскимъ, который, какъ мы выше сказали, былъ отправленъ въ Дисну, было подтверждено обыкновеннымъ порядкомъ владѣніе Курляндскимъ и Семигальскимъ герцогствомъ, и самъ онъ былъ принятъ подъ защиту и покровительство короля. Спрошенные о томъ всѣ литовскіе сенаторы, большая часть которыхъ присутствовала, и тѣ изъ магнатовъ польскихъ, которые тутъ также находились, были согласны покончить дѣло, нѣсколько исправивъ тѣ условія, которыя, по ихъ мнѣнію, были заключены королемъ Сигизмундомъ Августомъ по обстоятельствамъ того времени недостаточно выгоднымъ образомъ. Въ такомъ же смыслѣ письменно данъ былъ отвѣтъ не присутствовавшими тутъ сенаторами Великой Польши, также Руси, Пруссіи и Мазовіи. Большая часть сенаторовъ Малой Польши, которые въ то время случайно собрались въ Люблинѣ для судебныхъ дѣлъ, такъ какъ въ то время тамъ были первые аппеляціонные суды, о которыхъ выше было сказано, полагали, что слѣдуетъ передать это дѣло на сеймъ, повидимому изъ опасенія того, что при малочисленности польскихъ сенаторовъ сравнительно съ литовскими, права королевства относительно этого княжества недостаточно будутъ приняты во вниманіе. Но королю казалось недостойнымъ дольше задерживать герцога, въ которомъ послѣ разъ даннаго слова, онъ никогда не замѣчалъ колебанія, но всегда видѣлъ искреннее расположеніе къ Польшѣ; и кромѣ того онъ не считалъ достаточно безопаснымъ оставлять въ неизвѣстности при настоящемъ положеніи Ливоніи свое ленное право по отноше-

1579. нію къ владѣльцу области, сосѣдней съ непріятелемъ. По этому, дѣло было рѣшено главнымъ образомъ на тѣхъ условіяхъ, чтобы герцогъ обѣщалъ королю вѣрность и повиновеніе и далъ присягу на его имя, что онъ не будетъ признавать надъ собою никакой верховной власти, какъ только королей Польскихъ; и чтобы король съ своей стороны принялъ на себя защиту и покровительство его противъ всѣхъ; относительно же юрисдикціи надъ подданными герцога было предусмотрѣно, чтобы аппеляціи на приговоры герцога поступали на сеймъ ливонскій, который король намѣревался учредить послѣ присоединенія остальной Ливоніи. Когда герцогъ приближался къ лагерю, Мелецкій выслалъ людей, чтобы проводить его къ нему въ палатку; пробывъ здѣсь нѣкоторое время, пока его не позвали, герцогъ затѣмъ былъ приведенъ къ трибуналу и при распущенныхъ знаменахъ и при собраніи всего войска произнесъ торжественную клятву королю, при чемъ коронный канцлеръ ему подсказывалъ слова.

Между тѣмъ непріятель, дошедши до Пскова, послалъ напередъ часть войскъ въ Ливонію. Послѣднія, перейдя тихонько рѣку Двину у Кокенгаузена, которымъ, какъ выше сказано, Московскій царь овладѣлъ раньше, отбросивъ, благодаря неожиданности нападенія, около 150 всадниковъ Курляндскаго герцога, находившихся въ караулѣ по сю сторону Двины, и опустошивъ области Зельбургскую герцога Курляндскаго и Биржанскую Христофора Радзивила, поспѣшно вернулись за Двину [1]). Мы выше сказали, что войско, находившееся въ Ливоніи, отправилось въ слѣдъ за Христофоромъ Радзивиломъ въ Вильну для полученія жалованья. Между тѣмъ король послалъ въ Ливонію Ивана Талвоша, кастелана Жмудскаго, съ тѣми войсками, которыя можно было собрать наскоро; Филону же Кмитѣ, начальствовавшему въ Оршѣ, приказалъ наблюдать на Днѣпрѣ,

1) *Кар.* Т. IX гл. 5 стр. 175 и пр. 522.

чтобы съ этой стороны не понести отъ непріятеля какого либо урона. Войско, посланное впередъ съ Виленскимъ воеводой въ Полоцкъ, переправилось чрезъ Двину при Диснѣ по мосту, устроенному въ Ковнѣ изъ кораблей такимъ способомъ, какъ выше было описано. Непріятель ничего не предпринималъ, чтобы воспрепятствовать ему въ переправѣ, или по той причинѣ, что согласно правиламъ московской дисциплины войско не осмѣливалось выйдти изъ крѣпости безъ приказанія государя, или потому, что возгордившись недавними успѣхами, онъ съ пренебреженіемъ относился къ слухамъ о польскихъ силахъ, сосредоточивавшихся въ Свири. За Двиною нѣкоторое время немного задержали нашихъ частые лѣса, ибо съ того времени, какъ Московскій царь взялъ Полоцкъ, почти впродолженіе 16 лѣтъ его господства, поля, которыя тянутся отъ Двины и Дисны къ Полоцку, оставались необитаемыми и невоздѣланными, а вслѣдствіе того на этой плодородной почвѣ выросли многочисленныя и очень густыя пущи. Но венгерская конница принялась за дѣло, стала рубить топорами лѣсъ и живо окончила работу, такъ что въ скоромъ времени войско преодолѣло эти препятствія. 1579.

Въ древнее время Полоцкъ имѣлъ своихъ князей и, около 80 года отъ Р. Х. или по лѣтосчисленію русскихъ около 6488 лѣта, повиновался князю Рогвольду (Rochuoldus); послѣдній потерялъ жизнь вмѣстѣ съ двумя сыновьями и власть въ борьбѣ съ Владиміромъ, когда этотъ пошелъ на него войною съ большимъ ополченіемъ за то, что дочь Рогвольда Рогнѣда, по разсказу русскихъ лѣтописей, отказалась выдти за него замужъ. Послѣ этого Полоцкъ перешелъ во владѣніе государей и князей Русскаго народа; когда ихъ племя, княжившее въ Южной Руси, угасло, Полоцкъ перешелъ къ Литвѣ, какъ и нѣкоторыя другія Русскія области. Во время царствованія Ягайла сперва у Литовцевъ, а потомъ и у Поляковъ, братъ его Андрей захватилъ владычество надъ Полоцкомъ почти въ то самое время, когда

1579. Ягайло принималъ знаки королевской власти въ Краковѣ, но потомъ Полоцкъ опять былъ возвращенъ посланными туда войсками и оставался подъ властью королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ до 1563 года, пока не былъ взятъ и завоеванъ Иваномъ Васильевичемъ, Московскимъ царемъ. Область Полоцкая простирается до 150 миль въ длину, и столько же въ ширину, не уступаетъ ни одной области, какъ въ плодородіи почвы, такъ и въ изобиліи рѣкъ и озеръ. Она имѣетъ много судоходныхъ рѣкъ, главнымъ образомъ Двину, которая, беря начало недалеко отъ Торопца, въ Московской области, вливается въ Рижскій заливъ и изъ всѣхъ почти сѣверныхъ рѣкъ самая величественная и красивая. За нею слѣдуютъ Дрисса, Усвяча, текущія изъ Московской области, Дисна, Ула изъ Литвы, Каспля отъ Смоленска, всѣ впадающія въ ту-же Двину. Положеніе литовскихъ и русскихъ крѣпостей по большей части таково, что онѣ находятся при устьѣ какой нибудь малой рѣки, соединяющейся съ большою; такъ какъ близость большой рѣки одинаково обща многимъ, то всѣ почти эти крѣпости имѣютъ названія отъ меньшихъ рѣкъ. Отсюда Полота, небольшая рѣчка, дала нѣкогда названіе крѣпости и городу, а городъ цѣлой области. До подпаденія подъ власть Московскаго царя, вся эта страна имѣла одинъ только укрѣпленный городъ, Полоцкъ, и крѣпость Озерище; а впрочемъ въ этой области довольно много было мѣстечекъ и селеній. Благосостояніе Полоцка, благодаря большимъ выгодамъ отъ рѣки Двины, до того увеличилось, что богатствомъ онъ превзошелъ столицу Литвы, Вильну. Озерище; находящееся по направленію къ Москвѣ на озерѣ, откуда беретъ начало рѣка Оболь, имѣетъ доступъ только съ одной стороны, такъ что едва можно пройдти пѣшему. Послѣ занятія Полоцка Московцами, здѣсь и тамъ было построено нѣсколько крѣпостей и поставлены гарнизоны, частію для того, чтобы удерживать за собою область, рѣку и судоходство и мѣшать плавать непріятелю, ча-

стію для того, чтобы препятствовать непріятельскимъ нападеніямъ на эту область, весьма обычнымъ тамъ, гдѣ право владѣнія окончательно не было рѣшено ни въ ту, ни въ другую сторону. Король Сигизмундъ Августъ основалъ Дисну при сліяніи съ Двиною рѣки того же названія, Воронечъ при рѣкѣ Ушачѣ и Лепель на островѣ озера, образуемаго рѣкою Лепелемъ. 1579.

Такъ какъ мы дошли до этой мѣстности, то кажется не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ ея положеніи и природѣ.

Черезъ эту часть Литвы протекаютъ двѣ отдѣльныя рѣки, обѣ судоходныя; онѣ находятся между собою въ такомъ отношеніи, что отстоятъ другъ отъ друга не болѣе 5000 шаговъ и обѣ вливаются въ два большія и очень далеко отстоящія моря. Вышеупомянутый Лепель впадаетъ въ рѣку Улу, также судоходную, съ нею вмѣстѣ вливается въ Двину, а чрезъ нее у Риги въ Балтійское море. Другая рѣка Березина, протекая въ противоположную сторону, чрезъ посредство Днѣпра вливается въ Черное море, такъ что если бы умиротворены были тѣ народы, во власти которыхъ находится теченіе этихъ рѣкъ, то при такой близости ихъ и при возможности перевозить товары изъ одной въ другую и наконецъ при удобствѣ соединенія ихъ, Сѣверъ и весь Западъ весьма легко могли бы сообщаться для торговли съ Востокомъ. Вмѣсто того, плаваніе по Двинѣ уже ранѣе Московцы сдѣлали небезопаснымъ и за тѣмъ тѣ же Московцы Татары и другіе, о которыхъ выше сказано, теперь дѣлаютъ такимъ же и Днѣпръ. Сигизмундъ Августъ, пытался защитить также устье рѣки Улы крѣпостью, но принужденъ былъ уйти отсюда не безъ потерь, послѣ того какъ строитель ея, какой-то Венеціанецъ, былъ убитъ вмѣстѣ со своими работниками; съ другой стороны, когда непріятель вздумалъ укрѣплять эту мѣстность, то и Августъ послалъ туда войско изъ Радошковичъ, и хотя осада, не смотря на всѣ усилія, долго оставалась тщетною, все-таки наконецъ въ слѣдующемъ году воевода Брацлавскій

1579. Романъ Сангушко взялъ укрѣпленіе, въ то время, какъ Московскій царь вывелъ старый гарнизонъ для смѣны новымъ; верхнюю же часть этой страны и сліяніе рѣки Лепеля съ Улою король еще раньше укрѣпилъ, устроивъ крѣпость Чашники. Подобнымъ же образомъ, построивъ за Двиною 5 крѣпостей, Москвитяне съ своей стороны вполнѣ утвердили за собою владѣніе этой мѣстностью. На Псковской дорогѣ, на полуостровѣ, образуемомъ рѣками Дриссою и Нищею, противъ Литовскихъ крѣпостей, Дисны и Дриссы, они поставили крѣпости: Соколъ, Нищерду у озера того же имени, въ разстояніи 30 миль отъ Заволочья, Ситну на дорогѣ Велико-Лукской, при верхнемъ теченіи рѣки Полоты, затѣмъ Козьянъ на рѣкѣ Оболи, которая тутъ какъ бы описываетъ кругъ около него, Усвятъ при судоходной рѣкѣ того же названія, впадающей въ Двину у Суража насупротивъ рѣки Каспли; Козьянъ противопоставлялся Улѣ, Усвятъ Витебску и Суражу. По сю сторону Двины царь выстроилъ Туровль, при устьѣ рѣки того же имени, которымъ она впадаетъ въ Двину, и на озерѣ, выпускающемъ рѣку Туровль, на мѣстѣ очень укрѣпленномъ и окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою, съ особенными цѣлями была воздвигнута крѣпость Суша, угрожающая Литвѣ, такъ какъ царь уже замышлялъ войну Литовскую и мысленно представлялъ Вильну средоточіемъ и главною цѣлію будущихъ военныхъ предпріятій. Вслѣдствіе этого онъ укрѣпилъ искусственно и безъ того уже раньше природой весьма укрѣпленное мѣсто и снабдилъ его всякаго рода военными снарядами, для того, чтобы держать тамъ небольшой, но хорошо вооруженный гарнизонъ. Сверхъ того къ нимъ онъ прибавилъ Красный, также лежащій на болѣе высокомъ мѣстѣ по направленію къ Литвѣ. И вотъ казаки литовскіе, собранные подъ начальствомъ Франциска Жука на границахъ, при первомъ слухѣ о рѣшенной войнѣ, ночью внезапно напали на Красный; приставивъ лѣстницы и захвативъ гарнизонъ, они овла-

дѣли укрѣпленіями и довольно большими запасами провіанта. **1579.** Съ такимъ же успѣхомъ былъ взятъ и разрушенъ казаками на другой сторонѣ Козьянъ, Задвинская крѣпость, посредствомъ внезапнаго нападенія. Въ это же время Виленскій воевода съ войскомъ, имѣвшимся при немъ, подошелъ къ Полоцку; непріятель, увидя это, тотчасъ вывелъ свои войска изъ-за укрѣпленій, и у самыхъ воротъ выстроился въ боевой порядокъ, но не давъ никакого повода завязать сраженіе, вернулся въ городъ; однако конница, жадная до битвы, пустившись за нимъ въ погоню, преслѣдовала его до самыхъ стѣнъ и успѣла нѣсколько человѣкъ поразить копьями. Въ то же время Венгерцы и Литовцы, бросившись вдругъ отъ Полоцка по дорогѣ Псковской на Ситну, сожгли ее неожиданнымъ и внезапнымъ образомъ. Идя къ Полоцку и имѣя съ лѣвой стороны непріятельскую крѣпость Соколъ, король боялся, чтобы непріятель не причинилъ какого либо вреда при подвозѣ провіанта нашимъ, тѣмъ болѣе, что онъ могъ получить подкрѣпленія изъ Пскова, и совѣтовался съ Мелецкимъ, не повернуть ли съ дороги для завоеванія этой крѣпости, но потомъ, подумавъ что изъ-за такого рода маловажныхъ осадъ часто теряется возможность совершить болѣе важныя дѣла, поспѣшилъ къ Полоцку, какъ главному городу провинціи, совсѣмъ оставивъ свое намѣреніе и, въ три перехода, для которыхъ мѣста (остановки) обозначилъ Мелецкій, ранѣе прошедшій дорогу съ легкою конницею, прибылъ изъ Дисны къ Полоцку.

Въ то время какъ войско направлялось къ Полоцку, Московиты умертвили мучительнымъ образомъ польскихъ и литовскихъ плѣнниковъ, которыхъ съ давняго времени держали въ тяжелыхъ оковахъ, и привязавъ ихъ трупы къ бревнамъ, они спустили ихъ по рѣкѣ Двинѣ на встрѣчу шедшимъ, полагая тѣмъ возбудить въ нихъ ужасъ [1]). Взявъ съ собою только канц-

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5. стр 174 и пр. 521.

1579. лера Замойскаго и Каспара Бекеша, между тѣмъ какъ Мелецкій принялъ на себя заботу о войскѣ, и расположилъ на удобной мѣстности сторожевые отряды противъ вылазокъ, король, объѣхавъ городъ, осмотрѣлъ мѣстоположеніе, и тутъ же совѣщался о томъ, съ какой стороны лучше всего слѣдуетъ начать приступъ.

Полоцкъ состоялъ изъ двухъ крѣпостей или замковъ—одна расположена на болѣе высокомъ мѣстѣ и приходится посрединѣ; другую Русскіе называютъ на своемъ языкѣ Стрѣлецкою, и изъ города Заполотья. Съ юга протекаетъ рѣка Двина, которая, сдѣлавъ малое уклоненіе къ западу, затѣмъ прямо течетъ къ Ригѣ и у нея впадаетъ въ море. Съ сѣвера течетъ рѣка Полота, у подошвы Стрѣлецкой крѣпости немного уклоняясь отъ прямого теченія къ востоку она затѣмъ снова отклоняется къ сѣверу и, обогнувъ подошву холма, на которомъ расположенъ Верхній замокъ, отдѣляемый ею отъ города, немного ниже того мѣста направляется къ югу и соединяется съ рѣкою Двиной. Средняя крѣпость (или Верхній замокъ), которая, какъ мы сказали, расположена на холмѣ, имѣющемъ весьма обширный кругозоръ, съ юга, какъ показано, граничитъ съ рѣкою Двиной, съ сѣвера и востока рѣкою Полотой и городомъ Заполотьемъ, съ западу крѣпостью Стрѣлецкою. Холмъ, на которомъ возвышается Верхній замокъ, со всѣхъ сторонъ обрывистъ и окруженъ повсюду весьма высокимъ валомъ и большими глубокими рвами, для усиленія которыхъ употреблены были всѣ средства; стѣны же и башни ея очень тверды и состоятъ изъ нѣсколькихъ связанныхъ между собой рядовъ изъ весьма крѣпкаго дуба. Стрѣлецкая крѣпость, расположенная на меньшей возвышенности по направленію къ западу, на холмѣ немного покатомъ съ востока, соединялась короткимъ мостомъ съ болѣе высокой крѣпостью. Городъ нѣкогда стоялъ по сю сторону рѣки Полоты при подошвѣ холма, который Москвитяне впослѣдствіи заняли Стрѣлецкою крѣпостью, но онъ былъ разру-

шенъ при осадѣ непріятелемъ. Впослѣдствіи, по закрѣпленіи владѣнія, ради чрезвычайнаго удобства этого пункта для торговыхъ сношеній, Московскій царь думалъ возобновить городъ на томъ же самомъ мѣстѣ; но такъ какъ съ этой стороны оказалось для него самаго болѣе удобнымъ завоеваніе города, то, опасаясь, что и наши здѣсь откроютъ себѣ доступъ, онъ перенесъ городъ за рѣку Полоту, а главную крѣпость на мѣсто, занимавшее середину между обѣими рѣками, такъ что образовался, такъ сказать, трехъ-угольникъ, одну сторону котораго защищала Двина, другую противъ главной крѣпости рѣка Полота, а третью рвы и башни. Королю казалось несомнѣннымъ, что осаду нужно начать съ средней и въ то же, время самой главной и сильнѣйшей крѣпости— по той причинѣ, что сколько бы ни истратить труда и времени на осаду остальныхъ мѣстъ, но ясно, что если самый важный пунктъ останется не взятымъ, то еще нельзя будетъ лишить непріятеля возможности къ отступленію и надежды на возможность выдержать осаду; со взятіемъ же этой части, по занятіи болѣе высокаго и въ то же время наиболѣе укрѣпленнаго пункта, въ которомъ хранился весь провіантъ и воинскіе снаряды непріятеля, и городъ и другая, то есть Стрѣлецкая крѣпость достались бы въ его власть безъ всякаго труда. Къ этому присоединялось и то обстоятельство, что со стороны города взятіе крѣпости оказалось бы все-таки довольно труднымъ по причинѣ брода черезъ рѣку Полоту, омывающую подошву холма, на которомъ расположена крѣпость. Несмотря однако на это, Бекешъ полагалъ, что прежде нужно попробовать взять городъ Заполотье, который стоялъ прежде всѣхъ по теченію рѣки Двины: если бы по завоеваніи его непріятели удалились въ крѣпость, то во первыхъ это усилило бы затруднительное положеніе всѣхъ осажденныхъ, которые тогда были бы стѣснены въ одномъ мѣстѣ, убавило бы у нихъ надежду, уменьшило бы трудъ нашимъ, и придало бы имъ мужество; при томъ взятіе замковъ со стороны города немного было бы труднѣе, 1579.

1579. чѣмъ съ другой стороны, ибо рѣку Полоту вездѣ можно, говорилъ онъ, перейти въ бродъ, едва обмочивъ ноги до колѣнъ. Дѣйствительно въ то время рѣка была такъ мелка. Главнымъ образомъ Замойскій побуждалъ короля настаивать на своемъ первоначальномъ планѣ, потому что, когда во второй разъ съ цѣлію рекогносцировки онъ одинъ подошелъ ближе къ мѣсту, на которомъ стоялъ прежде городъ, и который Русскіе по сожженіи называли на своемъ языкѣ какъ бы Пожарищемъ (Požar), то замѣтилъ, что гораздо болѣе легкимъ представляется приступъ съ этой стороны, ибо тутъ нѣтъ ни рвовъ, ни высокихъ холмовъ, которые находятся съ тѣхъ сторонъ, и что Стрѣлецкая крѣпость расположена на холмѣ, покатомъ къ низу, такъ что на вершинѣ холма, на внѣшней ея сторонѣ, поднимался какъ бы нѣкоторый горбъ, который мѣшалъ находившимся въ крѣпости мѣтко бросать стрѣлы. Въ то время, какъ король думалъ поближе посовѣтоваться съ Мелецкимъ и другими сенаторами, нѣмецкій отрядъ, по собственному побужденію перейдя р. Полоту, выбралъ мѣстность для лагеря у Двины въ сторонѣ отъ города противъ самой главной крѣпости и Стрѣлецкаго замка. Поэтому король боясь, чтобы не произошло какого либо раздора вслѣдствіе племеннаго соперничества, позволилъ копать шанцы по направленію къ городу и тамъ, гдѣ стоялъ Бекешъ съ Венграми. Затѣмъ было выбрано мѣсто для королевскаго лагеря за рѣкою Двиной, между нею и какимъ то озеромъ, ниже мѣста, занятаго, какъ мы сказали, Нѣмцами, и сюда Мелецкій въ два дня перевелъ войско.

Общій видъ всего лагеря и всей осады былъ приблизительно таковъ: если идти вдоль по рѣкѣ отъ Дисны къ Полоцку лицемъ къ Заполотью, то первыми у рѣки Двины стояли Венгерцы, въ мѣстѣ особенно удобномъ для доставки провіанта, потому что нижняя часть рѣки была покорена, и всѣ сплавы направлялись къ этому мѣсту; затѣмъ тамъ же по устроенному извѣстнымъ образомъ изъ кораблей мосту былъ переходъ черезъ Двину.

Ниже Венгровъ, по сю сторону рѣки Полоты, все пространство, 1579. оставшееся свободнымъ до этой рѣки, заняли лагеремъ Николай Радзивилъ, воевода Виленскій, съ сыномъ Христофоромъ и находившіяся подъ ихъ начальствомъ служилыя войска Литовцевъ, затѣмъ различные отряды охотниковъ. По ту сторону Полоты, между рѣкой и какимъ то озеромъ, находился, какъ мы сказали, королевскій лагерь. Тутъ по большей части находились сенаторы и польская конница, кромѣ нихъ Николай Христофоръ Радзивилъ, надворный маршалкъ Литовскаго Княжества, который начальствовалъ надъ всѣмъ королевскимъ дворомъ, по причинѣ отсутствія маршалка польскаго. Почти всю средину лагеря занимали палатки сенаторовъ, и, смотря по тому, на сколько каждый выдавался саномъ и знатностію, на столько ближе занималъ мѣсто къ королю. Три ряда палатокъ, шедшіе кругомъ образовали какъ бы двѣ улицы, находившіяся на равномъ разтояніи одна отъ другой; при этомъ также оставлены были по двое воротъ для входа къ нимъ; столько же было входовъ въ лагерь, охраняемыхъ караульными постами; наружную сторону лагеря защищали расположенныя кругомъ повозки, соединенныя между собой, по обычаю польскому, желѣзными цѣпями; при ожиданіи нападенія и вообще въ случаѣ большой опасности, Поляки проводятъ сверхъ того еще ровъ и дѣлаютъ насыпь передъ телѣгами и такимъ образомъ придаютъ лагерю видъ неприступной крѣпости. Выше королевскаго лагеря расположились лагеремъ на указанномъ нами выше мѣстѣ Нѣмцы. Въ то время, какъ войско уже находилось у Полоцка, явились 500 отборнѣйшихъ пѣхотинцевъ отъ Георга Фридриха, Прусскаго герцога, которые, согласно ихъ желанію, получили назначенное имъ мѣсто между Нѣмцами въ одномъ съ ними лагерѣ. Въ такомъ же положеніи очутились и другія войска—изъ Подоліи и иныхъ пограничныхъ областей королевства: не имѣвъ возможности вслѣдствіе отдаленности придти раньше, они примкнули къ остальному войску у Полоцка; между ними въ числѣ волон-

1579. теровъ находился Константинъ, сынъ Острожскаго князя Константина, прибывшій съ отборнѣйшимъ отрядомъ всадниковъ, и нѣкоторые другіе. Между тѣмъ Бекешъ началъ осаждать городъ Заполотье и, подведя къ стѣнамъ подкопы, уже сталъ громить ихъ орудіями. Отчаявшись въ возможности защищать городъ, Москвитяне, согласно съ общимъ наказомъ, какой получаютъ отъ царя всѣ, на кого возлагается защита городовъ, взяли съ собою всѣ вещи, зажгли городъ и удалились въ верхній замокъ. Затѣмъ шанцы были подвинуты впередъ къ крѣпости и къ рѣкѣ Полотѣ, омывающей подошву горы, на которой находилась крѣпость, при чемъ венгерское войско обнаружило большую доблесть, такъ какъ эта работа требовала величайшаго труда и терпѣнія, при томъ ее приходилось вести отчасти городомъ, встрѣчаясь съ кладбищами, клоаками и другими очень грязными мѣстами. Планъ осады былъ установленъ такъ: Венгры дѣйствовали съ правой стороны, гдѣ былъ городъ; на небольшомъ отъ нихъ разстояніи стояли Поляки, затѣмъ литовская пѣхота, приведенная Трокскимъ воеводой Стефаномъ Збаражскимъ, и Евстахіемъ Воловичемъ (Eustachius Valovicius), Трокскимъ каштеланомъ, а также нѣкоторыми другими волонтерами; въ срединѣ между тѣми и другими, нѣсколько ниже, недалеко отъ рѣки Полоты, находились 200 отборнѣйшихъ венгерскихъ пѣхотинцевъ, набранныхъ Замойскимъ, приблизительно такъ, что при размѣщеніи остальной польской и венгерской пѣхоты выше ихъ на двухъ противоположныхъ позиціяхъ, эти 200 человѣкъ казалось, занимали какъ бы самую вершину треугольника; съ другой стороны замка, за Полотою, гдѣ онъ примыкаетъ къ Стрѣлецкой крѣпости, Нѣмцы, какъ объ этомъ сказано было выше, вели свои подкопы противъ главной крѣпости (замка) изъ своего лагеря. Бекешъ сперва началъ громить крѣпость изъ пушекъ; когда же это мало имѣло успѣха по той причинѣ, что стѣны, состоявшія изъ дерева, хотя и пробивались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но почти не разрушались, то Бекешъ началъ

бросать каленыя ядра. Этотъ способъ возбуждать пожаръ изобрѣтенъ былъ еще ранѣе самимъ королемъ во время междуусобныхъ войнъ венгерскихъ; онъ еще тогда замѣтилъ, что всѣ разнообразныя средства, выдуманныя другими для возбужденія пламени, болѣе были разсчитаны на внушеніе ужаса призракомъ пожара, вовсе не имѣя дѣйствительной къ тому силы. Ядра держатся на огнѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно имъ не накалятся, и въ такомъ видѣ опускаются въ пушки—однако такъ, что между ними и пушечнымъ порохомъ надлежащее пространство наполняется сперва пескомъ или золою, потомъ свѣжею и влажною травой, для того чтобы порохъ не могъ загорѣться отъ раскаленнаго ядра, и въ такомь видѣ выбрасываются на предстоящія стѣны. Такія ядра, проникнувъ въ дерево, дольше остаются незамѣченными, и по этой причинѣ не могутъ такъ легко, какъ огонь, быть потушены, а въ силу того весьма дѣйствительны для возбужденія пожара. Такимъ именно способомъ король сжегъ маякъ въ Гданскѣ. Однако въ настоящемъ случаѣ даже и этотъ способъ мало оказывалъ пользы—по той причинѣ, что, когда ядра бросались нѣсколько выше, то они только проходили черезъ стѣны; если же направлялись въ нижнее мѣсто къ основаніямъ стѣнъ, гдѣ могли бы засѣсть, то попадали въ холмъ, на которомъ стояла крѣпость, и который такъ выставлялся, что противуположное мѣсто, гдѣ находились королевскія пушки, хотя само по себѣ было не низко, всетаки было ниже того, и потому ядра попадали въ землю. При этомъ вслѣдствіе дувшаго впродолженіи многихъ дней южнаго вѣтра и лившихъ весьма продолжительныхъ дождей, рѣка Полота поднялась такъ, что тамъ, гдѣ прежде можно было удобно перейти ее въ бродъ, теперь нельзя было безопасно переправиться и на конѣ. Рѣка разрушила мосты между двумя лагерями; устоялъ только одинъ, устроенный въ началѣ, тотчасъ послѣ прибытія къ Полоцку Иваномъ Борнемиссою, который нашелъ подъ водою, подлѣ какой то сожженной мельницы, нѣ- 1579.

1579. сколько свай и набросавъ сверхъ нихъ перекладины на скорую руку, открылъ переправу между окопами и обстрѣливаемою башнею.

Такъ какъ казалось, что не вполнѣ удобно будетъ идти солдатамъ на приступъ по одному мосту, то Бекешъ, потопивъ нѣсколько рыбачьихъ лодокъ, сдѣлалъ тамъ новый мостъ. Но когда и этотъ потомъ въ короткое время былъ разрушенъ отъ постоянныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, направляемыхъ сюда непріятелемъ, то оставался только одинъ вышесказанный мостъ, такъ какъ его защищала отъ непріятельскихъ пушекъ нѣкоторая часть мельницы, уцѣлѣвшая отъ пожара. Замѣтивъ, что ни пушки, ни ядра не достигаютъ цѣли, для которой ихъ бросаютъ, Бекешъ сталъ уговаривать всѣхъ храбрецовъ, изъ стоявшихъ по близости, поджечь факелами стѣны, обѣщая имъ большія награды, и отправилъ ихъ черезъ мостъ на противоположный холмъ прямо къ крѣпости; за ними въ слѣдъ тотчасъ пошли другіе изъ польскихъ и литовскихъ окоповъ. Но удивительная храбрость нашихъ воиновъ встрѣтила отпоръ во всѣхъ мѣстахъ въ весьма усердномъ стараніи непріятелей защитить крѣпость. Особенно большой уронъ причиняли нашимъ огромной величины бревна, находившіяся на верху стѣны, гдѣ площадь была шире, нежели внизу, и заранѣе приготовленныя на случай приступа непріятелями: при легкомъ толчкѣ онѣ падали на нашихъ и, катясь по холму, всѣхъ, кого только захватывали, увлекали съ собой, неся съ собою гибель. У всѣхъ осажденныхъ такъ велико было стараніе потушить пожаръ, что ни дряхлые старики, ни женщины, ни даже дѣти не уклонялись отъ работъ или опасности, приносили своимъ въ большомъ количествѣ воду и другія средства для тушенія пламени, обливали нашихъ, когда тѣ подходили близко. Когда за тѣмъ со всѣхъ сторонъ противъ крѣпости и ея башенъ направлены были выстрѣлы нашихъ орудій, то произошло нѣчто, достойное удивленія: многіе рѣшались спус-

каться на канатахъ за стѣны и лили воду, подаваемую имъ **1579.** другими, свѣшиваясь съ болѣе высокаго мѣста, для того, чтобы потушить огонь, приближавшійся извнѣ; послѣ того какъ эти погибли подъ хорошо направленными выстрѣлами нашихъ пушекъ, то, не смотря и на это, впродолженіе всего времени пока велась осада, всегда находились люди, подражавшіе доблести предшественниковъ въ презрѣніи смерти и заступали мѣсто убитыхъ [1]. При всемъ этомъ дожди и непогода, о коихъ выше было сказано, до такой степени благопріятствовали осажденнымъ, что простые солдаты считали это слѣдствіемъ волшебства, которому, впрочемъ, этотъ народъ при своемъ зломъ суевѣріи дѣйствительно преданъ. Дожди съ одной стороны мѣшали пожару, а съ другой наполнили всѣ рвы и залили водой землю, такъ что нигдѣ почти не было мѣста, на которомъ можно было бы солдатамъ расположиться. При этомъ приступѣ погибло нѣсколько храбрыхъ человѣкъ и въ числѣ ихъ Михаилъ Вадашъ (Vadasius), принимавшій дѣятельное участіе во многихъ сраженіяхъ и за доблесть выбранный въ предводители венгерскаго войска; онъ былъ пронзенъ ядромъ въ то самое время, какъ совѣщался у орудій на позиціяхъ польскихъ со Станиславомъ Пенкославскимъ и другими польскими начальниками. Николай Христофоръ Радзивилъ, маршалкъ, также подвергся немаловажной опасности; онъ былъ тяжко раненъ въ глазъ и лобъ обломкомъ дерева, отбитаго отъ непріятельской стѣны ударомъ одного нашего большаго орудія и занесеннаго въ самый лагерь. Однако почти не меньшій уронъ несли и непріятели: всякій разъ, какъ они сбѣгались въ одно мѣсто для тушенія пожара, они были осыпаемы частыми выстрѣлами изъ пушекъ, какъ было сказано, направленныхъ противъ того мѣста, и они во множествѣ погибали не только отъ ядеръ, но также отъ осколковъ бревенъ и балокъ, приносимыхъ ядрами; это

1) *Солов.* Т. I. стр. 320.

1579. производило еще большее опустошеніе, нежели сами ядра. Къ трудностямъ осады присоединились недостатокъ въ провіантѣ и затруднительность подвоза, такъ какъ можно было доставлять запасы по одной только почти Диснѣ и по нижнему теченію рѣки (Двины). Все пространство по направленію къ Вильнѣ, отстоящей отъ того мѣста на разстояніи болѣе 225 миль, вплоть до Постава, находящагося между Вильною и Полоцкомъ, на равномъ разстояніи отъ той и другаго, было опустошено непріятелемъ; затѣмъ неудобно было оттуда подвозить по той еще причинѣ, что до сихъ поръ въ рукахъ непріятеля находилась Суша: засѣвшіе тамъ гарнизономъ люди ночью напали на литовскихъ казаковъ, захватившихъ, какъ мы сказали, Красный, когда тѣ ничего такого не ожидали, разбили ихъ и сожгли лагерь, сравнявъ его съ землей, а потомъ они стали нападать по дорогамъ на наши подвозы, приходившіе изъ Вильны. По верхнему теченію рѣки, вслѣдствіе присутствія тамъ туровльскаго гарнизона, ни въ которую сторону не было безопасныхъ мѣстъ для фуража или пастбища. Францискъ Жукъ дѣлалъ набѣги къ Туровлѣ; имѣя нѣсколько легкихъ орудій и надѣясь овладѣть ею скорѣе страхомъ, нежели силою, но всякій разъ отступалъ безъ успѣха, такъ какъ непріятель, благодаря тому, что Полоцкъ не былъ еще взятъ, всецѣло вѣрилъ въ свои силы и мужество. Съ другихъ сторонъ по направленію ко Пскову и Лукамъ почти на 100 миль простирались очень густые и непроходимые лѣса. Между тѣмъ Московскій царь, который, какъ сказано было, съ войскомъ пришелъ во Псковъ, узнавъ объ осадѣ Полоцка, тотчасъ послалъ на помощь осажденнымъ отборнѣйшую часть всего войска подъ предводительствомъ Бориса Шеина (Borissus Seinus) и Өедора Шереметева (Theod. Seremetus).

Послѣдніе, видя, что нельзя безопасно пройти въ Полоцкъ, такъ какъ всѣ дороги были заняты нашими караулами, остановились въ Соколѣ, и хотя не достигли Полоцка, тѣмъ не

менѣе дѣлали набѣги на Дисненскую дорогу и захватывали на- 1579.
шихъ людей, высылаемыхъ за съѣстными припасами. Сначача король отправилъ противъ этихъ войскъ Христофора Радзивила съ нѣсколькими отборными отрядами всадниковъ, къ нему присоединился Иванъ Глѣбовичъ, каштелянъ Минскій; непріятель держался то внутри окоповъ, то въ своей позиціи и не хотѣлъ принимать сраженія; однако наши, наскакавъ на нихъ, подъ самыми стѣнами завязали конное сраженіе, и когда съ той и другой стороны нѣсколько человѣкъ было убито, въ томъ числѣ изъ нашихъ славный всадникъ Николай Каменскій, то, уведя нѣсколько плѣнниковъ московскихъ, наши возвратились къ королю; послѣдній, полагая, что и тутъ нужно дѣйствовать съ большими войсками, рѣшилъ подождать окончанія осады Полоцка, выставивъ пока противъ Сокола нѣсколько конныхъ пикетовъ. Всѣ эти неудобства увеличивались и тѣмъ, что вслѣдствіе весьма сильныхъ и непрерывныхъ дождей дороги такъ испортились, что вьючныя лошади, не имѣя возможности выкарабкаться изъ грязи, по большой части умирали отъ истощенія, и всѣ дороги устланы были конскими трупами. Дожди до такой степени увлажили почву, и безъ того жирную и влажную саму по себѣ, и все напоили водою, что даже подъ кожами въ самыхъ палаткахъ магнатовъ не оставалось мѣста, гдѣ можно было бы лежать. Слѣдствіемъ всего этого было то, что такъ какъ для нашихъ со всѣхъ сторонъ былъ отрѣзанъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, и такъ какъ купцы при такомъ неблагопріятномъ началѣ только въ небольшомъ количествѣ послѣдовали за лагеремъ въ эту даль, то съѣстные припасы и въ особенности сѣно до крайней степени возрасли въ цѣнѣ; чего раньше и не слыхивали, особенно въ Польшѣ,—каждая мѣра овса покупалась за 10 талеровъ, такъ что имъ конечно кормили только болѣе благородныхъ коней; съ другой стороны въ числѣ Поляковъ и Венгерцевъ находились такіе люди, которые не задумывались ѣсть мясо падшихъ ло-

1579. шадей; и не столько казалось удивительнымъ это само по себѣ новое и непривычное кушанье, сколько то, что питавшіеся имъ не замѣчали, чтобы отъ этого имъ приключилась какая-нибудь болѣзнь. При затруднительномъ положеніи всѣхъ, всего болѣе страдали Нѣмцы, не только потому, что привыкли вести войну въ странахъ населенныхъ частыми городами, но потому, что они явились менѣе другихъ приготовленными къ такимъ неудобствамъ, менѣе снабженными необходимыми вещами, да къ тому же еще они расположились лагеремъ на такомъ мѣстѣ, къ которому послѣднему приходили съѣстные припасы. Впереди расположенъ былъ лагерь Венгерцевъ, затѣмъ Литовцевъ, за ними королевскій, и ко всѣмъ тремъ подвозы должны были приходить ранѣе на столько, на сколько ближе они были расположены по направленію къ Диснѣ. Однако Пруссаки, присланные маркграфомъ, вслѣдствіе большаго знакомства съ мѣстностію и ея неудобствами, превосходно были снабжены своимъ государемъ какъ повозками, такъ и съѣстными припасами и другими необходимыми вещами. При такой нуждѣ во всемъ, величайшей терпѣливостью отличались въ особенности венгерскіе солдаты, и преимущественно самъ Бекешъ, который иногда сильно мучился отъ тяжелыхъ болей въ членахъ (ревматизма) и вслѣдствіе слабости желудка, но, нисколько не теряя отъ всего этого бодрости, хвалился, что никогда не чувствовалъ себя лучше; онъ всегда былъ при орудіяхъ, тамъ ѣлъ, тамъ отдыхалъ, и постоянно вращался на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, такъ что изъ числа ближайшихъ его спутниковъ многіе были убиты и при томъ иные, какъ Иванъ Куровскій, въ столь близкомъ отъ него разстояніи, что обрызгивали его своею кровью. Даже польская пѣхота, хотя и недавно еще только набранная, тѣмъ не менѣе нисколько не падала духомъ. Когда въ виду столь тяжкихъ отовсюду затрудненій король держалъ совѣтъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій, то большая часть мнѣній высказались въ смыслѣ тѣхъ предложеній, которыя уже раньше многими дѣлались въ частныхъ

разговорахъ именно: что нужно, оцѣпивъ кругомъ городъ, со 1579.
всѣхъ сторонъ всѣми войсками попробовать сдѣлать единовременный приступъ. Король не былъ съ тѣмъ согласенъ; онъ боялся, что въ случаѣ неудачи этого плана, на который всѣ возлагаютъ послѣднюю надежду, не оставалось бы ничего другаго, какъ только отступить, ибо всякая надежда тогда была бы уничтожена; и потому, по его мнѣнію, слѣдовало испробовать съ начала все другое. Обѣщаніемъ большихъ наградъ, онъ подстрекалъ венгерскихъ солдатъ снова подойти къ стѣнамъ; убѣждалъ всадниковъ, отличавшихся въ особенности проворствомъ, отправиться туда же вмѣстѣ съ пѣхотой, безъ лошадей, чтобы зажечь стѣны; указывалъ, что въ особенности не слѣдуетъ возвращаться назадъ, прежде чѣмъ пожаръ совершенно не войдетъ въ силу, на что они прежде не обратили вниманія; лучше наконецъ найдти смерть подъ стѣнами и стрѣлами непріятелей ради славы своего народа и ради доброй молвы о ихъ мужествѣ, нежели безъ успѣха отступить отъ приступа и тѣмъ подвергнуться безчестію [1]. И вотъ солдаты съ бо̀льшей смѣлостью подошли къ стѣнамъ крѣпости, неся передъ собою смоляные факелы и все, что уже раньше приготовлено было для этой цѣли. Въ это время, счастье какъ будто стало склоняться на нашу сторону; дожди немного прекратились, вслѣдствіе того огонь, подложенный подъ основанія, быстро уничтожилъ часть городскихъ стѣнъ и, распространившись отсюда на огромное пространство, свирѣпствовалъ впродолженіи цѣлаго дня, такъ что нельзя было никакъ его потушить. Это было 29 Августа. Такъ какъ зарево пожара могло быть видимо на очень далекомъ разстояніи, то король опасался и того, что непріятель, для спасенія своихъ и крѣпости отъ пожара, поспѣшитъ на огонь изъ сосѣднихъ мѣстностей и особенно изъ Сокола, гдѣ, какъ мы выше указали, находилась отборнѣйшая часть войска,

[1]) *Кар.* Т. X, гл. 5, стр. 175; *Солов.* Т. VI, стр. 326.

1579. собраннаго Московскимъ царемъ въ Псковѣ, и того, что въ то же время осажденные попробуютъ сдѣлать вылазку изъ крѣпости; поэтому онъ вывелъ все войско изъ лагеря, оставивъ для защиты его надлежащій отрядъ пѣхоты, и построилъ его въ боевой порядокъ на полѣ; самъ же, взявъ себѣ для защиты надворную конницу, чтобы лучше за всѣмъ слѣдить, переправился черезъ рѣку Полоту, такъ какъ тамъ шла дорога къ Соколу, да и вылазки, если бы таковая была предпринята, преимущественно должно было опасаться съ той стороны. Устрашенные этимъ Москвитяне начали помышлять о сдачѣ, и 10 человѣкъ, спустившись со стѣнъ, перебѣжали къ нашимъ. Бекешъ отправилъ ихъ къ королю; но венгерскіе солдаты умертвили ихъ съ цѣлью отклонить прочихъ отъ сдачи, которая лишила бы ихъ славы завоеванія крѣпости, плодовъ побѣды и всей награды за труды. Молва о древнихъ богатствахъ знаменитаго города и особенно находящейся въ немъ церкви св. Софіи, о серебрянныхъ статуяхъ, о богатѣйшихъ дарахъ древнихъ русскихъ князей, которые, какъ говорили, находились тамъ, возбудила въ солдатахъ надежду на огромную добычу; воспламененные ею, они переносили весьма равнодушно всѣ невзгоды, лишь-бы овладѣть крѣпостью. Уже стало вечерѣть; между тѣмъ казалось труднымъ и опаснымъ взбираться черезъ огонь на столь крутой холмъ, ибо до сихъ поръ продолжался пожаръ, а никакой другой дороги въ крѣпость не представлялось, какъ только черезъ пламя: поэтому рѣшено было отложить нападеніе до слѣдующаго дня. Однако, когда король возвращался въ лагерь, нѣкоторые съ венгерскихъ постовъ, сговорившись между собою, толпой направились черезъ мостъ, о которомъ выше было упомянуто, къ противулежащему холму и черезъ пламя, еще не совсѣмъ потухшее, полуобгорѣлые, вторгнулись въ крѣпость; къ нимъ присоединилось много польскихъ пѣшихъ солдатъ, возбужденныхъ ихъ примѣромъ. Но Московцы быстро провели ровъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прогорѣла стѣна и, разста-

вивъ за нимъ меньшія орудія, укрѣпились на всѣ случаи. **1579**.
Когда наши были отброшены и принуждены отступить черезъ пламя—оттуда, куда безразсудно зашли, Московцы, ободрившись успѣхомъ, преслѣдовали ихъ довольно далеко, поражая ихъ съ тылу стрѣлами. Въ это время 200 пѣхотинцевъ Замойскаго, охранявшихъ, какъ сказано, мостъ, по которому шла дорога въ крѣпость, завидя, что наши были прогнаны, поспѣшили имъ на помощь и принудили Московцевъ вернуться назадъ. Король, отошедшій уже немного къ лагерю, замѣтилъ между тѣмъ вторженіе въ крѣпость своихъ солдатъ и принялъ всѣ нужныя мѣры для поданія помощи штурмующимъ, занявши какъ можно скорѣе дорогу въ Соколъ. Тоже сдѣлалъ Мелецкій; сойдя съ коня, онъ увлекъ за собою многихъ дворянъ, послѣдовавшихъ его примѣру, и всѣ они побѣжали для защиты окоповъ и орудій. Непріятель тоже не дремалъ, и съ высокихъ башень, особенно же съ той, которая находилась посрединѣ крѣпости и возвышалась надъ всѣми прочими, сильно палилъ изъ пушекъ во всѣ стороны. Король, разговаривавшій съ Замойскимъ, подвергался не малой опасности вмѣстѣ съ своимъ собесѣдникомъ отъ выстрѣловъ. Когда Замойскій послѣ окончанія бесѣды случайно повернулся, чтобы перемѣнить лошадь, и какой то всадникъ слишкомъ неосторожно бросился на его мѣсто, то послѣдній упалъ, пораженный ядромъ подлѣ самаго короля. Ночь прекратила всю эту тревогу; вмѣстѣ съ тѣмъ она очень сильно измѣнила настроеніе умовъ, отъ величайшей надежды, возбужденной дневнымъ пожаромъ, перешедшихъ къ унынію. Всѣ горевали о томъ, что мужество непріятелей благодаря этому успѣху увеличилось, нашихъ же напротивъ ослабѣло. Начались также пререканія между различными національностями. Поляки сваливали вину на безразсудство Венгровъ, которые всему были зачинщиками, а относительно дальнѣйшаго хода дѣлъ послѣ вторженія въ крѣпость, другая сторона обвиняла противную въ въ недостаточной ревности и энергіи. Ради того, все утреннее

1579. время слѣдующаго дня до полудня отдано было солдатамъ, чтобы они ободрились; затѣмъ снова начатъ былъ приступъ. Наканунѣ Московцы, какъ было сказано, очистили ту башню, которая была подожжена; положеніе ея было таково, что она находилась на самомъ выдающемся углу двухъ сходящихся боковъ стѣны, которые она какъ бы защищала, и вотъ Московцы, покинувъ уголъ и все пространство, заключавшееся между двумя другими самыми близкими и противуположными другъ другу башнями, которыхъ еще не достигъ огонь, соединили эти самыя башни между собою; вмѣстѣ съ тѣмъ полагая ,что теперь удобное время вернуть назадъ оставленное ими раньше мѣсто, они стали снова направлять туда свои усилія. Когда объ этомъ было доложено королю, то онъ, конечно, не желалъ имъ давать времени снова тамъ укрѣпиться, и тотъ часъ приказалъ войску снова подойти къ валу и, отбросивъ непріятеля, завладѣть мѣстомъ. Указанная часть холма была взята внезапнымъ нападеніемъ Венгерцевъ, затѣмъ отъ нея, какъ приказано было имъ, они выдвинули шанцы вдоль ближайшаго фаса, и, предшествуемые славнымъ всадникомъ венгерцемъ Петромъ Рачемъ, зажгли башню, въ которую только что успѣли ворваться. Когда пожаръ, начавшійся отъ нея, продолжался цѣлую ночь, то наши поставивъ съ фронта нѣсколько большихъ орудій, которыми тревожили непріятеля, работая непрерывно всю ночь, провели рвы такъ далеко, что при разсвѣтѣ находились уже на близкомъ разстояніи отъ непріятельскихъ укрѣпленій и почти касались нижняго угла того мѣста, у котораго кончался ровъ, проведенный наканунѣ непріятелемъ; фланги же непріятельскіе такъ были открыты, что даже внутри своихъ укрѣпленій они не могли оставаться въ безопасности. Когда такимъ образомъ у непріятелей отнята была всякая надежда на защиту, то послѣдніе опять вернулись къ переговорамъ о сдачѣ; были высланы отъ общаго имени всѣхъ—бояръ и ратныхъ людей—послы, чтобы выговорить жизнь находив-

шимся въ крѣпости. Они просили, чтобы всякому позволено было удалиться съ одной одеждой туда, куда онъ захочетъ. Епископъ, или, какъ они говорятъ, владыка, по имени Кипріанъ, и воеводы, бывшіе въ крѣпости, одни только отговаривали отъ сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдаться живыми въ руки непріятелей; они уже раньше пытались поджечь порохъ и за одинъ разъ взорвать крѣпость, убить себя и всѣхъ находившихся въ ней, но были удержаны ратными людьми. Затѣмъ когда мнѣніе ихъ было отвергнуто вслѣдствіе общаго страха остальныхъ, они все-таки собрались въ храмъ св. Софіи, рѣшившись не выходить изъ него, прежде чѣмъ не вытащутъ ихъ оттуда силою. Задержавъ у себя пословъ, король отправилъ людей привести епископа и воеводъ. Будучи приведены предъ его лицо, они, по обычаю, бивъ челомъ, привѣтствовали короля, причемъ одинъ изъ нихъ, Петръ Волынскій (Petrus Volenscius), сталъ обвинять другаго своего товарища, Василія Микулинскаго (Basilius Mikolenscius), въ томъ, что по его винѣ обнесенный предъ своимъ государемъ, онъ былъ нѣкогда заключенъ въ оковы. Король, замѣтивъ, что теперь не время разбирать это, приказалъ передать плѣнныхъ литовскому подскарбію, Лаврентію Войнѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣдній надзиралъ за ними. Затѣмъ онъ послалъ на другой день Венгерцевъ и Поляковъ принять крѣпость. **1579.**

Прежде всего король хотѣлъ совершить богослуженіе и принести за настоящую побѣду благодарность Богу, но не могъ войти въ городъ вслѣдствіе сильнаго запаха отъ разбросанныхъ повсюду труповъ, которые Московиты до сихъ поръ оставили непогребенными, и приказалъ вывести сдавшихся Московитянъ, оставшихся еще въ крѣпости. Съ этой цѣлью были назначены пристава для защиты ихъ отъ оскорбленій солдатъ; выходившимъ было назначено на выборъ два мѣста: на одно шли тѣ, которые желали поступить подъ власть и покровительство короля, на другое тѣ, которые хотѣли возвратиться въ Москву.

1579. Тѣмъ и другимъ предоставлена была свободная воля для рѣшенія вопроса о себѣ и о своихъ выгодахъ; большая часть избирала возвращеніе въ отечество и къ своему царю. Замѣчательна ихъ любовь и постоянство въ отношеніи къ тому и другому; ибо каждый изъ нихъ могъ думать, что идетъ на вѣрнѣйшую смерть и страшныя мученія. Московскій царь ихъ однако пощадилъ, или потому, что по мнѣнію его они были вынуждены къ сдачѣ послѣдней крайностію, или потому, что онъ самъ вслѣдствіе неудачъ упалъ духомъ и ослабѣлъ въ своей жестокости; онъ размѣстилъ ихъ по крѣпостямъ: Лукамъ, Заволочью, Невелю, Усвяту, чтобы тамъ они могли смыть съ себя безчестіе за сдачу Полоцка [1]). Король приложилъ величайшее стараніе, чтобы они не подвергались обидамъ со стороны солдатъ и самъ съ крѣпости смотрѣлъ на уходившихъ; когда же одинъ солдатъ, надѣясь въ толпѣ остаться незамѣченнымъ, сталъ нѣкоторыхъ грабить, то король бросился на него съ булавою и прибилъ его. Такой поступокъ короля внушилъ непріятелямъ большое уваженіе къ нему; чѣмъ больше до сихъ поръ милость, вѣрность (данному обѣщанію) неизвѣстны были людямъ, находившимся въ крайнемъ порабощеніи, тѣмъ болѣе удивлялись они въ немъ этимъ добрымъ качествамъ. На площади крѣпости въ разныхъ мѣстахъ найдено было нѣсколько труповъ нашихъ воиновъ; нѣкоторые изъ нашихъ, какъ это было естественно при такомъ недостаткѣ въ пищѣ и во всемъ, чтобы утолить голодъ, собирали травы въ прилежавшихъ Стрѣлецкой крѣпости садахъ, но были захвачены непріятелемъ, и тѣ затащивъ ихъ внутрь окоповъ своихъ, умертвили въ страшныхъ мученіяхъ. Замѣчено было, что надъ Нѣмцами они обнаружили гораздо большую жестокость, чѣмъ надъ прочими. Посадивъ ихъ съ ногами въ котлы и подложивши огонь, они варили ихъ живыми въ кипящей водѣ; въ то же время, свя-

1) *Кар.* Т. IX, гл. 5 пр. 527 и 617.

завъ имъ руки за спиной веревкою, пропущеной по локтямъ, они **1579**.
самымъ гнуснымъ образомъ изрѣзали у нихъ животы и все тѣло частыми продольными ранами, такъ что это имѣло видъ изорванаго панцыря. По этому воины тамъ и тутъ стали выражать свое негодованіе. Однако король, полагая, что ни коимъ образомъ не должно нарушать своего слова, даннаго однажды, тѣмъ, которые вовращались въ Москву, далъ 2 эскадрона всадниковъ съ тѣмъ, чтобы защищать ихъ отъ оскорбленій. На другой день совершены были молебствія за успѣшное окончаніе дѣла въ лагерѣ, такъ какъ въ крѣпости они не могли совершиться по вышеуказанной причинѣ. Въ Польшу также были посланы приказы о служеніи молебновъ. Найденная добыча была гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать, особенно въ сравненіи съ молвою о богатствѣ крѣпости. До взятія Полоцка Москвитянами, тамъ хранилось огромнѣйшее количество золота и серебра не только казеннаго и церковнаго, но и частнаго' снесеннаго дворянами и купцами полоцкими, въ виду опасностей осады, во храмъ; но по взятіи города Москвитяне увезли съ собою въ Москву всѣ сокровища, оставивъ немного пожертвованій. Все найденное въ замкѣ отдано было въ добычу солдатамъ; однако, ихъ надежды совсѣмъ не были удовлетворены. Въ глазахъ образованныхъ людей почти не меньшую цѣнность, чѣмъ вся остальная добыча, имѣла найденная тамъ библіотека Кромѣ лѣтописей, въ ней было много сочиненій греческихъ отцевъ церкви и между ними сочиненія Діонисія Ареопагита о небесной и церковной іерархіи; всѣ на славянскомъ языкѣ. Большая часть изъ нихъ, по свидѣтельству лѣтописей, была переведена на этотъ языкъ съ греческаго Меѳодіемъ и Константиномъ. Въ церковныхъ порядкахъ Московцы отличаются отъ прочихъ народовъ даже того же обряда главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: у нихъ не позволяется священнослужителямъ говорить никакихъ проповѣдей къ народу, которыми онъ бы наставлялся въ вѣрѣ, но они перевели на свой языкъ для этого

1579. употребленія то, что передано имъ древними греческими отцами, и тщательно сдѣлавъ выборку, всенародно читаютъ по писанному; такъ дѣлается ради того, что люди, не обученные никакимъ наукамъ, не полагаются на свои способности, или же, что кажется ближе къ правдѣ, для того, чтобы стремленіе находить новое, при пытливости человѣческаго ума, не повело къ отступленію отъ старины и истины. Снарядовъ военныхъ, и въ особенности пороха въ крѣпости осталось столько, что хотя во все время осады его было истреблено огромное количество, однако повидимому у нихъ хватило бы его для выдержанія еще труднѣйшей осады; огромное количество съѣстныхъ припасовъ и фуража, найденное въ крѣпости, доставило войску возможность скоро оправиться отъ утомленія и недостатка. Но такъ какъ послѣ всѣхъ невзгодъ каждый при этомъ стремился прежде всего позаботиться о себѣ, то начались ссоры между Поляками и Венграми, дошедшія до того, что, выстроившись въ боевой порядокъ, они едва не бросились другъ на друга съ обнаженными мечами. Уже раньше этого польскіе солдаты стали собираться въ кружки, шумѣли по всему лагерю, говоря, что ихъ храбрость пренебрегается Венгерцами, что тѣ во всемъ присвоиваютъ себѣ преимущество, одни только захватываютъ плоды побѣды и всю добычу, какъ будто война предпринята для ихъ славы и выгодъ. Во время этихъ споровъ простыхъ солдатъ, являлись также нѣкоторыя столкновенія между людьми сенаторскаго сословія и самими полководцами; такъ между Мелецкимъ и воеводою Виленскимъ, хотя они были связаны весьма тѣснымъ родствомъ другъ съ другомъ, явились какія то недоразумѣнія, повидимому, изъ-за раздѣла власти; и хотя между Мелецкимъ и Замойскимъ было не менѣе близкое родство, при отсутствіи впрочемъ достаточнаго расположенія другъ къ другу, тѣмъ не менѣе и между ними проявлялись неудовольствія, такъ какъ Замойскій считалъ для себя оскорбленіемъ, если гетманъ вмѣшивался во что либо,

касающееся его должности; Мелецкій же полагалъ, что Замойскій не помогаетъ ему своимъ авторитетомъ сколько бы это слѣдовало въ силу взаимнаго родства. Въ особенности скорбѣлъ достойный и вліятельный мужъ на то, что, по его мнѣнію, Бекешъ и другіе иностранцы не достаточно уважали его величіе, тогда какъ должность гетмана въ этомъ королевствѣ всегда была въ самомъ большомъ почетѣ, и онъ съ досадою чувствовалъ, что авторитетъ высшей военной власти подвергается ущербу въ его особѣ. Эти несогласія поддерживались искателями почетнѣйшихъ должностей, остававшихся не замѣщенными по смерти Ивана Ходкевича; соотвѣтственно тому, чего они себѣ ожидали отъ извѣстнаго лица—содѣйствія или же противодѣйствія, они возбуждали другихъ въ ту или другую сторону. Желая прекратить между солдатами раздоры изъ-за того, что добыча не соотвѣтствовала ихъ ожиданію, король роздалъ имъ отъ себя подарки. 1579.

До сихъ поръ еще держались съ помощью непріятельскихъ гарнизоновъ въ области Полоцкой крѣпости Соколъ, Туровль, Суша и нѣкоторыя другія, и король понималъ, что полное замиреніе покоренной страны невозможно, если онъ не разрушитъ ихъ раньше своего ухода изъ нея. Въ особенности король тревожился изъ-за Сокола и Туровли; изъ нихъ первый, слѣва касаясь дороги ко Пскову, былъ уже усиленъ посланными оттуда войсками; можно было опасаться, что это повторится и что Москвитяне изъ него предпримутъ вылазки съ большими силами; Суша же безпокоила потому, что она расположена была у рѣки Двины, и черезъ нее очень удобно было тревожить всю эту страну. Король отправилъ подъ Соколъ Мелецкаго; послѣдній взялъ съ собою польскую пѣхоту и конницу и нѣмецкій отрядъ. Къ Туровлѣ король намѣревался послать Бекеша съ Венгерцами. Между тѣмъ въ это время Мартинъ Курцъ (Martinus Kurzius) съ отрядомъ казаковъ, предложилъ свои услуги Виленскому воеводѣ; присое-

1579. динивъ къ нему Константина Лукомскаго, начальника въ Улѣ, его послали противъ Туровли. Москвитяне, стоявшіе тамъ гарнизономъ, замѣтивъ, что въ эти дни не слышно было пальбы и не видно пожара, заключили по догадкѣ, что Полоцкъ находится во власти короля и потому, не смотря на удерживаніе своихъ начальниковъ, бросились черезъ заднія ворота и покинули крѣпость. Оставшіеся же воеводы были приведены къ королю. Что касается до Суши, то король не хотѣлъ ее осаждать въ настоящее время, такъ какъ она была самая укрѣпленная изъ всѣхъ, и Русскіе имѣли тамъ въ огромномъ количествѣ военные снаряды и провіантъ и притомъ казалось, что она, находясь на землѣ Литовской, по сю сторону Двины, по разрушеніи другихъ крѣпостей и по загражденіи всякаго подвоза къ ней провіанта, должна будетъ добровольно подчиниться власти короля. По окончаніи всего этаго, король рѣшилъ заняться устройствомъ дѣлъ провинціи въ отношеніи административномъ и духовномъ. Въ крѣпости былъ довольно обширный храмъ, выстроенный изъ камня,—принимая въ разсчетъ мѣстныя средства,—съ большимъ великолѣпіемъ; такъ какъ храмъ этотъ находился въ вѣдѣніи людей греческаго обряда, которыхъ было очень много, и такъ какъ они имѣли на него всѣ права на основаніи глубокой древности владѣнія, то король передалъ его русскому епископу того же обряда, который уже и раньше, имѣя жительство въ Витебскѣ, титулованъ былъ по имени этого храма. Главнымъ же побужденіемъ къ такому поступку служили для короля его дальнѣйшіе виды; такъ какъ онъ намѣренъ былъ внести войну далѣе въ глубь Московіи и понималъ, какъ много значитъ религія для возбужденія умовъ въ томъ или другомъ направленіи, то онъ не хотѣлъ, чтобы изъ любви къ своей вѣрѣ, изъ опасенія, что отъ нея нужно будетъ отречься, побѣжденные отказывались отъ сдачи ему и покорности. Для потребностей Римской Церкви король указалъ выстроить новый храмъ. Въ пользу его онъ записалъ обширнѣй-

шія земли и угодья въ ближайшемъ сосѣдствѣ, а пока назначилъ опредѣленный ежегодный доходъ изъ казенныхъ сборовъ на построеніе церкви и на нужды священниковъ, доколѣ опустѣлыя поля не превратятся опять въ плодоносныя. Король помѣстилъ тамъ монаховъ ордена іезуитовъ; въ нихъ онъ одобрялъ благочестіе и ревность въ дѣлѣ отклоненія людей отъ заблужденій, и считалъ тѣмъ болѣе необходимыми эти качества въ данномъ случаѣ, что въ тамошнихъ людяхъ и преимущественно въ поселянахъ господствовало не только невѣжество по отношенію къ религіи, но сильное нечестіе. Существовалъ такой обычай, что, не имѣя въ достаточномъ количествѣ людей для обработки полей, крестьяне къ своимъ женамъ брали еще много другихъ для своихъ малолѣтнихъ сыновей и чтобы наполнить домъ большимъ числомъ дѣтей, сперва сами съ ними вступали въ связь, потомъ передавали ихъ сыновьямъ, достигшимъ надлежащаго возраста. 1579.

Послѣ этого король приказалъ венгерскому отряду засыпать рвы и шанцы, сдѣланные войскомъ; указалъ, какимъ образомъ онъ желаетъ возобновить разрушенную часть стѣны и какъ укрѣпить самую крѣпость; назначилъ для этого дѣла деньги и все другое, что нужно, поставилъ начальниковъ.

Полоцкая земля въ древности управлялась, равно какъ и Кіевъ, королевскими намѣстниками, не имѣвшими титула воеводъ, такъ какъ во всей Литвѣ было ихъ не больше какъ двое: Виленскій и Трокскій, и столько же каштеляновъ. Впослѣдствіи при увеличеніи литовскаго сената не только Полоцкое и Кіевское княжества, но и Витебское показались достойными того, чтобы находиться подъ правленіемъ воеводъ. Воеводой Полоцкимъ при взятіи его Москвитянами былъ Станиславъ Довойна; будучи уведенъ въ Москву вмѣстѣ съ женою, происходившей изъ фамиліи Радзивилловъ, по имени Петроніей, и проведя въ неволѣ и оковахъ нѣсколько лѣтъ, онъ не прежде возвратился оттуда какъ былъ выкупленъ Сигизмундомъ Августомъ за нѣсколько тысячъ золо-

1579. тыхъ и послѣ того, какъ жена его умерла въ плѣну [1]). Когда послѣдовало соглашеніе объ уніи между Поляками и Литовцами при Сигизмундѣ Августѣ, то, для уравненія числа литовскихъ сенаторовъ съ польскими, назначено было въ Литвѣ много новыхъ воеводъ и каштеляновъ, и такъ какъ нѣкоторая часть области Полоцкой еще оставалась за Литвою, то къ воеводѣ здѣсь былъ прибавленъ каштелянъ. По этому поводу Московскій царь съ надменностію, проявлявшеюся не только въ дѣлахъ, но и въ словахъ его и объясняемою тогдашними его успѣхами, довольно остроумно замѣтилъ: «Король Августъ не имѣлъ никакого ущерба, что плѣнили воеводу, такъ какъ у него вмѣсто одного воеводы уже пять; вмѣсто двухъ онъ будетъ имѣть десять, если я кромѣ перваго воеводства отниму у него еще другое». Пока былъ живъ, Довойна пользовался званіемъ и титуломъ воеводы, онъ умеръ во время безкоролевья. Когда король прибылъ въ Польшу, то вслѣдствіе стараній Литовцевъ о томъ, чтобы число ихъ сенаторовъ не уменьшалось, онъ выбралъ Полоцкимъ воеводой Николая Дорогостайскаго. Ему онъ и отдалъ теперь въ управленіе Полоцкъ. Должность городничаго,—такъ они называютъ чиновное лицо, имѣющее попеченіе объ укрѣпленіяхъ и замкахъ—онъ поручилъ вѣдѣнію Франциска Жука и указалъ, изъ кого и въ какомъ количествѣ будетъ состоять гарнизонъ, который слѣдовало тамъ оставить изъ конницы и пѣхоты. Шляхтичамъ Полоцкаго княжества, лишеннымъ Москвитянами своихъ имѣній, Сигизмундъ Августъ далъ во владѣніе имѣнія въ другихъ мѣстностяхъ на томъ условіи, чтобы въ случаѣ, если когда либо ихъ прежняя земля будетъ возвращена непріятелемъ, они снова ушли съ нихъ. Возвративъ имъ теперь ихъ старыя имѣнія, король тѣмъ не менѣе дозволилъ имъ держать и вновь пожалованныя срокомъ до шести лѣтъ, пока они не воздѣлаютъ своихъ земель, опус-

[7]) *Кар.* Т. IX, гл. 2, стр. 70 и пр. 230, 231.

тошенныхъ непріятелемъ. Въ это время Мелецкій, отправившись, какъ было сказано, съ войскомъ подъ Соколъ, на пути подвергся величайшимъ затрудненіямъ, какъ отъ размытыхъ сильными дождями дорогъ, такъ и отъ недостатка провіанта. 1579.
Пушки король отослалъ внизъ по теченію рѣки Двины до Дриссы, крѣпости при сліяніи рѣки того же имени съ Двиною; оттуда по Дриссѣ везли ихъ до самаго Сокола. Рѣка Дрисса у Сокола нѣсколько задержала войско, ибо мостомъ, сдѣланнымъ въ Ковнѣ изъ кораблей, какъ о томъ мы выше говорили, пользовалась армія, остававшаяся у Полоцка, для перевозки провіанта; и такъ какъ не было способа выстроить поскорѣе другой, то Иванъ Збаражскій, воевода Брацлавскій, переплылъ съ частію всадниковъ чрезъ рѣку въ сторонѣ отъ Сокола, по направленію къ Пскову и занялъ тамъ сторожевой постъ; переправѣ же остальнаго войска содѣйствовалъ Николай Уровецкій, человѣкъ благороднаго происхожденія, начальствовавшій надъ конницею; онъ предложилъ свои услуги Мелецкому, и устроилъ плотъ изъ весьма крѣпкихъ бревенъ, связанныхъ между собою желѣзными цѣпями и другими крѣпчайшими связями. Между тѣмъ какъ войско переправлялось, непріятель почти ничего не предпринималъ, хотя бы и могъ легко воспрепятствовать нашимъ, задержаннымъ трудностію переправы; только его караулы, по обычаю своему разъѣзжая для возбужденія въ нашихъ страха, выкликали—каждое по имени—войска разныхъ народовъ, бывшихъ подъ властію Московскаго царя, Рязанцевъ, Астраханцевъ и другихъ племенъ. Вслѣдствіе дурнаго положенія дорогъ и по недостатку обозныхъ лошадей, потерянныхъ при недавнихъ невзгодахъ подъ Полоцкомъ, войско не могло взять съ собою повозокъ Поэтому, не разбивая лагеря, оно расположилось въ палаткахъ за рѣкой Дриссой; нѣмецкая пѣхота вдоль Дриссы, а польская по направленію къ Нищѣ и стала проводить рвы и окопы, чтобы, начавъ въ разныхъ мѣстахъ, потомъ соединить ихъ подъ крѣпостью. Непрі-

1579. ятель, располагая свѣжими силами и, видя, что нашихъ не столь большое число и что они ослабѣли какъ отъ разныхъ невзгодъ, испытанныхъ при прежней осадѣ, такъ и отъ дороги, въ притворномъ страхѣ, (какъ потомъ было узнано отъ плѣнныхъ), заперся на ночь внутри окоповъ, и за тѣмъ намѣревался, подкрѣпивши свои силы и приготовивши все нужное для вылазки, до разсвѣта внезапно напасть на нашихъ. Произошло совершенно случайно, что Доброславскій, поставленный Мелецкимъ въ начальники надъ пушками, сдѣлалъ пробу съ тремя калеными ядрами, о которыхъ мы выше говорили. Изъ нихъ два ядра произвели пожаръ, потушенный непріятелемъ; но одно, застрявши въ самомъ основаніи, не было замѣчено, и немного спустя произвело страшное пламя, такъ какъ стѣны были сухаго матеріала. Мелецкій, замѣтивъ это, тотчасъ далъ сигналъ трубою, чтобы созвать всѣхъ къ оружію. Смущенные нечаянностію, Москвитяне ожидали немедленнаго вторженія и не могши потушить пожара, въ виду такой внезапной опасности, бѣжали изъ города разными воротами. Шереметевъ съ частью конницы бѣжавшій ко Пскову, встрѣтился съ воеводой Брацлавскимъ Иваномъ Збаражскимъ, съ этой стороны наблюдавшимъ за непріятелемъ, и попался живымъ въ руки непріятелей вмѣстѣ съ бывшими съ нимъ всадниками. Тѣ же, которые выбѣжали на другой день съ другой стороны вмѣстѣ съ Борисомъ Шеинымъ, встрѣтились съ Нѣмцами. Послѣдніе, желая отомстить за бѣдствія, претерпѣваемыя ихъ соплеменниками впродолженіе столькихъ лѣтъ отъ Московской свирѣпой жестокости, новѣйшій образецъ которой мы недавно видѣли при взятіи Полоцка, умертвили всѣхъ и въ томъ числѣ Шеина. Оставшіеся въ крѣпости на колѣняхъ стали просить о пощадѣ, но при вторженіи нѣмецкихъ солдатъ, убивавшихъ безъ разбора всѣхъ, отчаявшись въ спасеніи, опустили подъемную рѣшетку, висѣвшую надъ воротами сверху, и перебили до 500 нѣмцевъ, заперевъ ихъ въ крѣпости. Между тѣмъ Разражев-

скій и нѣкоторые Нѣмцы и Поляки скоро разломали ворота, **1579.** и когда послѣднія были открыты, тогда одна часть защитниковъ была перебита, другая отчаявшись во всемъ сгорѣла, бросившись въ пламя. Повсюду происходило великое убійство, такъ что многіе и, между прочими, Вейеръ, старый полковникъ, говоря о своемъ участіи во многихъ сраженіяхъ, не задумывались утверждать, что никогда ни въ одномъ мѣстѣ битвы не видѣли они, чтобы такъ густо и тѣсно другъ съ другомъ лежали трупы. Многіе изъ убитыхъ отличались тучностію; нѣмецкія маркитантки, взрѣзывая такія тѣла вынимали жиръ для извѣстныхъ лекарствъ отъ ранъ, и между прочимъ это сдѣлано было также у Шеина. Вслѣдствіе этого Московскій царь написалъ королю письмо, о которомъ мы скажемъ ниже, и въ которомъ онъ укорялъ короля между прочимъ за этотъ случай, какъ за безчеловѣчное и жестокое злодѣяніе; сверхъ того онъ упрекалъ короля и въ томъ, что тотъ употребилъ при осадѣ крѣпости каленыя ядра, разсчитывая будто бы не на храбрость и войско, но дѣйствую при помощи какого то ухищренія. Наградой за трудъ была добыча; у большой части людей боярскаго рода найдены были шкатулки, наполненныя чеканнымъ серебромъ, и эта находка не только ободрила воиновъ, сокрушенныхъ предъидущими невзгодами, но даже обогатила ихъ. Мелецкій, возвратившись съ войскомъ къ королю, привелъ съ собою большое число плѣнниковъ, которыхъ частію подарилъ публично королю, частію друзьямъ. Одаривъ полковниковъ и многихъ сотниковъ и даже солдатъ, особенно отличавшихся какимъ-нибудь подвигомъ, раздачею староствъ, бывшихъ въ то время свободными, или же простыми военными подарками за доблесть, король назначилъ, на какія стоянки какія войска должны быть отведены. Затѣмъ онъ отправился въ Дисну; тутъ онъ оставилъ всѣ пушки, за исключеніемъ тѣхъ, которыя требовали починки, рѣшившись въ слѣдующемъ же году перенести военныя дѣйствія въ Московское

1579. государство. Отсюда онъ отправилъ грамату къ Московскому царю, въ которой по примѣру, поданному симъ послѣднимъ послѣ опустошенія Ливоніи, увѣдомлялъ его объ успѣхѣ своего похода. Грамата эта написана въ такомъ смыслѣ, что король не столько де гордится вслѣдствіе успѣха, сколько возмущается вслѣдствіе убіенія столь многихъ невинныхъ людей, и всю вину этого слагаетъ на Московскаго царя и на несправедливыя дѣйствія послѣдняго по отношенію къ нему.

Въ то время какъ король находился у Полоцка, къ нему пришло посольство отъ Генриха, магистра Тевтонскаго ордена. При началѣ царствованія, когда король находился въ затруднительномъ положеніи, и хотѣлъ избѣгнуть ихъ на время Ливонской войны, онъ побудилъ герцога Голштинскаго Адольфа просить Ливоніи на правахъ лена и зависимаго владѣнія, обѣщая, что онъ будетъ защищать его въ этой войнѣ противъ Московскаго царя. Изъ зависти къ Адольфу, кастеланъ Виленскій Иванъ Ходкевичъ тоже внушилъ магистру Тевтонскаго рыцарскаго ордена св. Маріи; посланный имъ Иванъ Таубе, ливонецъ, убѣдилъ магистра, что если онъ будетъ просить, то безъ большаго труда получитъ Ливонію, склонивъ на свою сторону подарками нѣсколькихъ первѣйшихъ сенаторовъ. Король отослалъ сперва посольство въ Вильну, заявивъ, что эти дѣла будутъ подлежать обсужденію сейма; за тѣмъ онъ самъ отъ себя включилъ въ предложенныя условія статью о деньгахъ, которыя долженъ будетъ дать взаймы ихъ господинъ для этой войны. Но послы объявили, что не имѣютъ никакихъ къ тому полномочій, но что донесутъ объ этомъ своему господину; за тѣмъ испросивъ себѣ отпускъ въ Варшавѣ, они ушли ничего не сдѣлавъ. Король, сѣвъ на корабль на Диснѣ, по теченію Двины, много восхищаясь красотою этой рѣки, прибылъ въ Друю, затѣмъ сухимъ путемъ чрезъ Литовскій Брацлавль онъ прибылъ въ Вильну. Андрей Калигарій (Andr. Ca-

ligarius), папскій легатъ, равно какъ и многіе другіе изъ шляхты, отправились къ нему на встрѣчу; при его приближеніи виленское гражданство въ цѣломъ составѣ выступило для поздравленія и привѣтствовало его нарочно сочиненной рѣчью,—въ которой вспоминалось, что изъ двухъ въ особенности пунктовъ непріятели до сихъ поръ мѣшали ихъ безопасности и мирнымъ занятіямъ, съ одной стороны изъ Полоцка, съ другой изъ Кокенгаузена; король же, благодаря божеской милости и своей доблести, уничтожилъ первое неудобство; теперь они просятъ его также удалить и второе. Среди другихъ вышедшихъ на встрѣчу были также сдавшіеся Русскіе, которые предложили ему хлѣбъ и соль, чѣмъ по обычаю своему обыкновенно встрѣчаютъ своего государя. **1579**.

Получивъ извѣстіе о потерѣ Полоцка и объ истребленіи гарнизона Сокола, Московскій царь изъ Пскова удалился внутрь Москвы и можетъ быть, самымъ дѣломъ убѣдившись, что единственную крѣпость государства составляетъ мужество и вѣрность народа, съ дороги послалъ грамоту къ тѣмъ, кто находился въ гарнизонѣ Суши, написанную не по его обычаю, и вручилъ ее для доставленія нѣсколькимъ различнымъ гонцамъ. Онъ де узналъ, что по волѣ Божіей Полоцкъ и Соколъ достались въ руки непріятелей, и поэтому, мало имѣя возможности къ нимъ, запертымъ со всѣхъ сторонъ, придти на помощь, онъ разрѣшаетъ имъ, испортивъ пушки и въ особенности порохъ и остальныя военныя орудія, которыхъ не могутъ унести съ собою, закопавъ въ землю образа и священныя вещи, чтобы онѣ не послужили предметомъ насмѣшки для невѣрныхъ (ибо онъ считалъ такими всѣхъ, кто разногласилъ съ нимъ въ религіи), спасаться какимъ бы то ни было способомъ не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ ихъ вѣрности, но потому, что онъ не желаетъ подвергать ихъ доблесть, которую онъ желалъ бы сохранить для болѣе важныхъ подвиговъ, ненадежному испытанію и жестокости непріятелей. Эти грамоты попали Мелецкому, ко-

1579. торый, всего болѣе безпокоясь о пушкахъ и военныхъ снарядахъ, послалъ къ непріятелю уговаривать его къ сдачѣ. Непріятель, договорившись на томъ, чтобы ему позволено было уйдти каждый съ одною одеждою, передалъ крѣпость, пушки и всѣ военные снаряды, которые тамъ только нашлись; по окончаніи этого Мелецкій, раздѣливъ войско на три части, отвелъ его на зимнія квартиры. Надъ первыми поставилъ начальникомъ Христофора, намѣстника Нищицкаго (Christ. Niscicius), надъ вторыми Мартина Казановскаго (Martinus Kasanovius), надъ третьими Сигизмунда Розена (Sigismundus Rosnius). Уже раньше князь Острожскій Константинъ приготовлялся къ экспедиціи въ непріятельскія земли, за Днѣпромъ, и король приказалъ тогда Николаю Сенявскому, начальнику Русскихъ станицъ (постовъ), присоединиться къ Острожскому съ тѣми войсками, которыя стояли подъ его начальствомъ на границахъ Руси, и вступить въ непріятельскую землю со стороны Кіева; но отдаленность мѣста помѣшала Сенявскому исполнить это. Между тѣмъ наступила средина осени, и по этому князь думалъ, что не должно упускать времени для веденія дѣла; и такъ, набравъ изъ среды своихъ кліентовъ, которыхъ у него было довольно большое число, нѣсколько тысячъ человѣкъ и присоединивъ къ нимъ другихъ многихъ молодыхъ людей, онъ переправился за Днѣпръ съ сыномъ Янушемъ и Михаиломъ Вишневецкимъ, кастеляномъ Брацлавскимъ. Разославъ впередъ легко вооруженные отряды и приказавъ имъ во всѣ стороны опустошать страну и вносить вездѣ ужасъ, онъ самъ съ остальными войсками дошелъ до самаго Чернигова и, расположившись лагеремъ, приступилъ было къ осадѣ его съ большою энергіею. Видя, что городъ защищенъ надежнымъ гарнизономъ, и что гарнизонъ готовъ мужественно держаться и снабженъ всѣмъ нужнымъ, что онъ самъ пришелъ не запасшись хорошею пѣхотой и пушками, прочее же войско пострадало отъ большихъ тягостей пути и непогоды, онъ скоро, оставивъ осаду, сталъ просто грабить

окрестныя мѣста и, раззоривъ всю Сѣверскую землю, распространивъ опустошительные набѣги конными легкими отрядами и до Стародуба, Радагоста и Почепа, удалился, взявъ огромную добычу. Также успѣшно дѣйствовалъ Иванъ Соломерецкій (Joh. Solomirecius), послѣ смерти отца внѣ обычнаго порядка управлявшій староствомъ Мстиславскимъ. Онъ разграбилъ городъ Ярославль и много селеній. Филонъ Кмита, староста Оршанскій, которому было поручено нѣсколько эскадроновъ всадниковъ, присоединивъ къ нимъ значительное количество людей всякаго рода изъ сосѣднихъ мѣстностей, также вступилъ въ непріятельскія владѣнія; сжегши около 2000 селъ, дошедши своими опустошеніями до Смоленска, онъ ничего не оставилъ въ тѣхъ мѣстахъ кромѣ голой земли на поляхъ, и затѣмъ, обремененный добычей всякаго рода, безъ всякаго урона для себя воротился со своими назадъ въ Оршу. 1579.

Король, понимая, что необходимо созвать сеймъ какъ ради другихъ важныхъ дѣлъ, такъ въ особенности ради продолженія войны, уже назначилъ его въ Варшавѣ на 23 ноября; между тѣмъ онъ порѣшилъ съ литовскими сенаторами о мѣрахъ, касавшихся безопасности Литвы, и на случай отпора противъ возможныхъ непріятельскихъ вторженій, назначилъ, кто изъ нихъ останется дома для защиты края и кто отправится на сеймъ. Въ Вильнѣ онъ оставилъ воеводу Виленскаго Радзивила, облеченнаго военною властью. Въ это же время онъ распредѣлилъ и должности, остававшіяся свободными. Большая часть ихъ досталась Радзивиламъ: кромѣ епископіи Виленской, которая была назначена и раньше Юрію Радзивилу, кромѣ воеводства въ соединеніи съ высшею военною властію (гетманства съ большою булавою), а также начальства надъ надворнымъ войскомъ (гетманства съ малою булавою), изъ коихъ одно было въ рукахъ Николая, отца, другое—сына Христофора, король прибавилъ тому же Христофору кастелянство Трокское и далъ малую печать; Новогрудское воеводство онъ отдалъ второму сыну

1579. воеводы, по имени также Николаю, кромѣ того санъ великаго маршалка онъ далъ Николаю Христофору, а званіе надворнаго (низшее)—Альберту, сыновьямъ втораго Николая, бывшаго Виленскимъ воеводою; кастеланство Виленское отдалъ вмѣстѣ съ большою печатью Евстафію Воловичу, кастелану Трокскому, такъ какъ воевода Виленскій отказывался отъ нея—съ тѣмъ, чтобы должность Воловича была передана его сыну Христофору. Жмудское староство, котораго многіе домогались весьма сильно, отдано Ивану Кишкѣ. Затѣмъ изъ Вильны король двинулся въ Гродно, гдѣ посвятилъ нѣсколько дней охотѣ, ибо въ этомъ пріятномъ занятіи онъ обыкновенно находилъ отдохновеніе отъ величайшихъ своихъ трудовъ. Тамъ же умеръ Гаспаръ Бекешъ, о которомъ было выше говорено, извѣстный какъ своей сильною непріязнью, которую нѣкогда питалъ къ королю, такъ и своею храбростью. Бекешъ родился въ Трансильваніи и воспитывался въ семействѣ знакомаго барона Петровича (Petrovicius); выросши же, пріобрѣлъ такую любовь князя Трансильванскаго, Ивана Сигизмунда, что тотъ, умирая безъ наслѣдника, назначилъ его своимъ преемникомъ. Когда же Баторій получилъ передъ нимъ предпочтеніе, благодаря вліянію народной партіи, тогда между ними началась борьба: Бекешъ пытался возмутить государство Трансильванское, за то былъ лишенъ королемъ Фугараша и другихъ крѣпостей, и бѣжалъ въ Германію къ императору Максимиліану; собравъ здѣсь нѣсколько войска, онъ пробовалъ затѣмъ силою и оружіемъ завоевать княжество. Будучи однако разбитъ королемъ, онъ вторично удалился въ Германію. Когда же потомъ увидѣлъ, что его соперникъ призванъ на Польское королевство и не смотря на всяческія противныя интриги, единственно своею доблестію, достигъ высокаго мѣста, то, сознавая въ душѣ его великодушіе, онъ увидѣлъ въ немъ единственнаго человѣка, которому бы могъ совершенно ввѣрить себя, и рѣшивъ отъ него одного ожидать себѣ выгоды и всяческихъ почестей,

добровольно предложилъ ему свою вѣрность и услуги. Король **1579**.
не только изгналъ изъ сердца озлобленіе на него, но, милостиво принявъ его, осыпалъ деньгами и почестями. Умирая, Бекешъ поручилъ королю и Замойскому жену и двухъ несовершеннолѣтнихъ своихъ сыновей.

Между тѣмъ въ Польшѣ были не одни и тѣ же чувства у всѣхъ; обнаружились разнообразныя и взаимно враждебныя настроенія. Много было такихъ, которые относились къ королю почти непріязненно за то, что не получили того, на что надѣялись, такъ какъ король, обѣщавъ имъ всевозможные богатые дары, потомъ, вслѣдствіе затруднительнаго положенія, не нашелъ возможнымъ, при всей своей чрезмѣрной щедрости, удовлетворить ихъ ожиданіямъ. Вслѣдствіе того, что каждый шляхтичъ при избраніяхъ королей могъ подавать голосъ, весьма много было такихъ, которые полагали, что король лично имъ обязанъ престоломъ, ибо они поддерживали его своими голосами при избраніи на королевство. Видя, что Радзивилы возвеличены столькими почестями, Мелецкому дана должность самаго высшаго разряда, что съ ними соединился родствомъ и Замойскій, что такимъ образомъ, высокія и почетныя должности находятся въ рукахъ людей, соединенныхъ другъ съ другомъ фамильными узами,—многіе досадовали въ душѣ и толковали такъ, что все то клонится къ ихъ гибели. Считая себя оскорбленными тѣмъ, что имъ не давали милостей, пользуясь существующею въ этомъ государствѣ возможностію для каждаго съ полною свободою говорить, что думаетъ, они стали все заподозрѣвать, всѣ—даже славныя—дѣла короля извращать, истолковывая ихъ въ дурную сторону. Уже при началѣ, когда король отправлялся по поводу русскихъ дѣлъ во Львовъ, были такіе люди, которые распространяли въ народѣ ложный слухъ, будто онъ, собравъ сокровища, оставшіяся послѣ Сигизмунда Августа, вслѣдствіе неудовольствія удаляется въ Трансильванію; когда же увидѣли, что онъ назначилъ срокъ для сбора войска въ

1579. Свирь, то стали распускать слухи, что онъ и не думаетъ предпринимать что-либо противъ непріятеля, такъ какъ могущество Московскаго царя слишкомъ велико, чтобы можно было какими-либо силами его пошатнуть; но что король ищетъ предлога, дабы захватить въ свою пользу податныя деньги, количество которыхъ они въ своихъ разговорахъ преувеличивали до безконечности. Нѣкоторые, зайдя дальше, стали разстраивать королеву: указывали, что король пренебрегаетъ ею за ея лѣта, замышляетъ разводъ и что по этому поводу посланъ Петръ Вольскій, епископъ Плоцкій, къ папѣ; что королевство столько же принадлежитъ ей, какъ и королю, ибо она, будучи какъ бы отпрыскомъ древняго рода Ягеллоновъ, оказавшаго большія услуги королевству, и сама провозглашена была на томъ же сеймѣ королевой и коронована съ такими же священными обрядами, какъ и король. Дѣлали это они съ тѣмъ, чтобы склонивъ ее на свою сторону, имѣть возможность выставить любимое народомъ имя, и тѣмъ большую имѣть возможность производить смуты въ государствѣ и мѣшать планамъ короля. Почти всѣ жаловались на то, что король не исполнилъ условій, принятыхъ имъ въ Трансильваніи, когда ему предлагали королевство; пришлые люди получаютъ староства и почести, указывали преимущественно на Бекеша, коему король далъ Ландскоронское староство. Къ этому прибавляли, что герцогъ Курляндскій утвержденъ во владѣніи тѣмъ княжествомъ не въ томъ мѣстѣ и не въ свое время и на менѣе выгодныхъ для государства условіяхъ, чѣмъ прежде. Время опровергло большую часть этихъ обвиненій и въ особенности показало, что поѣздкѣ Львовской и Свирскому походу придано было ненавистное толкованіе самымъ ложнымъ образомъ; и вотъ теперь тѣ же люди, при полученіи грамоты о сеймѣ, намѣренно преувеличивая возникшіе между Поляками и Венграми раздоры, жаловались на то, что приводятся чужестранцы, что военная власть ими презирается, значеніе наивысшаго начальства

ослабляется; говорили, что король, не смотря на взятіе Полоцка, потребуетъ на сеймикахъ и на сеймѣ новыхъ налоговъ. Но хотя бы и вся Московія поступила подъ нашу власть, то, спрашивали они, найдется ли надлежащее средство при такихъ обширныхъ границахъ управлять такою громадой; и какая будетъ польза отъ того, когда уже давно раны республики заставляютъ искать необходимаго и болѣе надежнаго врачеванія? Нѣкоторые полагали, что нужно потребовать въ силу какой то Августовской конституціи, толкуемой ими въ желаемомъ смыслѣ, чтобы король бралъ со старостъ три части доходовъ староства, говоря, если это будетъ сдѣлано, то такимъ образомъ навсегда будетъ положенъ конецъ всякимъ другимъ поборамъ. Когда король замѣтилъ, что всѣ эти толки проникаютъ въ народъ, онъ счелъ нужнымъ противодѣйствовать болѣе открыто, чѣмъ прежде, и вотъ канцлеръ Янъ Замойскій, въ первый же день, какъ только получилъ возможность говорить на сеймѣ о дѣлахъ государственныхъ, произнесъ слѣдующую примѣненную къ обстоятельствамъ рѣчь. 1579.

Рѣчь Замойскаго.

Если было когда либо время, когда нужно было бы благодарить Божество за величайшія благодѣянія, оказанныя имъ государству, то всего болѣе это кстати теперь, когда мы одержали столь славную побѣду надъ непріятелемъ, котораго всѣ страшились вслѣдствіе высокаго мнѣнія о его могуществѣ и о его воинской доблести, о его побѣдахъ надъ другими народами; никто не думалъ, что онъ самъ можетъ быть побѣжденъ. Случилось, однако, по особенной милости Божіей, то, что непріятель не только побѣжденъ, но лишенъ Полоцка, который будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ этой побѣды, лишенъ славы своихъ прежнихъ побѣдъ; всѣ его трофеи, какіе онъ только получилъ впродолженіе столькихъ лѣтъ надъ Ливонца-

1579. ми, Шведами, надъ покоренными Казанцами и Астраханцами, надъ Татарами и Турками, пытавшимися было соединить Донъ съ Волгою и Каспійское море съ Чернымъ, надъ другими воинственными и дикими народами, всѣ эти трофеи съ него сняты этою побѣдою; ихъ будутъ нести впереди при настоящемъ тріумфальномъ военномъ торжествѣ. Видя, продолжалъ Замойскій, сколь велики къ намъ благодѣянія Божіи, будемъ охранять дарованное своею доблестью и твердостью; при бездѣятельности своей мы не получимъ отъ нихъ никакихъ плодовъ, тогда какъ мы можемъ имѣть величайшія выгоды, если надлежащимъ образомъ воспользуемся божественною милостью. Великъ подвигъ этотъ; въ прежнія времена едва казалось ли даже позволительнымъ питать такія надежды на будущее, чтобы намъ получить обратно отъ непріятеля обширнѣйшую область, которою онъ владѣлъ впродолженіе столькихъ лѣтъ и на которой главнѣйшимъ образомъ опиралось нѣкогда благосостояніе Литвы. Врагъ, упоенный успѣхомъ въ столькихъ удачныхъ дѣлахъ, остановленъ на пути своихъ дотолѣ постоянныхъ побѣдъ; оружіе его, обращенное на опустошеніе и гибель этихъ областей, отклонено. Однако, все это намъ не только не принесетъ никакой пользы, если мы не довершимъ остальнаго, чего требуетъ продолженіе войны, но окажется даже не стоившимъ понесеннаго труда и издержекъ.

Передъ нами врагъ очень могущественный; всякій изъ насъ знаетъ, каковы и сколь велики его силы, о нихъ свидѣтельствуетъ огромное множество побѣжденныхъ имъ народовъ. Можно ли думать, что онъ равнодушно перенесетъ обиду, нанесенную ему отнятіемъ провинціи, или что онъ останется въ покоѣ? Онъ уже въ ярости и, какъ какой нибудь дикій звѣрь, запертый въ клѣткѣ, ищетъ всевозможныхъ средствъ и способовъ возвратить себѣ потерянное и отомстить за нанесенныя ему оскорбленія. Неужели мы дадимъ ему своею медленностью, своею готовностію заключить съ нимъ миръ,—время

собраться съ силами, поправить причиненный вредъ, залечить **1579**.
домашнія раны, восполнить недостатокъ знаній, все то, что обнаружила эта война? Будетъ ли кто изъ насъ столь беззаботенъ, чтобы не предвидѣть съ его стороны нападенія на насъ съ гораздо большими силами, съ цѣлью загладить свои потери? Власть его столь сильна, что его не можетъ отклонить отъ войны никакая трудность, и вѣроломство его столь велико, что его не можетъ удержать въ мирѣ никакая святость договора. Поздно тогда будетъ искать средствъ для борьбы; тогда какъ теперь, если бы мы и не легко могли вполнѣ совладѣть со врагомъ напуганнымъ и устрашеннымъ, все таки легче могли бы побѣдить его. О, если бы Богъ далъ намъ увѣренность, что намъ не слѣдуетъ его опасаться, и что онъ, потерпѣвъ уронъ, успокоится совершенно, и что намъ никакой опасности не грозитъ отъ него? Кто другой, кромѣ Бога, могъ бы въ такомъ дѣлѣ быть достаточною порукою? Развѣ, разъ достигнувъ такой славы въ этой войнѣ, мы впредь будемъ совершенно равнодушны ко мнѣнію о насъ людей? И какъ мы могли бы сохранить репутацію, пріобрѣтенную этою войною, если бы мы взявшись за предпріятія столь великія, вдругъ остановились бы на срединѣ пути? Не припишетъ ли тогда всякій эти успѣхи скорѣе счастью, чѣмъ нашей доблести? Если дѣло направляется умомъ и доблестію, при маломъ вмѣшательствѣ фортуны и случая, то середина соотвѣтствуетъ началу, а конецъ той и другому; а прихоти счастья — на сколько слѣпы, на столько же рѣдко концомъ соотвѣтствуютъ началу. Есть не мало и такихъ, которые опасаются трудностей управленія при слишкомъ большой обширности владѣній и думаютъ, что не слѣдуетъ разширять далѣе границъ власти, ибо пріобрѣтеніе потребуетъ издержекъ и большаго труда, а пользы отъ этого республикѣ не будетъ никакой. Но можетъ показаться удивительнымъ, отъ чего въ своихъ частныхъ дѣлахъ никто не разсуждаетъ такъ, какъ по отношенію къ государству. Существуетъ ли хоть одинъ

1579. человѣкъ, который не предпочелъ бы десяти помѣстій одному? Тяжелы заботы, налагаемыя обширнымъ имѣньемъ, но онѣ вознаграждаются большими выгодами и удобствами. Положеніе нашего государства, мнѣ кажется, таково, что если только мы хотимъ имѣть пружину дѣлъ (нервъ войны) и если желаемъ сохранить настоящее положеніе республики, то совершенно необходимо присоединить къ ней какое нибудь новое королевство. Всѣ подчиненныя области, присоединившіяся къ нашему государству, получили полное гражданство на равныхъ совершенно правахъ, нѣтъ ни одной, которая обращена была бы въ зависимую провинцію, или поставлена въ условія данничества; такимъ образомъ при одинаковой для всѣхъ свободѣ, для всѣхъ уравнены и податныя тягости. Если бы мы захотѣли облегчить ихъ для себя, то какое могли бы имѣть къ тому средство, кромѣ присоединенія къ государству новаго владѣнія, по образцу всѣхъ бывшихъ великихъ имперій; установивъ въ немъ подати и пошлины, мы могли бы освободить себя отъ нѣкоторой значительной доли общихъ тягостей. Послѣ своего подчиненія оружіемъ, Русь нѣкоторое время была данническою, и республика имѣла не мало облегченія отъ средствъ ею доставляемыхъ. Когда Великое Княжество Литовское управлялось королями польскими по древнимъ правамъ, то мы помнимъ, оно справлялось большею частію собственными силами и съ Москвою и съ Татарами; по соединеніи же его съ королевствомъ, каждый знаетъ по опыту, сколько прибавилось къ общимъ тягостямъ. Если нѣкоторые считаютъ нужнымъ прикрывать свою недѣятельность бѣдностью и скудостью матеріальныхъ средствъ, то пусть они ограничатъ свои страсти и роскошь, обратятъ на лучшее употребленіе и тѣ деньги, которыя они тратятъ на пустыя и безполезныя вещи, и тогда они увидятъ на самомъ дѣлѣ, что они вовсе не лишены необходимыхъ средствъ для какихъ бы то ни было наиблистательнѣйшихъ предпріятій. Я не порицаю тѣхъ, которые полагаютъ, что нужно

устроить домашнія дѣла; но помимо того, что всегда будетъ въ ихъ власти исправить внутренніе недуги, а удобный случай для войны съ Москвою, какой мы теперь имѣемъ, мы не всегда будемъ имѣть, нужно еще подумать о томъ, что забота о безопасности важнѣе всякой другой. Есть и такіе, которые полагаютъ, что до сихъ поръ они слишкомъ скудно были вознаграждены за свои заслуги. Имъ открывается теперь свободное поприще, какъ для того, чтобы въ полномъ свѣтѣ выказать свою доблесть, такъ и для того, чтобы выслужиться предъ королемъ; пусть они отправляются на войну, пусть посвятятъ государству свой трудъ и усердіе, и за тѣмъ ожидаютъ отъ любимѣйшаго короля самыхъ богатыхъ наградъ. Если имъ не дозволяетъ сдѣлать это или возрастъ, или здоровье, или положеніе каждаго, то есть честные пути къ отличію и въ мирной гражданской жизни; но пусть никто не разсчитываетъ злословіемъ и особенно запоздалыми стараніями произвести смуту, выслужить себѣ тѣ награды, какія даются за доблесть и честныя заслуги. 1579.

Послѣ этой рѣчи, уполномоченные ни сколько не колебались дать согласіе на продолженіе войны и дальнѣйшее взиманіе налога для нея, такъ какъ шляхта, обрадованная успѣхомъ военныхъ дѣйствій и возбужденная надеждами на будущее, на многолюдныхъ частныхъ сеймикахъ уже ранѣе склонялась въ такую сторону; тѣмъ не менѣе для того, чтобы оправдать мнѣніе другихъ о себѣ, они сочли нужнымъ заняться нѣкоторыми предметами изъ тѣхъ, о которыхъ, по ихъ замѣчанію, больше толковали въ народѣ: прежде всего они подняли рѣчь объ условіяхъ (договора избирательнаго), будто бы неисполненныхъ королемъ, и особенно объ уплатѣ государственныхъ долговъ. Имъ было поставлено на видъ, пусть они взвѣсятъ, сколько король ранѣе своего прихода переслалъ денегъ для защиты королевства, сколько онъ ихъ привезъ съ собою, сколько выплатилъ на жалованье ратнымъ людямъ за службу

1579. ранѣе его прибытія, на усмиреніе мятежа въ Гданскѣ, и наконецъ сколько онъ истратилъ изъ своей частной казны въ текущей войнѣ, и пусть разсудятъ о томъ, что онъ впредь намѣренъ сдѣлать,—что у него нѣтъ ничего приватнаго, ничего отдѣльнаго, но что все свое и самую жизнь онъ готовъ принести въ жертву государству: послѣ этого легко будетъ рѣшить, можетъ ли республика по справедливости предъявить къ нему какія нибудь жалобы и требованія. Что же касается до отдачи въ залогъ нѣкоторыхъ мытныхъ (пошлинныхъ) сборовъ, то довольно ясно, что для него было бы гораздо выгоднѣе выкупить ихъ, такъ какъ они даютъ не малый доходъ, чѣмъ тратить деньги на войну; но образъ мыслей короля таковъ, что онъ при настоящемъ положеніи государства предпочитаетъ частной выгодѣ общую пользу и честь государственную.

Относительно предложенія о трехъ частяхъ дохода со старостъ, былъ данъ такой отвѣтъ, что объ этомъ не говорится прямо въ конституціи Сигизмунда Августа и что не слѣдуетъ вопреки постановленіямъ, запрещающимъ отступать отъ буквальнаго смысла конституціи, придавать словамъ той конституціи такой широкій смыслъ, что такое толкованіе заставило бы шляхту, лишивъ ее всѣхъ наградъ за доблести, заниматься только земледѣліемъ и своимъ хозяйствомъ. Если не поощрять доблести и храбрости наградами, то кто захочетъ оказывать услуги королевству на войнѣ, въ отправленіи посольствъ и другихъ общественныхъ должностей; кто станетъ служить ради величія и славы своего отечества, если ему не будетъ обѣщано за то никакихъ выгодъ? Когда зашла рѣчь объ уменьшеніи наивысшей военной власти и предпочтеніи, оказываемомъ иностранцамъ, то король отвѣчалъ, что онъ не желалъ ни въ чемъ ослаблять авторитетъ той должности; онъ назначилъ Бекеша начальникомъ надъ Венгерцами не для того, чтобы предоставить ему возможность распоряжаться въ какихъ-нибудь военныхъ дѣлахъ по своему усмотрѣнію, но чтобы, подчиненный власти верховнаго вождя

(гетмана), онъ служилъ ему посредникомъ и толмачемъ при **1579.** венгерскомъ войскѣ.

Побуждаемый крайностью, пользовался онъ во время этой войны услугами иноземныхъ войскъ потому, что королевство, имѣя хорошую конницу, которая можетъ не только поравняться съ другими государствами, но даже превзойти ихъ, не располагаетъ достаточною пѣхотою; въ трансильванскихъ своихъ владѣніяхъ онъ тоже пользуется помощью другихъ иностранцевъ и военными услугами частныхъ лицъ. Много было разсужденій по этому предмету, слѣдуетъ ли пользоваться помощью иностранцевъ, и какъ со стороны пословъ шляхты, такъ и со стороны сенаторовъ много заявлено было мнѣній такого рода, что не заслуживаетъ порицанія, если кто захочетъ за чужое государство подвергаться опасности и трудамъ, проливать свою кровь ради славы и чести его; не есть признакъ мудрости желать кровью гражданъ достигнуть того, что можетъ быть достигнуто помощью иностранцевъ; подобнымъ образомъ въ началѣ образовались величайшія государства и тѣмъ же путемъ достигли необычайнаго величія. Въ этомъ самомъ королевствѣ многія первѣйшія фамиліи произошли отъ иностранцевъ; въ числѣ другихъ и славнѣйшій родъ Тарновскихъ относитъ свое происхожденіе къ иностранцамъ. Скорѣе слѣдуетъ привлекать такихъ людей, которые желаютъ свою доблесть связать съ величіемъ нашего государства, и это могло бы принести большую выгоду республикѣ; но только надо смотрѣть за тѣмъ, чтобы съ одной стороны иностранцы не отдѣлялись отъ остальныхъ гражданъ ни особыми законами, ни отдѣльными властями, но чтобы тѣ и другіе были у нихъ общи съ прочими гражданами, а съ другой, чтобы иностранцы не достигали такой силы, которая давала бы имъ возможность тѣснить самихъ гражданъ, и чтобы не давались бы имъ почетныя должности. Пусть имъ поручаются приватныя (частныя) службы; а общественныя почести и должности пусть будутъ доступны только гражданамъ,

1579. но въ тоже время, какъ соблюдается въ другихъ государствахъ, слѣдуетъ награждать иностранцевъ за доблесть землями и подобнаго рода милостями; при полученіи же почетныхъ должностей преимущество должно принадлежать гражданамъ. Послѣ этого относительно даннаго вопроса послѣдовало молчаніе, такъ какъ не нашлось никого, кто сталъ бы отрицать необходимость имѣть пѣшее войско изъ иностранцевъ.

Относительно герцога Курляндскаго было отвѣчено, что это герцогство въ то время, когда Ливонія только что присоединялась къ королевству, было отдано герцогу королемъ Сигизмундомъ Августомъ на условіяхъ гораздо болѣе невыгодныхъ для государства; совершенно правильно и въ порядкѣ вещей, что дѣло, уже ранѣе рѣшавшееся прежними королями, на основаніи ихъ авторитета, повершено и теперь королемъ, при томъ на болѣе выгодныхъ для республики условіяхъ, какъ свидѣтельствуетъ и самый представленный документъ (жалованная грамота): не сдѣлано ничего такого, что было бы не сообразно съ обычаями и примѣрами предковъ. За всѣ времена было принято, чтобы лены, установленные прежними королями, были утверждаемы послѣдующими, если въ условіяхъ владѣнія ничего не измѣнялось и ничего не прибавлялось; если даже оказывалось нужнымъ прибавить что новое, то короли дѣлали это безъ обращенія къ сейму, посовѣтовавшись только съ радою. Такъ какъ въ сенатѣ была рѣчь о посольствѣ епископа Плоцкаго, то теперь была оглашена причина этого посольства и поводъ, о которомъ уже во время предшествующихъ сеймовъ въ сенатѣ было говорено; тѣмъ самымъ уничтожено было всякое подозрѣніе касательно замышляемаго королемъ развода. И такъ безъ всякихъ возраженій былъ снова утвержденъ на этотъ годъ такой же налогъ, какой былъ назначенъ въ прошломъ году. Старосты, устроивъ между собою совѣщаніе, сами предложили королю внести вторую четверть годовыхъ доходовъ со своихъ старостствъ въ общественную казну въ г. Равѣ, приба-

вивъ условіе, чтобы объ этомъ не издавалось напередъ никакого постановленія, и чтобы потомъ это не служило примѣромъ. Между прочимъ заявлено было требованіе къ королю, чтобы онъ велъ войну черезъ намѣстниковъ, и держался бы самъ вдали отъ опасностей военныхъ дѣйствій; но король считалъ это недостойнымъ своего сана и мужества; сверхъ того прибавлено было соображеніе, что на войну придетъ больше добровольныхъ охотниковъ, если можно будетъ сражаться на глазахъ короля, и кромѣ того, присутствіе его будетъ полезно для ослабленія раздоровъ, могущихъ возникнуть изъ-за соперничества между польскими и литовскими должностными лицами. На этомъ же сеймѣ были постановлены выборными отъ того и другаго сословія нѣкоторые законы, касавшіеся между прочимъ ленныхъ отношеній зависимыхъ владѣтелей, военной власти и наказаній преступниковъ. Однако эти законы не были обнародованы; только ради удержанія Низовцевъ въ предѣлахъ повиновенія, было прибавлено въ тѣхъ грамотахъ, въ которыхъ объявлялось о налогѣ, что король впредь до будущаго сейма имѣетъ чрезвычайную власть наказывать ихъ по своему усмотрѣнію. На предъидущемъ сеймѣ было сдѣлано такое постановленіе, чтобы никакіе судебные приговоры не были постановляемы относительно лицъ, находящихся въ отсутствіи на войнѣ для пользы государства, развѣ только дѣло шло о предъявленномъ кѣмъ-либо требованіи относительно исполненія ранѣе постановленнаго приговора, или же обвиненіе касалось учиненнаго отсутствующимъ насилія (самоуправства), или наконецъ заключено было кѣмъ-либо добровольное обязательство къ извѣстному сроку явиться въ судъ въ случаѣ неуплаты долга. Эти-то исключенія, при помощи сутяжническаго криваго толкованія, обращались иными во вредъ обвиняемыхъ: къ тяжбамъ, начатымъ еще при предкахъ, привлекали теперь перваго попавшагося подъ руку потомка, или же вновь подымали дѣло, вслѣдствіе глубокой давности почти совсѣмъ забытое.

1579.

1579. Ради того на этомъ сеймѣ было присоединено дальнѣйшее разъясненіе, что ссылка на ранѣе постановленный приговоръ или же на учиненное насиліе тогда только будетъ имѣть силу, если приговоръ былъ постановленъ или преступленіе самоуправства совершено было недавно; а обязательства о добровольной явкѣ къ суду должны быть считаемы поводомъ къ изъятію изъ правила только тогда, когда они заключены на извѣстный срокъ, не выходящій изъ предѣловъ ближайшаго десятилѣтія.

Король съ сейма письменно уговаривалъ Мелецкаго, который не былъ на этомъ сеймѣ, чтобы тотъ приготовлялся къ будущему походу и оказалъ бы свое содѣйствіе въ этой войнѣ, но послѣдній отказался. Въ то время, какъ король находился въ Варшавѣ, онъ получилъ извѣстіе о томъ, что Нищерда, о коей мы выше говорили, покорилась его власти. Вначалѣ, когда Московскій царь взялъ Полоцкъ, то онъ увелъ всѣхъ тамошнихъ дворянъ и всѣхъ крестьянъ въ Московскую область; потомъ, когда уже укрѣпилось за нимъ владѣніе этой областью, онъ, полагая, что у туземцевъ отъ долгаго времени пропала любовь къ прежнему управленію, снова поселилъ на прежнихъ земляхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и въ томъ числѣ нѣкоего Коссонскаго, выдававшагося надъ крестьянами не столько тѣлесною силою, но и умомъ, вмѣстѣ съ его сыновьями и братьями, также весьма сильными людьми. Лишь только Полоцкъ воротился подъ власть короля, Коссонскій сталъ измышлять, какъ бы ему возвратиться съ нѣкоторой почестью къ прежней власти. Онъ указалъ Полоцкимъ казакамъ, въ какомъ положеніи дѣла непріятелей. Когда послѣдніе, съ разрѣшенія воеводы Полоцкаго, въ назначенное Коссонскимъ время подступили къ Нищердѣ, то они нашли, что окопы, какъ предупреждалъ ихъ Коссонскій, даже не окончены, и безъ всякаго труда овладѣли этой крѣпостью. Тѣмъ не менѣе Коссонскій, по своему обыкновенію, продолжалъ вращаться между Москвитянами, не возбуждая никакого подозрѣнія, такъ какъ они считали при-

ходъ казаковъ подъ Нищерду случайнымъ, и вотъ онъ задумалъ **1579.**
такимъ же образомъ передать нашимъ и Заволочье. Тѣмъ же казакамъ онъ назначилъ день для прихода подъ Заволочье, условился, что онъ самъ зажжетъ башню, и, пока Москвитяне будутъ заняты тушеніемъ этого пожара, введетъ ихъ въ крѣпость. Когда же планъ этотъ былъ открытъ, то Коссонскій вмѣстѣ съ двумя сыновьями былъ посаженъ на колъ въ виду Заволочья. Въ то же время казаки возъимѣли надежду такимъ же неожиданнымъ нападеніемъ захватить и Усвятъ. Съ ними соединился Николай Зебридовскій, сынъ Флоріана, бывшаго нѣкогда начальникомъ надъ войскомъ надворнымъ и Люблинскимъ кастеланомъ. Наскучивъ праздностію на зимнихъ квартирахъ въ Витебскѣ, оставивъ конницу, чтобы обмануть непріятеля, Зебридовскій былъ проведенъ казаками по извѣстнымъ тропинкамъ къ Усвяту; но оказалось, что крѣпость снабжена была сильнымъ гарнизономъ и всѣмъ нужнымъ. Непріятель, однако, устрашенный неожиданнымъ прибытіемъ, сожегъ посадъ, прилегавшій къ крѣпости.

КНИГА III.

Когда король собирался изъ Варшавы въ Гродно и весь былъ **1580.**
занятъ заботами о будущемъ походѣ, онъ встрѣтился съ двумя главнымъ образомъ препятствіями: во первыхъ препятствіе было въ деньгахъ, такъ какъ онѣ поступали слишкомъ медленно; во вторыхъ въ наборѣ солдатъ, ибо многіе изъ тѣхъ, которые были въ первомъ походѣ, потерпѣвъ большой уронъ и лишившись лошадей и всего вооруженія вслѣдствіе непогодъ и дурнаго состоянія дороги, теперь слишкомъ ясно представляли себѣ всѣ тягости столь отдаленной службы и потому очень не охотно многіе записывались въ нее; даже тѣ изъ нихъ, которые не желали подать вида, будто они уклоняются отъ службы,

1580. тѣмъ не менѣе отговаривались недостаткомъ времени, вслѣдствіе чего имъ будто бы дѣлалось невозможнымъ приготовиться къ походу. Что касается военныхъ расходовъ, то король употребилъ на это частію свои собственныя деньги, частью взялъ для этого у частныхъ лицъ займы, съ тѣмъ условіемъ, чтобы уплатить эти деньги къ извѣстному сроку. Замойскій обѣщалъ свое содѣйствіе въ дѣлѣ набора. Хотя онъ занималъ гражданскую должность, но не забывалъ того, что отецъ его, кастеланъ Холмскій, былъ гетманомъ надворнаго войска и что другіе предки его большею частію прославились военными подвигами; поэтому желая сохранить славу, наслѣдованную отъ предковъ и съ своей стороны поддержать традицію своего дома, Замойскій какъ и раньше всегда, такъ и въ прошлый походъ, содержалъ на свой счетъ солдатъ и имѣлъ около себя нѣсколько дѣльныхъ военныхъ людей. Посовѣтовавшись теперь съ королемъ, онъ всенародно объявилъ, что будетъ самъ набирать и конницу и пѣхоту. Когда это стало извѣстно, то во всѣхъ проявилось великое рвеніе, и отовсюду стали являться охотники. Сверхъ того король поручилъ брату своему Христофору, воеводѣ Трансильванскому, набрать еще и венгерскихъ солдатъ. Польша до сихъ поръ имѣла не много пѣхоты по той причинѣ, что почти вся шляхта служила въ конницѣ и пренебрегала пѣшею службой, которая представляла больше труда и меньше блеска; потому вся наличная пѣхота, сколько ея было, состояла изъ городскаго и преимущественно рабочаго люда совершенно неопытнаго въ военномъ дѣлѣ, и даже неспособнаго, вслѣдствіе привычки къ городскому покою, переносить военныя тягости; иностранную же пѣхоту нельзя было содержать безъ огромныхъ издержекъ. Поэтому-то на прежнемъ сеймѣ уже толковали объ изысканіи какого нибудь способа для образованія туземной пѣхоты и рѣшено было брать по одному изъ 20-ти крестьянъ въ королевскихъ имѣніяхъ съ тѣмъ, чтобы поступившіе на такомъ основаніи въ военную службу какъ сами, такъ и дѣти

ихъ были свободны отъ барщины и крестьянскихъ повинностей. **1580**. И вотъ теперь рѣшено было обратиться къ такому способу набора; повсюду по областямъ были разосланы ротмистры и сотники отбирать самыхъ крѣпкихъ крестьянъ, болѣе способныхъ переносить военныя тягости. Заняться установленіемъ плана военныхъ дѣйствій король предполагалъ въ Гроднѣ, ближе къ театру войны, а между тѣмъ онъ приказалъ, чтобы въ Вильнѣ отливали новыя пушки по его образцу и чинили старыя. Король уже держалъ въ умѣ осаду Великихъ Лукъ, однако, чтобы подольше скрывать это отъ непріятеля, нарочно назначилъ день, когда войско должно было собраться въ Чашники. Эти послѣдніе расположены на рѣкѣ Улѣ при соединеніи двухъ дорогъ, Лукской и Смоленской, на равномъ разстояніи отъ того и отъ другаго города, при чемъ по дорогѣ къ Лукамъ находилась рѣка Усвяча, а по дорогѣ къ Смоленску Каспля, поэтому казалось возможнымъ, внушая непріятелю двойное опасеніе въ ту и другую сторону, удерживать его нѣкоторое время въ неподвижности. Мы выше сказали, что отъ короля были посланы съ грамотой увѣдомить Московскаго царя объ исходѣ Полоцкой осады. Посолъ этотъ былъ принятъ гораздо болѣе милостиво, чѣмъ кто либо до него, даже приглашенъ былъ къ столу и получилъ въ подарокъ парчевую одежду. Прежде чѣмъ отпустить его, Московскій царь приказалъ дать ему отъ двухъ своихъ намѣстниковъ, князей Ивана Ѳедоровича Новгородскаго и Никиты Юрьевича Мстиславскаго и отъ Романова Захарьина письма къ Николаю Радзивилу, Виленскому воеводѣ, и Евстафію Воловичу, тогдашнему кастелану Трокскому [1]). Они писали, что когда несогласія двухъ могущественнѣйшихъ владѣтелей дошли до того, что, начавъ войну, король Польскій завоевалъ Полоцкъ,

[1]) По документамъ: «отъ боярина и намѣстника *Володимерского*, отъ князя *Ивана Ѳедоровича Мстиславского*; отъ боярина и намѣстника *Астраханского*, отъ князя Василья Ивановича Мстиславского; отъ боярина и намѣстника *Новгородского*, отъ Никиты Романовича Юрьевича—Захарьина.

*

1580. а великій князь Московскій въ свою очередь сильно возгорѣлся желаніемъ отомстить за это оскорбленіе, то они бросились съ прочими боярами къ ногамъ своего государя и умоляли не проливать христіанской крови, и что онъ, тронутый ихъ мольбами, до сихъ поръ удерживался отъ военныхъ дѣйствій [1]). Теперь совѣтникамъ короля Польскаго нужно постараться передъ своимъ королемъ о томъ, чтобы склонить его къ заключенію прочнаго мира съ великимъ княземъ Московскимъ; пусть они уговорятъ короля, чтобы и онъ самъ ушелъ съ войсками и войску приказалъ бы уйдти какъ отъ границъ Литвы, такъ и Ливоніи, и чтобы онъ не раздражалъ никакими непріязненными и несправедливыми дѣйствіями Москвитянъ: то же обѣщаетъ и ихъ великій князь; онъ возвратится въ свою столицу и повсюду воспретитъ своимъ всякія насилія и обиды; между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ пусть будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы отправить пословъ, устроить согласіе и миръ, дабы государи могли сложить съ себя оружіе и всѣ избавились отъ страха.

Въ концѣ своихъ грамотъ они извиняли то, что Василій Лопатинскій, чрезъ котораго король объявилъ Московскому царю войну, до сихъ поръ задержанъ у нихъ [2]). Они заявляли,

[1]) Содержаніе этой грамоты московскихъ бояръ передано также у *Карамзина* (т. IX, стр. 179) со ссылкою на дѣла польскія (примѣч. 534); въ печатной Метрикѣ Литовской этой грамоты нѣтъ, потому что находящійся подъ 34-мъ № листъ тѣхъ же московскихъ бояръ, писанный до ихъ милостей пановъ радъ великаго княжества Литовскаго (до тѣхъ же Радзивила и Воловича во главѣ), есть, очевидно, позднѣйшій; но именно въ этомъ послѣднемъ говорится о предшествовавшемъ письменномъ сношеніи бояръ и рады, при чемъ содержаніе прежней грамоты обозначается довольно близко съ изложеніемъ Гейденштейна. Впрочемъ первый листъ, который только и имѣется въ виду у Гейденштейна, отправленъ былъ собственно не чрезъ польскаго гонца, извѣстившаго о взятіи Полоцка, а чрезъ московскаго посланца *Льва Стремоухова* (отправленнаго 30-го сентября 1579 г.).

[2]) Лопатинскаго отправили изъ Москвы 10 января 1580 г. (*Карамз.* т. IX, примѣч. 534). Грамота московскихъ бояръ къ панамъ рады, напечатанная въ Метрикѣ Литовской, помѣчена февралемъ мѣсяцемъ, и отпись на нее пановъ рады изъ Вильны 8-мъ мая 1580 года. Изъ первой даты именно и явствуетъ, что Гейденштейнъ излагаетъ содержаніе болѣе ранней переписки, чѣмъ находя-

что какъ скоро тотъ и другой (государи) вернутся въ свои столицы, то они постараются, чтобы онъ былъ немедленно отправленъ обратно къ королю съ наказами о мирѣ. Сдѣлалъ это Московскій царь по примѣру, введенному во времена Сигизмунда Августа Литовцами, ибо всякій разъ, когда король предполагалъ послать къ Московскому царю пословъ, литовскіе паны сперва отправляли письма къ московскимъ боярамъ, въ которыхъ просили, чтобы они выправили отъ своего государя охранную грамоту для тѣхъ пословъ, которые пріѣдутъ. **1580**.

Обсудивъ это, выше названные литовскіе сенаторы отвѣчали въ такомъ смыслѣ, что они много говорили о мирѣ съ королемъ и что онъ, какъ христіанскій государь, выше всего цѣнитъ миръ и согласіе между сосѣдями и особенно между сосѣдями христіанскими, что онъ началъ войну будучи вызванъ къ тому тяжкими оскорбленіями со стороны Московскаго царя, не ради чего другаго, какъ ради мира, и будетъ вести ее до тѣхъ поръ, пока великій князь ихъ не дастъ ему возможности заключить справедливый миръ, что королю всетаки нѣтъ никакого основанія посылать къ ихъ государю пословъ, такъ какъ не считаетъ себя въ правѣ кого либо изъ своихъ подданныхъ подвергать обидамъ и оскорбленіямъ со стороны Московскаго царя, какъ послѣдній раньше дѣлалъ. Если же ихъ государь пришлетъ къ королю Польскому пословъ, то король терпѣливо выслушаетъ то, что они станутъ говорить и отпуститъ съ надлежащимъ отвѣтомъ [1]). Немного времени спустя, Московскій царь самъ прислалъ другаго гонца къ королю съ письмомъ такого же содержанія. Онъ былъ отпущенъ съ такимъ же отвѣ-

щаяся въ Метрикѣ подъ №№ 34 и 35. За то эта послѣдняя у него совершенно пропущена. Второй листъ бояръ былъ отправленъ въ Литву съ гонцомъ Грязнымъ Шубинымъ въ концѣ февраля. *Карамз.* IX, прим. 540.

1) Уже выше было замѣчено, что этотъ отвѣтъ относится къ неизданной въ печатной Метрикѣ грамотѣ, а равнымъ образомъ и самъ онъ не тождественъ съ отписью подъ № 35, хотя и весьма сходенъ по содержанію.

1580. томъ, какой предыдущій получилъ отъ пановъ [1]). Однако, несмотря и на это, Московскій царь снова отправилъ съ тѣми же требованіями къ королю своего дворянина Ивана Нащокина. Выслушавъ публично тотъ же отвѣтъ отъ короля, Нащокинъ объявилъ послѣ того, что имѣетъ кромѣ того еще личное порученіе, которое онъ можетъ передать только частнымъ образомъ. Получивъ позволеніе на это, Нащокинъ объявилъ, что его государь сокрушается о пролитіи крови невинныхъ христіанъ, и что по этому хотя и сознаетъ, что будетъ противно обычаю его предковъ, однако рѣшилъ поступиться въ этомъ случаѣ своимъ достоинствомъ ради общаго согласія и самъ пришлетъ къ королю пословъ для переговоровъ о мирѣ, но взамѣнъ этого требуетъ, чтобы въ это время было заключено перемиріе, и король не шелъ бы дальше со своими войсками. Пусть король ожидаетъ пословъ въ Вильнѣ, такъ какъ и его предшественники всегда оказывали ту особую честь великимъ князьямъ Московскимъ, что послы ихъ выслушивались только въ столицѣ или королевства Польскаго или Великаго Княжества Литовскаго [2]). Король, понимая, что все это клонится только къ тому, чтобы оттянуть время для веденія войны, отвѣчалъ: если царь желаетъ отправить пословъ, то онъ охотно дастъ имъ возможность высказать то, что желаютъ, и милостиво ихъ выслушаетъ. Что же касается требованія, чтобы онъ ожидалъ пословъ царя въ извѣстномъ мѣстѣ, то это требованіе не имѣетъ

1) Разумѣется посольство царскаго гонца Елизарья Благова.—Листъ отъ князя великаго Московскаго до его королевской милости, писанный черезъ дворенина его Олизарья Благово—представляетъ № 31 печатной Метрики; онъ данъ въ Москвѣ 6-го января 1580 года и въ немъ уже упоминается объ обращеніи бояръ московскихъ къ литовскимъ панамъ. Сверхъ того Благому было поручено хлопотать о размѣнѣ плѣнныхъ (см. листъ подъ № 32). Отпись короля на царскую грамоту дана въ Гроднѣ 16-го марта (№ 33). Благовъ вернулся 15 апрѣля (*Карамз.* IX, прим. 540).

2) Къ посольству Нащокина относятся документы печатной Метрики Литовской подъ №№ 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42. Ср. *Карамз.* т. IX, примѣч. 540. *Соловьевъ*, т. VI, стр. 323—324.

примѣра ни у одного изъ прочихъ христіанскихъ государей: **1580**.
они посылаютъ пословъ когда нужно во всякое мѣсто; вездѣ одинаково право пословъ и не ограничивается извѣстнымъ мѣстомъ; посламъ его можно придти всюду, гдѣ только онъ ни будетъ, и даже въ самомъ лагерѣ, во время самаго разгара сраженія, послы могутъ имѣть съ нимъ переговоры, если это окажется очень нужнымъ.

Однако подъ конецъ король назначилъ Московскому царю извѣстный срокъ, до котораго будетъ еще ждать пословъ [1]).

Съ прибытіемъ Нащокина обнаружилось дѣло, которое сильно обратило на себя вниманіе всѣхъ. Григорій Осцикъ, человѣкъ знатнаго происхожденіи, во время безкоролевья вступивъ въ соглашеніе съ Москвою, и теперь не прекращалъ письменныхъ сношеній съ нею.

Нащокинъ привезъ къ нему грамоту отъ Московскаго царя, и тотъ подъ предлогомъ покупки мѣховъ и другихъ московскихъ товаровъ, испросивъ доступъ къ Нащокину, получилъ ее, а за тѣмъ подъ тѣмъ же предлогомъ часто приходилъ къ нему, иногда и тайкомъ. Объ этомъ было донесено слугою Осцика, нѣкіемъ Миревскимъ, Мартину Рыбинскому, состоявшему на службѣ въ хоругви королевскаго подчашего Андрея Зебридовскаго. Послѣдній донесъ объ этомъ высшимъ урядникамъ, а затѣмъ дѣло дошло до короля. Миревскій, такъ какъ это случилось въ присутствіи короля, тотчасъ былъ позванъ къ надворному маршалку Альберту Радзивилу и посаженъ подъ караулъ; онъ добровольно разсказалъ о томъ, о чемъ раньше сообщилъ Рыбинскому и указалъ какъ на человѣка знающаго все это дѣло, на слугу Осцика, нѣкоего Варѳоломея. Пригласивъ только 4-хъ первыхъ совѣтниковъ, король сталъ съ ними

1) *Кар.* Т. IX, стр. 180, и пр. 535 и 540. Срокъ назначенъ былъ пятинедѣльный, считая отъ 14 іюня, когда Нащокинъ представлялся королю въ Вильнѣ. См. Метрики Литовск. II, № 41.

1580. совѣщаться. Изъ нихъ воевода Виленскій взялъ на себя порученіе захватить Осцика, если онъ еще въ городѣ. Говорили, что онъ находится въ Трокахъ. Тотчасъ отправлены были туда въ большомъ числѣ дворскіе, чтобы захватитъ его и привести. Когда его привели, онъ былъ посаженъ въ домѣ маршалка подъ свободный арестъ. Другимъ поручено было обыскать его квартиру и всѣ вещи; въ одномъ ящикѣ нашли они бѣлые листы, помѣченные печатями разныхъ сенаторовъ и съ поддѣланными подписями ихъ именъ, а также найдены были печати многихъ сенаторовъ, вырѣзанныя вполнѣ сходно съ настоящими, которыми тотъ пользовался для возбужденія большаго довѣрія къ себѣ Московитовъ, дабы казалось, будто онъ дѣйствуетъ въ согласіи и съобща съ другими магнатами. Другой отрядъ дворскихъ былъ посланъ въ Коварскъ, въ имѣніе Осцика, находившееся въ двухъ миляхъ отъ Вильны, гдѣ тогда обрѣтался и вышеупомянутый Варѳоломей; здѣсь оказался матеріалъ и орудія для подѣлки монеты, какъ-то: молоты и проч. Варѳоломей сознался, что Осцикъ имѣлъ сношенія съ Москвою, получалъ оттуда письма и еще раньше безкоролевья два раза пересылался съ нею (Москвою). Когда нѣкоторые сенаторы были посланы къ Осцику, то онъ сталъ отрицать измѣну; признавался, что пользовался чужими подписями для составленія частныхъ подложныхъ документовъ съ цѣлію предъявленія ради личной выгоды въ судахъ; обвиненіе же въ поддѣлкѣ монеты сваливалъ на какого то еврея, съ помощью котораго досталъ упомянутыя вырѣзанныя печатки. Когда его привели въ судъ и на судѣ выставлены были самыя вещественныя доказательства его измѣны и поддѣлки монетъ, Осцику приказано было отвѣчать. Защитникъ его говорилъ, что онъ не будетъ отвѣчать, ибо пользуется общимъ правомъ шляхетства, по которому запрещается производить слѣдствіе надъ кѣмъ либо изъ шляхты, прежде чѣмъ онъ не вызванъ законнымъ образомъ въ судъ. Сенаторы разно смотрѣли на это обстоятельство: нѣкоторые

полагали, что не слѣдуетъ какимъ либо примѣромъ сокращать шляхетскую свободу, но большая часть изъ нихъ обращала особенное вниманіе на военное время; такъ какъ король занятъ приготовленіемъ къ походу, и почти живетъ въ лагерѣ, то разбирательство этого дѣла должно производиться не обыкновеннымъ судомъ, а скорѣе военнымъ; только тѣ, говорилось далѣе, могутъ пользоваться означенною привиллегіею, которые имѣютъ не запятнанную славу; что же касается до такихъ, преступность которыхъ обнаружилась въ цѣломъ рядѣ злодѣяній и подтверждается собственнымъ признаніемъ, такіе люди уже сами своимъ образомъ жизни сдѣлали себя недостойными привиллегій шляхетства и даже самаго званія шляхтича. Вслѣдствіе этого, Осцику приказано было отвѣчать вторично, и онъ далъ записку, приготовленную имъ на этотъ случай раньше, чтобы прочесть ее публично. Признаваясь въ ней, что сносился съ непріятелемъ и подавалъ ему надежду убить при удобномъ случаѣ короля, онъ старался оправдывать себя тѣмъ, что, какъ говорилъ, былъ вынужденъ къ тому бѣдностью и большими долгами и имѣлъ въ виду только выманить такимъ способомъ сколько нибудь денегъ отъ непріятеля, и на колѣнахъ просилъ помилованія. 1580.

Надъ сознавшимся въ преступленіи, а также и надъ евреемъ была совершена по обычаю предковъ смертная казнь; слугамъ было объявлено помилованіе за раскрытіе такого преступленія.

Въ это время въ Вильну прибыла венгерская пѣхота. Король приказалъ ей идти сухимъ путемъ до Постава; тамъ они должны были садиться съ пушками и другими тяжелыми военными снарядами на суда, плыть по теченію рѣки въ Дисну, а оттуда взявъ и другія пушки, которыя онъ раньше, возвращаясь изъ Полоцка, оставилъ тамъ, отправляться къ Витебску вверхъ по рѣкѣ Двинѣ. Въ Вильнѣ Павелъ Уханскій, который былъ посыланъ королемъ къ папѣ и теперь воротился, поднесъ королю мечъ, освященный папою съ извѣстными церемоніями.

1580. Отправившись затѣмъ изъ Вильны, король прибылъ 8-го іюля въ село Щудутъ (Scidutum), въ пяти миляхъ по сю сторону отъ Чашниковъ, и размѣстивъ войска по сосѣднимъ деревнямъ, самъ расположился въ указанномъ мѣстѣ. Пока не собрались прочіе ожидаемыя войска, онъ здѣсь держалъ совѣтъ, чтобы обсудить, какой избрать планъ войны и куда лучше всего во время этого похода направиться съ войсками.

По этому вопросу заявлены были различныя мнѣнія, изъ коихъ три заслуживали наибольшаго вниманія. Одни полагали, что нужно идти къ Пскову, другіе—къ Смоленску, а третьи были того мнѣнія, что нужно идти къ Великимъ Лукамъ. Первое мнѣніе, по которому указывалось на Псковъ, опиралось на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя были высказаны раньше предъ экспедиціей къ Полоцку, а равнымъ образомъ и опровергаемо оно было тѣми же самыми соображеніями, какъ и прежде, именно, что это путь слишкомъ далеко заходящій въ непріятельскую землю, что тылъ нашихъ войскъ будетъ не защищенъ, если такъ много крѣпостей будетъ оставлено позади, безъ всякой опоры для насъ по близости, что Литва будетъ предана на жертву непріятелямъ; и наконецъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что уже слишкомъ далеко отошли отъ Псковской дороги. Однако, это первое предложеніе было во второй разъ не столько отвергнуто, сколько отложено до другаго болѣе удобнаго времени.

Что же касается до тѣхъ, которые предлагали идти къ Смоленску, то ихъ увлекали къ тому главнымъ образомъ многолюдство и богатство этого города, равно какъ и слава прошлыхъ дѣлъ здѣсь совершавшихся, наконецъ самая цѣль войны, состоявшая въ возвращеніи потерянныхъ областей и надежда, что вслѣдствіе присоединенія къ Польшѣ такой твердыни, и вся Сѣверская область, одна изъ самыхъ обширнѣйшихъ, должна будетъ поступить подъ ея власть.

Противъ этихъ доводовъ возражали тѣ, которые совѣтовали

идти на Луки, говоря, что, идя къ Смоленску, слишкомъ далеко придется отойти отъ рѣки Двины и Ливоніи, для освобожденія которыхъ главнымъ образомъ и предпринята эта война, между тѣмъ какъ Сѣверская область не можетъ быть сравнена съ Ливоніей ни по многолюдству городовъ, ни по выгодамъ мѣстоположенія, ни по образованности сосѣднихъ народовъ; Луки находятся какъ бы въ предсердіи Московскаго княжества, представляя пунктъ удобный для нападенія на другія области, на какія только угодно будетъ потомъ направиться; помѣщенный тамъ отрядъ войска будетъ находиться въ равномъ разстояніи отъ непріятеля и весьма легко будетъ его удерживать, захочетъ ли онъ идти на Литву по Смоленской дорогѣ или на Ливонію по Псковской, такъ какъ отсюда открыта одинаково дорога къ Смоленску и къ Пскову; поэтому-то и великій князь обыкновенно стягиваетъ сюда свои войска, потому что при одинаковой близости окрестныхъ владѣній, онъ отсюда можетъ самымъ удобнымъ образомъ напасть на ту область, которая покажется ему всего болѣе подходящею. Король, какъ уже указано было и раньше, склонялся на сторону этого мнѣнія; если же онъ въ теченіи столь долгаго времени не заявилъ объ этомъ публично ранѣе, то это случилось по той причинѣ, что онъ понималъ необходимость предосторожности, чтобы какимъ нибудь образомъ его планы не дошли между тѣмъ до непріятеля, а также въ виду того, что какое нибудь новое обстоятельство могло подать поводъ къ измѣненію его намѣреній. 1580.

Поэтому-то король и велѣлъ собираться войску въ Чашникахъ; здѣсь на мѣстѣ, изъ котораго весьма удобно можно было достигнуть Смоленска или же Лукъ, находившихся почти на такомъ же разстояніи, слѣдовало принять окончательное рѣшеніе согласно съ настоящими обстоятельствами; онъ кромѣ того хотѣлъ какъ можно болѣе отклонять непріятеля отъ всякой догадки о дѣйствительномъ своемъ намѣреніи. Ради этой послѣдней цѣли, въ грамотахъ, которыя писались къ Московскому

1580. царю, сверхъ Ливоніи и Полоцка тщательно отмѣчался въ королевскомъ титулѣ и Смоленскъ, какъ принадлежащій Польшѣ на основаніи древняго права: опасаясь нападенія съ этой стороны, непріятель, конечно, оставилъ бы безъ вниманія ту, которую преимущественно король хотѣлъ видѣть для себя открытою. Когда разошлась рада, король сталъ заниматься дѣланіемъ смотровъ войскамъ и вызвалъ сперва эскадроны польскихъ всадниковъ, которые служили еще подъ Гданскомъ и Полоцкомъ и теперь находились по близости на зимнихъ квартирахъ. Король сверхъ обыкновенія съ бо̀льшимъ тщаніемъ, чѣмъ когда либо прежде, относился къ смотру: находясь на близь лежащемъ холмѣ, онъ разсматривалъ каждаго по одиночкѣ, въ то время, какъ солдаты проходили по узкому мосту. Однако, только у очень немногихъ отобраны были лошади, а вообще все во всѣхъ эскадронахъ имѣло очень хорошій видъ какъ люди, такъ и подборъ лошадей и оружія. Послѣ польскихъ всадниковъ, были выведены новобранцы послѣдняго недавняго набора.

Среди ихъ находились всадники и пѣхотинцы, набранные, какъ мы выше сказали, Замойскимъ. Тутъ было не мало лицъ сенаторскаго званія: иные изъ нихъ большую часть жизни посвятивши военной службѣ и уже давно оставивъ ее, теперь вызвались къ ней добровольно снова; иные уже прежде сами командовали войсками; не мало было и такихъ, которые прежде были старостами или имѣли другой урядъ; нѣсколько человѣкъ было такихъ, которые имѣли мѣста при королевскомъ дворѣ и почетныя должности и кромѣ всѣхъ этихъ было огромное число знатныхъ юношей. Всадниковъ было два рода: во-первыхъ, гусары, съ тяжелымъ вооруженіемъ, съ которымъ мы ознакомились уже при Диснѣ, и во-вторыхъ, казаки съ болѣе легкимъ вооруженіемъ. Послѣднимъ вмѣсто лука и колчана Замойскій далъ карабины въ два локтя длиною, которые они имѣли у себя за плечами и кромѣ того болѣе короткія ружья-пистолеты, при-

вѣшанные къ поясу, оставивъ у нихъ по старому обычаю короткую саблю съ лѣвой стороны и пики. Пѣхоту главнымъ образомъ Замойскій набралъ изъ сосѣднихъ областей Венгріи, отчасти изъ Варадина, отчасти изъ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ; нѣкоторая доля состояла изъ Поляковъ или такихъ, которые уже раньше служили въ предшествовавшія войны, или же большею частію такихъ, которые поступили вновь при послѣднемъ наборѣ. **1580.**

Пѣхота, которая служила у Замойскаго въ прошломъ году подъ Полоцкомъ, была набрана въ тѣхъ же областяхъ Венгерскихъ; слухи объ его благосклонномъ обращеніи съ нею сдѣлали то, что съ каждымъ днемъ стало оттуда къ этому времени притекать все болѣе охотниковъ; Замойскій образовалъ изъ нихъ особый отрядъ и поручилъ надъ онымъ начальство Томашу Дрогоевскому, старостѣ Перемышльскому, своему кровному родственнику; всѣ эти войска имѣли убранство, одежду и оружіе, отличные отъ другихъ, ибо все было темнаго траурнаго цвѣта въ знакъ двойной печали ихъ полководца, который лишился жены своей Христины Радзивиловой и единственной отъ нея своей дочери; уже тѣмъ самымъ эти войска особенно выдавались изъ среды прочихъ.

Накалунѣ выступленія короля изъ Чашниковъ, когда истекалъ послѣдній срокъ, назначенный имъ московскимъ гонцамъ въ Вильнѣ для прибытія новыхъ пословъ, съ величайшею поспѣшностью дѣйствительно прибылъ къ королю гонецъ отъ Московскаго царя и не подождавъ пышнаго торжественнаго платья, которое выдавалось исполнявшимъ посольскія обязанности изъ московской казны, и теперь слѣдовало за нимъ съ остальнымъ обозомъ, боясь пропустить срокъ, явился къ королю, вопреки посольскимъ обычаямъ своего народа, въ обыкновенномъ платьѣ, и бивъ челомъ, отдалъ королю грамоту слѣдующаго содержанія. Такъ какъ царь видитъ, что невозможно склонить короля прислать къ нему пословъ для мира, то онъ самъ, ради сохраненія

1580. согласія, измѣняя праву и обычаю какъ своихъ предковъ, такъ и своему собственному, посылаетъ уполномоченныхъ своихъ, наиболѣе сановныхъ людей, и они прибудутъ къ 5-му или въ крайнемъ случаѣ 16-го августа, и потому онъ просилъ, чтобы король подождалъ ихъ въ Вильнѣ, ибо на основаніи обычая, вошедшаго въ употребленіе съ давнихъ временъ, онъ не желаетъ, чтобы его послы имѣли аудіенцію у короля въ какомъ либо иномъ мѣстѣ, а не въ самой столицѣ Польскаго королевства или Великаго Княжества Литовскаго [1]). На это ему былъ посланъ отвѣтъ, что король до сихъ поръ напрасно ожидалъ посольства, которое, какъ другой предъидущій гонецъ увѣрялъ, должно было отправиться въ наискорѣйшемъ времени; что по многимъ причинамъ уже невозможно дать имъ аудіенцію въ Вильнѣ, между прочимъ потому, что онъ слишкомъ уже далеко отъѣхалъ отъ Вильны на пути къ своимъ войскамъ; съ ними онъ двинется, куда ему заблагоразсудится, такъ какъ не можетъ содержать войско внутри своихъ границъ, не нанося большаго ущерба своимъ подданнымъ; однако, если послы московскіе прибудутъ къ нему въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, то онъ терпѣливо выслушаетъ то, что они скажутъ [2]). Отправивъ гонца съ такимъ отвѣтомъ, король на слѣдующій день выѣхалъ изъ лагеря при Чашникахъ и осмотрѣлъ Лепель, потомъ Улу, ближайшія крѣпости, для того, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли ихъ теперь укрѣпить или разрушить, а войску, по указанному раньше маршруту, приказалъ двигаться на Ви-

[1]) Разумѣется посольство гонца Өедора Шишмарева, который былъ присланъ *подъ Чашники на Щудутъ* къ королю и долженъ былъ извѣстить объ отправленіи изъ Москвы великаго посольства—князя Сицкаго съ товарищами и о невозможности для нихъ прибыть на рубежъ ранѣе 6-го августа или даже 15-го. Листъ на имя короля, отправленный съ Шишмаревымъ, и содержащій требованіе о пріемѣ имѣющаго прибыть посольства въ Вильнѣ, писанъ въ Москвѣ 2-го іюля, и находится въ Литовск. Метрикѣ подъ № 43.

[2]) Отпись короля на грамоту, присланную съ Шишмаревымъ, помѣчена *22-мъ іюля въ землѣ Полоцкой*: Литовск. Метрик. II, № 44. *Карамз.* т. IX, стр. 182. *Соловьевъ* т. VI, стр. 324.

тебскъ и черезъ два дня самъ вернулся къ нему уже въ другой лагерь. Въ этотъ день была привезена другая грамота отъ Московскаго царя къ королю, такого же почти содержанія, какъ и послѣднее письмо, т. е. что Московскій царь отправляетъ пословъ съ большимъ полномочіемъ для переговоровъ о мирѣ, и проситъ, согласно обычаю предковъ, выслушать ихъ въ Вильнѣ; если же это не можетъ быть допущено, то пусть онъ ожидаетъ ихъ по крайней мѣрѣ на своихъ границахъ [1]). 1580

И на это письмо отвѣчали, что когда придутъ послы, то король посмотритъ, что они будутъ говорить; если они предложатъ справедливыя и законныя условія, то даже во время самаго разгара войны будетъ время для заключенія вѣрнаго и честнаго мира, а теперь король пойдетъ съ войскомъ дальше; пусть царь рѣшаетъ, какъ ему распорядиться со своимъ посольствомъ; король же можетъ обѣщать ему одно то, что всегда будетъ у него время выслушать его пословъ и ихъ рѣчь, если она будетъ основательна, куда бы они ни явились [2]). Къ грамотѣ на имя короля Московскій царь присоединилъ другое письмо къ тому гонцу, который былъ у короля въ Чашникахъ и, хотя нѣкоторые говорили, что его нужно распечатать, но король отослалъ къ непріятелю, не распечатавъ его [3]). Въ этомъ лагерѣ и затѣмъ во многихъ другихъ ближайшихъ король ежедневно совѣщался относительно направленія военныхъ дѣйствій. По его мнѣнію, не должно было

[1]) При отправленіи Шишмарева, Іоаннъ еще не зналъ о движеніи Баторія въ Московскіе предѣлы; узнавъ о движеніи короля изъ Вильны въ Чашники, онъ снова писалъ къ нему, убѣждая его воротить войска на границы и ожидать посольства, уже отправившагося изъ Москвы, либо въ Вильнѣ, либо «гдѣ велитъ у себе нашимъ посломъ быти».—Эта грамота, данная въ Москвѣ 19-го іюля, была отправлена изъ Смоленска съ боярскимъ сыномъ Легково, который долженъ былъ вручить ее Өедору Шишмареву, а этотъ послѣдній—королю. Метрика Лит. II, № 45.

[2]) Этого отвѣта Баторіева нѣтъ въ печатной Литовской Метрикѣ.

[3]) Этого документа также нѣтъ въ числѣ изданныхъ. Вѣроятно, Шишмаревъ уже уѣхалъ, когда пришло посланіе къ королю и письмо къ нему.

1580. оставлять въ рукахъ врага двухъ непріятельскихъ крѣпостей, приходящихся въ тылу, если стать у Великихъ Лукъ—Велижа у рѣки Двины и Усвята у рѣки того же названія—тѣмъ болѣе, что онъ уже раньше желалъ подчинить своей власти всю Двину. Полагая, что прежде всего нужно взять Велижъ, какъ болѣе укрѣпленный городъ и во всѣхъ отношеніяхъ имѣющій болѣе важное значеніе, онъ отправилъ туда Замойскаго съ большой частью войска. Къ отряду Замойскаго, который онъ, какъ выше было сказано, привелъ съ собою, король присоединилъ отряды изъ польскихъ и венгерскихъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, а также и нѣмецкихъ всадниковъ вооруженныхъ карабинами, и въ томъ числѣ Георгія Фаренсбека (Farensbekius), маршалка Датскаго короля, прибывшаго въ то же время къ королю съ нѣкоторымъ числомъ германскихъ всадниковъ и пѣхотинцевъ ради желанія послужить своему отечеству, Ливоніи.

Литовцы требовали, чтобы это дѣло (осада Велижа) поручено было имъ. На это рдугая сторона возражала, что такъ какъ нѣтъ на лице польскаго гетмана, то литовскій долженъ оставаться при королѣ; что же касается до польскаго гетмана, то обычаемъ предковъ установлено такъ, что высшая военная власть должна принадлежать (великому) гетману, а вся гражданская юрисдикція при особѣ королевской должна находиться въ рукахъ великаго маршалка короннаго, въ случаѣ же отсутствія гетмана маршалкъ принимаетъ на себя его обязанности въ лагерѣ; должность же канцлера заключается въ томъ, что онъ предсѣдательствуетъ въ радѣ, въ судахъ, вводитъ пословъ и представляетъ королю о просьбахъ и заслугахъ отдѣльныхъ лицъ; къ канцлеру же, въ случаѣ отсутствія маршалка, переходитъ и вся власть послѣдняго. Что же касается до должности польнаго гетмана, то послѣдняя не такого рода, чтобы можно было ее сравнивать съ указанными выше должностями, ибо будучи введена сначала частнымъ образомъ самими великими

гетманами, она и теперь замѣщается на основаніи рекомендаціи этихъ гетмановъ. 1580.

Споры прекратились вслѣдствіе того, что дѣло не терпѣло отлагательства, а между тѣмъ тѣ изъ литовскаго войска, которые должны были идти туда, еще не прибыли, Замойскій же имѣлъ свое войско наготовѣ, при томъ снабженное рѣшительно всѣмъ необходимымъ для похода. Предвидя трудности, могущія встрѣтиться на походѣ въ данной мѣстности, Замойскій взялъ съ собою значительное число плотниковъ и другихъ мастеровъ, пригодныхъ на войнѣ, и значительное число полевыхъ орудій; кромѣ того заготовилъ значительное количество пороху, провіанта и фуража; все это онъ заранѣе распорядился изъ Книшинскаго староства свезти въ одно мѣсто и теперь отправилъ впередъ внизъ по рѣкѣ Нѣману въ Ковно, оттуда вверхъ по рѣкѣ Виліи въ Михалишки, изъ Михалишекъ же по сухому пути въ Поставу, оттуда въ Дисну и наконецъ по рѣкѣ Двинѣ въ Витебскъ.

Въ то же самое время пришли къ королю безъ всякихъ опредѣленныхъ порученій, только ради шпіонства, послы отъ паши Темесварскаго; ибо когда военный кличъ распространился по всей Венгріи и по сосѣдству производилась вербовка Венгровъ, то онъ сталъ опасаться, не имѣло ли это какой нибудь другой цѣли, кромѣ той, о которой носились слухи. Замойскій, прибывъ въ Витебскъ, пробылъ тамъ два дня и въ это время собралъ туда все войско; здѣсь онъ издалъ распоряженія, относившіяся къ соблюденію военной дисциплины и предосторожностей на походѣ и узаконилъ ихъ письменно. Въ то же время онъ послалъ впередъ вмѣстѣ съ другимъ тяжелымъ военнымъ снарядомъ вверхъ по рѣкѣ Двинѣ пушки, полученныя отъ короля. Для прикрытія транспорта, онъ приказалъ идти съ лѣвой стороны Стефану Лазарю съ венгерскою конницей, надъ которой тотъ начальствовалъ, смотрѣть же за пушками и остальными военными снарядами было поручено Станиславу

1580. Костке Кульмскому (Хельминскому). Надъ передовымъ отрядомъ онъ поставилъ начальникомъ Луку Дзялынскаго, старосту Ковальскаго и Бродницскаго, своего родственника. Ему далъ въ помощники Николая Уровецкаго, который, получивъ сначала военное образованіе при его отцѣ, за тѣмъ по приказанію его самаго въ прошломъ походѣ находился подъ начальствомъ Мелецкаго съ отрядомъ всадниковъ; теперь же, замѣтивъ мужество его при встрѣчѣ съ какою бы то ни было опасностію, и готовность его переносить всякіе воинскіе труды, Замойскій приказалъ ему находиться при себѣ. Онъ предписалъ имъ держаться на походѣ такого порядка, чтобы идти впереди остальнаго войска на извѣстномъ разстояніи. Самъ Замойскій шелъ посрединѣ съ остальнымъ войскомъ, взявъ къ себѣ намѣстникомъ Станислава Жолкѣвскаго, впослѣдствіи воеводу Бельзскаго, который и раньше, подъ начальствомъ Николая Сенявскаго, воеводы Русскаго, въ Подоліи командовалъ войскомъ противъ Татаръ въ качествѣ намѣстника.

За нимъ слѣдовали обозы, и эта часть войска составляла гораздо большее затрудненіе, чѣмъ всѣ остальныя по той причинѣ, что, при множествѣ телѣгъ и службъ, безъ которыхъ войско не можетъ обойтись въ опустошенныхъ странахъ, онѣ обыкновенно между собою путаются и мѣшаются, а это обстоятельство по необходимости сильно задерживаетъ движеніе. Замойскій избѣжалъ этого затрудненія тѣмъ, что весь обозъ раздѣлилъ на три ряда: въ какомъ порядкѣ и куда двигались отдѣльные полки или отряды, въ такомъ порядкѣ и туда же онъ приказалъ двигаться и обознымъ рядамъ, смотря по принадлежности каждаго изъ нихъ. Для защиты каждаго ряда телѣгъ съ фронта и съ тыла назначался надлежащій отрядъ пѣхоты, а для того, чтобы тѣмъ ревностнѣе сохранялся такой порядокъ и чтобы повозки во время выступленія обозовъ не перепутывались, постоянно отряжались по двое попеременно наблюдать за этимъ. Испытавъ придуманное имъ средство еще сначала при движеніи

къ Витебску, Замойскій рекомендовалъ его начальникамъ этихъ рядовъ. Самый послѣдній рядъ такимъ образомъ двигавшихся обозовъ замыкали отборнѣйшія роты пѣхотинцевъ и на самомъ концѣ нѣсколько эскадроновъ всадниковъ. На поляхъ, гдѣ шло войско, уже поспѣлъ хлѣбъ, а главнымъ образомъ въ изобиліи находилось сѣно. Но Замойскій, зная, что за нимъ пойдетъ по той же дорогѣ и король съ остальнымъ войскомъ, раздѣлилъ всю землю, по которой шелъ, на опредѣленныя доли, изъ которыхъ съ одной онъ позволилъ войску, бывшему съ нимъ, сжать хлѣбъ, остальныя приказалъ оставить не тронутыми для шедшаго позади ихъ другаго войска; это приказаніе было съ точностью исполнено солдатами. Въ тотъ же день, въ который тронулся Замойскій, королю, прибывшему въ Витебскъ, представились литовскія войска, какъ получавшія жалованье, такъ и добровольныя, при томъ въ такомъ количествѣ и вооруженіи, что никто не могъ догадаться о потеряхъ ихъ прошлаго года; вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ былъ смотръ и нѣкоторымъ польскимъ войскамъ, пришедшимъ тогда въ первый разъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей королевства, которыя также были двоякого рода: наемныя и охочія. 1580.

Между тѣмъ Замойскій, построивъ скоро мостъ чрезъ рѣку Касплю, прибылъ въ Суражъ, самый крайній городъ королевскихъ владѣній. Здѣсь онъ остановился на одинъ день, въ ожиданіи прибытія орудій, которыя медленно слѣдовали вверхъ по рѣкѣ Двинѣ, и чтобы дать отдыхъ отъ похода солдатамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посовѣтоваться о дальнѣйшемъ пути.

Полагаютъ, что Велижъ былъ нѣкогда весьма многолюднымъ городомъ и получилъ названіе отъ величины; доказательствомъ прежняго величія служатъ еще до сихъ поръ слѣды громадныхъ рвовъ, указываемыхъ жителями.

Подъ литовскою властію въ этихъ мѣстахъ были только села; а когда князь Московскій, воспользовавшись моментомъ, пока короли Польскіе были заняты въ другомъ мѣстѣ, поко-

*

1580. рилъ подъ свою власть эту область, то сохранивъ древнее названіе Велижа, онъ воздвигъ здѣсь крѣпость, которая должна была угрожать витебскому гарнизону; за тѣмъ, по сю сторону Двины, на которой расположены Велижъ и Витебскъ, также позднѣе основанный Суражъ, не желая оставлять ее открытою, Москвитяне, какъ это дѣлали и въ другихъ мѣстахъ, нарочно дали разростись непроходимымъ лѣсамъ; ибо у нихъ такой обычай, что они, оставляютъ землю, сосѣднюю съ непріятелемъ на протяженіи нѣсколькихъ миль вполнѣ не воздѣланной и необитаемой; частыя деревья, которыя по необходимости выростаютъ на свободной почвѣ, и густые лѣса за тѣмъ образуютъ нѣкотораго рода оплотъ противъ непріятеля; и они (считаютъ) себя въ безопасности отъ вражескихъ набѣговъ, какъ скоро со всѣхъ сторонъ окружаютъ себя насколько возможно безплодными пустырями.

Во время Сигизмунда Августа Стефанъ Збаражскій, въ то время воевода Витебскій, теперь Трокскій, желая предупредить непріятеля, наскоро укрѣпилъ мѣстечко Суражъ; онъ опасался, чтобы непріятель не овладѣлъ устьями рѣкъ Усвячи и Каспли, впадающихъ здѣсь въ Двину, для постройки укрѣпленій съ цѣлію соединенія областей Смоленской и Лукской, такъ какъ эти рѣки текутъ въ Двину съ противоположныхъ сторонъ: Усвяча со стороны Великихъ Лукъ, а Каспля со стороны Смоленска. Суражъ находится какъ бы на самой опушкѣ вышеупомянутаго лѣса.

Предъ Замойскимъ лежали двѣ дороги по тому или другому берегу рѣки Двины. Онъ видѣлъ, что если онъ пойдетъ по той сторонѣ, то ему придется переправляться черезъ рѣку два раза и строить второй мостъ при Велижѣ, какъ бы въ виду непріятеля; съ другой стороны изъ разспросовъ онъ узналъ, что второй путь не только представляетъ трудности для движенія, но что даже и одному человѣку съ трудомъ можно пройдти по той дорогѣ, что никто послѣ князя Витовта въ

продолженіе 160 лѣтъ не проводилъ тутъ войска. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ идти по этой послѣдней дорогѣ; самъ вступилъ въ лѣсъ и осмотрѣлъ мѣста, по которымъ нужно было проложить путь; пославъ туда нѣсколько ротъ пѣхотинцевъ, онъ приказалъ однимъ рубить лѣсъ топорами, а желѣзомъ прокладывать дорогу, остальнымъ быть наготовѣ для защиты занятыхъ работой и раздѣлить между собой очереди работы и караула. **1580.**

Работа представляла много трудностей; ибо нужно было сперва вырубать деревья, которыя на почвѣ плодородной въ продолженіи столькихъ лѣтъ разрослись очень сильно и убирать срубленныя бревна съ прокладываемой дороги. За тѣмъ слѣдовалъ другой трудъ не меньшій перваго: такъ какъ мѣста были по большей части пересѣченныя оврагами и болотистыя, то приходилось наводить мосты или же уравнивать почву настилкою изъ деревьевъ и хворосту. Тѣмъ не менѣе, благодаря замѣчательному рвенію солдатъ и начальника ихъ Николая Уровецкаго, въ тотъ день была проложена дорога на 20 миль, на слѣдующій день войско, отправясь по ней, дошло до мѣста, называемаго Верховьемъ, гдѣ нѣкогда находилось село; въ такомъ же разстояніи оно было и отъ Велижа (т. е. 20 миль).

Даже и теперь казаки называютъ ближайшее къ Верховью мѣсто мостомъ Витовта, такъ какъ они слышали по разсказамъ, что Витовтъ, построивъ мостъ, нѣкогда провелъ тутъ войска. На этомъ самомъ мѣстѣ и Замойскій быстро устроилъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ мостъ чрезъ огромнѣйшее болото; а на слѣдующій день, немного подвинувшись дальше, такъ какъ движенію препятствовали частые холмы, онъ расположился съ соблюденіемъ величайшей тишины въ 10 миляхъ отъ Велижа, не позволяя никому отлучаться съ мѣста даже ради фуража; ибо онъ рѣшился на слѣдующій день напасть на крѣпость [1]).

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 3, стр. 144, пр. 259.

1580. Тутъ встрѣтилось еще новое препятствіе; непріятель нашелъ нужнымъ укрѣпить эту мѣстность ради ея близости къ крѣпости особеннымъ образомъ: подсѣкши деревья, поваливъ ихъ съ противуположной стороны и перепутавъ ихъ между собой, за тѣмъ нагромоздивъ сверху еще другія, онъ оградилъ себя на разстояніи нѣсколькихъ тысячь шаговъ засѣками болѣе надежными, чѣмъ какая бы то ни была стѣна; самый лѣсъ почти не пропускавшій свѣта, и среди бѣлаго дня возбуждалъ въ тѣхъ, кто вступалъ въ него, такой же страхъ, какъ ночью. Замойскій второй разъ далъ работу пѣхотѣ—расчистить дорогу. Въ тотъ же день онъ выслалъ впередъ Никиту и Бирулу (Birulla), извѣстныхъ казацкихъ атамановъ, въ предшествовавшіе дни совершившихъ набѣгъ на Смоленскую область, и теперь явившихся къ войску, для того, чтобы они длиннымъ обходомъ за рѣку Двину заняли дорогу, идущую къ Лукамъ.

Послѣдніе захватили на дорогѣ знатнаго московскаго человѣка, Кудряваго, вышедшаго изъ крѣпости съ двумя провожатыми, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ казаками, другой успѣлъ спастись. Приведенный на слѣдующій день въ лагерь, плѣнный сообщилъ, каковъ гарнизонъ въ Велижѣ, и что до гарнизона уже дошелъ слухъ о какомъ-то отрядѣ казаковъ, но ничего неизвѣстно о близости большаго войска. Узнавъ это и оставивъ на мѣстѣ всѣ обозы подъ защитой надежныхъ небольшихъ отрядовъ пѣхоты и конницы, Замойскій, выславъ впередъ траурную пѣхоту и полкъ Выбрановскаго, самъ съ остальною пѣхотою быстро прошелъ къ опушкѣ лѣса у самаго Велижа. Мѣстность эта по природѣ была такова, что, еслибы непріятель, узнавъ о приходѣ Замойскаго, вздумалъ преградить ему доступъ, то расположивъ незначительный отрядъ солдатъ внутри лѣса и тамъ и здѣсь на окраинахъ, очень легко могъ бы достигнуть своей цѣли; и съ другой стороны, если приходъ его какъ нибудь еще остался неизвѣстнымъ непріятелю, то Замойскій могъ легко ворваться въ крѣпость чрезъ оставленныя безъ стражи ворота

и неожиданно захватить ее. Но едва только онъ вышелъ изъ лѣса, какъ непріятель далъ знать о его приходѣ выстрѣломъ изъ пушки, и въ тотъ же моментъ принявъ всѣхъ жителей предмѣстій въ крѣпость, зажегъ вокругъ лежащія строенія. Тѣмъ не менѣе Замойскій распорядился, чтобы поднявъ военный кликъ, всадники и пѣшіе быстрымъ нападеніемъ окружили укрѣпленіе. 1580.

Велижъ простирается на довольно обширное пространство и укрѣпленъ 9-ю башнями: съ юга и востока онъ омывается рѣкою Двиною, съ сѣвера—какимъ то ручьемъ, впадающимъ тамъ же внизу крѣпости чрезъ озеро въ рѣку Двину; кромѣ того со всѣхъ сторонъ и въ особенности съ запада онъ окруженъ очень глубокими рвами. Расположившись лагеремъ съ сѣверной стороны, Замойскій приказалъ Венгерцамъ проводить окопы отъ верхней части Двины; ниже ихъ помѣстилъ въ центрѣ Поляковъ; Уровецкому съ траурною пѣхотою приказалъ наблюдать на западной сторонѣ, за Двиною; противъ Лукъ, расположилъ на стражѣ казаковъ. Когда послѣ нѣсколькихъ дней быстрой работы шанцы были готовы, онъ началъ стрѣлять изъ пушекъ въ стѣны. Мѣткость выстрѣловъ нашихъ пушекъ, какъ потомъ узнано было отъ плѣнныхъ и по самымъ поломаннымъ непріятельскимъ орудіямъ, была замѣчательна, такъ что ни одно почти ядро не пропало безъ того, чтобы не испортить что либо у непріятельскихъ орудій. Затѣмъ Борнемиссѣ, котораго Замойскій поставилъ начальникомъ надъ венгерскими окопами, вздумалось попробовать каленыя ядра, и вотъ со стороны венгерскихъ окоповъ былъ возбужденъ пожаръ, но тотчасъ же и былъ потушенъ; когда же Уровецкій сталъ дѣлать то же самое, то часть разрушеннаго моста, которая оставалась при воротахъ, была сожжена черными солдатами. Въодно время съ этимъ сталъ замѣтенъ довольно высоко подымающійся дымъ съ двухъ противоположныхъ башенъ. Когда это было замѣчено, то осажденные сдались безъ дальнѣйшаго сопротивленія. Они

1580. и безъ того были перепуганы неожиданностью прихода нашихъ войскъ съ той стороны, съ которой они считали себя въ полной безопасности; послѣ того, какъ нами были быстро пройдены столь дремучіе лѣса, показалось, что для нихъ уже нѣтъ ни въ чемъ защиты, и нѣтъ ничего непреодолимаго для нашихъ войскъ; точно также они были поражены и тою быстротою, съ которой окончены были нашими солдатами всѣ работы, наконецъ тою опасностью, которая теперь для нихъ возникла отъ пожара. Московиты, огорченные завоеваніемъ Полоцка и боясь подобной же участи и для другихъ крѣпостей, которыя всѣ были деревянныя въ сторонѣ къ Литвѣ, распорядились покрыть стѣны ихъ дерномъ, и теперь это очень вредило имъ, потому что, благодаря вышесказанному распоряженію, ядра, пробившись черезъ дернъ, наложенный не довольно толсто по причинѣ торопливой работы, проникали въ стѣну и тѣмъ глубже тамъ засѣдали, такъ что уже не представлялось никакой возможности тушить ихъ.

Провіанту, фуража, пороху и военныхъ снарядовъ было найдено въ этомъ городѣ такъ много, что, не смотря на то, что отсюда было надѣлено все наше войско, еще осталось всего столько, сколько нужно было для гарнизона. Король рѣшилъ оставаться въ Суражѣ, куда онъ прибылъ въ это время, пока не будетъ оконченъ мостъ на Двинѣ и пока онъ не узнаетъ объ исходѣ Велижской осады. Когда пришло извѣстіе отъ Замойскаго о взятіи крѣпости и присланы были начальники, которые тамъ находились, то король тѣмъ болѣе былъ тому радъ, что судьба ничѣмъ не испортила этого подарка, такъ какъ крѣпость, которую онъ въ особенности желалъ получить въ цѣлости, на самомъ дѣлѣ не потерпѣла никакого вреда. Лишь только устроенъ былъ извѣстнымъ образомъ мостъ изъ лодокъ, король поспѣшно отправился осмотрѣть Велижъ и затѣмъ снова вернулся въ Суражъ.

Около того же времени была доставлена отъ Московскаго

царя грамота, въ которой онъ слишкомъ униженъ для того, 1580.
чтобы такое смиреніе можно было считать искреннимъ, извѣщалъ, что онъ самъ противъ обыкновенія своего и своихъ предковъ уже отпустилъ пословъ съ надлежащимъ наказомъ, который можетъ повести къ сокращенію недоразумѣній; и такъ какъ всегаки могло случиться, что онъ до сихъ поръ не понималъ ясно намѣреній короля, вслѣдствіе чего можетъ быть предлагаемыя условія еще не во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворятъ короля, то онъ проситъ, чтобы или король самъ яснѣе выразилъ свое мнѣніе относительно оныхъ письменно, или поручилъ бы посламъ сдѣлать это; особенно просилъ Московскій царь о томъ, чтобы прежде чѣмъ выслушать пословъ, король отвелъ свое войско внутрь границъ и удерживался отъ всѣхъ непріязненныхъ дѣйствій по отношенію къ его подданнымъ. Въ концѣ письма онъ отвращалъ короля отъ жестокихъ мѣръ, приводя въ доказательство нѣсколько мѣстъ изъ св. писанія, по своему обычаю и по своей всегдашней наклонности хвалиться болѣе знаніемъ писанія, чѣмъ стараніемъ соблюдать оное [1]). Видя, что Московскій царь упорно держится такого же притворства, какое раньше обнаруживалъ, король тотчасъ переправилъ по тремъ мостамъ все войско на другой берегъ Двины.

На слѣдующій день, когда онъ находился уже въ дорогѣ, снова было вручено ему письмо Московскаго царя такого содержанія: послы его ѣдутъ съ величайшею поспѣшностью, пусть подождетъ ихъ прихода, пусть не думаетъ, что какая-нибудь трехдневная отсрочка принесетъ его дѣламъ большой вредъ [2]). Короля, не желавшаго нисколько уменьшить свою обык-

[1]) Листъ этого содержанія, данный въ Москвѣ 2-го августа 1580 г., былъ присланъ въ Оршу, а изъ Орши доставленъ къ королю подъ Суражъ: онъ находится въ Метрикѣ Литовск. II, № 46. Отписъ на него Стефана Баторія писанъ въ Суражѣ 10-го августа. Метрика Литовск. II, № 47.

[2]) Этотъ второй листъ отъ 5-го августа и отписъ на него Баторія также находятся въ Метрикѣ Литовск. II, № 48 и 49.

1580. новенную скорость, задерживало неудобство пути, такъ какъ Московиты такимъ же образомъ, какъ то было указано выше, на пространствѣ почти 120 миль отъ Лукъ по направленію къ Литвѣ развели самые густые лѣса.

Такимъ образомъ и здѣсь были тѣ же лѣсистыя мѣстности, едва проходимыя для одного человѣка, при томъ, вслѣдствіе многочисленныхъ повсюду разбросанныхъ болотъ, по большей части до того топкія, что лошади только съ трудомъ проходили по нимъ. Къ этому присоединилось еще то, что, по истребленіи всѣхъ пастбищъ, какія только тутъ были, передними отрядами, у болѣе значительной части войска чувствовался сильный недостатокъ сѣна. На походѣ соблюдался такой порядокъ, что въ первомъ отрядѣ шли Литовцы подъ предводительствомъ Виленскаго воеводы и его сына Христофора, польнаго гетмана, а за нимъ слѣдовалъ кастелянъ Гнѣзненскій Иванъ Зборовскій, гетманъ надворнаго войска, прибывшій въ это время къ королю. За послѣднимъ шла какъ конница, такъ и пѣхота венгерская. За ними слѣдовалъ самъ король съ отборнымъ войскомъ и со своею дворцовой свитой, которою командовалъ въ этотъ походъ Альбертъ Радзивилъ, надворный маршалкъ; за королемъ—Иванъ Збаражскій, воевода Брацлавскій, съ польскою конницей; аріергардъ замыкалъ Николай Сенявскій, воевода Русскихъ войскъ, присоединившихся также къ королю, такъ какъ по усмиреніи Татаръ не ожидалось со стороны ихъ никакой тревоги; пушки же и другіе военные снаряды вмѣстѣ съ тѣми, которые Замойскій отправилъ королю послѣ взятія Велижа, шли къ рѣкѣ Усвячѣ вверхъ противъ теченія. Такъ какъ Литовцы, находившіеся въ первомъ отрядѣ, двигались впередъ слишкомъ медленно, то король послалъ впередъ 300 человѣкъ отборныхъ изъ венгерской пѣхоты, для того, чтобы поскорѣе разсчистить дорогу вмѣстѣ съ Литовцами, и когда дорога была ими исправлена очень скоро, то первымъ прибыло къ Усвяту войско Литовцевъ 15-го августа, а король остано-

вился въ 10 миляхъ отъ него. Усвятъ, будучи расположенъ на небольшомъ холмѣ между двумя озерами и рѣкою Усвячею, съ запада ограничивается озеромъ Узмень (Usmeniana), съ востока другимъ, называемымъ то же Усвятъ, съ юга рѣкою того же названія, которая протекая по тому и другому озеру вливается въ Двину при Суражѣ. Юрій Соколинскій вмѣстѣ съ Литовцами началъ, по приказанію Виленскаго воеводы, вести шанцы по направленію къ крѣпости. **1580.**

Когда къ нему присоединились и Венгерцы, то въ одну ночь, благодаря удивительному старанію ихъ, проведенъ былъ ровъ близко къ воротамъ на разстояніи полета стрѣлы, такъ что на противуположной башнѣ, вслѣдствіе непрерывной ружейной пальбы, уже нельзя было держаться; находившіеся въ крѣпости, устрашенные однимъ именемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приходомъ короля, о присутствіи котораго они догадались по широкому пространству, занимаемому его лагеремъ, такъ какъ съ крѣпости открывался видъ на всѣ внизу расположенные поля, въ тотъ же день сдались. Король, направясь отъ Усвята къ Лукамъ, вначалѣ снова встрѣтился съ такими же неудобными дорогами, съ непрерывными и, какъ мы выше указали, весьма густо заросшими и нарочно перепутанными лѣсами, при этомъ еще съ топкой и весьма затруднительной для прохода почвой. Потомъ дорога стала нѣсколько болѣе удобною и представляла сухую и почти песчаную почву. Однако повсюду, какъ обыкновенно по мѣстамъ невоздѣланнымъ и безлюднымъ, войско терпѣло большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Король оставилъ при пушкахъ, которыя слѣдовали отъ Усвята по сухому пути довольно медленно, Николая Сенявскаго съ русскими войсками; этимъ приходилось терпѣть тѣмъ больше, чѣмъ медленнѣе они шли, по причинѣ находившихся при нихъ обозовъ. Однако потомъ имъ доставили нѣкоторое облегченіе собственныя суда Замойскаго; не имѣя возможности вести ихъ за собою дальше, онъ отпустилъ ихъ въ Усвятъ, нагрузивъ

1580. провіантомъ и фуражемъ. Въ то же время Вольминскій, посланный впередъ къ Лукамъ Христофоромъ Радзивиломъ, завязалъ въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ города перестрѣлку съ передовыми постами непріятеля и взявъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Такъ какъ мостъ, которымъ войско пользовалось для переправы черезъ рѣки въ другихъ случаяхъ, былъ у короля, то Замойскій переправилъ всѣ войска, бывшіе съ нимъ при Велижѣ съ помощью плота, на какомъ, какъ мы указывали, переправлено было войско при Соколѣ. Было также сказано, что въ Велижѣ Замойскій отпустилъ суда, на которыхъ подвозили провіантъ, отъ войска въ Усвятъ; вслѣдствіе того произошло, что новобранцы и тѣ, которые недавно поступили въ военную службу по доброй волѣ, но не имѣли большой опытности въ военномъ дѣлѣ, считая себя лишенными той опоры, на которую преимущественно надѣялись, испугавшись вмѣстѣ съ тѣмъ трудностей дороги и громадныхъ лѣсовъ, по которымъ, какъ слышали, ихъ поведутъ, почти совершенно упали духомъ, а очень многіе разбѣжались въ разныя стороны. Замойскій, подвергнувъ тяжкому наказанію двухъ-трехъ такихъ дезертировъ, легко удержалъ отъ бѣгства остальныхъ.

Они шли по военной дорогѣ, ведущей отъ Смоленска въ Луки, держась въ отношеніи къ королю праваго фланга; такъ какъ Московскій царь по этой дорогѣ обыкновенно также водилъ свои войска, которыя, какъ выше было указано, всегда собирались въ Лукахъ, то на всемъ протяженіи ея были устроены мосты изъ огромныхъ и очень толстыхъ бревенъ; тѣмъ не менѣе, такъ какъ большая часть изъ этихъ мостовъ вслѣдствіе ветхости уже испортилась, то нужно было употребить не малый трудъ войску для ихъ исправленія.

У Лукъ и на лугахъ Ораненскихъ стояло карауломъ нѣсколько эскадроновъ Ногайскихъ Татаръ, которыми предводительствовалъ Уланецкій, происходившій изъ рода татарскихъ

князей и родившійся въ Москвѣ. Раньше Хилковъ ихъ высылалъ въ Велижъ при первомъ слухѣ объ осадѣ его нашими. Прибывъ въ Боброѣдово, въ 50 миляхъ (50.000 шагахъ) отъ Велижа, уже послѣ покоренія этой крѣпости Замойскимъ, и узнавъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла, они направились назадъ къ Торопцу и рѣшили наблюдать за нашимъ войскомъ по дорогѣ. **1580**.

Король писалъ Замойскому, чтобы тотъ какъ можно скорѣе соединился съ нимъ; когда, вслѣдствіе того, Замойскій повернулъ со Смоленской дороги влѣво, то Татары уже бывши однажды отброшены съ фронта у рѣки Полоны, снова появились, надѣясь, что, слѣдя за арріергардомъ, они будутъ имѣть возможность перехватывать тѣхъ, которые бы сколько нибудь стали отставать. Но не взирая на то, что войска шли въ томъ порядкѣ, какъ выше было указано, что отборнѣйшіе полки и нѣсколько эскадроновъ взадниковъ замыкали арріергардъ, Замойскій приказалъ также и казакамъ, всякій разъ, какъ представится возможность, располагаться за войскомъ въ засадахъ для того, чтобы перенимать тѣхъ, которые бы пошли по слѣдамъ войска. И вотъ, казаки, бывшіе подъ командой Винцентія, разъ сдѣлали это, между тѣмъ какъ наше войско только что развертывало свой строй, выступая изъ лѣсу на какое то поле; Уланецкій, со своими Татарами, завидя знамена, пошли сзади: самъ онъ выступивъ впередъ другихъ, сталъ убѣждать своихъ слѣдовать за нимъ, и въ то самое время наткнулся на казаковъ, былъ ими окруженъ и взятъ въ плѣнъ; остальные Татары, убѣжавъ, скрылись въ лѣсу. Расположившись у Ораненскихъ луговъ въ разстояніи отъ остальнаго войска приблизительно на пять миль (5.000 шаговъ), Замойскій тотчасъ прибылъ къ королю. Радзивилъ выслалъ впередъ изъ литовскаго войска развѣдчиковъ къ Лукамъ; послѣдніе, дойдя до рѣки Ловати, не имѣя путеводителя, который указалъ бы имъ бродъ, не могли добраться до крѣпости. Между тѣмъ Московиты,

1580. бывшіе въ крѣпости, улучивши возможность, отправили какого то Дмитрія, который проживши долго въ Литвѣ, въ то время перебѣжалъ изъ нашего войска въ Луки, съ грамотой къ своему государю и извѣщали его о прибытіи королевскаго войска и о томъ, что уже наканунѣ нѣкоторые отряды стали появляться при окопахъ. Когда все войско было переведено въ открытое мѣсто чрезъ густыя дремучія лѣса, то каждому казалось, что уже не мало сдѣлано для достиженія главной цѣли, и что открытъ входъ какъ бы ко всему Московскому государству. Всѣмъ было ясно, что если бы Московиты вздумали воспрепятствовать движенію нашего войска, то ранѣе могли бы безъ всякаго труда во многихъ мѣстахъ задержать его даже при помощи незначительнаго отряда; и что, отрѣзавъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, въ виду такихъ непроходимыхъ лѣсовъ, среди которыхъ наше войско оставалось въ продолженіи двадцати дней, они могли нанести намъ большую непріятность. Рѣшивши идти прямо къ крѣпости, король высылалъ впередъ Замойскаго разсмотрѣть положеніе и природу мѣстности.

Великія Луки, т. е. какъ бы большіе луга, получили свое названіе отъ своей обширности и населенности, а также отъ веселаго и пріятнаго вида хорошо воздѣланныхъ окрестныхъ полей. Крѣпость стоитъ на небольшомъ холмѣ, окруженномъ почти со всѣхъ сторонъ озеромъ, которое въ свою очередь окаймляется отовсюду весьма глубокимъ рвомъ; нижнюю часть крѣпости съ юга и запада, съ той единственной стороны, гдѣ отступаетъ озеро, омываетъ рѣка Ловать; между озеромъ и ея берегами находится одна только узкая тропинка, извивающаяся вдоль крѣпости и самой рѣки; крѣпость въ то время была окружена весьма высокимъ валомъ, который не давалъ видѣть подходившимъ къ ней не только кровель частныхъ домовъ, но даже верхушекъ храмовъ, весьма тамъ многочисленныхъ.

Къ этимъ укрѣпленіямъ, благодаря стараніямъ какого-то

Нѣмецкаго мастера, были придѣланы многія башни, съ знаніемъ дѣла расположенныя одна отъ другой на извѣстномъ разстояніи; самую крѣпкую и самую обширную онъ поставилъ съ фронта, простирающагося на востокѣ между озеромъ и рѣкой. Всѣ эти башни покрыты очень толстымъ дерномъ, большая въ ширину почти на 25 футовъ. Рѣка Ловать, вытекая изъ какого то озера выше Озерища, касается, какъ сейчасъ было указано, крѣпости съ юга; затѣмъ, повернувши къ сѣверу, оставивъ крѣпость и раздѣливъ городъ на двѣ части, течетъ прямо въ Ильменское озеро, подъ Новгородъ; тамъ, перемѣнивши свое названіе на имя Волхова, вливается въ Финскій заливъ и это-то удобное сообщеніе по рѣкѣ преимущественно и обогатило Луки. За пять дней до того, какъ король придвинулъ къ городу лагерь, тамошній гарнизонъ, снеся прежде всѣ вещи, по обыкновенію своему, въ крѣпость, предалъ пламени большой городъ на обширное пространство по обоимъ берегамъ рѣки, прилегавшей къ крѣпости, не смотря на то, что онъ былъ защищенъ деревянными стѣнами, башнями и довольно обширными рвами. 1580.

Взявъ съ собою значительный отрядъ конницы и пѣхоты и нѣсколько лучшихъ военныхъ людей, Замойскій, дойдя до дороги, ведущей къ Торопцу и во внутрь Московской области, снова свернулъ съ нея къ крѣпости и показался Москвитянамъ. Непріятели, увидѣвши его и сначала принявъ за войска свои, идущія изъ Торопца, выступили изъ крѣпости, но потомъ, разсмотрѣвъ ближе знамена, очень быстро вернулись назадъ; однако, при этомъ нѣкоторые изъ нашихъ, и въ томъ числѣ Фаренсбекъ, бросившись впередъ, настигли ихъ и перебили нѣсколько человѣкъ. Обозрѣвъ тщательно со всѣхъ сторонъ мѣстоположеніе, Замойскій вернулся къ королю. Онъ раньше приказалъ напередъ нѣкоторымъ другимъ изъ войска слѣдовать за собою съ тѣмъ, чтобы они, пройдя по иной дорогѣ, встрѣтились съ нимъ на той, по которой онъ пойдетъ. Москвитяне, завидя съ высокаго пункта своей крѣпости, что тѣ перешли рѣку,

1580. устроили съ той стороны засаду, и бывшіе въ засадѣ воины поднялись такъ быстро, что Иванъ Борнемисса, венгерскій вождь, отличавшійся необыкновенною храбростью, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, бросивши свою одежду, такъ какъ непріятель наложилъ уже на него въ толпѣ руки, а конь его завязъ въ трясинѣ.

Хотя Московскій царь и подозрѣвалъ, что король скорѣе всего обратится на Смоленскъ, однако онъ не совсѣмъ оставилъ безъ вниманія и эту сторону; онъ стянулъ къ Торопцу войска подъ начальствомъ Хилкова: будетъ-ли нападеніе направлено на Смоленскъ или на Луки, онъ долженъ былъ идти туда, гдѣ будетъ нужна его помощь. Ему дано было приказаніе во всякомъ случаѣ уклоняться отъ битвы, а стараться только захватывать одиночныхъ людей, отдѣлившихся отъ войска или бродящихъ по полямъ. Въ самыхъ Лукахъ онъ поставилъ начальникомъ князя Ѳедора Оболенскаго Лыко (Theodorus Obalensscius Licovus) съ главной властью; подъ нимъ—Михаила Кашина (Michaeles Chascinus) и Аксакова; а такъ какъ, повидимому, этимъ своимъ воеводамъ, которыхъ самъ поставилъ, онъ не вполнѣ довѣрялъ въ дѣлѣ сохраненія крѣпости и войска, то въ эти же дни послалъ туда Ивана Воейкова (Johannes Voejcovum), своего главнаго постельничаго, чтобы онъ наблюдалъ за Лыко и остальными въ крѣпости, а Дементія Черемисинова (Dementius Ceremissa) для наблюденія за Хилковымъ, находившимися въ то время при войскѣ [1]).

Разсмотрѣвъ природу мѣстности, какъ она была описана выше, король приблизился къ крѣпости съ южной стороны, тамъ гдѣ она омывается рѣкою, ведя войско, выстроенное въ совершенномъ порядкѣ подъ знаменами, а Замойскій подошелъ съ другой стороны съ остальными отрядами, весьма широко раскинутыми. Видъ цѣлаго войска, приближавшагося въ

[1]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр. 184.

одно время и развернутаго на столько боевыхъ отдѣловъ, представлялъ непріятелю страшную картину. 1580.

На другой день пришли въ лагерь послы московскіе, когда еще не было сдѣлано противъ крѣпости никакихъ окоповъ. Прибывъ изъ Смоленска въ Суражъ, такъ какъ Суражъ составлялъ границу владѣній короля, они объявили тѣмъ, которые были посланы имъ на встрѣчу для того, чтобы по обычаю провожать ихъ, что они не желаютъ ѣхать дальше и что не могутъ править свое посольство во владѣніяхъ своего государя. Когда Поляки отвѣтили, что это вполнѣ зависитъ отъ ихъ воли, и что сами они возвратятся между тѣмъ къ королю, а имъ никто не мѣшаетъ, если они желаютъ, вернуться къ своему государю, тогда послы стали просить своихъ провожатыхъ, чтобы потащили ихъ въ такомъ случаѣ силою; но ихъ предложеніе было встрѣчено смѣхомъ, и при этомъ объяснено, что никто не сдѣлаетъ имъ никакого насилія, и что пусть они сами принимаютъ какое имъ угодно рѣшеніе. Въ концѣ концевъ они поѣхали дальше, забавнымъ образомъ заявляя, что дѣлаютъ это, вынужденные насиліемъ. Когда они 31-го августа получили аудіенцію, то повторили тоже, что и раньше говорили; объявили, что не могутъ говорить ни о чемъ, если король не отведетъ сперва все войско за границы [1]).

Отвергнувъ столь безразсудное посольство, король на томъ же самомъ засѣданіи приказалъ Замойскому привести въ исполненіе то, что было условлено относительно приступа. Тогда же вернулся въ лагерь Дробицкій. Будучи раньше посланъ Радзивиломъ къ Торопцу, онъ наткнулся на конный от-

[1]) Рѣчь идетъ о посольствѣ князя Сицкаго и думнаго дворянина Пивова; вѣрющая грамота, данная имъ 24 іюля въ Москвѣ, напечатана въ Метрикѣ Литовской II, № 53, и въ современной приппскѣ къ ней о *представленіи* пословъ разсказано тоже самое, что у Гейденштейна, а въ заглавіи день представленія обозначенъ 29-мъ августа. Другія подробности о поведеніи Поляковъ съ послами до прибытія къ королю см. *Соловьева* Т. VI, стр. 326. *Карамз.* IX, стр. 184 и примѣч. 545.

1580. рядъ, удаленный отъ остальнаго войска. Когда отрядъ этотъ предался сну, выставивъ небольшое число караульныхъ, то Литовцы съ такою стремительностью напали на послѣднихъ, что преслѣдуя затѣмъ бѣгущихъ, успѣли захватить отрядъ соннымъ, и прежде чѣмъ тѣ могли опомниться или взяться за оружіе, однихъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ, остальныхъ обратили въ бѣгство. Замойскій между тѣмъ перевелъ имѣвшіяся у него войска сперва по мосту чрезъ рѣчку, составляющую притокъ Ловати, хотя не очень глубокую, но особенно затруднительную по топкости своего дна, подъ частыми выстрѣлами непріятеля, достигавшими того мѣста; потомъ по двумъ бродамъ чрезъ Ловать ниже крѣпости и черезъ ручей, протекавшій со стороны крѣпости; и затѣмъ укрѣпилъ лагерь, по обыкновенію польскому, телѣгами, помѣщенными кругомъ его. Къ войскамъ, имѣвшимся уже у Замойскаго, король назначилъ еще остальную пѣхоту, польскую и венгерскую. Венгерцы тотчасъ переправились съ Иваномъ Борнемиссою и Стефаномъ Карломъ, заступившемъ мѣсто Михаила Вадаши (Michael Vadascius) и, занявъ мѣстность по направленію къ западу, послали къ Замойскому спросить, куда онъ прикажетъ имъ идти. Желая угождать иностранцамъ болѣе, чѣмъ прочимъ, онъ объявилъ имъ, что позволяетъ имъ самимъ выбрать себѣ мѣстность; но они снова предоставили это его усмотрѣнію; тогда думая, что всего болѣе имъ нравится то мѣсто, на которомъ они остановились, Замойскій приказалъ имъ удержать за собой именно это мѣсто и отъ него вести окопы къ крѣпости, назначивъ Борнемиссѣ завѣдывать артиллерійскимъ дѣломъ.

Разсчитывая на то, что и польская пѣхота скоро должна подойдти, онъ разставилъ посты и у нижней части рѣки, гдѣ прежде былъ городъ, для того, чтобы и съ этой также стороны вести рвы и окопы. Но такъ какъ часть людей онъ отпустилъ уже рубить прутья для шанцевыхъ плетней, а съ другой стороны необходимо было оставить достаточное число ротъ для

охраны обозовъ, которыхъ онъ не успѣлъ перевести въ тотъ же день, и такъ какъ сверхъ того остальная пѣхота польская запоздала, то вслѣдствіе всего этого только немногіе могли заняться работами. Тѣмъ не менѣе въ ту ночь они сдѣлали больше, чѣмъ можно было отъ такого числа людей требовать. Между тѣмъ, когда нѣкоторые новобранцы изъ среды ихъ пе совсѣмъ осторожно стали бродить внизу крѣпости, то на слѣдующій день Москвитяне сдѣлали противъ нихъ вылазку, и прежде чѣмъ можно было имъ подать помощь, одних изъ нихъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ; отнявъ сверхъ того военное королевское знамя, которое слишкомъ медленно несъ знаменоносецъ, они поспѣшно вернулись въ крѣпость. Немного спустя послѣ того прибыли и остальныя войска съ обозами и вся польская пѣхота; тогда, окончивъ очень быстро работу, въ слѣдующую же ночь Поляки и Венгерцы поставили пушки. 1580.

Въ эту же ночь Замойскій предпринялъ прорыть промежутокъ, который, какъ мы сказали, находился между рѣкою Ловатью и небольшимъ озеромъ къ востоку. Такъ какъ это озеро представляло для крѣпости родъ рва, то Замойскій полагалъ, что если его отвести, то войску гораздо удобнѣе будетъ идти на приступъ по сухимъ рвамъ. Надъ всею арміей польской и надъ траурными полками онъ поставилъ начальникомъ Николая Уровецкаго. Кромѣ того онъ еще условился съ нѣкоторыми вельможами, чтобы, въ случаѣ его отъѣзда на другія работы, они попеременно смотрѣли за окопами. Жребій палъ тогда на Петра Клочевскаго, Завихвостскаго кастелана; какъ человѣкъ, любившій военное дѣло, онъ лично отправился къ шанцамъ (окопамъ) подъ частыми выстрѣлами изъ пушекъ, которые непрерывно направлялись изъ крѣпости на занятыхъ работою, и погибъ, пораженный пулею. Самъ король, перешелъ чрезъ Ловать, чтобы посмотрѣть на осадныя работы; видя, что ядра не могутъ проникнуть черезъ толстый и свѣжій дернъ, онъ посовѣтовалъ Замойскому не давать тратить времени на бро-

1580. саніе ядеръ. Вслѣдствіе этого Венгерцы стали направлять свои выстрѣлы на другой пунктъ, именно противъ башенокъ (pinnacula), или бойницъ, изъ которыхъ непріятель давалъ направленіе своимъ пушкамъ, расположеннымъ по валу, и тотчасъ эти бойницы загорѣлись. Хотя огонь дальше не шелъ, такъ какъ по сожженіи сказанныхъ бойницъ, онъ тотчасъ прекратился, достигнувъ земляной насыпи, тѣмъ не менѣе Венгерцы, завидѣвши пожаръ, тотчасъ составивъ отрядъ, подошли къ валу и оставались тамъ довольно времени, пока наконецъ непріятели, собравшись съ духомъ, сбѣжались, чтобы ихъ прогнать. Затѣмъ видя, что ничто изъ того, для чего они пришли на то мѣсто, имъ не удается, ночью они снова вернулись чрезъ озеро къ своимъ окопамъ.

Между тѣмъ послы, бывшіе въ лагерѣ, устрашенные этимъ пожаромъ, снова стали просить, чтобы ихъ допустили къ королю, и это имъ было позволено; но такъ какъ уже пожаръ прекратился, то они, повидимому, опять освободились отъ страха; принявъ опять такой же, какъ прежде, лицемѣрный образъ дѣйствій, они сначала стали предлагать королю Курляндію и Ригу, потомъ къ нимъ присоединяли Полоцкъ, наконецъ за плѣнныхъ давали Усвятъ и Озерище; изъ всѣхъ этихъ мѣстъ только Озерище одно находилось во власти Московскаго царя. [1]) Послѣ многихъ преній за и противъ, результатъ былъ тотъ, что они де надѣются, что ихъ государь можетъ ради мира согласиться на болѣе справедливыя условія, если имъ будетъ позволено отправить гонца къ нему съ письмомъ объ этомъ дѣлѣ и при этомъ пусть самъ король выскажетъ письменно, что онъ не

[1]) Послы Іоанна во второй разъ представлялись Баторію подъ Великими Луками 2-го сентября (Метрика Литовск. II, стр. 106) и потребовали возвращенія Полоцка, а также обязательства со стороны короля не вступать въ землю Курляндскую и Ливонскую, ссылаясь на свои инструкціи, а затѣмъ въ переговорахъ съ панами рады, что имъ по ихъ желанію было дозволено, сдѣлали тѣ уступки, о которыхъ говоритъ Гейденштейнъ.

доволенъ условіями, предложенными чрезъ пословъ, а въ это **1580.**
время пусть прекратитъ осаду. Нѣкоторые сенаторы литовскіе старались уговорить короля согласиться на эти предложенія, такъ какъ до сихъ поръ, повидимому, всѣ попытки не приводили ни къ чему, и имъ казалось, что всѣ невыгоды войны преимущественно падаютъ на ихъ страну, служащую главнымъ для нея базисомъ, что всякая опасность къ нимъ всего ближе, а въ случаѣ взятія крѣпости на нихъ болѣе всѣхъ падетъ тягость защиты ея, ибо они понимали, что удерживать ее будетъ весьма трудно при сосѣдствѣ со столькими непріятельскими гарнизонами и вслѣдствіе большихъ лѣсовъ, расположенныхъ со стороны Литвы. Хотя король готовъ былъ скорѣе рѣшиться на все, чѣмъ оставить осаду, однако, уступая настоятельнымъ требованіямъ ихъ, призвалъ Замойскаго, находившагося тогда при окопахъ и ревностно занимавшагося осадными работами, чтобы узнать отъ него о положеніи осады, какъ того требовали Литовцы.

Пригласивъ на совѣщаніе двухъ первѣйшихъ литовскихъ сенаторовъ, онъ объявилъ имъ, чего требуютъ послы; сенаторы спросили Замойскаго, чего можно обѣщать себѣ относительно успѣха осады; если онъ не можетъ питать твердой увѣренности въ томъ, что овладѣетъ крѣпостью, то лучше было бы согласиться вслѣдствіе просьбы на то, что нужно будетъ сдѣлать съ гораздо большимъ безчестіемъ немного послѣ подъ гнетомъ трудныхъ обстоятельствъ. На это Замойскій отвѣчалъ, что ничего вѣрнаго въ такомъ вообще невѣрномъ дѣлѣ, каково военное счастіе, онъ обѣщать не можетъ; но что, полагаясь на умъ и счастье короля и на храбрость солдатъ, онъ все-таки питаетъ самыя лучшія надежды; что согласиться упустить настоящее время для осады—это привело бы не къ какому иному результату, какъ развѣ къ тому, что если есть теперь извѣстная возможность взять крѣпость, то послѣ не осталось бы никакой, такъ какъ при наступленіи осени подымутся обычныя этимъ

1580. странамъ бури и проливные дожди. Король держался того же мнѣнія, какъ и раньше, что не должно давать перемирія; но онъ согласился на то, что пусть каждая сторона ведетъ свое дѣло на томъ же основаніи, какъ и раньше, и пусть послы напишутъ между тѣмъ къ своему государю; къ ихъ письмамъ онъ прибавилъ свою грамоту, какъ просили послы, въ которой онъ назначалъ Московскому царю срокъ для отвѣта [1]). При этомъ онъ приказалъ Венгерцамъ подойти къ валу и, сдѣлавъ съ нижней части его подземный ходъ, положить въ него порохъ.

Итакъ, поспѣшно наведенъ былъ мостъ съ того мѣста, гдѣ озеро было болѣе узко, и въ одну ночь окончены были остальныя работы; на разсвѣтѣ былъ подложенъ порохъ, въ полдень былъ подожженъ, вслѣдствіе того занялась огнемъ башня, находившаяся съ той стороны, и развалепъ былъ дернъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнажилась стѣна больверка. Венгерцы подожгли его, а Москвитяне старались потушить распространившійся пожаръ; наши не прекращали непрерывной пальбы изъ пушекъ всякаго рода, а тѣ не оставляли своихъ попытокъ потушить пламя, не смотря на большой уронъ для себя,—пока наступившая ночь съ одной стороны отняла у нашихъ возможность употреблять въ дѣло ружья, а съ другой — дала врагамъ время потушить огонь.

Съ другой стороны непріятельскія укрѣпленія, которыя они провели, какъ указано было, чрезъ большой больверкъ, и заслонныя машины (шанцевыя корзины), за которыми они установили пушки, были сбиваемы съ вала посредствомъ сильнаго дѣйствія нашихъ пушекъ: пальба изъ нашихъ орудій произво-

1) Отправленъ былъ гонцемъ короля вмѣстѣ съ посланцомъ московскихъ пословъ дворянинъ Григорій Лозовицкій; отпись Баторія (отъ 5-го сентября), которую онъ долженъ былъ вручить Іоанну, содержитъ изложеніе предшествовавшихъ переговоровъ съ послами Сицкимъ и Пивовымъ и требованіе объ уступкѣ всей Ливоніи; опредѣленнаго срока для отвѣта въ ней не назначено. См. Метрика Литовск. II, № 54.

дилась безостановочно до тѣхъ поръ, пока почти всѣ машины **1580**.
были сброшены съ вала и непріятели и сами спрятались и спрятали также свои пушки.

Хотя, по мнѣнію многихъ, нужно было провести подкопъ къ больверку, но Замойскій не одобрялъ этого по той причинѣ, что, какъ онъ полагалъ, едва ли найдется мѣсто для подкопа на землѣ влажной и болотистой посрединѣ между рѣкой и озеромъ. Съ другой стороны онъ замѣтилъ, что этотъ больверкъ выступаетъ нѣсколько дальше, нежели остальныя башни, такъ что пушки съ другихъ больверковъ не могли направлять прямыхъ выстрѣловъ вдоль его фронта, а всѣ выстрѣлы, направляемые съ боковъ на эту часть, стали бы пролетать наискось; такимъ образомъ, еслибы войско подошло къ тому мѣсту, то пушки уже не могли бы вредить ему; а сверхъ того ему (Замойскому) казалось, что на землѣ, покрытой дерномъ, гораздо легче и удобнѣе будетъ посредствомъ заступовъ проложить дорогу къ башнѣ. Вслѣдствіе этого Замойскій приказалъ вести ровъ къ больверку; и за это дѣло ревностно взялся съ черными полками Лука Сирней (Luca Syrneus); когда онъ захотѣлъ было продвинуться нѣсколько далѣе, то ему помѣшали колья, множество которыхъ огромной величины непріятели вбили въ землю на значительномъ разстояніи предъ валомъ. На слѣдующій день, когда уже были сбиты машины и пушки непріятельскія, какъ это было выше сказано, нѣкоторые изъ нашихъ сговорились между собою, и не получивъ на то никакого приказанія, пробѣжали къ больверку и, подставивъ лѣстницы, стали влѣзать на валъ. Москвитяне частью отбросили ихъ съ фронта, а другую часть, старавшуюся прорваться чрезъ заднія ворота, выходившія съ востока къ рѣкѣ Ловати, окружили, при чемъ нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ, получившихъ тяжелыя раны, были тамъ оставлены.

Замойскій, занятый до того въ лагерѣ другимъ, узнавъ объ этомъ нападеніи нашихъ, тотчасъ вернулся къ окопамъ; когда

1580. онъ замѣтилъ упомянутыхъ раненыхъ, то вынувъ нѣсколько золотыхъ монетъ, запасъ которыхъ онъ всегда имѣлъ при орудіяхъ, чтобы наградами поддерживать бодрость въ новобранцахъ для ускоренія работъ, обѣщалъ извѣстное количество денегъ тѣмъ, кто принесетъ раненыхъ назадъ. Это было исполнено. Тогда Замойскій, чтобы съ легкой руки испытать свою удачу и въ томъ, что у него было на умѣ, далъ одному солдату кирку, и пообѣщавъ награду, объяснилъ чего хочетъ, и въ то же время, въ случаѣ удачнаго выполненія порученія, приказалъ другимъ быть готовыми послѣдовать за тѣмъ, пробѣжать къ нижнему рву и тамъ остановиться, ожидая сигнала.

Для противодѣйствія вылазкамъ непріятеля, Замойскій поставилъ Выбрановскаго, приказавъ ему съ нѣсколькими пищальниками подступить вдоль берега рѣки ближе къ больверку и къ заднимъ воротамъ, въ которыя непріятели могли сдѣлать вылазку; кромѣ того приказалъ Вейеру изъ-за окоповъ непрерывно стрѣлять изъ пушекъ на нападающихъ. Солдатъ, согласно приказанію Замойскаго, взялъ кирку, прошелъ черезъ ровъ внутри нашихъ шанцевъ до самыхъ указанныхъ нами кольевъ, оттуда съ необыкновенной скоростью пробѣжалъ среди непрерывныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ къ валу и, уже ставши около него внѣ выстрѣловъ непріятельскихъ пушекъ, началъ заступомъ срѣзывать дернъ. Непріятели выбѣжали съ противуположной стороны съ цѣлью его окружить. Тогда съ тыла у нихъ показался Выбрановскій, находившійся съ нѣсколькими пищальниками, какъ было сказано, у берега рѣки, и непріятель былъ отброшенъ, такъ какъ въ него стали непрерывно стрѣлять изъ пушекъ, направленныхъ противъ него со всѣхъ сторонъ изъ-за окоповъ.

Одинъ изъ нихъ Сабинъ Носовъ (Sabinus Noſsovus), отличавшійся среди Москвитянъ храбростію и причинившій нашимъ при осадѣ крѣпости Суши много вреда, былъ контуженъ двумя ядрами въ лобъ, пущенными со стороны стрѣлковъ Выбрановскаго и од-

нимъ, выпущеннымъ Вейеромъ, которое прошло предъ ногами 1580.
его; онъ былъ отнесенъ нашими къ ихъ стоянкѣ. Когда онъ пришелъ въ себя, то, будучи спрошенъ о положеніи крѣпости, сталъ говорить все такое, чтобы уменьшить у нашихъ надежду овладѣть ею; по его словамъ эта крѣпость не такова, чтобы можно было ее сравнить со взятыми нами прежде; она окружена весьма толстымъ валомъ, башни покрыты очень плотно дерномъ и безопасны и отъ пушечныхъ выстрѣловъ и отъ пожара; одинъ тотъ больверкъ самъ по себѣ похожъ на очень сильную крѣпость, каждая изъ его стѣнъ скрѣплена въ три ряда бревнами огромной величины, онъ покрытъ очень толстымъ дерномъ; нельзя даже подвести подъ него подкопъ, ибо это болотистое мѣсто сыро, да и фундаментъ этого больверка составленъ изъ самыхъ крѣпкихъ балокъ и огромныхъ цѣльныхъ камней.

Все это еще болѣе укрѣпляло Замойскаго въ его намѣреніи. Онъ видѣлъ, что хорошо, что раньше не пошелъ на крѣпость подкопомъ, и соображалъ, что чѣмъ большее количество дерева собрано въ одно мѣсто, тѣмъ скорѣе можно было произвести пожаръ, который приметъ тѣмъ большій размѣръ. На слѣдующій денъ онъ приказалъ провести другой ровъ вдоль рѣки, гдѣ прежде стоялъ Выбрановскій; размѣстилъ въ немъ засаду для защиты отъ непріятельскихъ вылазокъ и переправилъ черезъ рѣку пушки, поставивъ ихъ противъ заднихъ воротъ. При этомъ онъ приготовилъ раньше съ помощью Станислава Костки огромное количество дровъ, покрылъ ихъ паклей и облилъ сѣрой и смолой для произведенія предполагаемаго имъ пожара; по окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій, онъ весьма рано утромъ послалъ еще одного человѣка, такимъ же образомъ, какъ прежде, давъ ему заступъ; за нимъ тотчасъ выслалъ въ помощь другихъ, такъ что съ постепеннымъ умноженіемъ числа направлявшихся туда солдатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ ускореніемъ работы открыто было отверстіе въ дернѣ, спо-

1580. собное вмѣстить по крайнѣй мѣрѣ 30 человѣкъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ они добрались самой башни. На счастье, съ давнихъ поръ тутъ находилось окно, которое только засыпано было землей. Черезъ это окно Москвитяне отгоняли нашихъ ружьями, а наши съ своей стороны также Москвитянъ, и при этомъ бросали черезъ него зажженныя принесенныя съ собою дрова, и когда Москвитяне начали наконецъ дѣйствовать черезъ окно копьями, то наши стали хватать и вырывать ихъ. Между тѣмъ Замойскій удалился на короткое время къ другому лагерю и, боясь, чтобы не сдѣлали бы чего не такъ, запретилъ на время своего отсутствія подкладывать огонь для произведенія пожара.

Когда онъ узналъ, что огонь уже пускается въ ходъ, тотчасъ снова поспѣшилъ туда, и видя, что дѣло дошло до того, что нужно имъ воспользоваться поскорѣе, ободривъ воиновъ, приказалъ подбросить туда въ возможно большомъ количествѣ заранѣе уже приготовленныя смолистыя деревья. При этомъ дѣлѣ отличились необыкновеннымъ рвеніемъ какъ многіе другіе изъ шляхты, такъ особенно Христофоръ Розражевскій, староста Ленчицкій, который при самомъ первомъ появленіи огня, въ отсутствіе Замойскаго, пробѣжавъ до крайняго рва и палисада изъ кольевъ, смѣло идя на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, весьма много способствовалъ дѣлу.

Однако и Москвитяне не падали духомъ при столь великой опасности и мокрыми кожами и всевозможными другими способами боролись противъ огня. Не смотря на огромное количество пылавшихъ смолистыхъ деревьевъ, которыя непрерывно въ продолженіи цѣлаго дня были туда бросаемы, однако до сихъ поръ не видно было огня; на совѣщаніи по этому поводу были высказаны различныя мнѣнія, при чемъ нѣкоторые полагали, что нужно еще попробовать дѣйствовать подкопомъ; но Замойскій, хотя вслѣдствіе неудачнаго результата приступа въ этотъ день и мучился сомнѣніями, однако объявилъ, что онъ

еще не потерялъ совершенно имѣвшейся у него надежды на возбужденіе пожара; вѣдь и маленькая искорка, говорилъ онъ, можетъ обратится въ большой пожаръ; а при такой массѣ горючихъ веществъ и смолистыхъ подобнаго свойства деревъ никакъ не обойдется безъ нея; если теперь это и не удастся, то онъ прикажетъ во всякомъ случаѣ на слѣдующій день снова подложить огонь и между тѣмъ заранѣе приготовитъ все съ большою тщательностью. **1580.**

Венгерцы требовали произвести нападеніе съ другой стороны, гдѣ имъ былъ открытъ доступъ къ валу.

Такъ какъ мѣсто это было высоко и круто, то Замойскій объявилъ имъ, что доложитъ о томъ королю, между тѣмъ на всякій случай сталъ объяснять, каковъ долженъ соблюдаться порядокъ при нападеніи, если король найдетъ нужнымъ испробовать ихъ планъ. Въ это время Москвитяне, видя, что они находятся въ такой съ обѣихъ сторонъ опасности, поставили противъ входа много пушекъ, боясь, что Венгерцы вторгнутся черезъ него, съ другой стороны всевозможными способами противодѣйствовали пожару. Тѣмъ не менѣе не представлялось вообще никакого способа тушить его, потому, что всякій, лишь только входилъ въ башню, чтобы потушить пламя, тотчасъ лишался жизни отъ смрада и дыма.

Чѣмъ дольше огонь былъ сдерживаемъ, тѣмъ большую онъ принялъ силу и около 2-й стражи огромная масса пламени стала прорываться черезъ дернъ; поднявшійся пожаръ уничтожилъ храмъ Спасителя, находившійся всѣхъ ближе къ больверку и отсюда распространившись по верхушкамъ кровель, началъ истреблять остальныя частныя строенія. Зная о близости непріятельскаго войска, Замойскій тотчасъ усилилъ караулы другими новыми, прибавленными изъ войска, размѣстилъ всадниковъ на окопахъ Венгерцевъ и Поляковъ; въ срединѣ лагеря приказалъ всѣмъ быть на лошадяхъ и, оставивъ тамъ Станислава Жолкѣвскаго, самъ отправился къ венгерскимъ окопамъ.

1580. Въ то же время, желая пощадить жизнь столькихъ людей и для того, чтобы огонь не уничтожилъ укрѣпленія, пушки и другіе военные снаряды, наконецъ и ту добычу, которая должна была достаться войску, Замойскій сталъ склонять Москвитянъ къ сдачѣ. Осажденные, видя свое крайнее положеніе, отправили къ Замойскому для переговоровъ знатнѣйшаго служителя церкви, но предлагали при этомъ такія условія, какъ будто дѣла ихъ имѣли блестящій видъ. Задержавъ у себя епископа, Замойскій отправилъ къ нимъ Павла Юлана (Paulus Julanus) съ Иваномъ Христофоромъ Дрогоевскимъ объяснить имъ, въ какомъ положеніи находятся ихъ дѣла и что только одно можетъ быть условіе сдачи—поручить себя милости короля. Въ это время, на разсвѣтѣ, прибылъ король и часть сенаторовъ изъ верхняго лагеря. Собралось также въ надеждѣ на добычу значительное число маркитантовъ и служителей при обозѣ и уже часть изъ нихъ устремилась на валъ. Видя это, то есть, что люди, не участвовавшіе ни въ трудахъ, ни въ опасностяхъ осады, сбѣгаются для добычи, Венгры пришли въ ярость, ворвались въ крѣпость и перебили здѣсь всѣхъ безъ разбора; они говорили, что должно наконецъ наказать непріятеля за его жестокость и свирѣпость и кровью его смыть раны столькихъ сотоварищей и многихъ другихъ людей, замученныхъ въ весьма жестокихъ и мучительныхъ истязаніяхъ; и то уже изъ-за пустаго состраданія ихъ слишкомъ часто до сихъ поръ щадили; войско, которое было отпущено при завоеваніи Полоцка, было распредѣлено по другимъ крѣпостямъ Сушѣ, Велижу и Усвяту, а черезъ это могущество непріятеля только усиливалось и возрасла его жестокость. Также поступили и польскіе солдаты. Замойскій отправилъ людей, чтобы привести воеводу и первѣйшихъ начальниковъ. Они привели трехъ начальниковъ и въ томъ числѣ Ивана Воейкова, о коемъ раньше было сказано. Когда Замойскій сталъ слишкомъ прилежно распрашивать его, какъ человѣка, пользовавшагося большимъ расположеніемъ у князя и знавшаго о

всѣхъ его тайныхъ намѣреніяхъ, тотъ по обычаю московскому 1580.
подумалъ, что его станутъ пытать и казнить и потому, когда его увели дальше съ глазъ Замойскаго къ лагерю, то онъ, увидя по близости Георгія Фаренсбека, съ которымъ у него было знакомство раньше въ Москвѣ, бросился къ нему умолять его о жизни. Венгерскіе солдаты, считая это бѣгствомъ, тотчасъ на него напали и, такъ какъ никто не имѣлъ силы помочь ему, изрубили его [1]). Уже огонь дошелъ до погребовъ, гдѣ хранился порохъ; чуя эту опасность, нѣкоторые изъ нашихъ удалились, а другіе не желая отстать отъ грабежа и убійства, даже въ опасномъ положеніи остались въ крѣпости; и вотъ вдругъ со страшнымъ трескомъ вспыхнулъ порохъ, причинивъ страшную гибель и сосѣднимъ строеніямъ и людямъ, какъ нашимъ, такъ и взятымъ въ плѣнъ. Отъ этого огня вмѣстѣ съ тѣмъ частію сгорѣли, частію испорчены были пушки и все находившееся въ крѣпости оружіе, большое количество котораго Москвитяне снесли туда, изъ Ливонской добычи пропали военные снаряды и вся остальная добыча. Изъ большихъ пушекъ была пощажена огнемъ одна только съ изображеніемъ ястреба, и еще нѣсколько меньшихъ, находившихся около, которыя непріятель, разломавъ зданія, поставилъ на болѣе низкомъ мѣстѣ противъ пролома, гдѣ намѣрены были ворваться Венгры.

Мертвыхъ, которыхъ лежали повсюду огромныя кучи, король приказалъ похоронить маркитантамъ, засыпать рвы, которые были вырыты во время осады—солдатамъ. За тѣмъ, видя, что никоимъ образомъ нельзя безъ этой крѣпости удержать въ своей власти взятую у непріятеля страну, король рѣшилъ употребить самое большее стараніе, чтобы возобновить и укрѣпить оную.

И такъ, посовѣтовавшись съ архитекторами, итальянцемъ Доминикомъ Родольфиномъ Камериномъ (изъ Камерина), онъ

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 184, пр. 544.

1580. раздѣлилъ эту работу на томъ же основаніи, какъ это раньше дѣлалъ, между Поляками, Венгерцами и Литовцами, полагая, что вслѣдствіе народнаго соревнованія тѣмъ скорѣе она будетъ окончена. Непріятельское войско, какъ мы сказали выше, находилось при Торопцѣ, оно, какъ ему было приказано, не пыталось вступать въ битву; оно сторожило только отдѣльныхъ людей, нельзя-ли будетъ захватить кого, удалившагося отъ войска ради отысканія хлѣба либо сѣна, пока король былъ занятъ осадой Лукъ; такимъ образомъ было захвачено около 50 человѣкъ нашихъ.

Такъ какъ король полагалъ, что, по окончаніи осады, нужно воспрепятствовать этому, то сперва отправилъ противъ непріятеля Георгія Барбелія (Georgius Barbelius), начальника эскадрона венгерскихъ всадниковъ, присоединивъ къ нему нѣсколько польскихъ и венгерскихъ всадниковъ и пищальниковъ. Потомъ рѣшивъ, что лучше послать значительное войско, которое бы при первой возможности, данной непріятелями, могло вступить въ сраженіе и попытать счастья, при удобномъ случаѣ, отправилъ Ивана Збаражскаго, воеводу Брацлавскаго, съ отборнѣйшими всадниками польскими, венгерскими и нѣмецкими. Ему онъ приказалъ, взявъ къ себѣ Георгія Барбелія и всадниковъ, вышедшихъ раньше, приступить ближе къ крѣпости и завязать битву, если представится къ тому удобный случай. Отправившись изъ лагеря вечеромъ и идя непрерывно всю ночь, Збаражскій на слѣдующій день догналъ Барбелія; посовѣтовавшись съ нимъ и Фаренсбекомъ, котораго отправилъ захворавшій въ это время Замойскій съ отборной молодежью изъ своей дружины, онъ, давъ отдохнуть въ теченіи дня обознымъ лошадямъ отъ труда, приказалъ къ ночи Альберту Киралію (Albertus Kiralius) съ надлежащимъ числомъ польскихъ и венгерскихъ всадниковъ выступить впередъ при второй смѣнѣ, а Барбелію идти за нимъ съ отрядомъ всадниковъ на разстояніи одной мили; самъ же слѣдовалъ съ остальными войсками. Выступивъ

впередъ, Киралій наткнулся на непріятельскій караулъ, и преслѣдовалъ его до самаго моста, около котораго расположилось 1580.
въ засадѣ нѣсколько непріятельскихъ пищальниковъ; отбросивъ ихъ, онъ не рѣшился дальше идти вслѣдствіе темной ночи, и остановился въ этомъ мѣстѣ. Утромъ послѣдовалъ за нимъ Барбелій и спустя немного остальное войско. Послѣ того какъ присоединилось еще нѣсколько солдатъ легкаго вооруженія, Киралій снова былъ посланъ впередъ.

Въ это время непріятель, выбравъ изъ всего войска 4.000 человѣкъ, которые должны были мѣшать преслѣдованію со стороны нашихъ, а затѣмъ и сами идти вслѣдъ за главными силами, началъ отступать къ Торопцу по направленію къ Московской области. Узнавъ о приближеніи нашего войска, сейчасъ означенный задній отрядъ испугался, движеніе его сдѣлалось точно также непрерывнымъ и скорымъ, такъ что все это вмѣстѣ казалось похожимъ скорѣе на бѣгство. Впереди нашего войска шли около 40 всадниковъ изъ шляхты, которые уже успѣли присоединиться къ Киралію. Непріятель переправился черезъ рѣку и построивъ войско въ боевой порядокъ, казалось ждалъ, что наши станутъ переправляться, чтобы вступить съ ними въ битву; онъ оставилъ тысячу всадниковъ по сю сторону рѣки, чтобы удерживать нашихъ и привлечь къ своему мѣсту.

Послѣдніе, то задирая, то отступая, завлекли нашихъ къ рѣкѣ, на противоположномъ берегу которой размѣщенъ былъ длинный рядъ пищальниковъ. Послѣ того какъ они были отброшены Станиславомъ Сабоцкимъ (Stanislaus Sabocius) и нѣмецкими всадниками, служившими подъ его начальствомъ, наши переправились черезъ рѣку и, прогнавъ непріятельскихъ пищальниковъ, напали съ фланга на непріятельское войско. Сначала непріятели готовились было къ сопротивленію; завидѣвши же потомъ приближеніе другихъ знаменъ и гораздо бо́льшаго войска, не выдержали даже и перваго натиска нашихъ;

1580. часть ихъ бросилась бѣжать въ Торопецъ, нѣкоторые по большой дорогѣ къ Москвѣ, другіе скрылись въ ближайшихъ болотахъ. Хотя уже наступала ночь, наши однако преслѣдовали непріятеля почти на протяженіи 15 миль за Торопецъ, и во время этого бѣгства умертвивъ ихъ болѣе 500 человѣкъ и взявъ въ плѣнъ 200 человѣкъ и между ними особенно знатныхъ, Дмитрія Черемисинова (Demetrius Ceremissinus), о коемъ выше было сказано, и Ивана Аѳонасьевича Нащокина (Iohannes Nassokinus), который, какъ выше упомянуто былъ отправленъ немного раньше ухода короля въ Вильну посломъ къ королю, возвратились къ войску, при чемъ изъ своихъ потеряно было или ранено немного [1]).

Торопецкіе гарнизонные солдаты, увидя, что наши подходятъ ближе, полагая, что они идутъ съ цѣлью ихъ осадить, тотчасъ, по своему обыкновенію, сожгли городъ и, взявъ съ собою все имущество, удалились въ крѣпость.

Между тѣмъ Филонъ Кмита, воевода Смоленскій, собравъ значительный отрядъ легко вооруженныхъ всадниковъ, сдѣлалъ вторженіе въ Смоленскую область и, подстрекаемый удачнымъ грабежомъ, прошелъ дальше къ Смоленску. Но, когда непріятели, собравъ около 10.000 человѣкъ войска, стали тѣснить его, то онъ, убивъ плѣнныхъ, бывшихъ при немъ и, оставивъ нѣсколько болѣе легкихъ пушекъ, принужденъ былъ вернуться въ Оршу [2]).

Въ то время, какъ король уже находился въ Усвятѣ, онъ отправилъ Николая Дорогостайскаго, Полоцкаго воеводу, для осады Невля, такъ какъ намѣренъ былъ идти назадъ отъ Лукъ по той дорогѣ, и Дорогостайскій самъ, а за него и Литовцы просили дать ему это порученіе. Городъ Невль, расположенный выше Лукъ по направленію къ Литвѣ и окруженный

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 185, пр. 546.
[2]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 185 пр. 547.

озеромъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка того же названія, уже 1580.
раньше былъ извѣстенъ битвой Поляковъ съ Русскими при Сигизмундѣ Августѣ. Въ сравненіи съ численностью гарнизона, число осаждающихъ было недостаточно; притомъ это были такіе, которые никогда не занимались до этого подобнаго рода военными дѣйствіями; они стали осаждать крѣпость на неудобномъ мѣстѣ съ той стороны, гдѣ озеро, омывая крѣпость, дѣлало приступъ болѣе труднымъ, а непріятель, презирая ихъ малочисленность, храбро защищался непрерывной стрѣльбой и вылазками; вслѣдствіе этого осада затянулась. Послѣ того, какъ Луки были покорены, король отправилъ туда сперва 500 человѣкъ изъ черныхъ, немного спустя и Ивана Борнемиссу (Ioh. Bornemissa) съ венгерскими полками и нѣсколькими болѣе тяжелыми пушками; наконецъ, безпокоясь объ исходѣ осады, такъ какъ намѣренъ былъ, какъ сказано, держать черезъ Невель свой обратный путь, приказалъ Замойскому отправиться туда съ имѣвшимися у него войсками. Послѣдній, пройдя уже нѣсколько миль, получилъ на дорогѣ извѣстіе о взятіи крѣпости.

Борнемисса, прибывъ туда въ то самое время, какъ непріятель дѣлалъ вылазку, разсчитывая на прежнюю незначительность нашихъ, вступилъ съ нимъ въ битву и перебивъ нѣсколькихъ, прогналъ врага внутрь укрѣпленій. Затѣмъ онъ продолжалъ вести обложеніе города еще съ большимъ рвеніемъ; съ той стороны, гдѣ открывается доступъ къ крѣпости съ твердой земли, онъ, при помощи усиленной работы солдатъ, провелъ траншеи какъ можно ближе къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, а старыя, начатыя литовскими солдатами, расширилъ. Придвинувшись такимъ образомъ, благодаря непрерывной работѣ своихъ солдатъ, къ самому рву, окружавшему крѣпость со стороны материка, онъ встрѣтился съ сильнымъ деревяннымъ тыномъ, скрѣпленнымъ поперегъ положенными бревнами. Непріятель укрѣпилъ такимъ образомъ окраину рва на 10 футовъ въ ширину снизу до самой верхушки, набросавъ сверху землю.

1580. Благодаря неустанному рвенію солдатъ, эта деревянная преграда была сломана топорами, и Борнемисса подошелъ въ такомъ молчаніи къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, что не былъ ими замѣченъ, пока солдаты, посланные зажечь стѣну, не подложили огня подъ нее. Непріятели были до того потрясены этимъ, что, не смотря на тщетное сопротивленіе начальниковъ, сдались и такимъ образомъ, лишь только потушенъ былъ пожаръ, городъ достался въ руки нашимъ не разрушеннымъ. Сообразно со способомъ взятія крѣпости, найдены были въ ней значительные запасы пушекъ и другихъ военныхъ орудій; пороха же найдено было не болѣе половины бочки, чего до сихъ поръ ни въ какой крѣпости не бывало, такъ какъ извѣстно какъ заботливо Москвитяне всегда снабжали свои крѣпости.

Король, получивъ это извѣстіе о сдачѣ и думая уже о своемъ отъѣздѣ и устроеніи положенія взятой области, вызвалъ обратно съ дороги Замойскаго. Теперь по близости выдавались двѣ крѣпости, Торопецкая и Заволочская, которыя могли мѣшать спокойному владѣнію всею этой областью.

Король понималъ, что, при нерасположеніи сельскаго населенія къ новой власти, при обширности пустынныхъ пространствъ со стороны Литовской, если онъ еще оставитъ въ рукахъ непріятеля Торопецъ и Заволочье, то и гарнизонъ, находящійся въ Лукахъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами и разнаго рода трудностями и отрѣзанъ отъ всякой помощи, можетъ подвергнуться большой опасности. Такъ какъ король помышлялъ уже о походѣ будущаго года, то кромѣ вреда, какой Заволочье можетъ нанести Лукскому гарнизону, оно получало важность и въ другомъ отношеніи; ибо эта крѣпость находится на островѣ того озера, изъ котораго вытекаетъ рѣка Великая, и эта послѣдняя, сначала направляясь къ Опочкѣ, за тѣмъ къ Острову и наконецъ прямо ко Пскову, впадаетъ ниже его въ озеро Пельбу (Pelba): слѣдовательно Заволочье расположено на такомъ мѣстѣ, отъ котораго идетъ главная дорога

ко Пскову, и, очевидно, можетъ послужить немаловажнымъ препятствіемъ при походѣ на Псковъ, что, повидимому, теперь стояло на очереди по самому ходу войны. **1580.**

Все это требовало тѣмъ бо́льшаго вниманія, что еслибы въ случаѣ новаго похода чрезъ непрерывные лѣса отъ Полоцка прямо къ Пскову, непріятель вздумалъ остановить Поляковъ на дорогѣ (что онъ до сихъ поръ упускалъ изъ виду), то Заволочье представляло бы къ тому большія для непріятеля удобства; а по завоеваніи Заволочья, по мнѣнію короля, ничего кромѣ Острова не встрѣтилось бы почти до самаго Пскова такого, что могло бы задержать его путь.

Этимъ соображеніямъ противопоставлялись съ одной стороны трудность взятія Заволочья, трудность, которую предполагали весьма великою, такъ какъ крѣпость эта, будучи окружена со всѣхъ сторонъ большимъ озеромъ, не представляла никакого доступа къ ней, за исключеніемъ только одного черезъ мостъ, а съ другой стороны—и самое время года, такъ какъ полагали, что уже съ октября мѣсяца въ этой мѣстности начнутся тѣмъ бо́льшіе дожди, бури и непогоды, чѣмъ меньше было дождя въ прошлое лѣто. Не смотря на это, король отправилъ Замойскаго, давъ ему полномочіе принять рѣшеніе сообразно съ обстоятельствами, и даже, если представится надежда овладѣть городомъ, придвинуть и войско; въ случаѣ же потери всякой надежды, онъ долженъ былъ вернуться, взявъ дорогу къ Литвѣ справа выше его. Увеличивъ число пушекъ, король присоединилъ къ войскамъ, которыя были у Замойскаго, еще 500 человѣкъ венгерской пѣхоты и отрядъ всадниковъ, находившійся подъ командою Бекеша, брата умершаго Гаспара.

Между тѣмъ, по завершеніи работъ по возстановленію крѣпости Лукской, во время которыхъ король, по своему обыкновенію, самъ присутствовалъ и убѣждалъ солдатъ не терять времени даромъ, ее снабдили пушками, провіантомъ и всѣмъ нужнымъ для защиты; отобраны были всадники и пѣхотинцы, ко-

1580. торые должны оставаться въ крѣпости; за тѣмъ король въ три перехода прибылъ въ Невель.

За королемъ послѣдовали въ Невель и московскіе послы, бывшіе сами очевидцами паденія Лукъ и ожидавшіе тогда отвѣта своего государя на письмо, раньше, какъ указано было, посланное. Король остановился въ Невлѣ на нѣсколько дней подождать исхода осады Заволочья. Въ это время возвратились гонцы короля и пословъ, отправленные въ Москву со времени осады Лукской. Посланецъ короля привезъ весьма длинную грамату, въ которой Московскій князь, по обыкновенію, повторялъ въ длинной рѣчи содержаніе всѣхъ прежнихъ писемъ; такъ какъ король требовалъ всей Ливоніи, то чтобы показать, по какому праву онъ владѣетъ ею, онъ выводилъ свой родъ отъ нѣкоего Святослава Мстиславовича; прежде чѣмъ послѣдній принялъ св. крещеніе, христіанскую вѣру, его называли де Юргомъ и этотъ Юргъ основалъ городъ (Horodum), который (городъ и крѣпость) Нѣмцы иначе называютъ Дерптомъ; чрезъ длинный рядъ преемства вся Ливонія досталась де ему, какъ единственному наслѣднику того Мстиславовича [1]).

Прежнихъ польскихъ королей Московскій царь обыкновенно называлъ братьями, Стефана же не иначе, какъ сосѣдомъ.

Помимо другихъ условій, предложенныхъ его послами, какъ показано было, при Лукахъ, Московскій царь соглашался называть короля также братомъ. Король тогда отвѣтилъ ему, что онъ не ищетъ его братства и требуетъ одной только Ливоніи, изъ-за которой и началъ войну. Теперь въ этомъ но-

[1]) Въ грамотѣ Іоанна говорится слѣдующее: «А почему мы называемъ Лиѳлянскую землю своею землею, и наша вотчина Лиѳлянская земля искони векъ: потому въ лето шесть тысячъ пятисотъ осьмое, прародитель нашъ, великій государь Георгій — Ярославъ, самодержецъ Кіевскій всея Руси и многимъ землямъ господаръ, ходилъ на тое землю ратью и плѣнилъ ихъ и *въ свое имя городъ Юрьевъ поставилъ*, и тое землю взялъ за себя, и отъ тѣхъ мѣстъ и до сихъ мѣстъ тая земля вотчина наша за прародителями нашими была и т. д.—Откуда явился у Гейденштейна Святославъ Мстиславовичъ, трудно понять.

вомъ письмѣ онъ снова предлагалъ братскія отношенія и показывалъ, что и помимо даже желанія другой стороны будетъ употреблять это наименованіе. 1580.

Сущность же письма заключалась въ слѣдующемъ: ради общаго согласія, царь готовъ раздѣлить съ королемъ права на Ливонію и владѣть ею вмѣстѣ съ нимъ, и кромѣ того уступаетъ ему четыре крѣпости той области, между которыми выдавался Кокенгаузенъ, если король въ свою очередь возвратитъ ему отнятыя теперь у него древнія владѣнія его, Луки, Велижъ и Невель; болѣе обширныя полномочія онъ далъ своимъ посламъ [1]). Послѣдніе, будучи приведены на слѣдующій день къ королю, потребовали, чтобы имъ дана была возможность поговорить съ сенаторами. Послѣ троекратнаго совѣщанія съ послѣдними, въ слѣдующіе дни они прибавили къ прежнимъ четыремъ еще 6 другихъ городовъ, въ числѣ коихъ особенно важенъ былъ Рюннебургъ, другіе были неважныя крѣпостцы. Затѣмъ послѣ заявленія, что у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ полномочій, они должны были удалиться изъ собранія безъ успѣха, при чемъ имъ было позволено идти за королемъ, возвращавшимся въ Литву, а затѣмъ въ Польшу, до тѣхъ поръ, пока не получатъ новыхъ наказовъ отъ своего государя [2]).

Они сами добровольно просили объ этомъ, и король тѣмъ охотнѣе согласился, что для него было это не совсѣмъ не кстати, ибо ему нужно было время, чтобы узнать, какъ думаютъ сословія о будущей войнѣ.

По взятіи Лукъ и Невля, оставалось Озерище въ разстояніи 150 миль отъ Невля, окруженное со всѣхъ сторонъ какъ бы

[1]) Подлинный документъ напечатанъ въ Метрикѣ Литовской II, № 57, стр. 102—121. Кромѣ отмѣченнаго искаженія относительно имени Дерпта, содержаніе его переведено здѣсь правильно, хотя и кратко; отпись Іоанна помѣчена 27 сентября въ Москвѣ и доставлена была Лозовицкимъ, пріѣхавшимъ 10 октября. (См. Метр. Лит. № 59 стр. 124).

[2]) Объ этихъ переговорахъ говорится въ документѣ Литовской Метрики № 59, представляющемъ какъ бы ихъ протоколъ.

1580. сѣтью нашихъ войскъ. Находившіеся въ крѣпости, видя что у нихъ отнята всякая надежда на защиту, обнадежили короля сдачей. Поэтому туда былъ посланъ прежде выхода короля изъ Невля воевода Виленскій Радзивилъ, чтобы принять отъ нихъ сдачу города. Въ это время прибылъ въ Заволочье съ войскомъ Замойскій. Такъ какъ дорога пролегала по открытымъ и широкимъ полямъ и весьма населеннымъ деревнямъ, то проходъ по всему этому пространству доставилъ не малое удовольствіе всѣмъ: ибо насколько Московская пограничная область, какъ на это выше было указано, по большой части лѣсиста, на столько срединная не уступаетъ ни какой другой по хорошему качеству и плодородію почвы, по изобилію выгодно расположенныхъ рѣкъ и озеръ и по многочисленности деревень. Область же Лукская превосходитъ въ этихъ отношеніяхъ даже почти всѣ прочія, вслѣдствіе чего и войско, находясь у Лукъ, имѣло во всемъ большой избытокъ.

При самомъ прибытіи короля къ Лукамъ, крѣпостное войско по обыкновенію своему разрушило городъ Заволочье, находившійся по дорогѣ въ Псковъ и Луки, и поломало мостъ, ведущій изъ крѣпости къ городу.

Крѣпость расположена, какъ выше было сказано, на озерѣ, которое, не смотря на истокъ рѣки Великой и на очень обширное изліяніе во всѣ стороны, тѣмъ не менѣе имѣетъ очень широкія воды съ востока и запада, такъ какъ вытекающая изъ другаго выше расположеннаго озера рѣка вливается въ него съ запада, гдѣ оно всего у́же; оно распространяется не меньше, чѣмъ на 300 шаговъ въ ширину.

Отправивъ впередъ Христофора Разражевскаго съ нѣсколькими эскадронами всадниковъ на Псковкую дорогу, Замойскій приказалъ Лукѣ Дзялынскому и Николаю Уровецкому занять другую дорогу, идущую къ Невлю и въ случаѣ, еслибы нѣкоторые изъ покорившихся жителей Невля вздумали соединиться съ гарнизономъ Заволочья, что обыкновенно дѣлалось, при-

казалъ не допускать ихъ до этого и заставить ихъ вернуться **1580**.
во внутреннюю Московію.

Самъ онъ, отправившись впередъ отъ войска къ Заволочью, произвелъ осмотръ и, объѣхавъ со всѣхъ сторонъ крѣпость, нашелъ, что въ направленіи къ полудню противъ крѣпости, на томъ же озерѣ есть другой островъ, который защищенъ больше всего озеромъ, а сверхъ того тинистою рѣкой и природнымъ рвомъ и что тутъ находится кратчайшій путь къ крѣпости.

Замойскій видѣлъ, что если онъ переправитъ туда войско, то достигнетъ двухъ цѣлей: съ одной стороны войско будетъ расположено на мѣстѣ наиболѣе безопасномъ противъ всякаго нападенія, хотя бы огромнѣйшихъ силъ непріятельскихъ, а съ другой—самъ онъ будетъ имѣть полную возможность дѣйствовать съ того же мѣста противъ крѣпости. Поэтому, на слѣдующій день онъ перевелъ туда все войско въ широко развернутомъ боевомъ строѣ и съ развѣвающимися знаменами, для того, чтобы непріятель думалъ, что войска гораздо больше, и поставилъ лагерь. Казалось всѣмъ, что осада будетъ въ высшей степени затруднительна, такъ какъ крѣпость, окруженная водою со всѣхъ сторонъ, была недоступна, кромѣ того она была укрѣплена искуственно; время года было также самое неблагопріятное, и войску грозила опасность постоянно страдать отъ дождей, холодовъ и уже ожидавшихся въ скорости морозовъ; тѣмъ не менѣе Замойскій полагалъ, что не должно совершенно отчаяваться. Вслѣдствіе этого онъ сталъ готовить все нужное для приступа.

Прямо противъ нашего лагеря находились огромной величины три больверка; два самые крайніе были скрѣплены изъ огромныхъ и очень крѣпкихъ бревенъ, средній, нѣсколько меньшій; всѣ они, равно какъ больверки и другихъ сторонъ, были снабжены окнами и были удобны для стрѣлянія изъ пушекъ. Такъ какъ они не были покрыты дерномъ, но по старому обычаю были обмазаны глиной, то Замойскій возъимѣлъ большую надежду на то, что, когда сбита будетъ глина съ одной стороны,

1580. они, состоя изъ стараго и сухаго и свободнаго отъ всякой сырости матеріала, весьма легко загорятся и, загорѣвшись, вслѣдствіе такой большой кучи бревенъ, возбудятъ пожаръ на очень обширное пространство. Надежду его поддерживало и поведеніе Сабурова, человѣка, пользовавшагося большимъ значеніемъ среди Москвитянъ и у князя, и бывшаго въ то время начальникомъ крѣпости; не желая или тратить попусту порохъ или утомлять воиновъ, онъ въ величайшемъ молчаніи, что обыкновенно дѣлалось Москвитянами только при господствѣ сильнѣйшаго страха, держался и держалъ своихъ внутри укрѣпленій, хотя при первомъ прибытіи нашего войска непріятель, изрубивъ на мелкія кусочки захваченныхъ раньше двухъ нашихъ фуражировъ и бросивъ ихъ съ крѣпости, пытался этою жестокостью возбудить ужасъ въ проходящемъ войскѣ [1]). Между тѣмъ Замойскій поручилъ Николаю Уровецкому сколотить плотъ для того, чтобы шестами пригнать его къ крѣпости и устроить такимъ образомъ переправу для войска, шедшаго на приступъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ провести окопы и рвы отъ лагеря противъ крѣпости; послѣ того какъ съ большимъ трудомъ работа эта была окончена, на слѣдующій день тотчасъ установили пушки, между тѣмъ устроенъ былъ и плотъ Уровецкимъ изъ матеріала, заимствованнаго отъ одного высокаго зданія, которое одно только оставалось, такъ какъ все остальное было сожжено непріятелемъ. Замойскій велѣлъ затѣмъ разставить съ этой стороны, съ которой озеро было всего уже, много пушекъ, чтобы поражать прямо направленными выстрѣлами спереди выше указанные больверки; а другія пушки поставилъ съ боку, гдѣ крѣпость смотритъ къ югу, для того, чтобы непріятель не могъ вырваться черезъ противоположныя ворота и окружить нашихъ, перешедшихъ черезъ мостъ и осадившихъ спереди крѣпость и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы, направивъ вдоль боковъ выстрѣлы, отбросить

[1]) *Кар*. Т. . IX, гл. 5. стр. 185, пр. 548.

тѣхъ, которые стали бы на болѣе высокихъ больверкахъ. Устроивъ все это, онъ рѣшилъ начать приступъ. У подошвы крѣпости былъ покатый всходъ къ ней, который непріятель загородилъ однимъ палисадомъ изъ высокихъ бревенъ и двумя рядами огромныхъ и весьма острыхъ кольевъ, оставивъ между каждымъ значительный промежутокъ. 1580.

Противъ этого Замойскій придумалъ слѣдующее: такъ какъ у него не было шерсти, то онъ, набравъ со всего войска чепраки и попоны лошадей, сдѣлалъ изъ нихъ огромное множество мѣшковъ. Онъ объяснилъ солдатамъ, что природа мѣстности достаточно ихъ защищала отъ выстрѣловъ большихъ пушекъ, ибо ихъ нельзя направлять внизъ, а для защиты себя противъ ружей, при вступленіи на противоположный берегъ онъ научилъ ихъ эти мѣшки прикрѣпить къ кольямъ и, спрятавшись за ними, тотчасъ проводить рвы съ той стороны подъ крѣпостью; отсюда можно будетъ потомъ и отогнать непріятеля, если онъ выйдетъ за свои укрѣпленія, и зажечь больверкъ. Когда это устроено было указаннымъ образомъ, плотъ съ того мѣста, на которомъ доселѣ находился въ надлежащемъ разстояніи отъ лагеря, былъ притянутъ насупротивъ крѣпости и направленъ на противоположный берегъ, при чемъ солдаты, сбѣжавшіеся во множествѣ со всѣхъ сторонъ, ревностно и наперерывъ помогали дѣлу среди многочисленныхъ выстрѣловъ, производимыхъ съ тѣхъ и другихъ укрѣпленій. Но плотъ оказался слишкомъ малымъ, чтобы на немъ возможно было пристать туда (къ противоположному берегу), и потому на этотъ разъ они и другая сторона прекратили свои дѣйствія и удалились. Однако случайно наши понесли значительную потерю въ лицѣ Христофора Разражевскаго, старосты Ленчицкаго, человѣка очень храбраго и знатнаго. Замойскій приказалъ ему во время переправы плота наблюдать при пушкахъ, чтобы тамъ все шло надлежащимъ образомъ; когда онъ выбѣжалъ не смотря на то впередъ, то и палъ, получивъ съ непріятельскихъ укрѣпленій пулю выше праваго глаза.

1580. После этого пѣхотинцы польскіе потащили назадъ плотъ для того, чтобы его исправить, и такъ какъ непріятель въ нихъ безпрерывно стрѣлялъ съ крѣпости изъ пушекъ, то тѣ, которые держали канатъ, выпустили его, будучи поражены выстрѣлами.

Увидя это, трое другихъ пѣхотинцевъ, не будучи въ состояніи никакимъ инымъ способомъ удержать плотъ, вскочили на него и, подхваченные сильнымъ вѣтромъ, были отнесены къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ вдоль ближайшихъ болверковъ. Москвитяне видя, что во всякомъ случаѣ они отрѣзаны водою отъ войска, сѣвъ на лодки, которыхъ много было отведено ими въ крѣпость, въ большомъ числѣ поплыли къ плоту. Сперва наши мужественно защищались ружьями, потомъ шестами, и очень многихъ непріятелей столкнули, наконецъ, когда со всѣхъ сторонъ стали ихъ окружать, то они, поймавъ ближайшія лодки, съ которыхъ сбросили непріятелей, вскочили въ нихъ и, оставивъ плотъ, спаслись. Между тѣмъ, гонимый силою вѣтра, плотъ поплылъ на противуположный берегъ, и хотя непріятели не прекращали за нимъ погони, Замойскій, пославъ нѣсколько всадниковъ, снова досталъ его.

Плотъ починенъ былъ въ этотъ же день, но солдаты, которыхъ Замойскій склонилъ раньше обѣщаніемъ награды ѣхать на немъ, испуганные предшествовавшею неудачею, теперь уже не такъ охотно брались за исполненіе порученія, сопряженнаго съ опасностью жизни; по этому Замойскій приказалъ Николаю Уровецкому, своему родственнику, взойти на плотъ и, поставивъ предъ собою одинъ изъ вышеуказанныхъ мѣшковъ, плыть на противуположный берегъ. Уровецкій взялся за дѣло съ ревностію, помѣстилъ за собою нѣсколько рядовыхъ, а самъ, прикрывшись спереди только тѣмъ вышеуказаннымъ образомъ и отражая многочисленныя пули своимъ мѣшкомъ, причалилъ съ плотомъ къ берегу въ то самое время, какъ непріятельскіе передовые посты, стоявшіе на краю берега, бѣжали въ крѣпость.

Солдаты и преимущественно Венгерцы, толпою, какъ приказано было, перейдя мостъ, стали сперва рубить топорами находившійся передъ ними частоколъ; но затѣмъ, предпочитая подвергнуться всяческимъ опасностямъ, чѣмъ терпѣть неудобства холода и мороза въ самое неблагопріятное время года, и желая поскорѣе покончить работу, они, не набросивъ мѣшковъ на колья, не проведя никакихъ рвовъ, не сдѣлавъ ничего того, что было приказано, даже прежде чѣмъ глина была сбита, бросились впередъ, съ цѣлію поджечь больверки. 1580.

Непріятель уже обнаруживалъ довольно явные признаки страха и смущенія, но пока наши довольно долго занимались палисадомъ, такъ какъ было два ряда кольевъ, и ширина каждаго ряда была немного менѣе 10 футовъ, пока они посылали за озеро Георгія Суффи (Georgius Suffius) принести факелы и горючіе матеріялы и пока приготовляли все другое нужное, непріятели собрались снова съ духомъ и, выбѣжавъ изъ заднихъ воротъ, окружили Венгерцевъ. Враги находились сами въ гораздо лучшемъ физическомъ состояніи, нежели наши, которые были почти неспособны отъ холода и мороза къ сраженію; они были вооружены длинными копьями и острымъ загнутымъ мечемъ, который у нихъ называется бердышемъ, и сражались противъ людей снабженныхъ короткимъ оружіемъ и копьями. И такъ они обратили Венгровъ въ бѣгство; одни изъ нашихъ были перебиты, другіе, толкая въ толпѣ другъ друга, бросившись въ озеро, потонули. Хотя Замойскій уже рѣшилъ лучше вытерпѣть всѣ бѣдствія, нежели оставить начатую осаду, однако въ виду толковъ о томъ, будто мужество солдатъ поколебалось вслѣдствіе успѣха непріятелей, онъ созвалъ совѣтъ и старался вывѣдать настроеніе каждаго относительно дальнѣйшихъ опасностей. Когда собрался этотъ совѣтъ, то нашелся едва одинъ человѣкъ, который былъ того мнѣнія, что нужно принять во вниманіе время года и уступить судьбѣ, такъ какъ ни то, ни другое не благопріятствовало намъ. Всѣ же остальные не сказали

1580. ни одного слова, несовмѣстнаго съ ихъ прежними успѣхами и мужествомъ, и когда Фаренсбекъ первый заявилъ, что должно скорѣе претерпѣть все, что угодно, нежели безъ успѣха отказаться отъ осады, то всѣ на томъ согласились.

Замойскій отправилъ тотчасъ Георгія Сибрика (Georgius Sibricus) съ письмомъ къ королю, чтобы тотъ не безпокоился вслѣдствіе понесенной неудачи при осадѣ, ибо она произошла только отъ чрезмѣрной поспѣшности солдатъ; просилъ короля, чтобы не отзывалъ его отъ осады и самъ не оставался бы ради его слишкомъ долго въ Невлѣ. Писалъ о томъ, что онъ поставилъ лагерь въ самомъ удобномъ мѣстѣ для веденія осады, ибо благодаря съ одной стороны тому, что это мѣсто по самой природѣ весьма удобно и крѣпко, а съ другой — благодаря тому, что по сосѣдству находятся плодородныя и изобилующія всѣмъ земли, онъ въ состояніи выдержать самое сильное нападеніе непріятельскихъ силъ на этомъ безопасномъ мѣстѣ и вообще не имѣть ни въ чемъ недостатка, такъ какъ земля эта богата и фуражемъ и скотомъ, и хлѣбомъ, и водою. Король до сихъ поръ еще оставался въ Невлѣ, на мѣстѣ въ особенности невыгодномъ, такъ какъ оно было опустошено прежде стоявшими тутъ войсками и грабежами казаковъ, отъ чего по необходимости былъ недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ.

Около этого же времени появившаяся въ воздухѣ какая-то зараза, пришедшая сперва съ востока, затѣмъ перенесенная въ Италію и Францію и другія страны, распространившись по всей Европѣ, проявилась въ Краковѣ, въ Вильнѣ, а оттуда дошла и до войска; зараза эта внушала не столько страхъ по какой либо смертоносной силѣ своей, сколько удивленіе по быстротѣ своего развитія, съ которою она распространилась по всѣмъ сосѣднимъ мѣстностямъ. Сперва она по большой части охватывала ознобомъ спинной хребетъ, затѣмъ переходила у больныхъ въ головную боль и слабость; особенно болѣзнь эта была мучительна для груди; тѣхъ, которые въ продолженіе 4

и 5 дней не умирали отъ нея, она изнуряла, превращаясь въ лихорадку; вѣрную почти смерть приносила тѣмъ, которые пользовали себя слабительными средствами или пускали себѣ кровь: и то и другое средство еще болѣе затрудняло дыханіе, первое потому, что весьма сильно отвлекаетъ въ грудь всю влагу отъ головы, а второе—кромѣ охлажденія тѣла еще ослабляетъ силы, нужныя для дыханія. Вѣрнаго названія для этой болѣзни не было найдено никакого. Король присоединилъ къ войскамъ, имѣвшимся раньше у Замойскаго, 900 польскихъ всадниковъ и около 1.000 пѣхотинцевъ венгерскихъ со Стефаномъ Карломъ и затѣмъ двинулся въ Вильну, захворавъ и самъ въ Полоцкѣ выше сказанной болѣзнью. Между тѣмъ Замойскій снова сталъ приготовлять съ величайшимъ рвеніемъ все нужное для штурма: приказалъ увеличить вдвое плотъ, хотя онъ и былъ сдѣланъ изъ довольно большихъ въ ширину бревенъ, для того, чтобы все-таки солдатамъ легче можно было приступить къ крѣпости. Дѣятельно искалъ онъ по всѣмъ деревнямъ и по берегамъ озеръ лодокъ и судовъ, для того, чтобы на всѣхъ ихъ вести приступъ и чтобы сколько возможно больше раздробить на части силы крѣпостнаго войска. Непріятели заранѣе уже увели всѣ оставшіяся суда, оставивъ только одно. Это судно принадлежало тамошнимъ монахамъ и употреблялось ими для вытягиванія большихъ неводовъ, и хотя могло вмѣстить почти 80 человѣкъ, но такъ какъ оно отъ ветхости уже было негодно и было полно щелей, то непріятели и не взяли его. **1580**.

Замойскій починилъ его такъ, что можно было на немъ плыть, закрывъ его въ поврежденныхъ мѣстахъ частію свѣжими воловьими кожами, частію мхомъ. Узнавъ въ то же время, что воевода Полоцкій, Иванъ Петровичъ Шуйскій находится съ войскомъ при Порховѣ, онъ отправилъ туда стараго полковника Мартина Вольскаго съ легкой конницей для рекогносцировки. Шуйскій, услышавъ объ отъѣздѣ короля и не ожидая въ продолженіе этого времени другаго войска, рас-

1580. пустилъ свое ополченіе и возвращался въ Псковъ. По этому случилось то, что естественно должно было произойти; въ то время, какъ не ожидая никакой опасности, непріятель оставилъ всякую осторожность и передвигался спокойно съ мѣста на мѣсто, Вольскій напалъ, захватилъ весьма многихъ; отпустивъ поселянъ, пощадить которыхъ приказано было ему Замойскимъ, увелъ съ собою въ лагерь нѣсколько взятыхъ въ плѣнъ дворянъ. Приготовивъ все выше сказанное нами для приступа, по прошествіи 10-ти дней Замойскій, сѣвъ съ нѣсколькими взятыми съ собою военными людьми на большое судно, поправленное, какъ мы сказали, сталъ тщательно разсматривать, съ какихъ сторонъ удобнѣе всего повести приступъ. Послѣ этого приказалъ поражать пушечными ядрами три больверка, находившіеся, какъ мы сказали, противъ крѣпости, чтобы, сбивъ глину, сдѣлать ихъ болѣе доступными пожару, и вмѣстѣ съ тѣмъ, расщепавъ бревна и какъ бы обнаруживъ ихъ жилы, сдѣлать ихъ болѣе воспріимчивыми къ огню. Было очевидно, что пѣхота сильно пострадавъ отъ непогоды, противъ которой была плохо защищена, не будетъ имѣть достаточно мужества и силъ; по этому шляхта, согласившись между собою, слѣзши съ коней стала требовать, чтобы ее вели къ крѣпости. Съ нею же соединились, желая того же, и нѣкоторые знатные Нѣмцы, служившіе всадниками подъ начальствомъ Фаренсбека. Поставивъ посрединѣ людей съ факелами и смоляными деревьями, которые должны были поджечь стѣны, Замойскій выстроилъ отрядъ такъ, что съ праваго фланга, противъ котораго находился верхній больверкъ, были Поляки и Нѣмцы, съ лѣваго у втораго больверка—Венгерцы; тѣ и другіе должны были охранять противъ непріятельской вылазки идущихъ посрединѣ съ зажигательными снарядами. Надъ Поляками поставилъ начальникомъ Уровецкаго, и на всякій случай далъ ему въ помощники Андрея Оржеховскаго. Съ Нѣмцами Фаренсбекъ отправилъ Оттона Укскеля. Съ обѣихъ сторонъ онъ приказалъ защитить плотъ

вышеуказанными мѣшками противъ наискось шедшихъ выстрѣ- 1580.
ловъ изъ мелкихъ орудій. Проведя его среди многочисленныхъ выстрѣловъ непріятелей, наши пристали къ противуположному берегу; такъ какъ погода въ то же время перемѣнилась и послѣ продолжительныхъ дождей наступило ясное время, то вмѣстѣ съ тѣмъ у всѣхъ проявилась тѣмъ большая бодрость и желаніе сразиться. Вотъ передніе перешли съ плота на берегъ; въ то же время быстро подплывали отовсюду другія суда съ солдатами, пушками и факелами, съ обѣихъ сторонъ производилась пальба и наши частые выстрѣлы наносили большой уронъ непріятелямъ. Вдругъ непріятели стали кричать о королевской грамотѣ.

За нѣсколько дней прежде, Замойскій обратился къ осажденнымъ въ крѣпости съ воззваніемъ отъ имени короля, такъ какъ не хотѣлъ писать отъ себя, зная, что его собственное имя внушаетъ непріятелю ужасъ, ибо ему, какъ главному распорядителю осады, приписывали жестокости, совершенныя при взятіи Великихъ Лукъ; воззваніе это, снабженное королевскою подписью и печатью—по званію канцлера, Замойскій всегда имѣлъ ее при себѣ—было слѣдующаго содержанія:

«Король приказалъ Замойскому приложить все стараніе въ дѣлѣ осады города, но если они добровольно покорятся, то изъ милости своей рѣшилъ ихъ пощадить и не желаетъ, чтобы имъ были причинены какія либо обиды; а для того, чтобы могли больше быть увѣренными въ томъ, онъ посылаетъ имъ своего спальника». Сперва осажденные не хотѣли принимать письма. Послѣ того какъ они узнали содержаніе письма, они отвѣчали, что пусть король пишетъ въ свои крѣпости, а эта не принадлежитъ къ той области, гдѣ обязательно принимать королевскія грамоты. Вотъ эту именно грамоту и стали теперь осажденные требовать сначала крикомъ, а потомъ посредствомъ депутаціи изъ нѣсколькихъ стрѣлецкихъ начальниковъ. Она имъ была выдана и вмѣстѣ дано увѣреніе, что жизнь ихъ будетъ сохра-

1580 нена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Замойскій отправилъ Ивана Ѳому Дрогойевскаго, старосту Премышльскаго, припять крѣпость подъ свою власть и привести къ нему воеводъ. Послѣдній сперва нашелъ, что не только воеводы, но и даже большая часть солдатъ еще колебались; но наконецъ, когда солдаты поддались страху, то воеводы, не смотря на сопротивленіе, были приведены къ Замойскому. Относительно всѣхъ сдавшихся было сохранено данное имъ обѣщаніе; кромѣ того Замойскій отдалъ имъ и нѣсколько знатныхъ женщинъ, которыя были взяты въ плѣнъ при завоеваніи Великихъ Лукъ, такъ какъ онъ опасался, что во время столь долгаго похода и при такомъ множествѣ солдатъ онѣ могутъ подвергнуться грубымъ оскорбленіямъ. Москвитяне, удивляясь такому поступку Замойскаго, сознавались, что не возвратили бы нашимъ такихъ молодыхъ и красивыхъ женщинъ; понявъ же причину, по которой Замойскій это сдѣлалъ, говорили, что не должно потому нисколько и удивляться, если при такомъ различіи нравовъ и счастье двухъ сторонъ также другое. Такимъ образомъ взята была безъ разрушенія твердыня весьма крѣпкая отъ природы и снабженная всѣмъ нужнымъ для защиты, не смотря на содѣйствіе непріятелямъ со стороны времени года, непрерывныхъ дождей и морозовъ. Сабуровъ раньше придумалъ средство, чтобы невозможно было при осадѣ ея воспользоваться калеными ядрами. Наученный исходомъ другихъ осадъ, онъ сломалъ стѣну, гдѣ она была слишкомъ толста и, оставивъ только одинъ рядъ бревенъ, которымъ она держалась, внутреннюю часть ея прикрылъ довольно широкою насыпью, которую онъ скрѣпилъ плетнемъ, вслѣдствіе того ядра, быстро проходя чрезъ тонкую стѣну, оставались въ насыпи и тамъ сами собой и потухали. Имѣя въ виду, что король намѣревается въ будущемъ году пройти дальше по этимъ мѣстамъ въ непріятельскую область, Замойскій рѣшилъ оставить въ Заволочьѣ пушки и часть болѣе тяжелыхъ военныхъ орудій, и приказалъ

Стефану Карлу и венгерскимъ солдатамъ все перевезти въ 1581. крѣпость. Мостъ, какъ мы выше сказали, былъ сломанъ непріятелями, а плотъ, которымъ пользовались солдаты при осадѣ, былъ слишкомъ не крѣпокъ для того, чтобы можно было бы по немъ придвинуть такія тяжелыя пушки, построить же другой мостъ въ короткое время представлялась величайшая трудность; поэтому Стефанъ Карлъ везъ пушки отъ нашихъ укрѣпленій чрезъ самое озеро, тамъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, грунтъ былъ болѣе твердъ и песчаненъ, связавъ ихъ крѣпкими канатами въ большемъ числѣ, для того, чтобы въ случаѣ, если бы сорвался одинъ, другіе сдержали, разставивъ предварительно на противоположномъ берегѣ нѣсколько венгерскихъ полковъ по самому озеру. Въ крѣпости былъ оставленъ съ частью венгерскаго войска Георгій Сибрикъ, Фаренсбеку же Замойскій приказалъ приблизительно съ 1000 всадниками, взявъ въ сторону на большое пространство, направиться къ Опочкѣ и свернувъ затѣмъ влѣво чрезъ Нещерду, сойтись съ нимъ снова у Полоцка. Городъ Опочка расположенъ ниже на рѣкѣ Великой, и хотя его осада предполагалась только въ будущемъ году, Замойскій считалъ нужнымъ заранѣе изучить теченіе рѣки и положеніе города, тѣмъ болѣе, что помнилъ, что на томъ же мѣстѣ при королѣ Сигизмундѣ было нанесено намъ пораженіе. Съ такою же заботливостію о будущемъ походѣ, онъ старался, чтобы заранѣе были собраны свѣдѣнія и объ остальныхъ дорогахъ и рѣкахъ, какія изъ нихъ судоходны; особенное его вниманіе обратили на себя свѣдѣнія о томъ, что есть озеро Усція, (Uscia), изъ котораго вытекаетъ рѣка того же названія, что рѣка эта затѣмъ впадаетъ въ озеро Ужицу (Usicia) и затѣмъ, перемѣнивши названіе свое въ озеро Дриссу, а по выходѣ изъ сего послѣдняго даетъ начало рѣкѣ одного съ нимъ наименованія, и что, благодаря главнымъ образомъ такому удобному положенію, Москвитяне снабжаютъ Соколъ провіантомъ и другими необходимыми предметами; вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, За-

1580. мойскій весьма старательно сталъ развѣдывать про все теченіе рѣки Усціи съ ея начала до конца.

Войско сильно пострадало во время обратнаго тяжелаго похода отъ дождей, отъ морозовъ, отъ множества лѣсовъ, чрезъ которые приходилось идти, и отъ недостатка въ большинствѣ случаевъ мостовъ, въ особенности же, вслѣдствіе вышеозначенной заразы, поразившей войско; тѣмъ не менѣе Замойскій, совершая путь по областямъ вполнѣ замиреннымъ, благополучно прибылъ чрезъ Полоцкую землю къ королю въ Вильну. Въ то время какъ, покончивъ съ такимъ полнымъ успѣхомъ Велико-Лукскій походъ, король возвратился въ Литву, Московскій царь, разведясь съ прежней женой, что̀ по его понятіямъ можно было ему дѣлать столько разъ, сколько онъ хотѣлъ, въ шестой уже тогда разъ сдѣлался женихомъ и, назначивъ общій смотръ дѣвицъ, взялъ въ супруги новую и даже заставилъ тоже сдѣлать нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ и совѣтниковъ [1]). Подобный смотръ, какъ мы узнали отъ одной плѣнной дворянки, бывшей на томъ смотру, производился рѣдко. Издавъ указъ, Московскій царь приказалъ боярамъ и дворянамъ, у которыхъ были дочери или родственницы невѣсты, отличавшіяся красотою, привести ихъ къ нему въ назначенный день. Къ этому дню уже раньше при дворцѣ приготовляется для сей цѣли обширный и богатый домъ, и въ каждую комнату, имѣющую 12-ть кроватей, опредѣляется столько же дѣвушекъ. Самъ царь въ сопровожденіи одного старика обходитъ всѣ комнаты по порядку; войдя туда, онъ тотчасъ садится на заранѣе устроенный тронъ, а всѣ дѣвушки въ красивой, богатой одеждѣ, сильно желая понравиться государю и достичь такого счастія, по одиночкѣ, по порядку становятся передъ нимъ на колѣни и, бросивъ къ ногамъ его платокъ, вышитый золотомъ съ жемчугомъ, удаляются; царь выбираетъ ту, которая больше всѣхъ ему понравится, остальныхъ же, одаривъ землею или казною, отпускаетъ.

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 187 и пр. 554.

Пробывши немного дней въ Вильнѣ, король отправился въ Гродно; помышляя о будущемъ походѣ и зная, что сеймъ можно будетъ созвать только позднѣе, и что вслучаѣ, если утвердятъ на немъ налогъ, то онъ будетъ собранъ никакъ не скоро, онъ, чтобы не быть вынужденнымъ терять время благопріятное для веденія войны, сталъ уже въ то время искать способовъ занять денегъ частнымъ образомъ. **1581**.

Кромѣ маркграфа Георгія Фридриха, герцога Прусскаго, онъ обратился съ просьбою дать ему заимообразно денегъ для этой войны къ курфюрстамъ Августу Саксонскому и Іоганну Фридриху Бранденбургскому. Онъ думалъ, что устроивъ это, онъ сразу достигнетъ двухъ вещей: выразитъ свое къ нимъ довѣріе во всемъ, а ссылкою на сочувствіе ихъ въ чужомъ для нихъ дѣлѣ подѣйствуетъ на сословія (станы), собравшіяся на сеймѣ, и возбудитъ въ нихъ тѣмъ большую охоту продолжать войну, начатую въ ихъ интересахъ. Данныя ими въ долгъ на извѣстный срокъ деньги доставлены были уже по окончаніи сейма и, послѣ продленія срока, были уплачены въ надлежащее время. Въ это время низовые казаки съ Иваномъ Оришовскимъ (Joh. Orisovius), опустошая съ другой стороны Московскую область вплоть до Стародуба и раззоривъ на весьма обширномъ пространствѣ окрестности, предали пламени и городъ, и нѣкоторыя внутреннія укрѣпленія крѣпости; затѣмъ, сдѣлавъ нападеніе на Почепово и будучи отбиты отъ крѣпости, вернулись назадъ, угнавъ все-таки большую добычу. Въ слѣдъ за королемъ въ Гродно отправились и уполномоченные г. Риги. Этотъ городъ былъ взятъ Сигизмундомъ Августомъ подъ покровительство на такихъ условіяхъ, которыя сильно умаляли право и величіе королевской власти въ отношеніи къ нему, и были повидимому составлены болѣе для блеска самаго города, нежели для его пользы. Такъ какъ король при такихъ условіяхъ хотѣлъ считать Рижанъ не столько подданными, сколько союзниками, то уже и раньше, при прежнихъ походахъ, городъ

1581. чрезъ пословъ велъ переговоры относительно точныхъ условій касательно подчиненности. Во время этого похода въ Дрогичинѣ наконецъ окончено было дѣло и король отправилъ туда Яна Дмитрія Соликовскаго (Demetrius Solikovuis), чтобы тотъ, принявъ подъ власть городъ, взялъ бы съ него присягу на вѣрность королю. Прежде всего поднялся вопросъ объ установленіи таможенныхъ сборовъ. Вся почти торговля города Риги держится на судоходствѣ по рѣкѣ Двинѣ, а вслѣдствіе прежнихъ побѣдъ короля послѣдняя стала свободною въ большей части своего теченія; дѣло было въ такомъ положеніи, что кромѣ Кокенгаузена, Ашерадена, Ленοварта, находившихся еще въ рукахъ непріятелей, теперь ничто не мѣшало плаванію по Двинѣ. На этомъ основаніи король считалъ справедливымъ, чтобы эта торговля, ради которой Польское королевство понесло столько усилій и расходовъ и благодаря которой городъ Рига и частные люди получатъ возможность увеличить свое благосостояніе, доставила также нѣкоторую выгоду и королевству Польскому; онъ не хотѣлъ, чтобы безъ этого условія вся торговля туда была перенесена. Благоразумные люди, хорошо зная, что государство не можетъ существовать безъ податей и налоговъ и что справедливость всего скорѣе допускаетъ установленіе ихъ въ тѣхъ провинціяхъ, которыя пріобрѣтаются вновь войною, наконецъ согласились на то, чтобы установить пошлину для всѣхъ, идущихъ изъ-за моря товаровъ, и чтобы двѣ части изъ доходовъ съ нея поступали безусловно королю, третья городу на ремонтъ гавани и пристаней. Оставался не рѣшеннымъ вопросъ объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда архіепископской власти, а также о валѣ, выстроенномъ городомъ противъ крѣпости и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ; рѣшеніе относительно этого было отложено до прибытія въ названныя мѣста самого короля. Въ то время, какъ король находился съ войскомъ въ Московской области, Іоаннъ III, король Шведскій, отправилъ флотъ къ Нарвѣ, но, такъ какъ дѣла Москвитянъ

въ то время въ той сторонѣ шли хорошо, то флотъ этотъ, сжегши нѣсколько рыбацкихъ построекъ на берегу, безъ успѣха принужденъ былъ вернуться назадъ. Въ это время король прибылъ на сеймъ въ Варшаву. Онъ убѣждалъ сословія поддержать всѣми средствами успѣхи, пріобрѣтенные въ послѣднемъ походѣ и не только радоваться побѣдѣ, но и воспользоваться ею; если, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ даже желать или надѣяться покоренія всей Московской области, этого обширнѣйшаго государства, не смотря на то, что уже является весьма большая къ тому возможность, то совѣтовалъ по крайней мѣрѣ не класть оружія до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ себѣ всю Ливонію, которую поставили себѣ уже спачала цѣлью войны, какъ достойную награду за свои труды, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ оставить потомству памятникъ своего мужества. Король указывалъ и на то большее неудобство, что его самого ежегодно вызываютъ въ королевство для присутствованія на сеймахъ, собираемыхъ ради податей, а между тѣмъ войско отъ непрерывныхъ походовъ утомляется, непріятелямъ же дается время отдохнуть и собраться съ силами и кромѣ того, такъ какъ налоги собираются слишкомъ медленно, то по необходимости пропадаетъ много удобныхъ случаевъ отъ этой задержки для успѣшнаго веденія войны; для избѣжанія подобныхъ неудобствъ онъ просилъ разрѣшить двухгодовой налогъ. Сословія соглашались на налогъ, но не расположены были принять предложеніе относительно срока, на который его требовали. Прежде чѣмъ приступить къ какому либо иному дѣлу, они представили королю изложенные письменно пункты, относительно которыхъ они желали, чтобы изданы были законы, и просили, чтобы таковые были утверждены въ предлагаемомъ ими видѣ. Отвѣтъ на это данъ былъ таковъ: все, что считается возможнымъ уступить, будетъ уступлено, иное будетъ смягчено посредствомъ толкованія, но большая часть пунктовъ будетъ отложена до другаго времени. Получивъ такой отвѣтъ, по прошествіи нѣ- 1581.

1581. скольких дней они снова написали тоже, что и раньше было письменно представлено, не приведя никаких других доводов против королевской декларацiи. Выбрав нѣсколько человѣк из сената и равным образом из посольской избы (из среды земских послов), король поручил им разобрать с надлежащею с обѣих сторон умѣренностiю тѣ дѣла. Все то, что коммиссiею с общаго совѣта было постановлено, было снова письменно передано в посольскую избу, но земскiе послы по прошествiи нѣскольких дней опять навязывают, как это и прежде сдѣлали, все тоже свое писанiе королю. Между тѣм приближался к концу опредѣленный законами срок сеймовых засѣданiй. Поэтому наконец на извѣстных условiях послѣдовало соглашенiе, и были обнародованы конституцiи (постановленiя) относительно тѣх вопросов. Послѣ этого сейм разрѣшил королю сначала обыкновенный налог, но потом, когда король стал доказывать, что этого ему никак не будет достаточно и ссылался при этом отчасти на приведенныя выше причины, равно как и на то, что еще не все жалованье солдатам уплачено, а между тѣм у названных выше государей и других частных лиц сдѣланы новые долги, и нужно приготовляться к новой войнѣ; тогда они утвердили двойной налог сперва с тѣм условiем, что взиманiе онаго прекратится тотчас с заключенiем мира, а затѣм, когда король отверг и это условiе на основанiи тѣх же аргументов, то согласились на назначенiе двойнаго налога с такою оговоркою: сведя счеты, нужно будет уплатить все, что будет израсходовано на жалованье солдатам, на покрытiе заключенных ради этой войны займов и на покрытiе будущих военных издержек, и затѣм остаток, какой окажется от этого налога, пусть будет положен в казну в городѣ Равѣ.

Сюда прибыли, как мы выше сказали, послы московскiе, проведенные чрез всю Польшу, как бы в трiумфѣ. По полученiи новых наказов от своего государя, они снова допущены

были къ переговорамъ. Сперва послы московскіе настаивали на **1581**. условіяхъ, предложенныхъ ими въ Невлѣ, и говорили, что литовскіе сенаторы дали имъ вѣрную надежду на окончаніе всего дѣла именно на тѣхъ условіяхъ. Когда это было опровергнуто, на основаніи такихъ преимущественно доводовъ, что уже послѣ того сдѣланы были большія издержки королемъ и со взятія Заволочья дѣло представляется уже больше не въ прежнемъ положеніи, то послы наконецъ послѣ обычныхъ своихъ переторжекъ дошли до того, что помимо ранѣе предложенныхъ крѣпостей Ливонскихъ уступали королю и всѣ остальныя, оставляя для своего государя только слѣдующіе важнѣйшіе города и крѣпости: Фелинъ, Дерптъ, Маріенбургъ, Перновъ и Нарву. Король же былъ того мнѣнія, что если непріятель не откажется отъ всей Ливоніи, то ему не слѣдуетъ заключать съ Московскимъ царемъ мира ни на какихъ другихъ условіяхъ. По представленіи таковаго рѣшенія сословіямъ, оно заслужило приличное одобреніе. При этихъ переговорахъ съ Москвою присутствовало нѣсколько уполномоченныхъ отъ шляхты, для того, чтобы они могли, замѣтивъ увертки Москвитянъ, разсказать подробнѣе объ этомъ своимъ товарищамъ. Такъ какъ обѣ стороны оставались при своемъ рѣшеніи, то поэтому совѣщаніе не имѣло никакого результата [1]). По утвержденіи двухълѣтняго побора, король оставилъ сеймъ, давъ себѣ обѣщаніе не заключать мира съ непріятелями, прежде чѣмъ послѣдніе совсѣмъ не выйдутъ изъ Ливоніи. Подъ конецъ сейма послы отъ шляхты обратились къ королю черезъ Станислава Пршіемскаго (Stanislaus Priemscius), который по возвращеніи съ войны былъ избранъ посломъ въ Великой Польшѣ и который затѣмъ коллегіею земскихъ шляхетскихъ пословъ при началѣ сейма по обычаю былъ избранъ сеймовымъ маршалкомъ, и просили у короля дозволенія по удаленіи тѣхъ, которые не имѣли права

[1]) Сюда относятся №№ 60 и 61 Метрики Литовской. Ср. *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 188 и пр. 558. *Соловьевъ* VI, стр. 328, 329.

1581. быть въ сенатѣ, переговорить съ нимъ; испросивъ это, они умоляли короля позаботиться о томъ, чтобы кончить войну этимъ походомъ и указывали на то, что шляхта и въ особенности ея крестьяне, благосостояніемъ которыхъ никто изъ нихъ не можетъ пренебрегать безъ ущерба для своего имущества, до того изнурены поборами, что едва ли будутъ въ состояніи перенести еще большіе.

Король отвѣчалъ имъ черезъ канцлера, что онъ не длитъ нарочно войны, предпринятой для общаго спокойствія и выгоды; что непріятель находится теперь въ такомъ положеніи, что легко довести его до послѣдней крайности, продливъ хотя немного войну, что онъ охотно уступитъ общему желанію сословій и, лишь только принудитъ непріятеля передать ему Ливонію, прекратитъ его нападенія, и обезпечитъ государству спокойствіе и безопасность, то не будетъ никакимъ образомъ препятствовать заключенію достойнаго и выгоднаго для всѣхъ мира. Послѣ этого, прощаясь съ королемъ, по обычаю предковъ, уполномоченные просили его позаботится также о домашнихъ дѣлахъ и объ искорененіи внутреннихъ золъ. Просьба ихъ главнымъ образомъ касалась установленія какого нибудь постояннаго твердаго способа избранія королей и состояла въ томъ, чтобы этотъ вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію сейма, какъ скоро это можно будетъ сдѣлать безъ вреда для государства; чѣмъ больше была опасность, которой недавно подвергалось государство, когда вслѣдствіе борьбы между партіями, само королевство Польское было раздѣлено между двумя государями; тѣмъ тщательнѣе слѣдуетъ теперь, когда королевство освободилось отъ такой напасти, озаботиться о томъ, чтобы оно снова не подверглось тому же самому бѣдствію. Сюда же относятся раздоры между духовнымъ и свѣтскимъ сословіями; депутаты полагаютъ, что къ нимъ никакъ нельзя относиться легко и что если бы можно было ихъ совершенно устранить, то это было бы въ высшей степени полезно для государства.

На это король отвѣчалъ черезъ того же канцлера, что онъ одушевленъ такимъ же горячимъ желаніемъ устроить надлежащимъ образомъ домашнія дѣла, какъ и окончить войну согласно со своими видами, и хотя онъ не смотритъ съ пренебреженіемъ на славу военныхъ подвиговъ, однако имѣетъ тѣмъ больше желанія какъ можно дольше оставить память у потомства хорошимъ внутреннимъ устроеніемъ королевства, чѣмъ яснѣе видитъ, что безъ этого даже прежняя слава его не можетъ быть прочною и постоянною. Часто размышляя о временахъ безкоролевья, о томъ, въ какой опасности находилось королевство въ прежнія времена, когда избирательныя интриги и честолюбивыя происки какъ волны потрясали государствомъ; ясно сознавая, что онъ долженъ любить Польшу не меньше, какъ и родину свою, и даже долженъ почитать ее для себя дороже, потому что она, принявъ его, почтила наивысшею честію и чиномъ: онъ содрогается въ душѣ и признаетъ, что только благодаря особенной милости Божіей республика достигла въ настоящее время лучшаго положенія. Онъ понимаетъ, что вопросъ о лучшемъ способѣ избранія королей долженъ быть поднятъ; но когда это будетъ сдѣлано, сколько трудностей въ немъ окажется! и если, чего слѣдуетъ ожидать, при этомъ обнажатся нѣкоторыя тайныя язвы республики, то не слѣдуетъ ли бояться отъ того большаго вреда? Впрочемъ онъ не отказывается послужить своимъ содѣйствіемъ и авторитетомъ желанію республики и сословій. То же самое онъ думаетъ о возстановленіи согласія между духовнымъ и свѣтскимъ сословіями; полезнѣе и необходимѣе этого ничего нельзя и представить для упроченія государства; но во всякомъ случаѣ и для того и для другаго дѣла необходимо согласіе и свобода духа отъ всякой вражды и страсти; этотъ вопросъ будетъ для него предметомъ самой большой заботы; но онъ убѣждаетъ ихъ самихъ равнымъ образомъ явиться для обсужденія этихъ предметовъ со спокойнымъ духомъ, отдавшись исключительно мысли о благосостояніи и славѣ оте- **1581.**

1581. чества. Затѣмъ онъ убѣждалъ ихъ, какъ дѣлалъ обыкновенно и въ предшествовавшія времена, чтобы во время его отсутствія каждый изъ нихъ отъ себя заботился бы объ общемъ спокойствіи и чтобы былъ готовъ мужественно встрѣтить всякія опасности; просилъ у Бога всего хорошаго для нихъ и счастливаго, пусть бы и тѣ, которые останутся дома, и тѣ, которые пойдутъ на войну, вели свои дѣла такъ, чтобы потомъ съ радостными поздравленіями встрѣтить другъ друга взаимными объятіями. Когда при этихъ словахъ поднялись рукоплесканія окружающихъ, тогда канцлеръ объявилъ, что король принимаетъ это самое рукоплесканіе какъ радостное предзнаменованіе будущихъ успѣховъ и непродолжительной войны. Около того же времени сейма Шведскій король сталъ спрашивать Польскаго короля письменно, съ какихъ сторонъ начнетъ онъ свои военныя дѣйствія въ предстоящемъ походѣ. Ради того, что король Шведскій раньше болѣе всѣхъ склонялъ его къ этой войнѣ, и ради взаимнаго родства не считая нужнымъ скрывать отъ него своихъ намѣреній, Стефанъ Баторій объявилъ ему, что намѣренъ теперь идти на Псковъ, и на просьбу посла шведскаго о томъ, чтобы королю Шведскому позволено было провести чрезъ владѣнія и гавани польскія то войско, которое онъ намѣренъ былъ набрать въ Германіи съ цѣлію перехватить московское посольство, отправленное къ христіанскимъ государямъ, король далъ ему грамоту, въ силу которой ему можно было это дѣлать. Въ то же время Филонъ Кмита, поставленный королемъ въ начальники надъ Лукскою крѣпостью, для того, чтобы въ это время солдаты не лишились бодрости отъ покоя и скуки, отправилъ Мартина Курца (Martinus Kurtius) и Габріэля Голубка (Gabriel Holubko) на Холмъ [1]), московскую крѣпость, расположенную выше рѣки Ловати. Узнавъ отъ плѣнныхъ, что Москвитяне уже раньше по обыкновенію своему сожгли городъ, и что отъ него

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 185, пр. 550.

оставленъ непріятелемъ одинъ домъ внизу крѣпости для содержанія караула, эти начальники, отправившись ночью, прибыли туда еще до разсвѣта, и въ то время, какъ Курцъ, объѣхавъ домъ сзади, съ тыла напалъ на караульныхъ, Голубко поджегъ крѣпость. Съ другой стороны Сибрикъ, начальникъ Заволочья, вызвалъ всѣхъ людей той области для присяги; пять волостей издревле тянули къ Заволочью. Пришли въ томъ числѣ и жители Воронеча, избравъ для себя, по обычаю польскому, войта (advocato). Городъ Воронечь расположенъ выше Заволочья при рѣкѣ (У)совкѣ и благодаря удобному положенію этой рѣки, впадающей въ Великую, а чрезъ нее у Пскова въ Пельбское (Pelba) озеро и далѣе въ заливъ Финляндскій, былъ нѣкогда обширенъ и по торговлѣ, и по числу жителей. При немъ была крѣпость, которая въ виду множества укрѣпленныхъ мѣстъ по сосѣдству, была оставлена Москвитянами. Теперь Москвитяне опасались, что Заволочьскій гарнизонъ можетъ легко овладѣть неукрѣпленнымъ городомъ, и потому хотѣли его заранѣе сжечь, а горожанъ, которые принесли присягу по приглашенію польскихъ властей, наказать, примѣнивъ къ нимъ, для устрашенія другихъ, всѣ виды мученія. И такъ, собравъ нѣсколько войска, они двинулись, для того чтобы захватить городъ нечаяннымъ нападеніемъ, но бдительный въ своей должности и опасеніяхъ прокураторъ (т. е. войтъ) немедленно извѣстилъ Сибрика; послѣдній, разбивъ Москвитянъ, занялъ вмѣстѣ съ Киралiемъ мѣстность, на которой стояла крѣпость и поставивъ тамъ гарнизонъ, укрѣпилъ ее сообразно обстоятельствамъ военными корзинами и, руководимый самими крестьянами, которымъ извѣстны были сосѣднія мѣста, взялъ потомъ съ непріятельской земли много добычи. Филонъ Кмита (Philo Kmita), подстрекаемый успѣхомъ холмскаго нападенія, по присоединеніи къ нему того же Сибрика и другихъ крѣпостныхъ войскъ, напалъ на Старую Русу, по направленію къ Новгороду. Изъ этого мѣста Московскій князь извлекалъ большіе доходы съ солова- 1581.

1581. ренъ; здѣсь большое населеніе и обширная торговля. Филонъ безъ труда разграбилъ этотъ городъ, устроенный болѣе для пользы соловаренъ и торговыхъ дѣлъ, расположенный на мѣстѣ, отдаленномъ отъ границъ, и неукрѣпленный никакими искусственными сооруженіями; войско его воротилось обремененное добычей.

КНИГА IV.

По распущеніи сейма, какъ это было описано въ предыдущей книгѣ, король приказалъ Замойскому какъ можно скорѣе набирать солдатъ для восполненія убыли въ войскѣ въ виду предстоящаго похода, и привести ихъ поспѣшно въ Литву, а самъ отправился прямо въ Гродно, оттуда въ Вильну. Въ это время онъ написалъ брату Христофору, владѣтелю Трансильванскому, относительно новаго набора венгерскихъ всадниковъ и пѣхотинцевъ. Письменно дано было порученіе набирать нѣмецкихъ солдатъ Фаренсбеку, который уже раньше доказалъ, что онъ можетъ доставить въ значительномъ количествѣ испытанныхъ солдатъ, служившихъ прежде въ Нидерландахъ. Чтобы имѣть у себя болѣе отборную пѣхоту, Замойскій приказалъ Уровецкому, отпустивъ эскадронъ всадниковъ, надъ которымъ тотъ командовалъ, набирать пѣхоту изъ одной только шляхты. Пока еще не были собраны податныя деньги, эти приготовленія производились частію на тѣ деньги, которыя были, какъ сказано, получены отъ государей, частію на ту сумму, которую прислалъ королю вмѣсто военной помощи маркграфъ, Прусскій герцогъ, частію на деньги самого короля, но болѣе всего помогало усердіе самой шляхты, которой огромное число было привлечено Замойскимъ. Общая готовность была столь велика, что многіе шли на войну, и поспѣвали къ сроку, даже не получивъ впередъ никакихъ денегъ на снаряженіе; очень

многіе получили нѣкоторую часть жалованья только въ самомъ лагерѣ. Когда король уже выступилъ въ Гродно, прибылъ къ нему гонецъ отъ Московскаго царя съ письмомъ, что тотчасъ придутъ другіе послы съ болѣе обширными полномочіями, на основаніи которыхъ можно де будетъ условиться относительно мира; пока же пусть король не собираетъ войска и не идетъ дальше, пусть удержится отъ напрасныхъ издержекъ и труда [1]. Послы явились; на просьбу ихъ дана была аудіенція. Послѣ длинныхъ проволочекъ, по обыкновенію, и послѣ преній съ той и другой стороны, они наконецъ договорились до того, что за исключеніемъ Нарвы, Нейшлосса, Дерпта, Адзева (Адежа), Ливонскаго Новогродка, называемаго Нѣмцами Нейгаузъ, уступали королю всю Ливонію вмѣстѣ съ тѣми мѣстностями, которыя они раньше взяли, Вейсенштейнъ, Фелинъ, Перновъ и всѣ другія. Король объявилъ на это, что не можетъ быть никакой рѣчи о мирѣ, если Московскій царь не уступитъ ему всей Ливоніи. Послы настойчиво требовали, чтобы было объявлено имъ также, какія намѣренія имѣетъ король относительно возвращенія отнятыхъ у ихъ государя земель, такъ какъ они съ своей стороны объявили отъ лица своего государя, что онъ намѣренъ уступить. Именно, они сами требовали назадъ, за исключеніемъ Полоцкой области, входившей изстари въ составъ владѣній королевскихъ, всего остальнаго, что было взято во время войны въ предшествовавшіе годы. На это имъ было объявлено, что король готовъ возвратить сказанныя земли государю ихъ, кромѣ Велижа, отъ котораго онъ ни подъ какимъ видомъ не откажется, но съ тѣмъ, что царь передастъ ему крѣпость Себежъ, находящуюся совершенно внутри королевскихъ земель, или же разрушитъ ее; а чтобы царю легче было согласиться на это, онъ въ свою очередь разрушитъ Дриссу; и затѣмъ пусть царь 1581.

[1]) Рѣчь идетъ о грамотѣ, отправленной съ легкимъ гонцемъ Григорьемъ Кабардеевымъ отъ 5-го марта 1581 года, извѣщавшей о назначеніи послами Пушкина и Писемскаго. Метрика Литовск. II, № 62.

1581. заплатить часть военныхъ издержекъ, въ количествѣ 400.000 золотыхъ. Послы просили позволенія довести о такихъ предложеніяхъ до свѣдѣнія своего государя, и требовали, чтобы тоже ему было написано отъ имени короля [1]). Въ тоже время перешелъ на сторону короля Богданъ Бѣльскій (Bogdanus Bilscius) [2]), двоюродный братъ котораго, снискавъ любовь Московскаго царя, пользовался величайшимъ его довѣріемъ. Московскій царь отправилъ пословъ къ Римскому императору Рудольфу; отправившись отъ него затѣмъ дальше, они прибыли въ Римъ къ папѣ. Чрезъ посольство къ папѣ царь обѣщалъ свою помощь христіанству противъ Турокъ, жаловался на обиды, наносимыя ему королемъ и даже, говорятъ, тайно просилъ, чтобы папа склонилъ того къ миру; во всякомъ случаѣ самыми своими жалобами онъ довольно ясно обнаружилъ свое желаніе, чтобы папа взялъ на себя посредничество. Въ Польшу приходили извѣстія, будто люди греческой вѣры долго отказывались поцѣловать ногу у папы, такъ какъ это противно ихъ обычаю, но что наконецъ ихъ все-таки заставили сдѣлать это. Папа назначилъ Антонія Поссевина, который вмѣстѣ съ ними долженъ былъ отправиться въ Москву. Такъ какъ путь чрезъ королевскія области былъ загражденъ, и Москвитяне потому шли назадъ сперва чрезъ Германію на Любекъ, чтобы оттуда переправиться въ Нарву, то Антоній Поссевинъ письменно извѣстилъ короля о своемъ посольствѣ и заявилъ, что если будетъ то позволено, онъ пойдетъ чрезъ Польшу и Литву. Король не только ему позволилъ, но отвѣчалъ, что позволяетъ тоже и посламъ самаго Московскаго царя. Однако послѣдніе, не желая ни въ чемъ отступать отъ приказаній своего государя,

[1]) Акты посольства Пушкина и Писемскаго находятся въ печатной Литовской Метрикѣ подъ №№ 65, 66, 67.

[2]) Собственно не Богданъ Бѣльскій — любимецъ Іоанна, но Давидъ Бѣльскій бѣжалъ къ Стефану. *Карамз.* T. IX, гл. 5, стр. 187 и примѣч. 556. Это случилось въ іюнѣ 1581 г.

пошли въ Любекъ и оттуда, тою же дорогою, которою раньше 1581.
шли, вернулись въ Москву къ своему государю. Въ то же время получено было извѣстіе о смерти брата короля, князя Трансильванскаго, Христофора; это извѣстіе съ одной стороны сильно огорчило короля, съ другой въ особенности воодушевило Московскаго царя; онъ полагалъ, что король будетъ отвлеченъ изъ Польши дѣлами своего брата въ Трансильванію, и что ему дано будетъ время собраться съ силами для того, чтобы снова отвергнуть миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя, какъ мы указали, были имъ самимъ незадолго передъ тѣмъ предложены. Но король уже раньше позаботился о томъ, чтобы дѣла Трансильванскія не отвлекли его отъ заботъ о войнѣ; думая, что возрастъ брата зашелъ далѣе обычнаго предѣла человѣческой жизни, и видя, что онъ страдаетъ непрерывными болями въ сочлененіяхъ, король Стефанъ прежде чѣмъ отправиться на сеймъ въ Варшаву, внушилъ брату и мѣстнымъ чинамъ на всякій случай избрать и назначить Сигизмунда, сына Христофора. Въ Варшаву по этому поводу приходили послы къ королю, Александръ Кендій (Alexander Kendius) и Владиславъ Самборскій (Vladislaus Samborius); по возвращеніи ихъ потомъ домой, согласно съ совѣтомъ короля Стефана, голосомъ всѣхъ сословій былъ выбранъ княземъ Сигизмундъ; при этомъ вышло такъ, что судьба умѣряла для князя Христофора радость горемъ, ибо сынъ его Сигизмундъ вступалъ на княженіе во время двухъ похоронъ, однихъ его жены, другихъ младшей его дочери. Почти всѣ питали весьма сильную надежду на миръ; съ одной стороны думали, что если даже Московскій царь не приметъ условія о тѣхъ 400.000 золотыхъ, то король все-таки изъ за этого не пойдетъ вопреки стремленіямъ чиновъ, желавшихъ, чтобы война окончилась, а съ другой стороны полагали, что и Московскій царь, уступившій изъ желанія мира почти всю Ливонію, не начнетъ войны ради тѣхъ немногихъ крѣпостей, которыя онъ исключалъ. Вслѣдствіе этого король согла-

1581. сился на перемиріе до извѣстнаго срока, впродолженіи котораго Московскій царь долженъ былъ ему отвѣтить. Но вскорѣ стало ясно, что послы уже тогда думали о томъ, какъ бы отступить отъ предложенныхъ условій. На границахъ Московскихъ къ Смоленску находился въ то время предводитель казаковъ Винцентій, о коемъ мы упоминали выше. Онъ присталъ къ посламъ, какъ только они переступили границу, и отправился вмѣстѣ съ ними тѣмъ же путемъ въ Вильну, и по дорогѣ свелъ съ ними тѣсную дружбу, и вотъ они начали возбуждать этого человѣка перейти на сторону ихъ государя. Сперва онъ рѣзко отказывался; когда же тѣ продолжали настаивать, то онъ донесъ объ этомъ властямъ въ Вильнѣ; по ихъ совѣту, онъ притворился, будто переходитъ на сторону Московцевъ, а для того, чтобы болѣе понравиться ихъ государю и чтобы не явиться къ нему безъ видимаго доказательства своего усердія, онъ потребовалъ отъ нихъ, пусть они поручатъ ему какія либо важныя письма, для доставленія къ царю. Тѣ обѣщали; однако, съ цѣлію какимъ либо способомъ испытать его вѣрность, они просили сначала сослужить одну службу собственно для нихъ самихъ, именно разузнать о времени, когда отправится король и гдѣ пойдетъ. Когда онъ донесъ объ этомъ властямъ, то для внушенія большаго къ нему довѣрія, ему врученъ былъ вѣрно описанный маршрутъ короля; получивъ его отъ перебѣжчика, какъ бы въ залогъ его вѣрности, послы поручили ему доставить письмо къ ихъ государю. Въ этомъ письмѣ они убѣждали царя быть твердымъ, ибо, говорили они, у короля вообще собрано мало войска, и при томъ, по случаю смерти брата, Трансильванскія дѣла могутъ потребовать его присутствія, тѣмъ болѣе, что по слухамъ той странѣ угрожаютъ Турки; это де заставитъ его менѣе заниматься Московскою войной. Въ то время, какъ король пребывалъ въ Вильнѣ, Московскій царь укрѣплялъ всѣми средствами Псковъ, такъ какъ былъ убѣжденъ, что противъ него направится въ

эту войну непріятель. Онъ велѣлъ съ большою поспѣшностью **1581**.
чинить стѣны, оставленныя въ пренебреженіи вслѣдствіе ветхости; къ прежнимъ укрѣпленіямъ прибавилъ новыя. Взявъ изъ всѣхъ другихъ крѣпостей крѣпостныя войска, онъ стянулъ ихъ въ это мѣсто. Съ другой стороны, французъ Понтусъ-де-ля Гарди, полковникъ шведской службы, которому Шведскій король отдалъ свою незаконную дочь въ супружество, занялъ нѣкоторыя крайнія крѣпости Ливонскія, находившіяся на о. Эзелѣ и въ Приморской Ливоніи. Уже раньше, лишь только король прибылъ въ Польшу, Шведскій король чрезъ своего посла усердно побуждалъ короля къ войнѣ противъ Московскаго царя и велъ рѣчь о договорѣ и о союзѣ противъ общаго врага. Тогда король отправилъ къ нему по этому поводу Ивана Герборта, Саноцкаго кастеляна; съ той и другой стороны были выставлены разныя условія и между прочимъ слѣдующія: пусть Шведскій король передастъ Польскому еще и Ревель и пусть королю Польскому достанутся земли по сю сторону рѣки Наровы; остальныя же земли за Наровой въ сосѣдствѣ со Швеціей по направленію къ Ледовитому морю, занятыя соединенными войсками, пусть принадлежатъ Шведскому королю. Такъ какъ король Польскій не хотѣлъ откладывать войны, то на дорогѣ въ Полоцкъ онъ снова послалъ изъ Вильны къ Шведскому королю Лаврентія Гослицкаго; объявляя о своемъ выступленіи въ походъ, онъ убѣждалъ Шведскаго короля напасть съ своей стороны съ войскомъ на Московское государство, предлагая ему нѣкоторые планы взаимной помощи и веденія военныхъ дѣйствій. Король Шведскій на то отвѣчалъ, что онъ не желаетъ, чтобы ему предписывали, въ какую именно сторону онъ долженъ направлять свои войска и что кто что займетъ, тѣмъ и будетъ владѣть; тогда Гослицкій, какъ ему приказано было, потребовалъ, чтобы онъ всетаки не касался Ливоніи, ради которой, какъ онъ знаетъ, король и предпринялъ преимущественно войну, и которая принадлежитъ тому по

1581. праву, торжественно заявляя, что король никакъ не можетъ поступиться правомъ своимъ и государственнымъ на Ливонію. Теперь, когда дѣло дошло до того, что Московскій царь чрезъ пословъ предложилъ ему всю почти Ливонію, король снова увѣдомилъ Шведскаго государя и военачальника, полковника его войскъ, письменно о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла и требовалъ, чтобы они удерживались вообще отъ Ливоніи, помня, что она уже принадлежитъ не непріятелю, но ему, и требовалъ, чтобы они вели войну съ непріятелемъ, если имъ такъ угодно, въ другихъ лучше мѣстахъ.

Пославъ впередъ изъ Вильны пушки и всѣ военныя орудія въ Поставу, онъ самъ отправился въ Дисну. Тамъ онъ узналъ, что войско непріятельское было стянуто къ Смоленску и что оттуда сдѣлано было нападеніе на Могилевскую и Шкловскую области. На зимнихъ квартирахъ находилось въ тѣхъ мѣстностяхъ нѣсколько эскадроновъ всадниковъ; изъ числа ихъ эскадроны Христофора Радзивила и Мартина Казановскаго встрѣтили непріятеля, появившагося одновременно въ разныхъ мѣстахъ, имѣли съ нимъ нѣсколько счастливыхъ стычекъ, и заставили его, не долго пробывши въ нашей землѣ, тотчасъ вернуться на свои границы. Однако король, получивъ извѣстіе о такихъ нападеніяхъ непріятеля, тотчасъ отрядилъ Христофора Радзивила, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ въ Диснѣ, прибавивъ къ тѣмъ эскадронамъ всадниковъ, которые у него были, нѣсколько другихъ польскихъ, стоявшихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ у Днѣпра на зимнихъ квартирахъ, надлежащее число пѣхоты и нѣсколько легкихъ пушекъ, которыя ему слѣдовало отправить впередъ въ Витебскъ на судахъ. Онъ приказалъ ему прямо идти противъ непріятеля и завязать сраженіе, лишь только представится къ тому возможность. Если же непріятель уже ушелъ, то чтобы взявъ средній путь чрезъ Велижъ между Бѣлою и Торопцомъ, стараться и отсюда навести страхъ на противниковъ. Въ то же время онъ отправилъ къ Турецкому сул-

тану Ивана Ѳому Дроговскаго (Johannes Thomas Drojovius), **1581**.
старосту Премышльскаго. Причины посольства были слѣдующія: такъ какъ къ несчастію христіанства Трансильванія вмѣстѣ съ Венгріею сдѣлались данницею Турокъ, то король опасался, что, по смерти брата Христофора, Турецкій султанъ на новаго князя наложитъ болѣе тяжелыя условія; по этому слѣдовало требовать, чтобы онъ оставилъ новаго князя владѣть на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ владѣли этимъ княжествомъ прежніе князья, и заявить, что въ противномъ случаѣ король долженъ будетъ помочь своему отечеству и землякамъ. Но кромѣ того посольство отправлено было и для того, чтобы жаловаться на неправильныя дѣйствія воеводы Валашскаго Янкула, совершаемыя имъ во множествѣ въ отношеніи къ жителямъ королевскихъ областей и просить, чтобы онъ былъ смѣненъ, а вмѣсто его возстановленъ былъ въ прежнемъ своемъ достоинствѣ бывшій воевода Петръ, такъ какъ король спокойно переносить сосѣдство Янкула не можетъ, да и не долженъ равнодушно относиться къ оскорбленіямъ своихъ подданныхъ. Первое требованіе посольства было тотчасъ принято, исполненіе второго отложено до другаго времени. Въ тоже самое время и среди Татаръ произошли волненія. Девлетъ-Гирей, недавній властитель Татаръ, оставилъ послѣ себя очень много дѣтей. Ему наслѣдовалъ донынѣ находящійся во власти Магометъ-Гирей; имѣя среди братьевъ почти ровесника по лѣтамъ, Адлея, человѣка даровитаго и пользовавшагося у своихъ хорошею репутаціею за свою храбрость, онъ не осмѣлился его убить, хотя по турецкому обычаю у Татаръ въ большинствѣ случаевъ, ради безопасности наслѣдующаго княжескую власть, остальныя дѣти князей лишаются жизни; однако, чтобы не дать мѣста какимъ-либо замысламъ его честолюбія, онъ сдѣлалъ его калгой. Калгой называется у Татаръ главный военный начальникъ, пользующійся такимъ вліяніемъ, что и при жизни государя имѣетъ послѣ него наибольшее значеніе, а по смерти наслѣдуетъ тому

1581. на престолѣ. Когда Адлей былъ взятъ въ плѣнъ Персами и убитъ, Девлетъ-Гирей такимъ же образомъ передалъ второму его брату Али-Гирею эту должность, и привлекъ его на свою сторону, возбудивъ въ немъ надежду на то, что будетъ наслѣдникомъ. Но укрѣпившись потомъ на престолѣ, побуждаемый и лѣтами сына своего Сади, и отеческою любовью,—онъ свергнувъ брата, назначилъ на его мѣсто сына, и боясь, что тотъ, возмущенный этой несправедливостью, составитъ противъ него заговоръ вмѣстѣ съ вторымъ младшимъ братомъ Солометомъ-Гиреемъ, задумалъ опять братоубійство, которое онъ раньше не привелъ въ исполненіе частію вслѣдствіе боязни, частію изъ жалости, и рѣшился ихъ умертвить теперь, прежде чѣмъ они будутъ въ состояніи замыслить что либо противъ него. Испугавшись такой опасности, они принуждены были бѣжать и, долго проблуждавши на границахъ, были захвачены казаками и приведены къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ Черкасскому. Получивши отъ послѣдняго донесеніе о бѣглецахъ, король приказалъ задержать ихъ до своего прибытія. Между тѣмъ король отправилъ впередъ на судахъ, уже прежде, какъ мы указали, испытаннымъ воднымъ путемъ, чрезъ Диспу въ Двину, а оттуда дальше чрезъ Дриссу, тяжелыя военныя орудія, и сдѣлавъ въ Диснѣ смотръ части войска, прибылъ въ Полоцкъ. Когда онъ занимался смотромъ другихъ войскъ, сюда возвратился отъ Московскаго царя съ грамотой Христофоръ Держекъ, который, по просьбѣ московскихъ пословъ, былъ раньше отправленъ королемъ къ Московскому царю. Грамота эта была совершенно другаго содержанія, нежели прежняя [1]). Повторивъ въ длинной и многословной рѣчи все происшедшее съ самаго начала,—

[1]) Она теперь напечатана въ Литовской Метрикѣ т. II. См. № 68, стр. 140—157. «Отписъ отъ князя великаго до его королевской милости черезъ Криштофа Держка, гонца его королевской милости, принесенный до Полоцка, тягнучы его королевской милости подо Псковъ, писано въ Москвѣ 29-го іюня».

Московскій царь все истолковывалъ въ худую сторону и бралъ назадъ все то, что предложено было королю чрезъ его пословъ; его возмущало въ особенности то, что король не хотѣлъ согласиться на Невельскія условія, требовалъ разрушенія Себежа и денегъ за военныя издержки, что король говорилъ, будто дѣла уже не въ такомъ положеніи, въ какомъ были въ Невлѣ, и ссылался на свои большія издержки, которыхъ потребовала осада Заволочья; въ своемъ письмѣ царь спрашивалъ, по чьему побужденію или просьбѣ король осаждалъ и бралъ Заволочье; онъ могъ бы оставить этотъ трудъ, и конечно не по его желанію послѣдовало занятіе онаго [1]). Что же касается до требованія денегъ, то король вѣдь знаетъ, что онъ, т. е. царь, не желаетъ быть его данникомъ, да къ тому же неслыханное дѣло между государями высчитывать расходы на войну или требовать денегъ за нихъ [2]). Еще когда король Сигизмудъ не пра- 1581.

[1]) Стр. 146. «И волочилъ еси нашихъ пословъ за собою осень всю, да и зиму держалъ еси ихъ у себя, и отпустилъ еси ихъ ни с чимъ, а тымъ всимъ насъ укоряя и поругаяся намъ. А что твои паны рада говорили нашимъ посломъ подъ Невлемъ и на чомъ хотели тогда делати, да какъ у тебя были послы наши въ Варшаве, и паны твои рада потому не захотели делати; а в кою пору приходили твои паны рада къ нашимъ посломъ с ответомъ, и в ту пору с ними пришли твоихъ людей чоловѣкъ сорокъ, а паны твои рада нашимъ посломъ сказали, что то твоя меньшая рада, и того ни при которыхъ твоихъ предкахъ не бывало, чтобы тутъ опричь пановъ радныхъ иншія люли были..... А то твои панове, жалеючи ли о крови хрестианское, нашимъ посломъ Варшаве говорили, которые дела подъ Невлемъ мы с вами, а вы с нами говорили, и чего есте просили и что противъ того объявили и по тымъ мирамъ на покой хрестиянству статисе не можетъ; а после того ужъ продлилося долгое время, и наклады господару нашому и утраты въ воинстве не малые: взялъ господаръ нашъ господара вашого послѣ того Заволочье, а ныне вжо почалъ господаръ нашъ воинство свое избирати изнова и то, ведь, не безъ накладу жъ. И то хрестиянское ли дѣло твои панове говорять? А о кровопролитстве хрестиянскомъ не жалеють, а о накладе жалеють! А коли тобе убытокъ, и ты бы Заволочъя не ималъ: хто тобе о томъ билъ чоломъ?

[2]) Стр. 155. «А что подъему просишъ, и то вставлено з бесерменскаго обычая: такие запросы просятъ татарове, а въ хрестиянскихъ господарствахъ того не ведется, чтобъ господаръ господару выходъ давалъ,—того въ хрестиянехъ не ведется, то ведеться въ бесерманехъ..... А за што намъ тобе выходъ давати? Насъ же ты воевалъ, да такое плененье учинилъ, да на насъ же правь убытокъ. Хто тебе заставливалъ воевать? Мы тебе о томъ не били чоломъ, чтобы пожаловалъ, воевалъ».

1581. вилъ въ Польшѣ и Литвѣ, во время его отрочества основанъ былъ Себежъ, и онъ, царь, постоянно владѣлъ имъ даже и тогда, когда Полоцкъ былъ подъ властiю королей Польскихъ; кромѣ того, хотя бы онъ и разрушилъ Себежъ, а король—Дриссу, однако король всегда можетъ, когда ему угодно будетъ, возстановить Дриссу, да наконецъ ничто не помѣшаетъ ему предъявить всегда какiя нибудь новыя требованiя [1]). Московскiй царь обвинялъ короля и въ томъ, что депутаты отъ шляхты были приглашены на совѣщанiе съ его послами, и въ этомъ поступкѣ онъ видѣлъ обиду себѣ [2]). Выражалъ свое негодованiе и на то, что король не посылаетъ къ нему никакихъ пословъ, и потому заявлялъ, что не пошлетъ также и самъ ни одного посла, развѣ только спустя 50 или 40 лѣтъ [3]). Много говорилъ о своемъ правѣ на Ливонiю. Весьма сильно нападалъ на самого короля то за то, что тотъ не королевскаго происхожденiя, то за его жестокость относительно побѣжденныхъ, приводя въ доказательство (о чемъ выше упомянуто было) вырѣзыванiе жиру, то на его снисходительность по отношенiю къ тѣмъ же для того, чтобы привлечь ихъ къ переходу на свою сторону, затѣмъ порицалъ его за коварство и хитрость въ томъ, что сжегъ калеными ядрами—необыкновеннымъ способомъ—Соколъ [4]). По-

[1]) О Себежѣ въ грамотѣ стр. 153, а, и 154, б.

[2]) См. въ примѣчанiи 1-мъ на предыдущей страницѣ. Гейденштейнъ, какъ отсюда видно, не слѣдуетъ въ своемъ изложенiи порядку и ходу мыслей въ подлинной грамотѣ; впрочемъ и послѣдняя, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она напечатана, не отличается послѣдовательностiю и раздѣльностiю пунктовъ.

[3]) Стр. 156, т.-е. почти въ концѣ грамоты. «А будеть же не похочешъ добраго дела делати и похочешъ кровопролитства хрестиянского, и ты бъ нашихъ пословъ къ намъ отпустилъ, а уже впередъ лѣтъ на сорокъ и на пятдесятъ посломъ и гонцомъ промежъ насъ не хаживати».

[4]) О правахъ на Ливонiю стр. 147, б. въ концѣ и слѣд. до 151; нападки на короля относительно происхожденiя стр. 143 (впрочемъ слегка); относительно жестокости—стр. 144. б, («твои люди собацкимъ обычаемъ дѣлали, выбирая воеводъ и детей боярскихъ лутчихъ мертвыхъ, да у нихъ бруха възрезывали, да сало и жолчъ выймали, какъ бы волховнымъ обычаемъ»); относительно привлеченiя чужихъ людей стр. 155; относительно Сокола стр. 144: «пришедши подъ Соколъ воевода твой Виленскии—Соколъ новымъ умышленiемъ взялъ».

лучивъ такую грамоту, король отвѣчалъ посламъ, что, хотя онъ могъ бы по народному праву считать ихъ, какъ враговъ, такъ какъ они пришли къ нему подъ предлогомъ просить мира, а на самомъ дѣлѣ чтобы высмотрѣть все и обмануть его, однако онъ не желаетъ изъ-за ихъ коварства отступать отъ своей постоянной кротости и снисходительности, и потому пусть они сами возвращаются къ своему государю; онъ же отвѣтитъ на его грамату чрезъ своего посла. Вмѣстѣ съ ними отправился къ царю Московскому Антоній Поссевинъ, который, какъ мы выше указали, былъ посланъ къ нему папою. Король подарилъ ему воеводъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Велижѣ. Затѣмъ король прибылъ въ Заволочье, на этотъ разъ безъ особыхъ затрудненій пройдя лѣса, такъ какъ страна была замирена уже раньше по приказанію короля; стараніемъ жителей Заволочья были наведены мосты и проложены болѣе удобные пути. Хотя общее мнѣніе относительно цѣли похода уже заранѣе безъ всякаго колебанія склонилось въ пользу того, что нужно идти на Псковъ, однако король, желая чтобы рѣшеніе было постановлено соотвѣтственно обстоятельствамъ настоящаго положенія и болѣе правильнымъ образомъ, держалъ объ этомъ совѣтъ. Большинство оставалось при прежнемъ убѣжденіи, въ пользу котораго говорилъ также и самый ходъ военныхъ дѣлъ, а равно и цѣль, ради которой предпринята была война, такъ какъ всѣ были между собою согласны, что по покореніи этого города въ тоже время подчинится и вся Ливонія, которая въ то время представлялась единственнымъ поводомъ къ войнѣ. Однако король и немногіе съ нимъ колебались, не идти ли лучше къ Великому Новгороду, дворянство котораго, какъ слышно было, волнуется почему-то противъ Московскаго царя? Но казалось очень опаснымъ оставить позади себя обширнѣйшій городъ, куда собрались какъ-бы всѣ непріятельскія войска; этотъ городъ даже послѣ удачныхъ военныхъ дѣйствій при Новгородѣ все-таки можетъ пріостановить дальнѣйшіе успѣхи, а если въ непрія-

1581.

1581. тельской землѣ имъ пришлось бы пострадать, положимъ, не столько отъ войны, сколько отъ непогоды, болѣзней и другихъ бѣдствій, то при отступленіи онъ могъ бы внушать чрезвычайныя опасенія. Одинъ только Вейеръ былъ того мнѣнія, что нужно идти къ Дерпту, на томъ основаніи, что большая часть гарнизоннаго войска выведена оттуда для защиты Пскова, и слѣдовательно не трудно будетъ завоевать его, тѣмъ самымъ открыть себѣ доступъ ко всей остальной Ливоніи, которая собственно и составляетъ цѣль этой войны. Одержалъ верхъ голосъ большинства и какъ бы естественный и послѣдовательный ходъ самыхъ дѣлъ, который указывалъ прежде всего на Псковъ, чтобы идти туда. Ибо хотя войску можно было отступить, какъ казалось, черезъ рѣку Ловать, которая, направляясь отъ Лукъ въ Новгородъ, въ большей части своего теченія принадлежитъ намъ; но такъ какъ всѣ суда были уведены непріятелями, а для постройки другихъ въ такое короткое время въ провинціи новой и не совсѣмъ еще надежной не представлялось возможности, да притомъ и р. Ловать не во все время года судоходна, то и отъ этого также, ясно было, войско можетъ получить немного облегченія. Что же касается до крѣпостей, угрожавшихъ съ боковъ, то король долго колебался: нужно ли ему попробовать взять ихъ, прежде чѣмъ отправиться въ Псковъ, или осаду ихъ отложить до другаго времени? Изъ этихъ крѣпостей Московскій царь самъ, уведя сперва пушки и всѣ снаряды, около этого же времени разрушилъ Красногородъ, овладѣть которымъ тщетно пыталось нѣкогда войско Сигизмунда Августа, а потомъ Велію, такъ какъ не разсчитывалъ на возможность удержать ее. Остались Себежъ, Опочка и Островъ. Хотя Себежъ оставался у лѣваго берега Двины съ тылу, и могъ, конечно, мѣшать судоходству по этой рѣкѣ, однако, такъ какъ путь къ нему велъ лѣсистыми, по большей части непроходимыми и опасными мѣстами, то казалось лучше или оставить его до другаго времени, или въ случаѣ, если бы дѣло между тѣмъ пришло къ миру,

взамѣнъ его предложить другую крѣпость, нежели потратить время, нужное для болѣе важныхъ дѣлъ, на преодолѣніе лѣсовъ и трудностей пути и наконецъ на самую осаду. Опочка, какъ казалось, не на столько преграждала путь, чтобы нельзя было ее обойти; кромѣ того рѣка Великая выше Опочки еще не была такъ глубока, чтобы можно было спустить по ней пушки и военные снаряды, на каковое удобство нѣкоторые преимущественно обращали вниманіе; и, хотя бы она была судоходна, все-таки казалось, не слѣдовало ради ея замедлять осады Пскова. Къ тому присоединялось еще то, что, какъ полагали, можно легко воспрепятствовать всякимъ изъ нея вылазкамъ, наблюдая за нею изъ крѣпостей Заволочья и Воронеча. Кстати произошло и то, что около того же времени казаки укрѣпили въ поспѣшной работѣ Красногородъ, покинутый Москвитянами, чтобы сдѣлать въ немъ складъ для добычи, добываемой въ непріятельской землѣ. Король тотчасъ отправилъ туда нѣсколько войска съ легкими пушками и, разставивъ туры, приказалъ тщательнѣе укрѣпить мѣсто и препятствовать гарнизонамъ Себежскому и Опочецкому. И такъ, по занятіи Красногорска, Заволочья и Воронеча, изъ коихъ, какъ казалось, легко можно было удерживать Себежскій и Опочецкій гарнизонъ, за исключеніемъ ихъ оставался еще одинъ только Островъ, выходившій на самую дорогу ко Пскову. Къ Христофору Радзивилу, который, какъ мы выше указали, былъ посланъ удерживать непріятеля у Днѣпра, король приказалъ въ тоже время присоединиться Филону Кмитѣ, равно какъ Литовскимъ Татарамъ, нѣкогда получившимъ въ подарокъ отъ князя Витовта земли для поселенія и теперь поставленнымъ подъ начальство Михаила Гарабурды; задачею ихъ было удерживать непріятеля страхомъ неизвѣстности и мстить за прежнія нападенія взаимными опустошеніями; о чемъ написано было Радзивилу. Прежде чѣмъ двинуться изъ Заволочья, король отправилъ курьера съ письмомъ къ Московскому царю, и хотя онъ былъ убѣжденъ, что обвиненія

1581.

1581. царя нисколько не могутъ умалить его чести и считалъ несовмѣстнымъ съ величіемъ души бранить съ оружіемъ въ рукахъ своего непріятеля, тѣмъ не менѣе, чтобы тотъ по причинѣ молчанія его по обыкновенію своему не возъимѣлъ еще большаго высокомѣрія, отвѣчалъ и на прежнія его грамоты [1]. Въ своемъ отвѣтѣ онъ разъяснилъ, какъ именно произошло на самомъ дѣлѣ все то, что Московскій царь истолковывалъ въ смыслѣ обиды для себя; показывалъ, почему онъ не могъ соблюдать условій Невельскихъ, говорилъ, что онъ не требовалъ отъ него ничего обиднымъ образомъ или сверхъ обычая другихъ христіанскихъ государей; отвѣчалъ, что не вслѣдствіе чьихъ либо просьбъ онъ осаждалъ Заволочье, но вынужденъ былъ къ тому его же упорствомъ и несправедливыми дѣйствіями, что онъ не можетъ имѣть покоя, пока оружіемъ не добудетъ своего права, да и онъ самъ не иначе можетъ быть обращенъ къ справедливому образу дѣйствій, какъ только близкимъ страхомъ войны. На сколько возможно было, онъ нѣсколько разъ объяснялъ чрезъ своихъ пословъ, что чѣмъ дальше онъ будетъ тянуть дѣло и чѣмъ къ большимъ издержкамъ будетъ вызывать его своими проволочками, тѣмъ болѣе тяжелыя впослѣдствіи условія ему придется по необходимости предложить. Онъ потребовалъ денегъ за военныя издержки по обычаю и примѣру другихъ христіанскихъ государей и нѣтъ ничего болѣе согласнаго со справедливостью, какъ то, чтобы тотъ, кто наноситъ оскорбленіе, былъ бы и отвѣтчикомъ за всякое оскорбленіе; такъ какъ тому кажется это тяжелымъ, то пусть онъ знаетъ, что послѣ того онъ бу-

[1]) Длинное посланіе Баторія занимаетъ въ Литовской печатной Метрикѣ (т. II, № 74) страницы 177—206; писано въ Заволочьѣ 2-го августа 1581 г. Ср. *Карамз.* Т. IX, гл. 5, примѣч. 561: «въ сей грамотѣ, писанной варварскимъ языкомъ, ни русскимъ, ни польскимъ, около двухъ сотъ страницъ». Ср. *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская Истор. II, 297, примѣч. 105. Письмо это первоначально было писано по латыни Гизіусомъ (въ этомъ видѣ напечатано въ Histor. Russiae Monumenta Тургенева I, № CCXXV), на польскій было переведено Замойскимъ (у *Кояловича*, дневникъ послѣдняго похода Баторія, прилож. 58), и уже съ польскаго переложено на западно-русскій языкъ, не признанный Карамзинымъ.

детъ сражаться не за Ливонію или за военныя издержки, но за верховную власть. Что касается до того, что Себежъ, по его словамъ, основанъ во время его малолѣтства, если этимъ онъ надѣется преимущественно доказать свое право, то этимъ всего болѣе обнаруживается его коварство. Такъ какъ Полоцкая область всегда доходила до рѣки Двины, и внутри ея недавно былъ построенъ Себежъ, то это служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что онъ неправедно выстроенъ на чужой землѣ. Что король сталъ прибавлять къ прежнимъ условіямъ постоянно новыя, это онъ могъ бы съ нѣкоторою основательностью утверждать, если бы раньше того попробовалъ согласиться на предложенныя королемъ условія. Шляхетскіе послы были приглашены на совѣщаніе съ послами для его же пользы; потому что все то, на что они согласились бы, имѣло бы большую крѣпость. Что касается до того, что онъ не посылалъ къ нему пословъ, то и въ этомъ нѣтъ повода его обвинять; ибо не существуетъ никакого закона относительно отправленія пословъ, кромѣ собственной выгоды или доброй воли каждаго, и все тутъ зависитъ скорѣе отъ личнаго разсужденія, чѣмъ отъ какой-либо необходимости. Что онъ не пришлетъ къ нему никакихъ пословъ послѣ 40 лѣтъ, то легко въ этомъ ему повѣрить; ибо это слишкомъ долгій вѣкъ и для добраго человѣка, не только для тирана, и потому онъ не пошлетъ спустя 50 или 40 лѣтъ, а можетъ быть захочетъ послать ранѣе того; что касается его самаго, короля, то онъ не намѣренъ заранѣе необдуманно связывать себя какими либо обязательствами въ такомъ дѣлѣ. Король говорилъ также о правѣ на Ливонію. На брань его отвѣчалъ, что онъ не таковъ, чтобы принимать какія либо ручательства, и что къ Московскому царю по справедливости не идетъ эта роль нападать на другихъ, такъ какъ его гнусность и жестокость извѣстны всѣмъ. Что не родился королемъ, то этимъ онъ не столько обижается сколько этому радуется, такъ какъ достигъ королевства благо- 1581.

1581. царя своей доблести, и былъ призванъ къ этому сану такъ, какъ избирается папа кардиналами, Императоръ, имѣющій первое достоинство среди христіанскихъ государей, курфюрстами Германіи, какъ многіе другіе короли и государи во всѣ времена каждый избирались сословіями своего королевства. Все-таки онъ считаетъ высокимъ и славнымъ свое происхожденіе хотя изъ частнаго дома, но отъ знаменитыхъ предковъ, которые часто оказывали большія услуги христіанскому міру, имѣли почетнѣйшія должности, управляли провинціями и много прославились своею доблестью и благочестіемъ; хотя его предки не были королями, однако онъ достигъ королевской власти своей доблестью, между тѣмъ какъ тотъ, если бы онъ не былъ царскаго происхожденія, по своимъ нравственнымъ качествамъ могъ бы быть скорѣе чѣмъ либо другимъ, только не государемъ; онъ нисколько не завидуетъ ему, потому что онъ сдѣлался государемъ Московскимъ не столько по выбору большинства людей или по отличной своей доблести, сколько потому, что онъ сынъ Глинской, дочери человѣка, нѣкогда измѣнившаго Сигизмунду. Жестокость, выразившаяся въ вырѣзываніи сала у нѣкоторыхъ труповъ пошла прежде всего не отъ него; кромѣ того, въ томъ и никакого нѣтъ проступка противъ правилъ благочестія и обычая христіанъ, такъ какъ медицинская наука допускаетъ, чтобы умѣть помогать живымъ, разрѣзаніе мертвыхъ даже на самыя мелкія части; смѣшна жалость того самаго человѣка, который, показывая на живыхъ образцы всевозможныхъ мученій, говоритъ о томъ, что его трогаетъ забота о мертвыхъ. Подобнаго же рода и обвиненія его въ мягкости и милости по отношенію къ побѣжденнымъ, такъ какъ онъ жалуется то на жестокость, то на мягкость и негодуетъ на то, что король не умертвилъ въ мученіяхъ всѣхъ взятыхъ имъ въ завоеванныхъ крѣпостяхъ. Что касается до обвиненія, будто Соколъ разрушенъ пожаромъ по необыкновенному способу, то въ этомъ онъ не столько обвиняетъ короля въ какомъ либо коварствѣ, сколько

обнаруживаетъ свое собственное невѣжество, которое весьма велико, какъ во всемъ, такъ и въ томъ, что многія прекрасныя открытія въ военномъ искусствѣ до сихъ поръ остаются ему неизвѣстными. Король давалъ весьма обстоятельный отвѣтъ по поводу и многихъ другихъ вещей; о всѣхъ ихъ упоминать здѣсь намъ даже и не приходится, тѣмъ болѣе, что это самое письмо находится въ обращеніи у людей. Въ концѣ письма онъ вызывалъ царя на поединокъ—и заявлялъ, что грамота эта посылается ему писанная по русски и по латыни; а чтобы онъ не слишкомъ предавался самодовольствію и узналъ мнѣнія о немъ другихъ людей, онъ послалъ ему вмѣстѣ съ письмомъ книги о его жестокости, изданныя въ Германіи [1]). **1581.**

Выступивши изъ Заволочья въ Воронечь, король въ этой послѣдней мѣстности принялъ новыя мѣры для большаго укрѣпленія военной дисциплины, частью исправивъ прежніе законы и частью дополнивъ ихъ. Эти писанные законы король предложилъ сперва сенаторамъ, затѣмъ военнымъ людямъ, всѣмъ начальникамъ, давъ возможность публично разбирать ихъ. Когда эти положенія были одобрены всѣми, то военные начальники стали просить о назначеніи военнаго гетмана и возстановленіи должности, существовавшей у предковъ ихъ и пользовавшейся большимъ значеніемъ въ государствѣ. Самъ король помнилъ, что въ прошломъ году, когда начальство было раздѣлено между многими, военная дисциплина въ лагерѣ не была хорошо охраняема, что его безпокоили даже по самымъ незначительнымъ дѣламъ, и что оттого происходили разныя другія неудобства; поэтому, призвавъ къ себѣ частнымъ образомъ Замойскаго, полезную дѣятельность котораго онъ уже испыталъ въ прежніе походы

[1]) О книгахъ см. *Карамз.* т. IX, гл. 5, примѣч. 561-е въ концѣ. *Albertrandi*, Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego pag. 202. Догадки обоихъ оказались не совсѣмъ удачными: авторъ дневника послѣдняго похода Баторія прямо говоритъ (стр. 36), что король имѣлъ въ виду послать сочиненіе итальянца Гваньини и другое какого-то Крауція (Craucii).

1581. и во многихъ весьма важныхъ дѣлахъ, объявилъ ему, что хочетъ ввѣрить ему означенную должность. Замойскій сталъ ссылаться на важность ея и на трудность, что онъ явился (на королевскую службу) во всѣхъ отношеніяхъ не подготовленнымъ, въ особенности же совсѣмъ не думалъ о подобной должности. Сначала Замойскій просто просилъ, чтобы король передалъ ее кому либо другому, или чтобы по крайней мѣрѣ не возлагалъ на него такого бремени, а потомъ сталъ даже сильно умолять короля. Но когда король ничего не хотѣлъ слышать, то онъ принялъ, говоря, что повинуется наконецъ Богу и ему, призываетъ ли онъ его къ славѣ, или только къ новымъ опасностямъ. Сообщивши сначала частнымъ образомъ свою мысль Замойскому, король потомъ сдѣлалъ тоже публично и, созвавъ раду, объявилъ ей, что онъ думаетъ. Такъ какъ всѣ одобрили его намѣреніе, то онъ чрезъ Андрея Зборовскаго, надворнаго маршалка, объявилъ, что Замойскій назначается постояннымъ и генеральнымъ гетманомъ войска съ наивысшею властію, какою только пользовались военачальники въ прежнія времена, а именно Янъ Тарновскій. Замойскій, какъ и раньше предъ королемъ, точно также и теперь публично говорилъ о великой тягости этого бремени, такъ какъ оно и само по себѣ тяжело и связано еще съ тѣмъ, что можетъ возбудить величайшую зависть; онъ явился въ армію не имѣя тѣхъ данныхъ, обладая которыми можно было бы взять на себя столь важную должность; набравъ, сколько приказано было королемъ войска, онъ отправился изъ дома съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принять на себя только нѣкоторое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, подобно тому, какъ это было въ прежніе походы; если же ему приходится управлять всею войной, то ему нужно было бы сперва подумать обо всемъ, относящемся къ войнѣ, все знать, извѣдать, приготовить раньше и съ этими свѣдѣніями явиться изъ дома; самому ему нужно было бы поближе узнать и раньше набрать намѣстниковъ и другихъ помощниковъ еще

дома; хотя послѣдніе у него есть, но все-таки ихъ не больше, **1581**.
чѣмъ нужно для управленія и командованія только набраннымъ имъ войскомъ. Наконецъ, какъ и прежде въ частной бесѣдѣ съ королемъ, такъ теперь и публично, Замойскій принялъ должность. Устроивъ все это, король вздумалъ сдѣлать осмотръ всему войску. На этомъ парадѣ передъ прочими гораздо лучше снаряженными оказались кавалерійскіе польскіе эскадроны, такъ какъ изъ знатныхъ семействъ собралось на эту войну далеко большее число, чѣмъ прежде на какую либо другую экспедицію. Замойскій въ числѣ другихъ къ прежнимъ своимъ войскамъ, которыя онъ навербовалъ въ прошлый годъ и которыя онъ по приказанію короля размѣстилъ для противодѣйствія непріятельскимъ вторженіямъ въ Ливонію на зимнихъ квартирахъ въ Самогитіи (Жмуди), присоединилъ нѣсколько тысячъ весьма хорошо вооруженныхъ всадниковъ и всѣ они—подобно тому, какъ въ прошлый походъ, по примѣру полководца, имѣли траурную одежду, теперь надѣли голубую. Одинаковаго съ ними рода была пѣхота Уровецкаго, набранная изъ однихъ только шляхтичей. Литовцы также нисколько не остались позади противъ прошлогодняго своего усердія и превосходнаго снаряженія. Когда король вмѣстѣ съ Замойскимъ установилъ маршрутъ, Литовцы отправились съ правой стороны, и къ нимъ были присоединены дворцовые солдаты, бывшіе при Гданскѣ и находившіеся тогда по причинѣ отсутствія Ивана Зборовскаго подъ начальствомъ Христофора Нищицкаго. Часть другихъ войскъ подъ предводительствомъ Станислава Тарновскаго, человѣка весьма знатной фамиліи и сенаторскаго сословія, Замойскій отправилъ впередъ къ Острову выбрать мѣсто для лагеря; съ нимъ же приказалъ отправиться Вейеру и Уровецкому. Тарновскій, согласно приказанію, проѣхавъ мимо крѣпости, расположился на Псковской дорогѣ, по которой должны были направляться и подкрѣпленія въ Островъ и отправляться гонцы оттуда, и сталъ устраивать все, что нужно

1581. было для осады. Между тѣмъ прибылъ и Замойскій и расположился лагеремъ въ нижней части рѣки Великой. Черезъ два дня за нимъ пришелъ и самъ король. Островъ находится на островѣ рѣки Великой и, такъ какъ съ суши нѣтъ доступа къ нему, то потому онъ и получилъ то названіе, которое означаетъ на славянскомъ языкѣ островъ. Городъ этотъ имѣетъ довольно крѣпкія каменныя стѣны и также очень много башенъ или больверковъ, въ особенности одинъ въ углу сѣверной крѣпостной части, откуда только и есть ворота и входъ въ крѣпость, замѣчательный по своей величинѣ и тщательно сдѣланный по образцу современныхъ больверковъ; онъ расположенъ такъ, что защищаетъ два бока крѣпости, одинъ по направленію къ сѣверу, другой къ востоку. Когда король разсуждалъ съ Замойскимъ относительно осады, онъ замѣтилъ, что западная сторона крѣпости немного изогнута полукругомъ такъ, что никакіе выстрѣлы изъ пушекъ нельзя направить по прямой линіи по этому боку и потому не должно бояться солдатамъ почти никакой опасности отъ пушекъ съ этой стороны. Вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ стрѣлять изъ пушекъ въ два другіе большіе больверка, обращенные къ югу, такъ какъ очевидно было, что если тѣ были бы оставлены защитниками, то въ виду того, что западная сторона, какъ уже раньше замѣчено, не представляетъ опасности, войско безопасно могло бы идти на приступъ. Венграмъ былъ назначенъ больверкъ восточнаго угла, Полякамъ западный; и когда въ два дня были сдѣланы окопы и поставлены между ними пушки, то и тамъ и здѣсь стали бить въ стѣны. Послѣ того какъ Венгры разбили непрерывными выстрѣлами пушекъ осаждаемую ими башню, а затѣмъ отчасти и ближайшую стѣну, то для нихъ открытъ былъ доступъ чрезъ развалины, которыя впрочемъ все-таки представляли слишкомъ крутой входъ въ крѣпость. Поляки, у коихъ пушками управлялъ Вейеръ, направили пушки на основаніе башни и на нижніе своды, потому что, казалось, что войти въ крѣпость

будетъ легче съ нижней части, также и для того, чтобы непріятель не могъ ихъ взорвать на воздухъ, подложивъ порохъ подъ фундаментъ, когда они займутъ верхнюю часть башни, что предполагалось нужнымъ съ тою цѣлію, чтобы оттуда черезъ окна стрѣлять изъ ружей и прогонять непріятеля изъ внутренней части крѣпости. Венгерцы хотѣли тотчасъ ворваться въ крѣпость по тѣмъ развалинамъ, благодаря которымъ стѣна была проломлена со стороны ихъ окоповъ. Замойскій удержалъ ихъ отъ нападенія, не желая, чтобы войско понесло ущербъ безъ нужды, тогда какъ его нужно было беречь въ цѣлости для предстоящаго важнаго дѣла. Когда съ тѣхъ и другихъ окоповъ снова съ усиленною яростію стали направлять выстрѣлы противъ стѣнъ крѣпости и проломы въ нихъ все болѣе и болѣе увеличивались, то непріятели въ тотъ же день согласились на сдачу. Уже наступала ночь, и нельзя было слишкомъ далеко ихъ отвести; поэтому, назначивъ имъ охрану, стали ихъ переводить изъ лагеря на отдѣльное мѣсто; между тѣмъ деревенскій народъ, напуганный воспоминаніемъ о Велико-Лукской рѣзнѣ, тотчасъ громкимъ голосомъ сталъ добровольно присягать королю. Такъ какъ крикъ этотъ повторялся нѣсколько разъ, то Замойскій, полагая, что они подвергаются какому-нибудь насилію, побѣжалъ туда; они стали говорить ему, что присягнули королю и впредь будутъ соблюдать ему вѣрность; а подняли такой громкій крикъ съ тою цѣлью, чтобы онъ былъ услышанъ даже самими Москвитянами. Прочіе и въ томъ числѣ начальникъ крѣпости Нащокинъ, родственникъ того, который, какъ мы упоминали, правилъ посольство у короля и впослѣдствіи взятъ былъ въ плѣнъ, были отпущены. Пославъ напередъ лазутчиковъ въ Псковъ, король затѣмъ выступилъ и самъ. Въ авангардѣ шли Балтазаръ, сынъ Андрея, брата короля, съ венгерскими полками и Брацлавскій воевода съ нѣсколькими польскими войсками. Когда они пришли къ рѣкѣ Черехѣ, впадающей съ востока въ Великую, то часть

1581.

1581. Венгерцевъ переправилась чрезъ рѣку и раздѣлилась на 3 отряда. Первый отрядъ прямо отправился ко Пскову, остальные два въ разныхъ мѣстахъ засѣли въ засадѣ. Первые, встрѣтившись съ непріятельскимъ объѣздомъ, тотчасъ стали отступать; непріятели же, боясь засады, что и въ самомъ дѣлѣ было, однако послѣдовали за отступавшими, и когда вторые поднялись изъ засады, то, не боясь уже ничего больше, такъ какъ превосходили оба отряда численностью, бросились въ разсыпную ихъ преслѣдовать и попали на третьихъ, которыми и были обращены въ бѣгство; взятые въ плѣнъ три человѣка изъ боярскаго рода были приведены въ лагерь и отъ нихъ узнано было, сколько въ городѣ войскъ, каковъ гарнизонъ и каковъ духъ непріятелей. Съ подобнымъ же успѣхомъ Сигизмундъ Росный, будучи посланъ съ отрядомъ польскихъ ветерановъ, которые, какъ мы выше указали, были присоединены къ литовскимъ, и затѣмъ съ нѣсколькими нѣмецкими воинами, между которыми находился волонтеромъ Редеръ изъ Силезіи, сдѣлавъ вылазку у города, привелъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Самъ Замойскій сперва переправившись чрезъ рѣку Череху, потомъ рѣку Пскову, объѣхалъ кругомъ города, чтобы узнать его мѣстоположеніе. Тутъ случилось, что, взявъ съ собою одного Уровецкаго и приказавъ другимъ слѣдовать за ними, онъ, чтобы лучше разсмотрѣть вблизи расположеніе города, подошелъ подъ самыя какъ бы стѣны противъ какихъ то воротъ; непріятели, завидѣвши его, выслали противъ него эскадронъ всадниковъ и, когда послѣдній подошелъ къ нему на разстояніе выстрѣла стрѣлы, то Замойскій, хотя и видѣлъ свое опасное положеніе, однако не смутился, а выше упомянутый отрядъ боялся засады, и въ продолженіе значительнаго промежутка времени они стояли другъ противъ друга, ни тотъ ни другой не двигаясь. Между тѣмъ подоспѣли и тѣ, которые запоздали и, напавъ на непріятелей, прогнали ихъ въ городъ. Король, также подступивъ близко къ городу, самъ объѣхалъ его вмѣстѣ съ Замойскимъ, желая разсмотрѣть мѣстность.

Самое древнее упоминаніе о городѣ Псковѣ, около 6412-го **1581.**
года отъ сотворенія міра [1]), находится въ лѣтописяхъ Псковскихъ, которыя найдены были въ числѣ другихъ въ Полоцкой библіотекѣ и попали въ наши руки; въ этомъ году, какъ говорятъ, сынъ Рюрика, князя Русскаго, Игорь, взялъ себѣ въ супруги изъ того города Ольгу, отъ которой родился у него сынъ Святославъ. Затѣмъ, какъ разсказываютъ, у Псковитянъ были многочисленныя войны съ сосѣдними народами; преимущественно, однако, заключивъ договоръ съ Новгородцами, они воевали и нанесли пораженіе народу Иколамъ, имя коихъ, какъ кажется, вмѣстѣ съ государствомъ, также съ этого времени исчезло. Часто происходили у нихъ стычки и съ Судетами, владѣвшими нѣкогда тѣми мѣстами, на которыхъ теперь находится Дерптъ, и съ Ливонскими Нѣмцами, такъ какъ Псковитяне старались или не допускать ихъ на свои границы, или же сами вносили войну въ ихъ предѣлы. Городъ даже былъ взятъ Нѣмцами, какъ гласитъ преданіе, около 6750-го года. Однако, немного спустя послѣ того, Александръ Ярославовичъ, изъ рода Мономахова, возвратилъ свободу городу; будучи отправленъ ханомъ татарскимъ Батыемъ и получивши въ подмогу татарскія вспомогательныя войска, онъ побѣдилъ въ сраженіи Ливонцевъ и затѣмъ по договору возвратилъ городъ; несмотря на это, и послѣ того были продолжительныя у города войны съ тѣми же Ливонцами. Хорошо извѣстно, что этотъ городъ нѣкогда имѣлъ особенно большое значеніе по своему богатству и, прежде чѣмъ былъ приведенъ въ зависимость отцемъ этого царя Василіемъ, не только имѣлъ свои законы и своихъ правителей, но, что можетъ быть еще болѣе достойно удивленія въ той странѣ, превосходно даже управлялся ими. Самыми первыми считаются посадники, что, если переводить слово въ слово, означаетъ засѣдателей, изъ которыхъ составлялась дума;

[1]) Псков. Лѣт. III, стр. 9-я.

*

1581. при обсужденіи болѣе важныхъ дѣлъ, при принятіи пословъ и при отпускѣ ихъ, при утвержденіи договоровъ, при избраніи князей, наконецъ при заключеніи мира и рѣшеніи войны, при изданіи законовъ, высшая власть принадлежала народу, который въ полномъ составѣ постановлялъ на собраніяхъ, называемыхъ ими «вѣче», все, что касалось всѣхъ. Послѣ посадниковъ самые близкіе къ нимъ по почести бояре. Въ городѣ, который возвысился преимущественно благодаря торговлѣ, было много купцевъ, и старшины, стоявшіе во главѣ различныхъ купеческихъ обществъ, занимали по своему значенію мѣсто за боярами, имѣя права и полномочія лицъ должностныхъ. Жители владѣли весьма обширною областью, и къ этой области принадлежали какъ Великія Луки и Изборскъ, такъ и всѣ земли, находившіяся между этими городами. Всѣ эти области управлялись намѣстниками, которые назывались у нихъ воеводами. Надъ этими всѣми чиновниками съ ограниченною властью возвышался князь. Его они выпрашивали то у великихъ князей русскихъ, то у литовскихъ на извѣстныхъ условіяхъ и съ тѣмъ, чтобы онъ творилъ судъ и расправу по ихъ законамъ, считая это (присутствіе князя) нужнымъ частію для избѣжанія домашнихъ раздоровъ партій, частію для лучшаго, какъ они думали, отпора иностранцамъ, желающимъ захватить власть надъ ними. Преданіе упоминаетъ, что отъ Литовцевъ ими былъ призванъ Довмонтъ, т. е. Тимоѳей, послѣ того какъ сдѣлался христіаниномъ, около 6774-го года отъ сотворенія міра, и потомъ они взяли сына его Давида; въ послѣдующія же времена, они взяли отъ Олгерда его сына, который пожелалъ принять христіанство и былъ названъ Андреемъ; а нѣкоторыхъ князей, управлявшихъ ими не по ихъ законамъ, они удаляли. Наконецъ, они договорились съ великими князьями русскими, что они будутъ почитать велико-княжеское достоинство на извѣстныхъ условіяхъ и будутъ принимать князя только отъ нихъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ управлялъ городомъ по отече-

скимъ законамъ и чтобы прямо былъ прошенъ гражданами съ указаніемъ лица. Иванъ, сынъ Василія Темнаго, прежде всѣхъ назначилъ намѣстникомъ Василія Шуйскаго, а затѣмъ его сынъ Василій былъ данъ въ князья вмѣстѣ и Псковитянамъ и Новгородцамъ. Около того же времени Иванъ Васильевичъ подчинилъ себѣ Новгородцевъ съ помощью вспомогательныхъ войскъ псковскихъ, которыя Псковитяне послали ему частью въ силу упомянутаго выше договора, частью изъ злобы на Новгородцевъ, такъ какъ немного раньше, когда на Псковитянъ напали Ливонцы, Новгородцы отказались имъ помочь и оставили ихъ, а имъ подалъ помощь Иванъ Васильевичъ [1]). Въ такомъ положеніи городъ оставался до 7018 г., когда былъ лишенъ свободы Васильемъ Ивановичемъ, отцемъ нынѣшняго государя. Василій назначилъ княземъ этого города Ивана Михайловича Рѣпку [2]), котораго прозвали потомъ *«Найденышъ»*, такъ какъ они его не просили, но онъ нѣкоторымъ образомъ былъ имъ навязанъ [2]). Когда Василій находился случайно въ Новгородѣ, то городъ отправилъ къ нему пословъ, чтобы подать нѣкоторыя жалобы на этого намѣстника. Когда же и Иванъ пришелъ въ Новгородъ къ Василію, то по совѣту его самого, Василій вызвалъ большую часть сенаторовъ (думныхъ людей), чтобы въ присутствіи ихъ покончить споры; а затѣмъ всѣхъ пословъ посадилъ въ темницу, объявилъ жителямъ Пскова, чтобы они уничтожили вѣче, прислали бы къ нему большой колоколъ, которымъ призывались всѣ сословія для присутствія на вѣчѣ, и для того чтобы онъ зналъ, что они сдѣлаютъ это, пусть дадутъ ему въ заложники другихъ многихъ людей изъ всѣхъ сословій. Псковитяне отчасти изъ любви къ своимъ, частью полагая, что они освободятся отъ предстоящей опасности, если сдѣлаютъ это, исполнили требованія; они послали къ князю очень много другихъ заложниковъ. Получивъ ихъ, князь **1581**.

1) Псков. Лѣт. стр. 92.
2) Псков. Лѣт. стр. 175 и *Кар.* Т. VII, гл. 1-я, стр. 21.

1581. самъ прибылъ во Псковъ, въ 24-й день мѣсяца января, въ день Св. Ксеніи [1]), которой и посвятилъ затѣмъ храмъ въ память удачнаго окончанія дѣла; отправившись сперва въ храмъ Спасителя, затѣмъ въ храмъ Троицы, покровительству которой именно ввѣрили себя граждане, великій князь, ободренный рѣчью епископа Коломенскаго Вассіана, пришедшаго туда вмѣстѣ съ нимъ, и теперь провозглашавшаго о взятіи города, разграбилъ городъ, всѣхъ сенаторовъ (членовъ думы), большую часть дворянъ посадилъ въ темницу и затѣмъ, приславъ въ городъ новыхъ поселенцевъ, увелъ съ собою плѣнниковъ въ Москву, такъ что многіе изъ дворянъ, чтобы не быть выведенными изъ отечества, вступали въ монахи и присоединялись къ какой-нибудь братской монашеской общинѣ. Съ этого времени Псковская область попала въ самую тяжелую зависимость отъ великаго князя. Городъ, весьма обширный въ длину, къ сѣверу дѣлается уже; съ юга онъ орошается рѣкою Великой, которая въ этомъ мѣстѣ не только по названію, но вслѣдствіе притока многихъ другихъ рѣкъ и дѣйствительно велика; на разстояніи внизъ отъ него на 5000 шаговъ, она впадаетъ въ озеро Пелбу; съ сѣвера находится рѣка Псковка, которая, начинаясь не въ далекомъ разстояніи отъ Новгорода, протекаетъ посрединѣ города, которому даетъ названіе и впадаетъ въ рѣку Великую. Самъ городъ раздѣляется на три части, каждая часть отдѣлена одна отъ другой находящимися въ промежуткѣ особыми стѣнами; вторую часть, направляющуюся къ западу, называютъ они Запсковье, какъ будто она находится внѣ Пскова, затѣмъ третья и средняя часть есть крѣпость (Кремль), въ свою очередь раздѣляющаяся тоже на три части—внѣшнюю, идущую къ сѣверу къ рѣкѣ Великой, они называютъ Кремлемъ (Krsemnovia), вторую Домантовской; третью называютъ

[1]) Псковск. Лѣтоп. стр. 181; *Кар.* Т. IX, стр. 20—29. По свидѣтельству Карамзина; Василій въѣхалъ въ Псковъ 20 января, по показанію же лѣтописи 24 января.

средней, при чемъ названіе это дано не по отношенію къ крѣпости, но по отношенію къ самому городу, котораго она составляетъ какъ бы пупъ. Сѣверный бокъ, самый длинный, простирается въ длину до 8000 шаговъ и окруженъ каменною стѣною. Къ этой стѣнѣ, по взятіи Великихъ-Лукъ и Полоцка, Московскій царь прибавилъ другую съ внутренней стороны, наложивъ въ промежуткѣ между двумя рядами бревенъ, которыми она держалась, громадное количество земли. Со всѣхъ сторонъ имѣются очень крѣпкія башни, сдѣланныя изъ того же камня; и такъ какъ башни прежней постройки недостаточно были равны между собою и вслѣдствіе того не прикрывали себя взаимно отъ пушечныхъ выстрѣловъ, направленныхъ отъ одной къ другой, то, поставивъ съ угловъ тѣхъ новыя стѣны и покрывъ ихъ весьма толстымъ дерномъ, и размѣстивъ по нимъ окна, онъ устроилъ такъ, что онѣ находились на равномъ другъ отъ друга разстояніи; у тѣхъ же башенъ, которыя казались частію слишкомъ тѣсными, частью слишкомъ непрочными для того, чтобы могли выдержать выстрѣлы отъ болѣе тяжелыхъ орудій, съ внутренней части на удобныхъ мѣстахъ разставилъ въ промежуткахъ другія башни, также деревянныя, сдѣланныя съ великимъ тщаніемъ изъ самыхъ крѣпкихъ бревенъ и снабдилъ ихъ достаточнымъ количествомъ большихъ пушекъ. Видъ этой мѣстности со всѣхъ сторонъ очень красивъ: съ одной стороны сливаются двѣ рѣки, индѣ разстилаются широкія поля, индѣ поднимаются невысокіе холмы, покрытые можжевельникомъ, который, начиная отъ Воронеча, какъ будто нарочно съ большимъ стараніемъ былъ насаженъ до самого Пскова, придавая мѣстности видъ сплошныхъ садовъ; съ другой стороны—виднѣется рядъ монастырей, которые всѣ, числомъ болѣе 40, разсѣяны по сосѣдству и превосходно выстроены изъ камня [1]). Самымъ знаменитымъ изъ этихъ монастырей 1581.

[1]) *Ильинскій.* Историческое описаніе Пскова и его древнихъ пригородовъ (стр. 23).

1581. считается монастырь Святогорскій [1]), какъ по святости, отъ которой и мѣсто то назвали святой горой, такъ и по укрѣпленіямъ его. Онъ находится на очень суровой скалѣ въ разстояніи отъ Пскова около 3000 шаговъ, имѣетъ кромѣ того очень крѣпкую башню и огражденъ на подобіе крѣпости окопами. Такъ какъ Московскій царь, какъ раньше было указано, полагалъ, что нисколько не должно сомнѣваться въ томъ, что король по взятіи Лукъ направится ко Пскову, то снабдилъ его весьма хорошо всѣмъ нужнымъ для выдержанія осады и приказалъ все свезти туда въ огромномъ количествѣ. Исполнить это было тѣмъ болѣе легко, что помимо прежнихъ приготовленій для защиты города, здѣсь по необходимости проходили всѣ военные снаряды привозимые изъ Германіи чрезъ Нарву и другихъ западныхъ странъ. Посему въ этомъ городѣ былъ такой большой запасъ всего, относящагося къ войнѣ, что Московскій царь въ прошедшемъ году, не полагаясь достаточно даже и на его недоступность, задумалъ нѣкоторую часть тяжелыхъ пушекъ перевести во внутренность Московіи; но такъ какъ по тяжести своей онѣ передвигались слишкомъ медленно, то онъ потопилъ ихъ въ Ильменскомъ озерѣ, недалеко отъ Великаго Новгорода. Въ Кремлѣ начальствовали: Шуйскіе Василій и сынъ его брата Петра, убитаго во время Сигизмунда Августа при рѣкѣ Улѣ Николаемъ Радзивиломъ, по имени Иванъ,—они происходили изъ фамиліи Суздальскихъ князей,—за тѣмъ, Андрей Хворостининъ и Плещеевъ,—изъ нихъ пользовался большимъ уваженіемъ у Московскаго царя Иванъ Шуйскій по своему уму, Хворостининъ по тѣлесной и нравственной силѣ; и потому, хотя Василій былъ старше Ивана, однако главное начальство поручено было Ивану. Извѣстно, что всадниковъ въ городѣ было болѣе 7.000; пѣхоты вмѣстѣ съ тѣми изъ городскихъ жителей, которые

[1]) Иначе называемый Снѣтогорскій.

исполняли солдатскія работы наряду съ солдатами, было около 50.000; столько же городскихъ жителей [1]). Среди начальниковъ пѣхоты особенную репутацію серьезности и мужества имѣлъ Козецкій, пользовавшійся также расположеніемъ великаго князя ради храбрости своей и высокаго роста. Подъ предводительствомъ Николая Черкасскаго, родившагося въ королевской области, но уже давно служившаго Московскому царю, пришло туда нѣсколько казаковъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по своему воинскому обычаю разставлять засады для захватыванія бродившихъ на поляхъ и для угона добычи. Привыкши на практикѣ къ такому роду военной службы, не имѣя на себѣ никакого оружія, едва только прикрывшись одеждою для защиты противъ непогодъ, они сражаются вооруженные саблею и однимъ копьемъ, очень часто владѣя, впрочемъ, и ружьемъ; какъ по легкости оружія, по способности переносить жажду, голодъ и труды, такъ по привычкѣ и сноровкѣ своей, они въ особенности годятся для того, чтобы окружать и захватывать одиночныхъ, для разслѣдованія дорогъ, мѣстностей, силъ непріятельскихъ; они могутъ на челнокахъ и бревнахъ переплывать рѣки, проходить по самымъ дремучимъ лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ,—въ этомъ они превосходятъ почти всѣхъ прочихъ военныхъ людей. Однако Шуйскій, пригласивъ ихъ на обѣдъ, задержалъ внутри города. Узнавъ все это и разсмотрѣвъ укрѣпленія города, король легко понялъ, что онъ былъ правъ, когда не соглашался сначала съ мнѣніемъ тѣхъ многихъ, которые утверждали, что лучше всего прямо идти сюда, и что далеко не все, какъ онъ самъ теперь узналъ, было ему сообщено о положеніи города Пскова и его укрѣпленіяхъ. Онъ видѣлъ, что **1581**.

[1]) Псковск. Лѣт. стр. 211; *Кар.* т. IX, гл 5, стр. 192 и пр. 567.

Въ *Повѣсти о прихоженіи Литовск. короля Стефана съ великимъ и гордымъ воинствомъ на великій Псковъ* говорится, что главнымъ воеводой былъ не Василій Шуйскій, а Иванъ Петровичъ Шуйскій, согласно съ нашимъ авторомъ; слѣдов. Карамзинъ напрасно обвиняетъ Гейденштейна.

1581. приступилъ къ осадѣ города, не имѣя достаточно пѣхоты, что еслибы онъ хотѣлъ, не щадя величайшихъ усилій, взять городъ приступомъ, то нужно было бы привести ея втрое больше, что у него не было и достаточныхъ запасовъ пороха. Запасъ въ Сузѣ сгорѣлъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ тѣхъ, которые охраняли его; а въ замѣнъ его, вслѣдствіе предвзятой мысли о мирѣ, съ самого начала подскарбіями заготовлено было недостаточное количество; да притомъ, вслѣдствіе особенной трудности подвоза, такъ какъ только по рѣкѣ оставалась возможность транспорта, они съ трудомъ могли привезти даже и тотъ, который былъ приготовленъ. Вслѣдствіе того, раздумывая о всѣхъ случайностяхъ, ему казалось иногда, что лучше было бы или, оставивъ Псковъ, направиться прямо къ Великому Новгороду, который, какъ полагали, былъ менѣе укрѣпленъ, или обратиться къ сосѣднимъ крѣпостямъ: Порхову и Гдову и уже, покоривъ ихъ, изъ нихъ тѣснить городъ, такъ какъ первая, находясь между Новгородомъ и Псковомъ, какъ полагали, очень удобна была для того, чтобы отрѣзать Псковъ отъ подкрѣпленій и подвоза съѣстныхъ припасовъ, а послѣдняя прилегаетъ къ крѣпости Ивангороду, который образуетъ Нарвскій портъ; но съ одной стороны какъ тѣ вышеуказанные доводы и опасность отъ Пскова, а съ другой и слава самаго Новгорода, который также, какъ извѣстно, и самъ можетъ имѣть значительныя силы, чтобы сопротивляться, наконецъ дальность дороги, ибо уже кончалось лѣто и ожидались непогоды, не допускали исполнить упомянутое намѣреніе. Что касается до втораго способа осады и взятія сосѣднихъ крѣпостей, то, по его мнѣнію, во первыхъ, это было бы недостойно славы начатаго похода, а во вторыхъ, придало бы мужества неприятелю. Вслѣдствіе такихъ соображеній, не отчаяваясь въ возможности преодолѣть вышеозначенныя трудности при помощи доблестнаго духа и храбрости своихъ воиновъ, при содѣйствіи которыхъ онъ уже достигъ многаго другаго, король

сталъ обдумывать выборъ мѣста для лагеря. Сперва онъ полагалъ поставить лагерь со стороны Новгородской дороги, гдѣ рѣка Псковка течетъ въ городъ и затѣмъ впадаетъ ниже его въ Великую; это казалось особенно выгоднымъ въ томъ отношеніи, что доставляло бы возможность отрѣзать отъ города подкрѣпленія и препятствовать подвозу провіанта; но слишкомъ длинное протяженіе города на этой (сѣверной) сторонѣ, простирающееся приблизительно на 8.000 шаговъ, какъ выше указано, и весьма обширныя съ той стороны открытыя кругомъ сосѣднія поля заставили оставить такой планъ. Не было никакой возможности ни разставить тамъ безъ большой опасности засадныхъ конныхъ отрядовъ, ни придвинуть лагерь ближе къ крѣпости, изъ которой непріятель открылъ бы непрерывную стрѣльбу изъ пушекъ. Король опасался, что его пѣхота, лишенная близкой поддержки конницею, во время самыхъ осадныхъ работъ и устройства окоповъ, могла бы со всѣхъ сторонъ быть окружена пѣшими и конными массами непріятелей, вдругъ во многихъ мѣстахъ устроившихъ вылазку, особенно если въ рѣшительный моментъ ему пришлось бы бороться и съ пришедшими на помощь Новгородцами и съ вылазкой изъ города. Замойскій, убѣждая короля остаться при своемъ первомъ намѣреніи, указывалъ на рѣкѣ Псковѣ нѣкоторыя извилины, въ коихъ могутъ расположиться подъ палатками въ надлежащемъ количествѣ эскадроны всадниковъ, способные въ нужное время подать помощь нашимъ противъ непріятельскихъ вылазокъ; такимъ образомъ, растянувъ какъ можно шире лагерь по направленію къ Новгороду, весьма легко будетъ отрѣзать осажденныхъ отъ всякаго подкрѣпленія и подвоза провіанта, даже не ставя многочисленныхъ карауловъ; а въ случаѣ расположенія лагеря на другой сторонѣ, ихъ пришлось бы держать постоянно, крайне утомляя тѣмъ солдатъ; кромѣ того, съ этой стороны благопріятствовала, де, совершенно мягкая почва, во всѣ другія стороны смѣняющаяся твердыми и жесткими скалами, которыя стали бы мѣшать вся- **1581**.

1581. кой работѣ, и совершенно не допустили бы устройства траншей и подкоповъ. Король однако полагалъ, что слѣдуетъ сперва думать о безопасности, а потомъ уже о побѣдѣ, и порѣшилъ вести осаду съ восточной стороны, такъ какъ на этомъ мѣстѣ и пѣхота, занятая работами, будетъ защищена слѣва рѣкою Великой, да и лагерь можетъ быть придвинутъ очень близко къ окопамъ непріятелей, ибо возвышающіеся въ той сторонѣ холмы должны были защищать фронтъ отъ выстрѣловъ непріятельскихъ пушекъ; наконецъ и то, что городскія стѣны сходились здѣсь и смыкались угломъ, представляло по его мнѣнію выгодное для дѣла обстоятельство. Поэтому, переправившись черезъ рѣку Череху и расположивъ тамъ лагерь, онъ перевелъ туда литовскія войска и польскую конницу изъ ветерановъ, коимъ приказано было идти, какъ мы сказали, съ лѣвой стороны. Туда же Фаренсбекъ привелъ нѣмецкую пѣхоту, съ которой пришелъ къ тому времени; въ ней въ извѣстномъ количествѣ находились люди, служившіе въ Бельгіи, но по причинѣ краткости времени, и потому, что Любечане оказались менѣе благосклонными при допущеніи вербовки, большая часть отряда была набрана наскоро въ сосѣднихъ Нѣмецкихъ странахъ и притомъ среди неопытныхъ и неслужившихъ прежде новичковъ. Въ тоже время отъ Курляндскаго герцога прибылъ въ лагерь Варѳоломей Бутлеръ съ нѣкоторымъ числомъ воиновъ, которые во время предшествовавшихъ походовъ, когда король велъ войну въ другихъ пунктахъ, стояли на стражѣ у границъ Ливоніи противъ непріятелей; сверхъ того пришло нѣсколько волонтеровъ какъ изъ Пруссіи, между которыми замѣчателенъ былъ Фабіанъ фонъ-Донау (Fabianus Donaus), и кромѣ Редера, о которомъ мы выше упоминали, также и нѣсколько другихъ иностранныхъ молодыхъ людей, которые были привлечены молвою объ этомъ походѣ. Переправившись со всѣмъ войскомъ черезъ рѣку, король расположился лагеремъ у подошвы выше названныхъ холмовъ. Венгерцы расположились съ лѣвой стороны при рѣкѣ Великой;

Литовцы съ верхней стороны при Порховской дорогѣ; въ серединѣ же между ними, поставивъ, по вышеописанному способу, тройной рядъ повозокъ по обѣ стороны протекавшаго тамъ ручья, укрѣпились лагеремъ Поляки; то мѣсто, которое оставалось какъ бы угломъ между ними и Литовцами, было отдано Нѣмцамъ. Около этого же времени прибылъ въ лагерь посолъ отъ турецкаго султана, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ. На основанiи договора относительно возврата съ обѣихъ сторонъ перебѣжчиковъ, онъ требовалъ назадъ бѣглыхъ Татаръ, о которыхъ рѣчь была выше. Ему было объявлено, что такъ какъ король ихъ еще не видѣлъ и не слышалъ ихъ объясненiй, то, по возвращенiи своемъ въ Польшу, онъ, разобравъ дѣло, дастъ отвѣтъ его государю. Хотя пѣхоты было гораздо меньше, чѣмъ того требовала важность начинаемой осады, но она достойна была вниманiя какъ своею численностью, такъ и по самому подбору солдатъ и вооруженiя; что же касается конницы, то, какъ выше было сказано, ни въ одинъ изъ прежнихъ походовъ не была она такъ блестяща и хорошо вооружена, какъ въ этотъ. И потому, когда чужеземецъ былъ проведенъ по самой многолюдной части лагеря, то, удивляясь величинѣ его, вооруженiю всадниковъ, бывшихъ передъ нимъ, красотѣ коней и виду всего войска, сказалъ, разумѣя короля и своего властителя: «дай Богъ, чтобы эти государи были между собою сердечно согласны, тогда бы вся вселенная не могла бы устоять противъ нихъ». Между тѣмъ непрiятель, замѣтивъ, что венгерскiе солдаты прошли слишкомъ близко къ городу, чтобы занять мѣсто для проведенiя траншей, тотчасъ сдѣлали противъ нихъ вылазку. Но когда Венгерцы стали преслѣдовать ихъ почти до самыхъ воротъ, причемъ съ той и другой стороны было нѣсколько человѣкъ убито, то они были отброшены въ городъ. Затѣмъ Венгерцы стали проводить траншеи съ той стороны, гдѣ былъ у нихъ лагерь, противъ такъ называемой Покровской башни вдоль рѣки Великой; Поляки не вдалекѣ отъ нихъ противъ Свинской башни,

1581.

1581. укрѣпивъ заранѣе нѣсколько мѣстъ на значительномъ разстояніи военными коробами и разставивъ на нихъ караулы изъ всадниковъ и пѣхотинцевъ съ тѣмъ, чтобы подать помощь солдатамъ, занятымъ въ окопахъ противъ непріятельскихъ нападеній, еслибы непріятели вздумали сдѣлать это. Съ большимъ трудомъ проводились тамъ траншеи вслѣдствіе твердости грунта, такъ какъ на глубинѣ локтя онъ походилъ на скалу. Однако и это нисколько не удерживало усердія Венгерцевъ; разбивая топорами огромные камни, при неустанномъ рвеніи, они окончили свою работу, причемъ потеря была незначительна: одинъ юноша знатнаго венгерскаго происхожденія Петръ Кендій, (Petrus Kendius), прибѣжавъ на шумъ Московцевъ, ночью по обыкновенію выкликавшихъ свои караулы, погибъ, будучи пораженъ выстрѣломъ изъ пушки. Между тѣмъ Венгерцы, которые вели свои шанцы отъ самой рѣки безъ всякаго обхода на очень короткомъ пространствѣ, прямо противъ города, сдѣлавъ рвы, стали бить противуположную башню и, въ короткое время ниспровергнувъ больверкъ, разрушили и нѣкоторую часть ближайшей стѣны. Для Поляковъ же большимъ препятствіемъ служило то, что они начали вести шанцы (прикопы) противъ города отъ указаннаго выше мѣста на гораздо бо̀льшемъ разстояніи, и что имъ приходилось защищать свои фланги противъ непріятельскихъ нападеній заслонными машинами и другими средствами, тогда какъ у Венгерцевъ они защищены были съ одной стороны рѣкою Великой, съ другой окопами Поляковъ. Затѣмъ, когда покончено было съ шанцами, причемъ Вейеръ наблюдалъ за пушками, имъ (Полякамъ) нужно было прогнать сперва защитниковъ съ многочисленныхъ башенъ, откуда почти со всѣхъ сторонъ на нихъ сыпались выстрѣлы, а потомъ уже направлять пушки на основанія и нижнюю часть стѣны—по тѣмъ причинамъ, которыя выше были нами указаны; вслѣдствіе всего этого съ ихъ стороны стѣна была пробита нѣсколько позже. Венгерцы тѣмъ не менѣе сдѣлали попытку ворваться черезъ

проломъ, который имъ раньше удалось сдѣлать въ стѣнѣ. Замойскій, докладывая о томъ королю, полагалъ, что было бы гораздо лучше въ отношеніи безопасности и болѣе вѣрной надежды на успѣхъ отложить штурмъ крѣпости, пока не будетъ открытъ проходъ чрезъ стѣну и со стороны польскихъ шанцевъ; между тѣмъ, слѣдовало бы еще въ большемъ числѣ пунктовъ громить стѣны, расширить проломъ въ стѣнѣ противу венгерскихъ шанцевъ, разузнать, каковъ оттуда будетъ доступъ внутрь города, и хорошо все разсмотрѣвъ, заранѣе заготовить все нужное для приступа. Съ другой стороны высказывались такія опасенія, что отсрочка, пожалуй, дастъ непріятелю время укрѣпиться и провести новые рвы; въ особенности же противъ этого плана говорилъ недостатокъ пороха, вслѣдствіе чего казалось необходимымъ что-нибудь предпринять прежде, нежели, потративъ весь порохъ, пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ лишиться всякой надежды овладѣть крѣпостью. Остановились на томъ, чтобы сначала отправить людей разглядѣть мѣстность и разузнать, не встрѣтятся ли какіе рвы и препятствія послѣ прохода чрезъ проломъ; было выбрано изъ Нѣмцевъ около 50 человѣкъ, такъ какъ между ними находились люди, раньше принимавшіе дѣятельное участіе при осадахъ другихъ городовъ. Въ то же время король убѣждалъ Замойскаго распорядиться приготовленіями къ приступу, чтобы не просрочить даже ни малѣйшаго времени, когда будутъ получены хорошія извѣстія относительно доступности входа. Между тѣмъ какой то венгерскій десятникъ, бывъ посланъ ротмистромъ къ отверзтію, сдѣланному, какъ выше было сказано, въ стѣнѣ Венгерцами, объявилъ, что все легко и открыто: входъ широкъ, спускъ легкій, съ внутренней стороны города находятся незначительные рвы. Кто то изъ первѣйшихъ сенаторовъ тутъ сталъ совѣтовать отложить еще на нѣсколько времени приступъ, чтобы не возникло какого либо соперничества между Поляками и Венгерцами, въ случаѣ, если Венгерцы прежде ворвутся; на это Замойскій

1581.

1581. объяснилъ, почему не могъ быть открытъ Поляками столь же широкій проходъ, а тотъ отвѣчалъ, что всякая кошка охотится сама за себя. И такъ Замойскій, отправившись къ укрѣпленіямъ, присоединилъ Нѣмцевъ къ Полякамъ и приказалъ заготовить все нужное для приступа. Надъ Венгерцами былъ поставленъ начальникомъ Борнемисса. Подъѣхавъ къ самому берегу рѣки, до котораго доходили венгерскіе окопы, король въ короткихъ словахъ, соотвѣтствующихъ положенію, поощрялъ къ мужеству солдатъ, приготовившихся къ нападенію, и сталъ ожидать по близости исхода приступа. Уже раньше было перевезено нѣсколько пушекъ чрезъ рѣку Великую; онѣ поставлены были такъ, чтобы дѣйствовать противу нижней части тѣхъ стѣнъ, чрезъ которыя войско намѣревалось идти внутрь на приступъ, дабы, разметавъ противолежащую стѣну, за тѣмъ громить защитниковъ прямыми выстрѣлами вдоль всего этого фронта. По обычаю военному, конница была разставлена на всякій случай на удобныхъ мѣстахъ выше окоповъ около города и дорогъ. Отъ непріятелей не могло укрыться то, что дѣлалось въ лагерѣ, такъ какъ видъ изъ города былъ широкъ и охватывалъ всѣ стороны. Вслѣдствіе того, непріятели и сами также стояли во множествѣ на стѣнахъ. Сперва Замойскій приказалъ двадцати избраннымъ легко вооруженнымъ изъ польской пѣхоты прокрасться по поперечному рву къ стѣнамъ и разузнать, какъ съ этого мѣста можно пройти въ городъ [1]. Они объявили, что съ той стороны находится ровъ, а чрезъ него немного развалившійся мостъ, по которому тѣмъ не менѣе безъ труда можно переправиться черезъ ровъ. Тогда Замойскій отправилъ туда 50 человѣкъ Нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобы они съ начала какъ можно ближе подошли къ стѣнамъ, и еслибы оказалось возможнымъ перейти чрезъ развалины, то пусть прошли бы впередъ и тамъ, по условленному сигналу, ожидали бы другихъ, коихъ онъ

[1]) *Кар*. т. IX, гл. 5, стр. 196 и пр. 577 (Повѣсть о Псковской осадѣ).

пришлетъ имъ въ помощь на сколько возможно поскорѣе; если **1581.**
же увидятъ, что нѣтъ по нимъ прохода въ городъ, пусть безъ стыда вернутся. Между тѣмъ на случай, еслибы тѣмъ удалось и они подали бы условленный сигналъ, онъ разставилъ вспомогательные отряды, чтобы ихъ послать на помощь сперва изъ солдатъ, къ той же націи принадлежавшихъ, такъ какъ посланные впередъ просили того; за тѣмъ Поляковъ частію изъ конницы, которые отозвались на призывъ своихъ вождей: Юрія Мнишка, начальника Саноцскаго, Станислава Стадницкаго, Прокопія Пеніонжка, и Андрея Оржеховскаго, а также и нѣкоторыхъ другихъ, и, слѣзши съ лошадей, добровольно предложили свои услуги, частію же изъ пѣшихъ. Впереди всѣхъ онъ поставилъ Пеніонжка и Оржеховскаго съ ихъ людьми, которые сражались посредствомъ копій, затѣмъ Уровецкаго съ пищальниками, затѣмъ Станислава Стадницкаго съ другимъ эскадрономъ всадниковъ; за послѣднимъ приказалъ стать Выбрановскому и Сирнею, каждому со своими ротами; на самомъ послѣднемъ мѣстѣ и отдѣльно отъ другихъ поставилъ Юрія Мнишка со всадниками, находившимися подъ его командой; а другую часть оставилъ при орудіяхъ и окопахъ. Когда Нѣмцы подошли ко рву, Иванъ Гароннъ (Garonna), французъ, вышедши впередъ, первый попробовалъ пройдти, но былъ сраженъ тяжкимъ ударомъ непріятельскимъ; тогда остальные, полагая, что развалины слишкомъ тѣсны для того, чтобы можно было удобно перейдти по нимъ, столпившись, остановились у рва. Поляки, напиравшіе сзади, видя, что для нихъ нѣтъ мѣста, прошли чрезъ середину ихъ и прогнали непріятеля съ деревянной башни и укрѣпленія, которое они, въ углу башни, образуемомъ ею при соединеніи со стѣною, выстроили изъ бревенъ вышеуказаннымъ способомъ и покрыли дерномъ. Съ большимъ трудомъ ворвались они въ башню, и начальники ихъ Выбрановскій и Сирней воткнули на самомъ верху башни свои знамена. Нѣмцы отправились къ пролому, бывшему про-

1581. тивъ венгерскихъ окоповъ, видя, что чрезъ него открытъ болѣе широкій проходъ. Вышеуказанный порядокъ дѣйствія былъ назначенъ и Венгерцамъ, и съ этою цѣлью къ нимъ отправленъ былъ Францискъ Везелинъ (Franciscus Veselinus), первый постельничій королевскій.

Но когда этотъ порядокъ прежде всего былъ измѣненъ у Нѣмцевъ, то Венгерцы, видя также, что Поляки врываются, получивъ сперва сигналъ короля, бросились по развалинамъ въ другую башню, и прежде всѣхъ Ѳома Держекъ (Thomas Dersecius) и Матвѣй Керекѣшъ (Matteas Kerekesius) выставили на ней знамена За ними уже бросился Гавріилъ Бекѣшъ, схвативъ знамя и ведя съ собою всадниковъ; и когда уже внесено было много другихъ знаменъ, и войска желали затѣмъ дальше направиться въ городъ, то ихъ дальнѣйшему движенію противъ всякаго ожиданія помѣшалъ ровъ, который уже раньше былъ выкопанъ непріятелемъ, и нѣсколько деревянныхъ укрѣпленій, оказавшихся передъ ними. Непріятели, сначала устрашенные нападеніемъ нашихъ при переходѣ чрезъ стѣны, видя, что свои прогнаны съ укрѣпленій и знамена уже воткнуты въ разныхъ мѣстахъ, стали было искать удобнаго случая для бѣгства. Между тѣмъ въ то время, какъ наши были задержаны при взятіи стѣнъ, Иванъ Шуйскій разъѣзжалъ тутъ и тамъ на раненомъ конѣ; онъ своими угрозами, просьбами, наконецъ, даже слезами, и съ другой стороны епископъ, выставляя мощи и иконы, успѣли остановить бѣгство и ужасъ своихъ. Враги сперва стали стрѣлять въ нашихъ изъ пушекъ и бросать камни, въ то время какъ наши въ свою очередь метали въ нихъ копья и, когда съ той и съ другой стороны очень многіе были ранены, то Москвитяне пытались подложить порохъ подъ башню, занятую, какъ мы выше сказали, Поляками и, такъ какъ наши солдаты этимъ нисколько не были сбиты съ толку, то повторили еще два раза сію попытку. Когда наконецъ башня занялась, наши, не будучи уже въ состо-

яніи дальше выносить огня, сперва стали спускаться внизъ, подъ 1581.
конецъ же, когда стали сами терпѣть большія потери подъ перекрестными выстрѣлами непріятельскихъ пушекъ съ болверка, находившагося надъ рѣкой Великой, котораго не возможно было разрушить въ столь короткое время нашими пушками, то принуждены были совсѣмъ покинуть свою позицію. Послѣ этого всѣ Москвитяне бросились противъ Венгерцевъ; послѣдніе, видя, что нельзя имъ преодолѣть противопоставленныя имъ указанныя преграды, долго выдерживали нападеніе непріятелей и при наступленіи уже ночи, унеся сперва по военному обычаю своихъ убитыхъ, вернулись назадъ. Въ этотъ день погибло изъ польской знати болѣе 40 человѣкъ, у Венгровъ не меньшее число, и между ними оказался и знаменитый Гавріилъ Бекѣшъ. Непріятели также потерпѣли большой уронъ; очень много было у нихъ убито, въ числѣ коихъ первые начальники пѣхоты, а также и Николай Черкасскій, предводитель казаковъ, и очень многіе были ранены [1]). По этому въ грамотѣ, посланной ими къ гарнизону Гдовскому, которая по прошествіи короткаго промежутка времени была перехвачена нашими, они высказывали сильный страхъ и просили немедленно увѣдомить царя о положеніи дѣлъ ихъ и о необходимости выслать имъ подкрѣпленіе. Замойскій, полагая, что послѣ всѣхъ трудностей и неудачъ того дня нужно дать отдыхъ солдатамъ, приказалъ занять караулы около пушекъ и траншей всадникамъ Юрія Мнишка, старосты Саноцскаго, которые были помѣщены въ резервѣ и до сихъ поръ оставались нетронуты, такъ какъ по измѣненіи порядка опасность не дошла до нихъ, и начальникомъ надъ всей пѣхотой и окопами онъ поставилъ Станислава Пенкославскаго, такъ какъ Уровецкій былъ раненъ во время приступа.

На другой день, когда созванъ былъ совѣтъ, прежде всего

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 197 и пр. 577, 578 и 579.

*

1581. стали думать о томъ, чтобы достать еще пороху для пушекъ. Отправленъ былъ съ этою цѣлью человѣкъ къ герцогу Курляндскому, къ жителямъ Риги и въ другія сосѣднія мѣста. При этомъ Замойскій давалъ для списыванія экземпляры письма жителей Пскова, перехваченнаго нами, для того, чтобы распространеніемъ его сдѣлать извѣстнымъ трудное положеніе осажденныхъ, и тѣмъ уничтожить впечатлѣніе слишкомъ непріятныхъ слуховъ о нашемъ неудачномъ приступѣ, имѣющихъ достигнуть Польши.

Во то же время Замойскій обратился къ королю съ такимъ предложеніемъ: дабы предупредить возможность какого нибудь несчастія, которое могло бы принудить ихъ оставить осаду, всего лучше и сообразнѣе съ положеніемъ дѣлъ было бы заблаговременно, пока войско еще въ полномъ составѣ, построить нѣсколько больверковъ и укрѣпленій для того, чтобы солдаты, размѣщенные тамъ, могли держать городъ въ продолжительной осадѣ и тѣснить его недостаткомъ провіанта; а такъ какъ отряды волонтеровъ, по его мнѣнію, не могли выносить слишкомъ долговременной службы, да они притомъ только увеличивали бы трудность содержанія остальнаго войска, то послѣ исполненія вышеозначенной задачи, слѣдовало бы отпустить ихъ домой, и за тѣмъ, такъ какъ было не сообразно съ достоинствомъ короля оставаться при уменьшившейся численно арміи, пусть бы онъ (король) поспѣшилъ въ Польшу для присутствованія на сеймѣ и для набора дополнительнаго числа солдатъ, а его, Замойскаго, оставилъ бы съ остальнымъ войскомъ при осадѣ города. Если ожидать зимы, то волонтеры, вынужденные и трудностями осады, и суровостью зимы, все равно будутъ просить отпуска; а между тѣмъ остальное войско сохранило бы гораздо меньше бодрости и силы, если бы ничего не было заранѣе приготовлено, и вся провизія была издержана, и тогда уже не будетъ никакого основанія укрѣплять или сооружать блокгаузы. Напротивъ, по мнѣнію короля, слѣдовало бы испро-

бовать все, прежде чѣмъ послѣдовать этому совѣту; помимо другихъ причинъ, его склоняло къ этой мысли главнымъ образомъ слѣдующее соображеніе: такъ какъ Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ, далъ знать, что онъ имѣетъ сообщить о расположеніи Московскаго царя къ миру, то король опасался, ранѣе его возвращенія къ войску, принимать такія мѣры, которыя могли бы усилить надежды непріятеля на возможность отстоять городъ, и тѣмъ самымъ побудить его къ измѣненію своихъ рѣшеній относительно уступки всей Ливоніи, если онъ уже таковыя принялъ. Пока все это происходило и пока ожидали пороха и военныхъ снарядовъ, рѣшено было попробовать взять непріятельскія укрѣпленія посредствомъ подкоповъ. Два подкопа, начатые съ польскихъ шанцевъ по направленію (городскаго) рва, не могли быть доведены до конца, ибо встрѣтили твердую и толстую скалу. Венгерцы, проведя ровъ на поверхности почвы и прикрывъ его плетнемъ, довели такимъ образомъ до конца только одинъ подкопъ. Но и этотъ послѣдній не остался тайною для непріятелей, ибо хотя они и не видѣли работы нашихъ, но уже по тому самому, что такъ долго не было возобновляемо приступа, они стали догадываться о нашихъ намѣреніяхъ, и вотъ они провели вдоль всей той стороны встрѣчный подкопъ, изъ котораго могли наблюдать за непріятелемъ; затѣмъ, подложивъ порохъ, они уничтожили нашъ [1]. Въ то же время получено было извѣстіе, что изъ Москвы идутъ подкрѣпленія къ осажденнымъ черезъ Гдовъ. Замойскій, предположивъ, что они пойдутъ на судахъ черезъ озеро Пельбу (l. Pelba) и черезъ рѣку Великую, собралъ сперва нѣсколько лодокъ и скрѣпилъ ихъ между собою, соотвѣтственно ширинѣ рѣки, вбивъ въ каждой желѣзныя крючья и пропустивъ черезъ нихъ цѣпи; и за тѣмъ разставилъ ихъ поперекъ рѣки двумя отдѣльными рядами, такъ что одинъ рядъ былъ расположенъ повыше по теченію рѣки, при бе- **1581.**

[1]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, пр. 582 (Повѣсть объ осадѣ). Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія (2-го сентября), стр. 89—90.

1581. регѣ, гдѣ тотчасъ послѣ прохода непріятельскихъ судовъ онъ могъ быть притянутъ канатами такъ, чтобы занять всю ширину рѣки и тѣмъ преградить врагамъ отступленіе назадъ, а другой рядъ, бывъ поставленъ поодаль перваго, ближе къ городу и ниже по теченію рѣки, долженъ былъ загородить дальнѣйшее плаваніе непріятельскимъ судамъ, когда они достигнутъ этого мѣста, такъ чтобы окруженный съ обѣихъ сторонъ флотиліей лодокъ непріятель не имѣлъ себѣ никакого исхода [1]). На собранныя суда Замойскій посадилъ Нѣмцевъ, такъ какъ они считались болѣе опытными въ дѣлѣ управленія оными; завѣдываніе всѣми дѣйствіями поручилъ Уровецкому и вмѣстѣ съ нимъ разставилъ вдоль обоихъ береговъ легко вооруженную пѣхоту. Около того же времени прибыли весьма кстати Альбертъ Речайскій, кастелянъ варшавскій, приблизительно съ 150 всадниками, Стефанъ Бѣлявскій съ 700 всадниковъ, Николай Корфъ и Вильгельмъ Платеръ съ нѣсколькими конными ливонскими сотнями [2]). Такъ какъ они находились еще внѣ лагеря, то Замойскій приказалъ имъ расположиться противъ Святой горы и оградить лагерь рвомъ, чтобы быть въ большей безопасности отъ непріятельскихъ нападеній. Когда непріятели, въ тишинѣ ночи выѣхавши на корабляхъ, попали въ засаду и наткнулись на наши корабли, то они не могли даже вынести перваго натиска, тотчасъ выскочили на берегъ и тамъ, бродя до разсвѣта, были захвачены, причемъ было взято въ плѣнъ около 200 человѣкъ боярскаго рода и приведены въ лагерь [3]). Немного спустя было отправлено осажденнымъ подкрѣпленіе изъ-подъ Дерпта; но это подкрѣпленіе быстро вернулось назадъ, такъ какъ наши солдаты слишкомъ рано показались при его приближеніи. Затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени,

[1]) О взятіи судовъ: Дневникъ похода стр. 85. Albertrandi, pag. 214.

[2]) Дневникъ послѣдняго похода (12 сентября), стр. 81.

[3]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 199 и пр. 583. Дневникъ похода стр. 85.

было дано знать развѣдчиками, что Николай Хвостовъ, пользовавшійся среди вождей пѣхоты послѣ Косѣцкаго особеннымъ почетомъ у князя, идетъ на помощь къ осажденнымъ съ 7000 воиновъ. Поэтому Замойскій, опасаясь, что непріятели обратятся въ другую сторону, если узнаютъ по слухамъ о неудачѣ прежнихъ подкрѣпленій, рѣшилъ окружить стражею всю ту мѣстность, которая простиралась отъ лагеря до Святой горы больше чѣмъ на 8 миль [1]). До этого времени военные посты расположены были только на протяженіи отъ лагеря до рѣки Псковки, а разстояніе отъ этой рѣки до Святогорской дороги было весьма велико, и для того, чтобы не утомлять солдатъ, растянувъ ихъ на столько постовъ, литовскіе волонтеры заявили королю о своемъ добровольномъ желаніи занять все это пространство. Долго промедливъ на одномъ изъ островахъ озера Пелбскаго (l. Pelba) и догадавшись о захватѣ перваго подкрѣпленія, шедшаго на судахъ, Хвостовъ высадилъ войско на сушу и ночью отправился по непроходимой дорогѣ черезъ лѣса ко Пскову; ночью большая часть его войска разбѣжалась отъ него, такъ что изъ 7000 едва осталось 300 человѣкъ; и чтобы удержать силою убѣгавшихъ, онъ даже самъ шелъ сзади. Когда Литовцы, утомившись отъ держанія карауловъ въ предыдущія ночи и видя, что непріятель не приходитъ, уменьшили свою бдительность и противъ обычая зажгли при караулахъ огни вслѣдствіе суровой погоды, то Даніилъ Исленьевъ, шедшій въ первомъ отрядѣ, пробрался въ городъ съ оставшимся войскомъ, избѣгая тѣхъ мѣстъ, гдѣ видны были огни; а Хвостовъ, находившійся, какъ сказано, въ тылу отряда и крайне утомленный продолжавшимися цѣлую ночь усиліями остановить бѣгство своихъ солдатъ и кромѣ того, будучи человѣкомъ тучнымъ и дороднымъ, подвигался впередъ медленно и съ трудомъ, такъ что былъ застигнутъ разсвѣтомъ при выходѣ изъ лѣса; **1581**.

[1]) Въ изданіи Старчевскаго на двѣ мили (dua millia passuum), въ старомъ изданіи—octo millia pass.

1581. спрятавшись въ траву, онъ укрывался здѣсь нѣсколько часовъ, а находившіеся съ нимъ воины разбѣжались, и тутъ онъ былъ пойманъ всадниками Андрея Вишневецкаго, воеводы волынскаго, державшими въ тотъ день караулъ, и приведенъ къ королю; разбѣжавшіеся же отъ него солдаты, частью были перебиты, но большая часть ихъ была взята въ плѣнъ. Нѣсколько дней спустя, на помощь осажденнымъ пришелъ съ нѣсколькими полками Ѳедоръ Мясоѣдовъ [1]); онъ почти уже миновалъ литовскіе караулы, когда его арріергардъ былъ замѣченъ Гавріиломъ Черкаскимъ; послѣдній напалъ на него съ тылу, и на поднявшійся при этомъ шумъ поспѣшилъ также со своими войсками Бѣлявскій, при этомъ около 150 человѣкъ было убито, 60 взято въ плѣнъ; но остальные, числомъ около 300, вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ проникли въ городъ.

Между тѣмъ, какъ все это происходило у Пскова, Шведскій король извлекалъ выгоды изъ чужихъ побѣдъ; съ помощью войска, отчасти набраннаго въ Германіи и въ Гданскѣ, благодаря вышеупомянутымъ письмамъ, отчасти собраннаго въ собственныхъ владѣніяхъ, онъ занялъ Нарву стараніями своего главнокомандующаго Понтуса Делагарди. Городъ этотъ находится при рѣкѣ Великой, при выходѣ ея изъ озера Пелбскаго (l. Pelba), гдѣ она перемѣняетъ свое названіе на Нарову и даетъ имя этому городу; потомъ, протекши еще около 30 миль, Нарова впадаетъ въ море и имѣетъ такое широкое русло, что большіе корабли съ грузомъ пристаютъ къ самому городу и можно было бы ихъ провести еще дальше до самаго Пскова, если бы этому не мѣшали пороги, находящіеся выше озера по направленію къ Пскову и достигающіе въ вышину почти 20 локтей. Пока Нарва находилась подъ властью магистровъ Ливонскаго ордена, она не была особенно многолюдна и не была даже укрѣплена по той причинѣ, что всѣ московскіе товары

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 199, пр. 583. Дневникъ похода стр. 99, 100 (17 окт.)

отвозились въ Дерптъ, отсюда черезъ Ревель или Перновъ шли **1581.**
къ морю для разгрузки. Впослѣдствіи Іоаннъ старшій соорудилъ на другомъ берегу болѣе укрѣпленную крѣпость, названную имъ Иванъ-городомъ, Ливонцами же Русскою Нарвой для отличія отъ своей, которую назвали Нѣмецкою; и при томъ онъ построилъ ее такъ близко отъ старой Нарвы, что можно было соединить ихъ мостомъ, и изъ одного города въ другой можно было перебросить стрѣлу. Когда Московскій царь изъ Иванъ-города овладѣлъ и Нарвою, то сдѣлалъ этотъ городъ центромъ торговыхъ сношеній съ Нѣмцами и другими западными народами и перенесъ туда всю торговлю и товары. Услышавъ о походѣ короля подъ Псковъ, большая часть гарнизона этой крѣпости, равно какъ и другихъ, отправилась для защиты Пскова. Когда Гарди началъ стрѣлять изъ пушекъ въ стѣны, то Москвитяне бывшіе въ Иванъ-городѣ для защиты Ливонской Нарвы, за которую они боялись, перешли черезъ мостъ и перевезли съ собою большую часть пушекъ; но такъ какъ шведскіе солдаты уже врывались въ городъ, то они въ страхѣ стали отступать; тогда нѣсколько Итальянцевъ, находившихся въ шведскомъ войскѣ съ Іеронимомъ Каньоломъ, вдругъ закричали: «*побѣда*!,» и бросившись съ остальными солдатами преслѣдовали Москвитянъ до самыхъ воротъ, при чемъ умертвили много народа; остальные, которые успѣли убѣжать въ крѣпость, напуганные этимъ и лишившись пушекъ, которыми могли бы защищаться, и которыя не задолго предъ тѣмъ перевезли въ Нарву, наконецъ отчаявшись по самой своей малочисленности въ успѣшности защиты, тоже сдались. Благодаря такому же страху другихъ гарнизоновъ, Гарди взялъ Ямъ-городъ и Копорье, сосѣднія крѣпости [1]). Окончивъ такимъ образомъ свой походъ, Гарди вернулся съ войскомъ во внутреннюю Ливонію, чтобы направить оружіе противъ остальныхъ крѣпостей, находив-

[1]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр. 201, 202 и пр. 592.

1581 шихся во власти Москвитянъ; благодаря все тому же оцѣпенѣнію Москвитянъ и малочисленности гарнизона, не имѣвшаго при томъ никакой надежды на помощь, пока Псковъ былъ осажденъ, Гарди скоро взялъ Вейсенштейнъ [1]), крѣпость сильно укрѣпленную какъ естественно природою, такъ и искусствомъ. Отсюда онъ двинулъ войско къ Пернову. Послѣ взятія Нарвы, Делагарди послалъ королю отъ своего государя письмо, представляющее отвѣтъ на прежнее письмо короля, въ которомъ Стефанъ дружески уговаривалъ Шведа оставить Ливонію, за которую ведутъ войну другіе, то есть Поляки; въ отвѣтномъ письмѣ, помѣченномъ заднимъ числомъ, говорилось, что каждый можетъ имѣть свое мнѣніе о томъ, въ какихъ мѣстахъ ему лучше вести войну съ непріятелемъ и на какія его области напасть. Король въ началѣ питалъ большую надежду, что, увидѣвъ справедливость прежнихъ его требованій, король Шведскій обратитъ на нихъ вниманіе; онъ зналъ, что королю Шведскому не безъизвѣстно о постоянной принадлежности всей Ливоніи Польскимъ королямъ, ибо въ предшествовавшія времена, когда братъ Шведскаго короля, Эрихъ, занялъ Ревель, то король засвидѣтельствовалъ въ своемъ собственноручномъ письмѣ незаконность поступка Эриха; тѣмъ менѣе король Стефанъ могъ предполагать, что послѣ того, какъ онъ самъ съ большимъ трудомъ и издержками принудилъ непріятеля къ переговорамъ о мирѣ, къ уступкѣ всей Ливоніи, а за тѣмъ почти къ совершенному очищенію ея, ему нужно будетъ дѣлиться со Шведскимъ королемъ плодами пріобрѣтенной имъ побѣды. Хотя король по этому былъ весьма сильно возмущенъ несправедливымъ поступкомъ Шведскаго короля, однако рѣшился пока отложить сей вопросъ до будущаго времени.

Въ то же время и королевскіе вожди также удачно взяли нѣсколько крѣпостей въ Ливоніи у Русскихъ. Герцогомъ Ма-

[1] Вейсенштейнъ (Бѣлый Камень) находится въ нынѣшней Эстоніи.

гнусомъ (Датскимъ) былъ взятъ Киремпешъ, наскоро укрѣпленный Фабіановъ, Пирхель былъ взятъ Берингомъ, Сала Ѳомою Эмбденскимъ, Дембинскимъ были взяты Леновардъ и Ашераденъ, двѣ крѣпости, лежащія при рѣкѣ Двинѣ; эти двѣ послѣднія крѣпости были взяты при содѣйствіи пѣхоты, присланной отъ гражданъ города Риги, для которыхъ было тягостно сосѣдство съ непріятельскими гарнизонами, и при помощи задержаннаго Дембинскимъ у себя шотландскаго войска, шедшаго къ королю [1]. Казалось, что и Кокенгаузенъ, крѣпость весьма сильная и осажденная тѣмъ же Дембинскимъ, скоро покорится нашимъ вслѣдствіе недостатка въ провіантѣ. **1581**.

Мы выше сказали, что Христофоръ Радзивилъ былъ посланъ королемъ съ частью войска по направленію къ Москвѣ, чтобы отомстить непріятелю за его нападенія на Могилевскую и Шкловскую земли, и съ нимъ приказано было соединиться Филону Кмитѣ и Гарабурдѣ съ Литовскими татарами. Кмита [1], выступивъ изъ Лукъ приблизительно съ 2000 всадниковъ и Татарами, бывшими подъ начальствомъ Гарабурды, остановился на разстояніи около 8 миль за Торопцемъ у рѣки Немези и подлѣ какого-то монастыря, ожидая тамъ прихода Радзивилла. Около того же времени и князь Московскій, находившійся въ то время недалеко оттуда въ Старицахъ, еще не зная о прибытіи нашего войска, отправилъ Михаила Ноздроватаго и Петра Барятинскаго съ 3000 солдатъ съ тою же цѣлію, чтобы, нагнавъ какъ можно болѣе страха повсюду на тѣхъ, которые, будучи его подданными, подчинились королю, разграбить и опустошить ихъ области. Когда ихъ развѣдчики, неосторожно разъѣзжавшіе, встрѣтились съ нашими фуражирами, то двое изъ нихъ были захвачены и, будучи приведены въ лагерь, объявили, что въ разстояніи 15-ти миль находится при Залѣсьѣ

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, пр. 600.
[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, пр. 590.

1581. русскій отрядъ. Радзивиллъ, прибывшій уже въ то время, отправилъ противъ него Богдана Огинскаго, назначивъ ему изъ различныхъ эскадроновъ 700 человѣкъ легко вооруженныхъ; какихъ нибудь двѣ сотни отсюда завязали, противно приказанію, изъ желанія битвы, схватку съ непріятельскими караулами, были завлечены къ какимъ-то мостамъ, около которыхъ непріятели расположили въ засадахъ пищальниковъ, и потеряли нѣсколько человѣкъ изъ своихъ; но въ это время подоспѣли на помощь къ нимъ другіе; Гавріилъ Голубка посовѣтовалъ своимъ слѣзть съ коней и сражаться ружьями; тогда непріятели были оттѣснены отъ моста, и наши бросились преслѣдовать непріятельскихъ всадниковъ, обратившихся въ бѣгство; преслѣдованіе продолжалось на разстояніи почти 15 миль, при чемъ и нѣсколько человѣкъ изъ Москвитянъ наши взяли въ плѣнъ.

Узнавъ, что другая часть непріятельскаго войска расположились у Ржева, Радзивилъ выступилъ противъ нея съ войскомъ по весьма неудобной дорогѣ, по которой не проходило еще никакое войско, и остановился въ 30 миляхъ отъ Ржева, потомъ обратился на Зубцовскій *ямъ* (Sukopsciam jamam), такъ называется мѣсто, гдѣ даются проѣзжающимъ подорожныя, и, поставивъ лагерь при рѣкѣ Волгѣ, приказалъ Алимбеку съ Татарами, бывшими у него, направиться черезъ рѣку къ Старицѣ, чтобы на сколь возможно обширнѣйшемъ пространствѣ произвести опустошенія и пожары въ непріятельской землѣ [1]). Хорошо извѣстно, что Московскій царь, который, какъ выше было сказано, ожидалъ тогда въ Старицѣ исхода осады Пскова, узнавъ о приближеніи войска, видя бѣгство поселянъ, пылающіе всюду пожары, какъ потомъ было узнано отъ Поссевина, находившагося тогда при немъ, имѣя около себя

[1]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, пр. 591.

только 700 воиновъ, находился въ величайшемъ безпокойствѣ, **1581**. торопливо и безъ разбора произвелъ наборъ всякаго рода людей и уже помышлялъ о бѣгствѣ. Но пока онъ отправилъ развѣдчиковъ, чтобы осмотрѣть наше войско и какъ можно скорѣе дать ему о томъ знать. Развѣдчики дошли до Окомечья (Ocomeciam), другаго мѣста, гдѣ выдавались подорожныя и гдѣ стояли Татары на разстояніи пяти миль; здѣсь они узнали отъ поселянъ, что наши тщательно держатъ караулъ и что кромѣ того расположились въ укрѣпленномъ мѣстѣ. И такъ, Московиты свернули въ сторону и, перейдя черезъ находившіяся на пути болота, захватили нѣсколько человѣкъ изъ Нагайскихъ Татаръ и нашихъ фуражировъ. Въ это время перешелъ на нашу сторону нѣкто Даніилъ Мурза (Daniel Mursa), одинъ изъ стольниковъ Московскаго царя; о количествѣ войска у царя онъ сообщалъ тоже самое, что уже было извѣстно прежде по слухамъ и изъ рѣчей плѣнныхъ, а при томъ еще во многомъ прихвастнулъ отъ себя; тѣмъ не менѣе наши, вслѣдствіе укоренившагося мнѣнія о великомъ могуществѣ такого государя, легко повѣрили его словамъ; и вотъ, когда нашимъ представлялась возможность совершить достопамятный подвигъ, если бы они подошли къ Старицѣ, они вернулись назадъ, считая свои силы недостаточными въ сравненіи съ войскомъ, которымъ, предполагалось, была ограждена жизнь и безопасность могущественнаго монарха; они направились къ Двинѣ, а оттуда достигла Дубна, измученные большими трудностями этого пути.

Заключивъ на основаніи пустыхъ слуховъ среди сельскихъ жителей, что Торопецъ находится въ затруднительномъ положеніи отъ недостатка провіанта, наши свернули съ дороги къ нему и придвинули войско. Но спустя немного времени они узнали, что дошедшія до нихъ извѣстія о положеніи крѣпостнаго войска ложны, и возвратились назадъ, при чемъ Радзивилъ прямо направился противъ Холма, а оттуда противъ Старой Руссы. При Опочкѣ противъ Новгорода былъ постав-

1581. ленъ нѣкоторый отрядъ казаковъ, чтобы развлекать непріятеля, угоняя добычу изъ его земли, отчасти же, чтобы мѣшать подвозамъ и подкрѣпленіямъ, если таковые будутъ посланы изъ Новгорода во Псковъ. Такъ какъ эти казаки постоянно угоняли добычу изъ непріятельской земли и вообще причиняли непріятелямъ большой вредъ, то послѣдніе улучили удобный моментъ, когда одна часть нашихъ отправилась по обыкновенію за добычею, а другая держала себя нѣсколько безпечно, и вотъ Московскіе Татары, подойдя неожиданно, напали на тѣхъ, которые были оставлены на мѣстѣ. Послѣ того какъ Татары снова были прогнаны остальными вернувшимися казаками, Москвитяне выставили со стороны Новгорода другіе свои посты въ двухъ мѣстахъ, при Руссѣ и Мичагѣ (Misciaga), противъ нашихъ казаковъ; и вотъ именно противъ тѣхъ, которые находились при Руссѣ, Радзивилъ выслалъ имѣвшихся у него казаковъ, отправясь и самъ вслѣдъ за ними. Такъ какъ непріятели были уже раньше устрашены слухомъ о приближеніи войска и обратились въ бѣгство при первомъ приходѣ нашихъ, то послѣднимъ удалось захватить Оболенскаго и нѣсколько человѣкъ изъ боярскаго рода. Затѣмъ Радзивилъ вернулся отсюда къ королю и къ остальному войску.

Уже раньше этого Антоній Поссевинъ, который, какъ мы выше сказали, отправился посломъ къ Московскому царю отъ папы, прибылъ къ королю, какъ только былъ отпущенъ послѣ отступленія Радзивила отъ Волги, и былъ отведенъ въ лагерь, сопровождаемый нѣсколькими эскадронами всадниковъ, которыхъ выслалъ ему на встрѣчу король, когда получилъ извѣстіе изъ Новгорода о его приближеніи.

Антоній Поссевинъ говорилъ, что, хотя царь находится въ сильномъ безпокойствѣ и въ особенности вслѣдствіе неудачныхъ военныхъ дѣйствій желаетъ мира, однако твердо рѣшился не принимать его ни на какихъ иныхъ условіяхъ, какъ только на тѣхъ, которыя предлагалъ уже королю раньше въ Полоцкѣ

чрезъ своихъ пословъ. Такъ какъ уже наступала зима, обыкновенно приносящая очень жестокіе морозы въ тѣхъ мѣстностяхъ, то царь былъ увѣренъ, что войско короля не выдержитъ и первыхъ ея тягостей, что солдаты будутъ размѣщены по зимнимъ квартирамъ, а король по обыкновенію своему возвратится въ королевство, чтобы присутствовать на сеймѣ; въ это же время городъ освободится отъ осады, а онъ отъ страха, и найдетъ легко какой либо другой способъ, чтобы задержать военныя дѣйствія и нападенія короля. Когда король сталъ возражать Поссевину, что онъ не уведетъ войско отъ города, пока не овладѣетъ имъ, или пока Московскій царь не уступитъ всей Ливоніи, Поссевинъ тѣмъ не менѣе уговаривалъ его не уничтожать по крайней мѣрѣ всякой надежды на миръ и позволить назначить мѣсто для съѣзда, чтобы туда собрались съ обѣихъ сторонъ послы и вели бы переговоры на счетъ мира. Послѣ того какъ король согласился на это, Поссевинъ послалъ черезъ гонца письмо къ Московскому царю, въ которомъ говорилъ, что король вообще рѣшился не уходить и не прекращать военныхъ дѣйствій, пока Московскій царь не выйдетъ изъ всей Ливоніи. Поэтому пусть онъ не расчитываетъ на то, что войско, принужденное жестокостью морозовъ, наконецъ уйдетъ; онъ видитъ, что всѣ укрѣпились мужествомъ, чтобы переносить эти холода и быть въ состояніи продолжать осаду; царь долженъ во всякомъ случаѣ тронуться бѣдствіями и имѣть жалость къ столькимъ своимъ невиннымъ подданнымъ, которые не отказываются переносить всяческія страданія и опасности ради его безопасности; онъ подлежалъ бы обвиненію въ величайшей несправедливости, если бы онъ не считалъ ихъ жизнь дороже своихъ выгодъ и упрямства. Вѣдь они не могутъ скрываться въ лѣсахъ изъ-за сильныхъ морозовъ; при томъ и морозы не могутъ дольше защищать ихъ отъ нападеній, потому что, когда отъ сильныхъ холодовъ замерзнутъ болота, то они въ скоромъ времени станутъ проходимы для нашихъ солдатъ; я самъ ви-

1581

1581. дѣлъ, писалъ Поссевинъ, въ тотъ самый день, когда пришелъ въ лагерь, что большое число ихъ частью было перебито, частью взято въ плѣнъ. Именно около времени прибытія Антонія, какъ было выше разсказано, захвачены были тѣ подкрѣпленія, которыя пришли съ Масоѣдовымъ. Поэтому пусть царь самъ рѣшаетъ, какъ ему угодно; что же касается до него, то онъ совѣтуетъ серіозно взвѣсить въ умѣ мысль о мирѣ, и по этому поводу онъ уже говорилъ съ королемъ, чтобы тотъ все-таки не уничтожалъ возможности мирныхъ переговоровъ и испросилъ у него позволеніе придти его посламъ въ извѣстное мѣсто, какое угодно будетъ назначить Московскому царю, и вести рѣчь съ послами короля о мирѣ. Получивъ это письмо, Московскій царь немедленно отпустилъ гонца вмѣстѣ со своимъ курьеромъ и письмомъ къ Поссевину. Мѣстомъ совѣщаній онъ выбралъ Запольское село въ 90 миляхъ отъ Пскова, тоже служившее для выдачи подорожныхъ, и требовалъ для своихъ пословъ охранной грамоты [1]). Грамота была послана и мѣсто принято.

Между тѣмъ войско, находившееся при Псковѣ, терпѣло величайшія невзгоды какъ отъ зимы, такъ и отъ продолжительной осады. Вслѣдствіе этого, когда и войско волонтеровъ стало открыто требовать отпуска, и повсюду стали толковать о мирныхъ условіяхъ, нашлись такіе, которые полагали, что лучше уступить что нибудь изъ Ливоніи Московскому царю, нежели дальше длить осаду, причиняющую войску такія бѣдствія. Они даже тайно убѣждали Поссевина, чтобы онъ старался склонить къ этому короля отъ имени папы и для того, чтобы удобнѣе это сдѣлать, полагали, что нужно позвать его, когда сенатъ станетъ толковать объ условіяхъ, и чтобы онъ въ присутствіи сената высказалъ свое мнѣніе. Среди простыхъ солдатъ распространялись слухи, будто король хочетъ раздѣлить

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 202 и пр. 593, 594.

всю Ливонію, какъ только присоединитъ ее, между Венграми, 1581.
или сыновьями своихъ братьевъ. Вслѣдствіе такого говора даже и войско, состоявшее на жалованьѣ, стало волноваться; для чего оно сражается съ опасностью жизни ради чужихъ выгодъ за провинцію, отъ которой не достанется ни ему самому, ни государству никакой пользы; неужели только для того, чтобы другіе обогатились, оно подвергаетъ опасности свою жизнь и проливаетъ кровь? Король дѣйствовалъ противъ всего этого съ величайшею твердостью и рѣшительностью; въ особенности онъ убѣждалъ волонтеровъ не губить своимъ уходомъ надежды на почти уже вѣрную побѣду или почетный миръ [1]). Кромѣ короля и Замойскій со всѣмъ жаромъ ревностно хлопоталъ объ этомъ; онъ публично высказалъ, что рѣшится на все, прежде чѣмъ уйдти безъ успѣха, или безъ такого мира, какой обѣщалъ сословіямъ король и онъ самъ отъ имени короля на предшествовавшемъ сеймѣ; и, хотя бы это казалось въ высшей степени необходимымъ, онъ все-таки будетъ упорствовать въ своемъ мнѣніи, пока по созваніи сейма не получитъ новыхъ приказаній отъ сословій; что касается до того, чтобы позвать въ сенатъ Поссевина, то онъ утверждалъ, что это противно обычаю предковъ. Онъ знаетъ, что Поссевинъ человѣкъ умный и серіозный и никакъ не станетъ излишне усердствовать въ пользу чужаго государства, однако онъ боится, что Антоній вслѣдствіе просьбъ и желаній другихъ, или же по своему человѣколюбію и миролюбію, будетъ склоненъ къ такому мнѣнію, что и самъ вмѣстѣ съ другими будетъ совѣтовать уступить часть Ливоніи Московскому царю. Тѣмъ не менѣе онъ потомъ извинялся предъ Поссевиномъ за такое свое мнѣніе, приводя ту причину, будто онъ полагалъ тогда, что Антоній самъ не захочетъ своимъ примѣромъ уничтожить особую свою привилегію, такъ какъ по основнымъ законамъ государства послы всѣхъ

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 203.

1581. другихъ государей получаютъ аудіенцію публично, и съ одними только послами папы, величайшаго первосвященника, короли могутъ говорить наединѣ. Когда созванъ былъ затѣмъ совѣтъ по поводу этого, то вообще предлагалось два способа для того, чтобы остаться: или вести осаду изъ лагеря и окоповъ, какъ то было и до сихъ поръ, или, построивъ маленькія крѣпости и размѣстивъ по нимъ солдатъ, стѣснить городъ продолжительнымъ голодомъ и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. То и другое средство всѣ почти отвергли, какъ вслѣдствіе тягостей зимы, такъ и вслѣдствіе того, что почва уже замерзла, и солдатамъ нельзя было ни находиться подъ палатками, ни дѣлать какія либо работы. Литовцы же, устроивши частнымъ образомъ между собою совѣтъ, представили королю записку, въ которой, отвергнувъ съ своей стороны всякій планъ, чтобы здѣсь оставаться, просили держать войско въ Московской землѣ, чтобы тѣмъ избѣжать тѣхъ бѣдствій отъ зимнихъ квартиръ, которыя они терпѣли у себя дома постоянно въ прежніе годы. Въ то же время они назначили срокъ королю и говорили, что если въ продолженіе его не будетъ заключенъ миръ, то ни подъ какимъ видомъ они не согласны будутъ долѣе оставаться. Все это не могло быть скрыто отъ непріятеля, такъ какъ вслѣдствіе полнаго своеволія волонтеровъ, не слушавшихъ никакой власти, ежедневно нѣсколько человѣкъ изъ военной прислуги и подобнаго рода людей попадались непріятелямъ. Въ эти же дни перешелъ на сторону Москвитянъ какой-то Жаба, и принесъ имъ копію съ того рѣшенія, о коемъ было сказано выше. Среди такихъ обстоятельствъ особенную ненависть возбуждалъ Замойскій; про него говорили, что онъ одинъ виновникъ такого положенія, что этотъ человѣкъ, съ дѣтства предавшійся изученію наукъ и долго вращавшійся въ итальянскихъ школахъ, погубитъ все войско своими совѣтами и упорствомъ, оставитъ намѣстника съ войскомъ въ непріятельской землѣ, а самъ въ сторонѣ отъ страха и опасностей вернется въ Польшу, подъ пред-

логомъ исполненія своей канцлерской должности на сеймѣ. 1581.
Король же уже назначилъ съѣзды дворянъ; на нихъ дворяне поставлены были черезъ королевскія грамоты въ извѣстность, въ какомъ положеніи находится дѣло, чтобы не быть вынужденнымъ или отвести войско назадъ, или уѣхать самому отъ осады ради собранія сейма; король убѣждалъ пановъ утвердить на тѣхъ собраніяхъ новые налоги и все другое, необходимое для приведенія войны къ концу. Тѣмъ не менѣе, если дѣло не удастся, онъ на всякій случай при этомъ послалъ и грамоты, призывающія на сеймъ. Ненависть къ Замойскому увеличивалась еще вслѣдствіе его сильнаго старанія соблюдать военную дисциплину, къ чему онъ былъ наклоненъ съ того времени, когда сталъ держать своихъ солдатъ, и всего болѣе это стараніе проявилась у него противъ тѣхъ, которые отличались знатностью: такъ какъ, говорилъ онъ, ихъ положеніе высоко, то и проступки ихъ важнѣе и наказаніе за ихъ проступки должно быть сильнѣе, чтобы устрашить другихъ. На него роптали, что онъ уже приказалъ не только весьма тяжко наказывать женщинъ, пробиравшихся въ лагерь, и нѣкоторыхъ даже предалъ смертной казни, но даже держалъ въ оковахъ королевскаго придворнаго, провинившагося въ чемъ-то противъ военныхъ законовъ, и не хотѣлъ простить его, не смотря на просьбы всего войска; негодовали и на то, что нѣкоторыхъ знатныхъ юношей, слишкомъ вольно жившихъ въ лагерѣ, онъ, привязавъ публично къ столбу, выставилъ на позоръ; повѣсилъ одного подхорунжаго (намѣстника хорунжаго), а нѣкоторыхъ шляхтичей за несоблюденіе чистоты въ лагерѣ избилъ палками. Вслѣдствіе этого противъ Замойскаго даже сочинялись пасквили и распространялись по лагерю; въ этихъ пасквиляхъ ему ставили въ упрекъ его схоластическую ученость. Однако эти пасквили совсѣмъ не смущали Замойскаго. Послѣ того какъ разъ была открыта дверь своеволію, стали подбрасывать сочиненія и противъ другихъ; когда же объ этомъ стали раз-

1581. суждать въ сенатѣ, то Замойскій объявилъ, что онъ не отказалъ бы въ своей помощи оскорбленнымъ назначеніемъ слѣдствія, еслибы это оскорбленіе не коснулось прежде всего именно его самого; но, такъ какъ онъ уже прежде подвергся оскорбленію отъ тѣхъ же людей, то ему нужно опасаться, чтобы не могли почесть его за малодушнаго человѣка, желающаго подъ чужимъ лицемъ отмстить собственную обиду; лучше сдѣлали бы оскорбленные, еслибы уничтожили эти пасквили, не придавая имъ никакого значенія, нежели приписывать имъ важность, сберегая ихъ. Давая по военному обычаю пароль, Замойскій большею частію избиралъ такія слова, что въ нихъ порицалась бездѣятельность, трусость и праздность тѣхъ, которые спѣшили домой, или восхвалялось постоянство и твердость, качества достойныя благороднаго человѣка; въ двухъ-трехъ словахъ заключалось увѣщаніе перейдти отъ унынія къ терпѣливости, если кто изъ нихъ не былъ достаточно бодръ. При началѣ возмущенія отрядъ его ветерановъ, служившихъ еще при Гданскѣ, попытался также завести между собою собранія для разсужденій объ общихъ дѣлахъ, въ особенности же о неуплатѣ жалованья. Но онъ тотчасъ объявилъ въ приказѣ, что будетъ считать тѣхъ, которые будутъ имѣть частныя собранія, за нарушителей военной дисциплины, и будетъ наказывать ихъ по закону; если же, по ихъ мнѣнію, нужно имъ поговорить о своихъ дѣлахъ, то пусть они или обращаются къ нему, или потолкуютъ о нихъ между собою въ его присутствіи. Вслѣдствіе этого ветераны собрались у его палатки. Здѣсь онъ указалъ имъ съ одной стороны на затруднительное положеніе казны, а съ другой стороны объяснилъ имъ все, чего требуетъ любовь къ отечеству и государству, и сколько блага заключается въ твердости; наконецъ объявилъ, что не оставитъ при войскѣ какого лцбо намѣстника, но самъ останется на все время осады, и убѣждалъ ихъ сдѣлать то же самое. Всѣ по примѣру, поданному Иваномъ Зборовскимъ, обѣщались также

непоколебимо оставаться до тѣхъ поръ, пока онъ самъ останется. Друзья втайнѣ не одобряли намѣренія Замойскаго остаться, но совѣтовали ему подумать, какое дѣло онъ беретъ на себя; такъ какъ это дѣло съ одной стороны полно опаспостей, съ другой же стороны можетъ, въ случаѣ неудачи, испортить всю его славу, пріобрѣтенную прежними подвигами. На это онъ отвѣчалъ имъ одно, что, по его мнѣнію, хорошій полководецъ и въ то же время хорошій гражданинъ долженъ заботиться не столько о своемъ достоинствѣ, сколько о чести государства. Если придется снять осаду безъ успѣха, то при данныхъ обстоятельствахъ лучше пусть вина этого несчастія падетъ на него, нежели на короля или на все государство. 1581.

Такъ какъ раньше этого уже былъ привезенъ порохъ отъ герцога Курляндскаго и гражданъ Риги, то было рѣшено до отъѣзда короля попробовать еще разъ приступъ. Съ той стороны, съ которой раньше Поляки разбивали стѣны изъ своихъ окоповъ, непріятели выставили частые деревянные палисады и окружили ихъ рвами; по этому, перенеся окопы вправо на нѣсколько болѣе высокую сторону, наши оттуда стали громить стѣны изъ орудій. Но и на этомъ мѣстѣ непріятели выставили новый палисадъ съ такими тяжелыми орудіями, что залпъ ихъ (одно стрѣляло ядрами вѣсомъ въ 70 фунтовъ, другое въ 80 фунтовъ) пробивалъ рядъ изъ трехъ корзинъ, наполненныхъ пескомъ и расположенныхъ одна за другою. Такъ какъ Венгерцы уже открыли довольно широкій проходъ въ башню, прилегавшую къ рѣкѣ Великой и ихъ траншеямъ, то вступили въ схватку съ непріятелемъ, при чемъ то сами гнали непріятелей по развалинамъ, то были прогоняемы ими назадъ. Затѣмъ осаждающіе начали разбивать стѣны кирками и ломами со стороны рѣки Великой и, хотя сперва непріятели пытались отогнать ихъ отъ стѣнъ, выливая на нихъ горячую воду и кипящую смолу и бросая въ нихъ разные горящіе предметы, однако Венгерцы, достигли того, что, розваливши нижнюю

1581. часть стѣны, помѣстились тамъ и были прикрыты верхнею частью, какъ бы щитомъ, и осажденные болѣе не могли ихъ безпокоить, что бы ни бросали въ нихъ; тогда непріятели изъ города съ верху стѣнъ, разрушить которыя старались Венгерцы, стали спускать огромной величины бревна, со всѣхъ сторонъ обитыя желѣзными зубцами и прикрѣпленныя желѣзными цѣпями къ длиннымъ шестамъ; непріятели, потрясая ими, дѣйствовали такъ искусно, что всѣ, находившіеся на работѣ, получали съ низу направленные удары какъ бы плетью, вслѣдствіе чего эти бревна причиняли большія несчастія [1]). Не смотря на это, Венгерцы не оставили своей работы, пока не разрушили большей части той стѣны; наконецъ, такъ какъ и въ этой части непріятели поставили палисады противъ башни и выкопали ровъ, то рѣшено было оставить намѣреніе взять городъ приступомъ. [2]).

Въ разстояніи 30 миль отъ Пскова, на дорогѣ, шедшей въ Ливонію и Ригу, возвышается монастырь Св. Дѣвы, называемый у Москвитянъ Печерою, то есть какъ бы гробницею Богородицы, извѣстный ея иконою, которую они чтутъ какъ обрѣтенную на этомъ мѣстѣ и явившуюся изъ дерева, прославленный молвою о его святости и нѣкоторыхъ чудесахъ и благодаря этому снабженный весьма обильными и богатыми доходами, получаемыми съ земель, взятыхъ отъ Новгорода и Ливонскаго ордена и приписанныхъ Московскимъ княземъ къ монастырю. Русскіе и въ немъ помѣстили гарнизонъ; гарнизонъ этотъ по близости своей къ намъ причинялъ нашимъ много безпокойства: онъ захватывалъ очень часто нашихъ фуражировъ, дѣлалъ небезопасными дороги и даже забиралъ обозы, высылаемые къ намъ;

[1]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр. 199 и пр. 582. Изъ *повѣсти*: «а кои подъ стѣну подсѣкошася, на тѣхъ здѣлаша на шестахъ желѣзныя *пуги* съ вострыми крюки, и тѣми гайдуковъ за ризы ихъ и съ тѣломъ захватывая, изъ подъ стѣны выторгаху».

[2]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр. 200 и пр. 584.

наконецъ ограбилъ нѣкоторыхъ рижскихъ купцовъ. Тѣ, кого касались эти потери, а ихъ было не мало, въ особенности же тѣ, которые намѣревались послать свои обозы по той дорогѣ, упрашивали короля захватить этотъ гарнизонъ. Съ другой стороны было выставляемо на видъ, что пока солдаты не отдохнули отъ трудовъ столь продолжительнаго и неудачнаго приступа, нельзя вполнѣ безопасно начинать эту новую осаду [1]. Склонясь на непрерывныя просьбы многихъ, король отправилъ туда Фаренсбека. Онъ приказалъ ему, ознакомившись съ мѣстоположеніемъ, увѣдомить его о томъ, какое онъ приметъ рѣшеніе; и если ему покажется, что можно овладѣть монастыремъ безъ большаго труда, то король вышлетъ ему на подмогу солдатъ и пушки; если же, по его мнѣнію, взятіе монастыря окажется слишкомъ труднымъ, чтобы можно было предпринять его въ это время, то пусть вернется назадъ, оставивъ дѣло въ прежнемъ положеніи. Отправившись съ нѣсколькими всадниками Фаренсбекъ наткнулся на дорогѣ на непріятельскихъ конниковъ, далеко превосходившихъ его числомъ, которые, выступивъ изъ Печерскаго монастыря противъ нашихъ фуражировъ, въ это время возвращались домой; однихъ изъ нихъ перебивъ, другихъ разогнавъ, Фаренсбекъ, подстрекаемый успѣхомъ стычки и видя, что монастырь не былъ защищенъ ни довольно большимъ рвомъ, ни палисадами или естественнымъ положеніемъ, съ другой стороны, какъ человѣкъ смѣлый, возъимѣлъ большую надежду на успѣхъ и рѣшился сдѣлать приступъ [2]. Король послалъ ему нѣмецкихъ солдатъ съ нѣсколькими тяжелыми пушками и, когда послѣдніе, проведя сперва траншеи, разрушили нѣкоторую часть стѣны, то попытались ворваться по развалинамъ. Уже Вильгельмъ Кетлеръ, сынъ брата Курляндскаго герцога, Гаспаръ и Рейнгольдъ Тизенгаузены и нѣкоторые другіе про- **1581**.

[1] *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр. 200 и Т. VII, пр. 383.

[2] *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр. 200 и пр. 586, 587; Опис. Пскова, стр. 231.

1581. брались было въ ближайшую башню и по лѣстницамъ стали спускаться въ нижнюю часть ея, какъ вдругъ лѣстницы подломились подъ тяжестію слѣдующихъ за ними людей, и солдатамъ, оставшимся внизу, не было никакой возможности прорваться даже черезъ проломъ, какъ вслѣдствіе тѣсноты его, такъ и потому, что непріятели стали противъ него густою толпою; тогда всѣ они попали въ плѣнъ къ непріятелямъ. Король выслалъ къ отправленнымъ раньше войскамъ еще нѣмецкихъ солдатъ и Борнемиссу съ 500 пѣшими Венгерцами и нѣсколькими большими орудіями. Польское же войско Замойскій все оставилъ въ лагерѣ. Венгерцы стали разбивать стѣны съ той же стороны, съ которой раньше дѣйствовали Нѣмцы, но въ болѣе низкомъ мѣстѣ по направленію влѣво, и уже разрушили нѣкоторую часть стѣны; тогда Ѳома Соландъ (Thomas, Solandius), собравъ отрядъ изъ обозной прислуги и польскихъ казаковъ, сталъ взлѣзать по приставленнымъ лѣстницамъ на башню, обращенную задомъ къ нѣмецкимъ и венгерскимъ окопамъ, съ цѣлью занять непріятеля; когда они были отбиты, то Нѣмцы снова попытались прорваться чрезъ проломъ въ стѣнѣ но были отброшены всѣмъ множествомъ непріятелей, обратившихся на нихъ. Такой же исходъ имѣло и сдѣланное Венгерцами нападеніе, такъ какъ тѣ оставались праздными, пока не вернулись Нѣмцы. Непріятель приписывалъ эту неудачу нашихъ чуду, наши же заклинаніямъ и колдовству. На самомъ дѣлѣ тутъ можно было замѣтить, что въ виду болѣе слабыхъ укрѣпленій столь же часто вредитъ необходимость, сколько при взятіи сильныхъ мѣшаетъ самая трудность дѣла; потому что въ послѣднемъ случаѣ самая великость опасности и раждающійся отсюда страхъ часто возбуждаютъ военную доблесть, а въ первомъ случаѣ самая маловажность дѣла ослабляетъ силу напряженія души и усердіе. Однако нѣкоторые думали, что, еслибы наши пошли на приступъ со всѣми силами и въ одно время, то безъ сомнѣнія можно было бы взять монастырь даже

безъ большаго труда [1]). Между тѣмъ, пока наши наступали **1581.**
по одиночкѣ, сперва сами по себѣ Нѣмцы, потомъ Венгерцы, непріятелямъ была даваема возможность собирать всѣ силы въ одно мѣсто, и натискъ нашихъ былъ ослабляемъ. Во время отбоя нашихъ шотландскіе солдаты, прибывшіе не задолго до того къ королю, расположенные для поддержки на удобныхъ мѣстахъ, убивали мѣткими выстрѣлами Москвитянъ, стрѣлявшихъ въ нашихъ со стѣнъ изъ ружей или пускавшихъ стрѣлы. Прежде своего отъѣзда король назначилъ пословъ для веденія переговоровъ о мирѣ съ Москвою: отъ королевства Польскаго воеводу Брацлавскаго Збаражскаго, отъ великаго княжества Литовскаго маршалка княжества Литовскаго Альберта Радзивила. Къ нимъ король, по обычаю предковъ, присоединилъ секретаремъ Михаила Гарабурду, человѣка даровитаго и въ особенности знающаго московскія дѣла. Когда зашла рѣчь объ условіяхъ, на которыхъ желательно было бы заключить миръ, литовскіе вельможи стали настаивать на томъ, чтобы непріятелю были возвращены Великія Луки, взятыя въ прошломъ году [2]) отъ Москвы, чтобы тѣмъ легче было заключить миръ. Замойскій замѣтилъ на это съ своей стороны, что хотя онъ видитъ, какое большое значеніе имѣютъ для защиты Литвы столь выгодно расположенный городъ и его область, отличающаяся такимъ плодородіемъ и обиліемъ всего, тѣмъ не менѣе уступкѣ его онъ нисколько не препятствуетъ, такъ какъ онъ не былъ обязанъ предъ панами удержать этотъ городъ, о которомъ не было даже никакого упоминанія на сеймѣ, такою же клятвою, какою онъ связанъ былъ по отношенію къ Ливоніи, но онъ непріятно поражается тѣмъ, что толкуютъ объ уступкѣ прежде времени безъ всякой пользы, даже съ нѣкоторою опасностью, что это станетъ извѣстно непріятелю. Вслѣдствіе этого король,

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 200 и пр. 586, 587.

[2]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 202, пр. 504.

1581. посовѣтовавшись наединѣ съ Замойскимъ, предоставилъ ему заключить миръ по своему усмотрѣнію; затѣмъ давъ ему знать, чего отъ него хочетъ и о чемъ самъ будетъ стараться по пріѣздѣ въ королевство, отъѣхалъ полный лучшихъ надеждъ и довѣрія. Но прочіе его спутники, разсуждая объ исходѣ дальнѣйшей осады на основаніи прежде бывшихъ осадныхъ неудачъ и трудностей при наступленіи зимы, и полагая, что непріятели не пропустятъ удобнаго случая, чтобы уничтожить ослабленное и истощенное войско, сожалѣли объ опасномъ положеніи тѣхъ, которыхъ оставляли на мѣстѣ, какъ будто видя ихъ въ послѣдній разъ. Нашлись даже нѣкоторые сенаторы изъ самыхъ знатныхъ, которые пытались убѣдить короля, оставлявшаго сына своего брата Андрея, Балтазара, съ венгерскими войсками въ лагерѣ, не дѣлать этого. Вмѣстѣ съ королемъ отправилась и дворцовая свита и почти всѣ волонтеры; выбравъ дорогу черезъ Островъ и Красный городъ, онъ отсюда проѣхалъ безъ препятствія мимо Лудзена (Люцина) и Розиттена (Рѣжицы), въ которыхъ находились еще непріятельскіе гарнизоны. За королемъ послѣдовали довольно поспѣшно и другія войска, такъ какъ всѣ старались опередить его при рѣкѣ Двинѣ. По этому, хотя Радзивилъ и разставилъ войска въ засадахъ для противодѣйствія непріятельскимъ нападеніямъ, но, такъ какъ солдаты, находившіеся въ засадныхъ пунктахъ, стали разбѣгаться, то нѣсколько нашихъ повозокъ были отняты Московскими крѣпостными войсками. Переправившись не безъ трудностей черезъ Двину за неимѣніемъ судовъ, король прибылъ въ Вильну. Въ лагерѣ съ Замойскимъ осталось все войско, состоявшее на жалованьѣ, какъ то, которое сначала пришло съ нимъ ко Пскову, такъ и то, которое вернулось изъ Старицкой экспедиціи вмѣстѣ съ Радзивиломъ. Въ то же время прибыли въ лагерь вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ Мартиномъ Курціемъ съ той же экспедиціи и 600 человѣкъ Литовцевъ; для того, чтобы оправиться отъ неудачъ ея, они выпро-

сили у начальниковъ помѣститься въ сосѣднихъ деревняхъ по направленію къ Порхову. Изъ волонтеровъ остались нѣкоторые Поляки, впрочемъ немногіе. 1581.

КНИГА V-я.

По отъѣздѣ короля изъ лагеря, Замойскій тѣмъ съ большимъ тщаніемъ сталъ утверждать военную дисциплину, бывшую предметомъ всегдашняго его попеченія, чѣмъ яснѣе понималъ необходимость соблюдать величайшую осторожность, находясь среди столькихъ затрудненій и въ непріятельской землѣ. Изъ начальниковъ, выдававшихся передъ прочими какъ своими лѣтами, такъ и чиномъ и знаніемъ военнаго дѣла, онъ выбралъ шесть человѣкъ, которымъ можно было бы довѣрять тайныя и важныя дѣла; изъ сенаторскаго сословія онъ выбралъ Станислава Тарновскаго, кастеллана Радомскаго, Стефана Грудзинскаго, кастеллана Накленскаго, изъ другихъ Эрнеста Вейера, Мартина Казановскаго, Іоанна Лесновольскаго, Сигизмунда Розена (Sigismundus Rosnius), а для прочихъ дѣлъ онъ приглашалъ на совѣщаніе всѣхъ. Въ то же время, согласно съ тѣмъ, какъ было условлено съ королемъ, онъ сталъ прилагать все свое стараніе къ тому, чтобы въ случаѣ, если не состоится миръ съ непріятелемъ, имѣть все заранѣе наготовѣ и въ запасѣ для продолженія какъ можно дольше осады и къ принужденію жителей города къ сдачѣ голодомъ и недостаткомъ во всемъ. Въ успѣхѣ же онъ былъ увѣренъ, такъ какъ отъ писца Шуйскаго, Сутурны (Suturna), который былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ братомъ при одной вылазкѣ, или, если вѣрить его словамъ, самъ добровольно перебѣжалъ къ намъ, онъ точно зналъ, сколько въ городѣ силъ, военныхъ снарядовъ, хлѣба и запасовъ; все хорошо расчитавши, онъ нашелъ, что

1581. городъ можетъ держаться немногимъ долѣе мая мѣсяца, если прервать напередъ подвозъ провіанта и приходъ подкрѣпленій. На основаніи этого имъ былъ составленъ слѣдующій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій: либо продолжать тѣснить городъ осадою изъ ранѣе устроеннаго лагеря, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, либо въ случаѣ, если жестокая зима или недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, которые уже почти всѣ были уничтожены войскомъ, помѣшаютъ этому, дать сначала роздыхъ войскамъ, позволивъ грабежъ въ непріятельской области, за тѣмъ придвинуть всю пѣхоту и часть пушекъ къ Печорѣ; по этой причинѣ онъ не увезъ оттуда посланныя туда раньше пушки; по занятіи Печоры взять сосѣднія крѣпости Порховъ и Гдовъ, помѣстивъ тамъ гарнизонныя войска, и такимъ образомъ держать непріятеля запертымъ внутри стѣнъ Пскова. Еслибы онъ замѣтилъ, что осада тѣхъ крѣпостей будетъ представлять слишкомъ много трудностей, чтобы стоило ее предпринять, то, слѣдовало бы, устроивъ деревянныя больверки изъ зданій сосѣднихъ деревень, занять самыя наивыгоднѣйшія дороги, въ особенности же идущія отъ Гдова, Порхова и Пскова къ Новгороду; при этомъ онъ самъ предполагалъ остановиться съ частью войска противъ Новгорода выше озера Ильменя подъ бараками на Пребузіи Симеона, а другою частью занять Старую Русу и Осташковъ, пока озеро не покроется льдомъ, и изъ этихъ мѣстностей тѣснить какъ Псковъ, такъ и Новгородъ, и на обширнѣйшемъ пространствѣ опустошать кругомъ лежащія выше Новгорода по направленію къ Твери и Москвы мѣстности. Всетаки онъ имѣлъ въ виду держаться какъ можно дольше перваго плана, то есть, непосредственной осады Пскова и не отступать отъ него, пока къ тому не принудитъ или жестокость зимы, или недостатокъ въ провіантѣ. Войско, разставленное на удобномъ мѣстѣ, какъ выше было указано, около Святогорска выше Пскова для занятія Гдовской дороги, онъ совсѣмъ не считалъ нужнымъ переводить на другое мѣсто, но, чтобы не-

пріятели не могли его захватить врасплохъ сдѣланнымъ нападеніемъ, онъ прибавилъ къ нему значительное количество пѣхоты и нѣсколько пушекъ малаго разряда со Станиславомъ Пенкославскимъ. Въ случаѣ, еслибы непріятель сдѣлалъ на нихъ нападеніе, онъ приказалъ, если это было днемъ, поднять военный флагъ, чтобы по усмотрѣніи его можно было сколько возможно скорѣе поспѣшить къ нимъ на помощь; а еслибы это случилось ночью, приказалъ зажигать огни. При этомъ, дабы непріятель не думалъ, что съ отъѣздомъ короля онъ освободился отъ всякаго страха, Замойскій не пропускалъ никакихъ случаевъ завязать съ нимъ дѣло. Соображая, каково было своеволіе нашихъ фуражировъ при раздѣленіи военной власти между двумя лицами, при чемъ значительная часть волонтеровъ совсѣмъ не допускала необходимости какого бы то ни было начальства, какъ они (то есть фуражиры), не боясь ни непріятеля, ни начальства, бродили повсюду, и нерѣдко подходили безъ приказанія къ самымъ стѣнамъ, Замойскій понялъ, что въ этомъ представляется возможность удачнаго военнаго предпріятія. Размѣстивъ въ засадѣ на удобныхъ мѣстахъ войско, онъ приказалъ въ день Св. Николая, особенно почитаемаго Русскими, провести нѣсколько телѣгъ на близкомъ разстояніи отъ стѣнъ. Но, такъ какъ непріятели, соблюдая честь праздника, не обратили никакого вниманія на находившуюся какъ бы передъ глазами ихъ добычу, то онъ приказалъ повторить это и на другой день. Въ засадныхъ пунктахъ, въ двухъ сосѣднихъ ямахъ, образовавшихся вслѣдствіе дождей, расположились въ одной венгерскіе всадники, въ другой юноша Станиславъ Жолкѣвскій и Иванъ Кретковскій,—намѣстникъ хоругви Пршіемскаго съ Поляками. При первомъ видѣ добычи, непріятели тотчасъ сдѣлали вылазку; будучи завлечены въ мѣсто засады, они скоро были разбиты поднявшимися оттуда Венгерцами. Такъ какъ Поляки были на болѣе дальнемъ отъ нихъ мѣстѣ и по причинѣ очень крутаго всхода чрезъ холмы, **1581**.

1581. находившіеся противъ нихъ, должны были дѣлать обходъ и отъ того не могли подоспѣть къ бою, то они напали на непріятеля съ правой стороны и бросились на него послѣ того, какъ тотъ уже обращенъ былъ въ бѣгство, и соединившись съ Венгерцами, преслѣдовали непріятеля до самыхъ стѣнъ. Не смотря на то, что Венгерцы, находившіеся въ первомъ засадномъ мѣстѣ, были самые отборные всадники и между ними Петръ Баторій, Георгій Сибрикъ, Иванъ Каллай, (Iohannes Kallajus) и всѣ имѣли превосходнѣйшихъ турецкихъ (ѳракійскихъ) лошадей, тѣмъ не менѣе они съ трудомъ могли равняться въ быстротѣ бѣга съ лошадьми русскими, хотя послѣднія большею частію малорослы и безобразны на видъ. Однако и при первомъ нападеніи было убито около 30 человѣкъ бояръ и взято въ плѣнъ 12 человѣкъ и въ томъ числѣ весьма храбрый и извѣстный нѣкоторыми подвигами военными Петръ Колтовской [1]). Послѣ этой потери, Шуйскій, спустивъ съ большимъ трудомъ нѣсколько пушекъ большаго размѣра къ нижнимъ отверстіямъ стѣны и болверковъ и скрывъ въ удобномъ мѣстѣ недалеко отъ рвовъ города значительный отрядъ пищальниковъ, сталъ высылать изъ заднихъ воротъ всадниковъ приблизительно по двадцати человѣкъ, чтобы раздражать наши караулы, стоявшіе по сю сторону рѣки Плесковы (Plescovia) и завлечь ихъ въ засаду. Но когда Замойскій, получивъ извѣстіе о вылазкѣ непріятелей, самъ съ тремя эскадронами всадниковъ переправился черезъ рѣку, то всѣ, бывшіе въ засадѣ, при первомъ видѣ одного нашего всадника, которому Замойскій приказалъ подойти ближе къ мѣсту засады, до одного выпалили въ пустое пространство изъ ружей, и одна почти только близость города и ровъ, служившій препятствіемъ для нашихъ всадниковъ,

[1]) Краткое сообщеніе объ этомъ дѣлѣ отправлено Замойскимъ въ самый тотъ день, то есть *7-го декабря* 1521. См. *Кояловича*, Дневникъ похода стр. 378. За тѣмъ подробнѣе (и о плѣнныхъ) въ донесеніи отъ 3-го декабря: *тамъ же* стр. 379–381.

спасъ непріятелей отъ смерти. Въ то время, какъ все это происходило у города, пришли послы отъ Московскаго царя для переговоровъ: Дмитрій Петровичъ Елецкій (Demetrius Petri filius Ilecius), Романъ Васильевичъ Олферьевъ (Romanus Romani f. Olphirio) и данный имъ въ качествѣ дьяка, Николай Басенокъ (Nicolaus Bassorekus) [1]. Когда навстрѣчу имъ отправился за Порховъ Антоній Поссевинъ съ польскимъ отрядомъ, и когда пришли туда и наши послы, то спустя короткое время начались переговоры о мирѣ. Сначала предложено было включить въ договоръ Шведскаго короля. Хотя несправедливый захватъ крѣпостей сильно измѣнилъ мысли короля, но вслѣдствіе просьбъ королевы Анны, которая изъ любви къ сестрѣ своей Шведской королевѣ и вслѣдствіе постоянныхъ ея писемъ, обнявъ колѣна короля, умоляла его не заключать мира безъ Шведовъ, король обѣщалъ ей постараться о томъ, чтобы былъ включенъ и Шведскій король въ мирные переговоры, притомъ и Поссевинъ, страстно желавшій устроить миръ между христіанскими государями, весьма сильно домогался того же; такъ что король приказалъ посламъ, чтобы вели переговоры, начавъ съ того [2]. Въ то время какъ произошла остановка въ этомъ дѣлѣ, нѣкто Богданъ, знавшій о всѣхъ тайныхъ наказахъ пословъ, перебѣжалъ изъ посольства московскаго къ Брацлавскому воеводѣ и тотчасъ былъ отправленъ послѣднимъ къ Замойскому [3]), отъ **1581**.

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 202 и пр. 194 и 595.

Замойскій извѣщалъ короля о прибытіи пословъ въ Заполы въ письмѣ отъ 11-го декабря: *Кояловича*, Дневникъ послѣдняго похода стр. 383, № 94. 13-го въ среду они имѣли первое совѣщаніе съ польскими уполномоченными: *Метрика Литовская*, II № 81, стр. 213—236.

[2]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 204 и 205, прим. 548 и 549. *Метрика Литовск*: II, № 21 (стр. 216). Требованіе о включеніи въ мирный договоръ короля Шведскаго было предъявлено и отвергнуто на второмъ съѣздѣ пословъ 14-го декабря. «Послы Московъские тожъ, что и перво поведали, ижъ всее земли Ифлянтъское уступити не могуть; а о короля Швецкого и мовити не хотели, поведаючы, ижъ на то росказанья и науки от господара своего никоторое не мають».

[3]) Въ донесеніи отъ 13-го декабря польскихъ коммиссаровъ Замойскому (*Кояловичъ*, Дневникъ похода № 102, стр. 396) говорится о перебѣжчикѣ *Өедорѣ Ивановѣ Зубатомъ*. Въ письмѣ отъ 20-го декабря Брацлавскій воевода пишетъ Замой-

1581. него Замойскій и узналъ, что послы имѣютъ слѣдующіе наказы: если они увидятъ, что король и войско отошли отъ Пскова, то пусть, выдумавъ какую нибудь причину, прервутъ переговоры; если же замѣтятъ, что осада упорно продолжается, то безъ обмана пусть ведутъ переговоры о мирѣ и заключатъ его на томъ условіи, что уступятъ всю Ливонію, если король возвратитъ имъ кромѣ Велижа и всего княжества Полоцкаго, которыя Московскій царь уступаетъ королю, Луки и другія крѣпости, взятыя въ предшествовавшіе годы. Замѣтя, что, хотя король уѣхалъ, а осада продолжается, послы согласились на многія условія мира, но надѣясь на какія либо неблагопріятные слухи о положеніи войска вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и недостатка провіанта, такъ какъ вся область была опустошена, они въ то же время стали дѣлать разныя проволочки и отправляли гонцовъ къ своему государю по самымъ пустѣйшимъ дѣламъ. Поссевинъ написалъ съ дороги Замойскому о томъ, что послы ему объявили, будто Московскій царь питаетъ сильное желаніе удержать хоть какую либо часть Ливонской земли, чтобы пользоваться титуломъ Ливонскаго государя. Замойскій отвѣчалъ въ письмѣ, что онъ оставитъ опустошенныя и не имѣющія никакой пользы крѣпости Нейшлоссъ (Новый замокъ, Novocastrum), Серенскъ и Нейгаусъ (Новгородокъ Ливонскій Novogrodcum) съ тѣмъ уговоромъ, что во власти короля останутся Луки, Заволочье, Невель. Когда послы объявили, что у нихъ нѣтъ никакихъ полномочій относительно Лукъ, Замойскій отвѣчалъ, что безъ Лукъ не уступитъ Московскому царю даже ни одной пяди Ливонской земли. Въ это время, когда до войска дошелъ слухъ о томъ, что нѣкоторыя части войскъ стягиваются въ Новгородъ для того, чтобы отправиться на помощь жителямъ Пскова, Замойскій послалъ туда, давъ

скому, что посылаетъ къ нему русскаго переметчика (ibid. № 130, стр. 431); а ниже приведены показанія переметчика Ѳедора Зубатова о намѣреніяхъ Іоанна (№ 135, стр. 437).

ему нѣсколько конныхъ эскадроновъ, Іордана *Спытка* (Spitko), **1581**.
совершившаго уже раньше нѣсколько славныхъ дѣлъ, между прочимъ въ сраженіи при Дершовѣ. Послѣдній нагналъ сильный страхъ на передовые посты непріятелей, находившіеся недалеко отъ стѣнъ, на самый городъ и на всю сосѣднюю область. Ему же Замойскій приказалъ потомъ расположиться въ удобномъ по положенію селѣ между Порховымъ и Новгородомъ какъ для того, чтобы препятствовать подвозамъ и подкрѣпленіямъ, если какія либо будутъ посылаться непріятелемъ на помощь Псковитянамъ, такъ и для того, чтобы производить болѣе широкія фуражировки, но главнымъ образомъ, чтобы устрашить непріятеля. Однако еще до него опустошили здѣсь все находившіеся, какъ выше указано было, при Опочкѣ казаки, переведенные послѣ того Замойскимъ къ Зайончковскому за Русу. И уже раньше по той же причинѣ Замойскій приказалъ Симону Карлинскому (Simon Charlenscius) прогнать гарнизонъ изъ крѣпости Кобылій городъ (Kobilogradum), такъ какъ, когда замерзло озеро Пелбское (l. Pelba), граничащее съ Псковомъ, Дерптомъ, Кобыльимъ городомъ, то въ этой крѣпости засѣло нѣкоторое количество изъ прежняго Дерптскаго гарнизона, и затѣмъ поставилъ его при Пребужѣ выше рѣки Плюсы, по которой, по замерзаніи озера, открывается дорога изъ Дерпта и Гдова къ Новгороду; отсюда затѣмъ опустошенія пошли дальше. Вслѣдствіе этого, какъ и раньше онъ предполагалъ, недостатокъ въ провіантѣ не могъ принудить его уйдти отъ Пскова, потому что наши почти по всѣмъ сторонамъ могли свободно собирать фуражъ; а съ другой стороны, послѣ опустошеній на обширномъ пространствѣ съ одной стороны выше Старой Русы и Новгорода по направленію къ Твери, съ другой до рѣки Вологды и Ладожскаго озера (lacus Lahoda), и по занятіи нашими самыхъ удобныхъ дорогъ, страхъ непріятеля, тѣснимаго со всѣхъ сторонъ, съ каждымъ днемъ все болѣе увеличивался. Іорданъ послалъ Замойскому двухъ знат-

1581. ныхъ Москвитянъ, захваченныхъ имъ при внезапномъ нападеніи. Отъ нихъ было узнано о смерти старшаго сына государя, Ивана.

Когда отецъ его хвастался огромнымъ количествомъ своихъ богатствъ и сокровищами, послѣдній сказалъ, что предпочитаетъ сокровищамъ царскимъ доблесть, мужество, съ которыми, хотя бы имѣлъ меньше того богатства, которое имѣетъ царь въ изобиліи, онъ тѣмъ не менѣе могъ бы опустошать мечомъ и огнемъ его владѣнія и отнялъ бы большую часть царства. Другіе передаютъ, что царевичъ слишкомъ настойчиво сталъ требовать отъ отца войска, чтобы сразиться съ королевскими войсками. Такъ или иначе, но отецъ, разгнѣвавшись на него, ударилъ его въ голову жезломъ и не много спустя, какъ разсказываютъ, тотъ или отъ удара, или отъ сильной душевной боли впалъ въ падучую болѣзнь, потомъ въ лихорадку, отъ которой и умеръ. Это происшествіе сверхъ остальныхъ невзгодъ причинило тѣмъ бо̀льшую горесть Московскому царю, что сынъ хотя и развелся, по приказанію отца, съ первой женой, съ которой жилъ весьма согласно, и женился на другой, однако умеръ, не оставя дѣтей; второй же сынъ Московскаго царя, Ѳедоръ, былъ еще слишкомъ молодъ и по мнѣнію царя былъ неспособенъ, по несовершенству своего ума, для царствованія и вообще для какой бы то ни было дѣятельности.

Съ другой стороны Шуйскій, видя огромную силу морозовъ и получая отъ перебѣжчиковъ извѣстія, что повсюду въ лагерѣ распространяются отъ того лихорадки (именно вслѣдствіе сильныхъ морозовъ невозможно было, чтобы дѣло обошлось безъ перебѣжчиковъ), сталъ изыскивать способы, какъ бы къ славѣ спасенія города присоединить еще славу взятія польскаго лагеря и уничтоженіе непріятельскаго войска. Почти третья часть въ лагерѣ была поражена болѣзненностію, ибо всякій, разъ подвергшись сильному ознобу, чего никто не могъ избѣжать, тотчасъ заболѣвалъ лихорадкой; однако всетаки не-

много умирало отъ нея. Тѣмъ не менѣе и Замойскій желалъ, **1581.** чтобы представилась возможность вступить въ битву, такъ какъ видѣлъ, что солдаты предпочитаютъ бороться съ непріятелями, чѣмъ съ напастями суроваго климата. Хотя и прибѣгалъ онъ къ различнымъ средствамъ, чтобы выманить непріятеля изъ-за стѣнъ и окоповъ, но всѣмъ его планамъ мѣшали, какъ мы выше сказали, жестокіе морозы. Морозы были такъ сильны, что лишь только кто нибудь выходилъ изъ палатки, какъ отмораживалъ всѣ члены, въ особенности же тѣ, которые преимущественно открыты для дѣйствія воздуха: носъ, уши, лицо, и затѣмъ умиралъ. Что писалось удивительнаго объ этомъ свойствѣ русскаго климата нѣкоторыми, будто морозы въ тѣхъ мѣстностяхъ бываютъ таковы, что и вода замерзаетъ при своемъ паденіи, когда ее выливаютъ, то теперь многіе испытали на дѣлѣ. Но всего болѣе страдали отъ этихъ жестокихъ морозовъ, что по необходимости и должно было быть, наши караулы, и потому вообще ихъ рѣдко выставляли, а когда это дѣлалось, то только немногіе изъ караульныхъ возвращались назадъ съ неотмороженными членами. Особенно замѣчательный случай былъ съ однимъ знатнымъ всадникомъ изъ хоругви Сигизмунда Розена: когда у него совершенно были отморожены обѣ голени, и онъ впалъ въ лихорадку, а затѣмъ въ безпамятство, то въ это-то время докторъ отрѣзалъ ему обѣ ноги, и когда тотъ пришелъ въ себя, то сталъ спрашивать о потерянныхъ ногахъ такъ, какъ будто искалъ какую либо часть одежды. Другой кто-то, хотя со смѣшнымъ исходомъ, тѣмъ не менѣе подвергся величайшей опасности. Будучи оставленъ Василіемъ Сураницкимъ (Basilius Surannicius) на первомъ караулѣ, недалеко отъ городскихъ рвовъ, онъ заснулъ среди ночи; когда онъ совершенно окостенѣлъ отъ холода, то лошадь, какъ часто бываетъ при морозѣ, вдругъ сдѣлала сильный прыжокъ, и онъ, не имѣя возможности держать лошадь и держаться на ней, ибо совершенно уже замерзъ, упалъ съ коня и запутавшись

1581. ногою въ стременахъ, висѣвшихъ съ сѣдла, былъ протащенъ лошадью, бѣжавшей вскачь, до самыхъ городскихъ воротъ, прося о помощи у другихъ громкимъ голосомъ, такъ какъ самъ не имѣлъ силъ выпутаться. Замойскій тотчасъ послалъ, чтобы поймать его, но запретилъ въ случаѣ, если нельзя этого сдѣлать безопасно, подвергать себя безразсудно опасностямъ. Стоявшіе на стѣнѣ непріятели, полагая, что тутъ кроется обманъ, съ своей стороны стали смѣяться и браниться, говоря, что уже довольно обманывать и жалостно кричать, вѣдь такимъ образомъ нельзя насъ обмануть. Благодаря этому, тотъ невредимо былъ взятъ нашими. Тогда было такое время года, когда, какъ извѣстно было изъ ходячихъ разсказовъ Москвитянъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ бываютъ самые сильные морозы, желая обозначить ихъ силу, послѣдніе называютъ ихъ морозами Никольскими и Христовскими. Такъ какъ вся Московская область находится подъ самымъ созвѣздіемъ Большой Медвѣдицы, то обыкновенно ни въ какомъ почти другомъ мѣстѣ, за исключеніемъ лежащихъ около Ледовитаго моря, не бываетъ морозовъ болѣе сильныхъ, какіе бываютъ въ Псковской области. Вслѣдствіе того и всякаго рода животныя, какъ замѣчено, имѣющія въ прочихъ мѣстностяхъ черный или рыжій цвѣта, какъ напримѣръ: прежде всего вороны, совы, дикія куры, медвѣди, волки, зайцы и другія подобнаго рода животныя, или отъ вліянія климата, или отъ силы морозовъ здѣсь обыкновенно всѣ бѣлаго цвѣта. Длина же здѣсь ночей такова, что во время самой большой долготы день вообще не продолжается болѣе 5-ти часовъ. Не смотря на все это, войско съ весьма большою твердостью переносило всѣ трудности, и Замойскій, на сколько возможно было ему, разумно и старательно устранялъ ихъ. Онъ смѣнялъ денные караулы четыре раза въ сутки; три смѣны изъ нихъ дѣлалъ съ помощью другихъ; около сумерокъ же и при разсвѣтѣ, чрезъ своего родственника Станислава Влодко (Stanislaus Vlodeko), котораго онъ взялъ къ себѣ въ намѣстни-

ки по отсылкѣ Збаражскаго, Брацлавскаго воеводы (Sbarasius p. Braslaviensis), на совѣщаніе съ Москвитянами, ибо въ это время всего болѣе нужно было ожидать вылазокъ со стороны непріятелей. Для того, чтобы меньшее число страдало отъ морозовъ, онъ, по обыкновенію предшествовавшихъ лѣтъ, разставлялъ на постахъ и на караулахъ немного только людей, не столько для противодѣйствія вылазкамъ непріятелей, сколько для того, чтобы давать знать о приближеніи тѣхъ другимъ. Уже и раньше съ тѣхъ поръ, какъ только войско подступило къ городу, Замойскій соблюдалъ этотъ обычай, такъ что, разставивъ весьма тщательно караулы, онъ сверхъ того всегда имѣлъ наготовѣ въ лагерѣ резервныя войска для защиты отъ неожиданныхъ вылазокъ, и онъ всегда назначалъ для этого по очереди въ разсылаемыхъ приказахъ извѣстное количество людей. Вслѣдствіе того, хотя и тутъ, какъ обыкновенно бываетъ при осадахъ, нерѣдко дѣлались вылазки, и непріятель довольно часто показывался, однако никогда вообще не было смятенія и крика браться за оружіе, за исключеніемъ развѣ одного раза послѣ отъѣзда короля, когда Замойскій нарочно для возбужденія бдительности солдатъ поднялъ тревогу. Только тѣ, которые были въ очереди, садились на коней, выступали противъ непріятелей и прогоняли его въ то время, какъ другіе ничего не знали. Въ настоящее же время онъ считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ тщательно соблюдать это правило, чѣмъ меньшее число караульныхъ онъ ставилъ вслѣдствіе жестокихъ морозовъ, не желая подвергать имъ солдатъ; онъ видѣлъ, что еслибы онъ сталъ выставлять и болѣе сильные караулы, то все одно, пострадавъ отъ мороза, они были бы безполезны въ случаѣ завязавшагося дѣла съ непріятелемъ. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ, чтобы въ самыхъ палаткахъ, устроенныхъ частію изъ разобранныхъ построекъ сосѣднихъ деревень, частію изъ выкопанныхъ землянокъ, прикрытыхъ прутьями и соломой, какъ каждый съумѣлъ это сдѣлать для собственной защиты отъ не-

1581.

1582. погодъ,—постоянно находилось въ готовности попеременно извѣстное количество людей въ качествѣ сторожевыхъ, имѣющихъ наготовѣ коней, чтобы на нихъ сѣсть, и оружіе; въ случаѣ извѣстія о какой либо вылазкѣ, эти свѣжіе, не пострадавшіе отъ непогоды, люди могли тотчасъ, сѣвши на лошадей, дать надлежащій отпоръ непріятелямъ. Такая мѣра много содѣйствовала какъ безопасности лагеря и спокойствію солдатъ, такъ и ихъ удобствамъ.

Шуйскій, узнавъ отъ перебѣжчиковъ о численной слабости внѣшнихъ постовъ и о количествѣ оныхъ, возъимѣлъ намѣреніе, захвативъ сперва нечаяннымъ нападеніемъ караульные посты, напасть на самый лагерь; съ этою цѣлью онъ собралъ около 700 лошадей, оставшихся еще живыми послѣ всѣхъ бѣдствій осады, и посадилъ на нихъ самыхъ смѣлыхъ людей [1]). Противъ города находилось два поста со стороны лагеря; одинъ, я стоялъ за рѣкою Великой, наблюдая за Печорской дорогой, второй—по сю сторону рѣки выше лагеря. Съ другой стороны за безопасностью наблюдали отряды, стоявшіе при Святой горѣ. Шуйскій выслалъ около 300 отборныхъ всадниковъ за рѣку Великую противъ тѣхъ, которые стояли на постахъ, какъ указано было, при Печорской дорогѣ; онъ, какъ потомъ стало извѣстно отъ плѣнныхъ, имѣлъ въ виду слѣдующій планъ: какъ скоро, по занятіи имъ тѣхъ постовъ, другіе, стоявшіе на караулахъ съ верхней стороны лагеря, какъ онъ имѣлъ основаніе разсчитывать, покинутъ свои мѣста и переправятся по покрытой льдомъ рѣкѣ для помощи своимъ, то лагерь такимъ образомъ будетъ обнаженъ и ему будетъ возможно ворваться въ него неожиданно, не встрѣчая никакого препятствія. Въ тотъ день пришлось занимать посты хоругви Зборовскаго, которая состояла изъ 300 всадниковъ; Ѳома Оринскій (Tho-

[1]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр., 205, пр. 599.

mas Orinscius) расположился приблизительно съ 40 человѣками 1582.
изъ этого числа за рѣкою Великой, а съ прочими занималъ караулы по сю сторону рѣки Плесковы выше лагеря Лаврентій Скарбекъ (Laurentius Scarbecus), намѣстникъ хоругви. Но уже до этого Замойскій далъ приказы вообще всѣмъ сторожевымъ постамъ при вылазкѣ непріятеля не давать ему возможности завязать тутъ же сраженіе, но тотчасъ, обходнымъ движеніемъ отступать къ лагерю не только для того, чтобы легче можно было съ болѣе близкаго мѣста отправить имъ подкрѣпленіе, но и чтобы завлечь непріятеля и заставить его вступить въ битву подальше отъ города. Оринскій (Orinscius) такъ и сдѣлалъ. Шуйскій выслалъ часть пѣхоты изъ города, которая, занявъ какую-то долину, такъ какъ все мѣсто было пересѣчено неровностями, и, отрѣзавъ отступленіе, открыла сильную пальбу изъ ружей. Въ это время Замойскій приказалъ Скарбеку, державшему, какъ выше указано было, караулъ на болѣе отдаленномъ посту тотчасъ переправиться черезъ рѣку и произвести нападеніе на непріятелей, и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ, сѣвъ на коня, приказалъ слѣдовать за собою находившимся въ резервѣ, какъ объяснено было выше. Когда Скарбекъ очень скоро переправился черезъ рѣку, то Шуйскій, лишь только замѣтилъ, что лагерь лишенъ охраны, тотчасъ выслалъ изъ разныхъ воротъ всю пѣхоту и конницу для взятія лагеря. Въ это время составлявшіе, какъ выше было сказано, караулы въ палаткахъ, которымъ Замойскій приказалъ слѣдовать за собою, уже приготовились къ битвѣ и прежде всѣхъ Венгерцы, занимавшіе часть лагеря при рѣкѣ Великой, затѣмъ Иванъ Кретковскій (Iohannes Kretkovius) съ хоругвію Станислава Пржіемскаго, (Stanislaus Prijemscius), Сарнацкій (Sarnacius) съ хоругвію Іеронима Гостынскаго (Hieronymus Gostinius), коихъ они были намѣстниками; за ними и другіе съ такою стремительностью бросились впередъ, что при одномъ ихъ движеніи, при одной стычкѣ и натискѣ около 300 человѣкъ непріятелей пало, бо-

1582. лѣе 60 было взято въ плѣнъ и весьма много ранено [1]). Шуйскій, ожидавшій на ближайшей стѣнѣ исхода вылазки, видя это пораженіе и бѣгство своихъ, тотчасъ, отозвавъ ихъ, увелъ въ городъ. Съ нашей стороны также погибло нѣсколько человѣкъ въ этой стычкѣ, такъ какъ при занятіи непріятелями долины невозможно было другимъ придти на помощь окруженнымъ. Взятъ былъ въ плѣнъ знатный всадникъ Пентковскій (Pientkovius) и уведенъ непріятелями. Оринскій (Orinscius), долго храбро сопротивлявшійся непріятелямъ, также погибъ, пораженный съ болѣе высокаго мѣста, пулею въ плечо и грудь. Петръ Грудзенскій (Petrus Grudsenscius) былъ убитъ выстрѣломъ со стѣны изъ пушки большаго размѣра въ то самое время, когда уже открылъ себѣ дорогу мечомъ сквозь непріятелей и почти добрался было до безопаснаго мѣста у нашихъ и почти до самаго лагеря. Изъ венгерскихъ всадниковъ палъ Францискъ Коборъ (Franciscus Kobor) и Баррабъ Балогъ (Barrabus Balog), мужи храбрые. Еслибы не слишкомъ скоро нашимъ нужно было выдти изъ лагеря для защиты тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Оринскимъ были окружены, то нисколько не слѣдуетъ, какъ кажется, сомнѣваться въ томъ, что всѣ непріятельскія войска легко можно было бы завлечь къ самому лагерю и, уничтоживъ ихъ, почти покончить войну. Тогда былъ 4 день января мѣсяца. Къ ночи Замойскій, зная, что Москвитяне вообще очень заботятся о преданіи погребенію своихъ, приказалъ Николаю Уровецкому занять карауломъ мѣсто сраженія и быть готовыми на всѣ случайности, если какъ нибудь представится возможность къ сраженію, когда непріятель выйдетъ для взятія тѣлъ. Въ ту ночь Москвитяне не двинулись ни въ одну сторону. На другой день онъ далъ такое же порученіе Мар-

[1]) Это дѣло подробно описано въ письмѣ Замойскаго къ королю отъ 4-го января (*Кояловичъ*, Дневникъ послѣдняго похода № 191, стр. 512—515.).

[1]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, стр. 205, пр. 599.

тину Лесновольскому (Martinus Lesnovolscius), начальнику, 1582.
извѣстному своей храбростью; когда послѣдній показался вмѣстѣ съ другимъ всадникомъ въ то время, какъ нѣкоторые, выйдя изъ города, начали убирать самые близкіе къ нимъ лежавшіе трупы, то они снова быстро убѣжали въ городъ и послѣ этого всѣ оставались внутри стѣнъ. Замойскій видѣлъ, что уже нечего болѣе разсчитывать на вызовъ къ сраженію и полагалъ, что слѣдуетъ добровольно предложить непріятелю то, чего требуетъ долгъ благочестія или человѣколюбія; и потому онъ послалъ сказать осажденнымъ, что онъ отдаетъ имъ мертвыхъ и прикажетъ собрать ихъ солдатамъ и передать имъ, или если они желаютъ, пусть сами возьмутъ ихъ, объявивъ имъ напередъ, что могутъ дѣлать это безопасно, полагаясь на данное слово. Бывшіе на стѣнахъ стали сильно восхвалять это благочестіе и христіанскій образъ мыслей; и, сообщивши объ этомъ Шуйскому, просили его на слѣдующій день около полудня вернуться къ нимъ, чтобы въ это время можно было устроить это дѣло.

Около того времени Станиславъ Жолкѣвскій (Stanislaus Solkevius), весьма даровитый юноша, Мельхіоръ Завиша (Melchior Savissa), конюшій Замойскаго, и нѣкоторые другіе знатные юноши безъ приказанія отправились всѣ вмѣстѣ, нарядившись великолѣпнѣйшимъ образомъ, на отличнѣйшихъ турецкихъ лошадяхъ. Какой-то перебѣжчикъ, узнавъ Жолкѣвскаго, сообщилъ непріятелямъ, что онъ кромѣ того, что находится въ близкомъ родствѣ съ Замойскимъ, еще обладаетъ знаніемъ многихъ секретовъ, потому что Замойскій обыкновенно пользовался большей частью его услугами при докладываніи королю болѣе сокровенныхъ дѣлъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ, не смотря на его возрастъ, отличныя способности и умъ. Москвитяне подъ вліяніемъ этого, перемѣнивъ свое намѣреніе и отдавъ предпочтеніе представлявшейся въ настоящее время выгодѣ передъ долгомъ благочестія къ мертвымъ, стали тянуть на словахъ дѣло, а между

1582. тѣмъ тайно разставили на стѣнѣ много большихъ пищалей и около 500 пищальниковъ. Жолкѣвскій, замѣчая, что подъ разными предлогами тянется дѣло, сталъ уговаривать ихъ наконецъ объясниться; тогда одинъ изъ пищальниковъ, прицѣлившись изъ пищали въ Завишу и выстрѣливъ въ него, далъ промахъ вслѣдствіе крѣпости орудія, а въ это время разомъ выпалили и другіе изъ всѣхъ пищалей. Жолкѣвскій и бывшіе съ нимъ, повернувъ коней, быстро ускакали; непріятели тотчасъ пустились за ними и преслѣдовали ихъ выстрѣлами изъ другихъ пищалей со стѣнъ, и чѣмъ дальше тѣ уходили, тѣмъ изъ большихъ орудій въ нихъ стрѣляли. Не смотря на это, наши благополучно вернулись въ лагерь ко всеобщему изумленію, что избѣжали столь сильнаго дождя пуль. Уже раньше наблюдавшій за пушками Иванъ Остромецкій предлагалъ Замойскому такого рода вещь. Въ желѣзный ларь рядомъ положилъ онъ двѣнадцать пищальныхъ дулъ, нарочно сдѣланныхъ тонкими, чтобы тѣмъ скорѣе ихъ разорвало; ихъ же, равно какъ и самый ящикъ, наполнилъ самымъ мелкимъ порохомъ; а въ срединѣ онъ помѣстилъ, взведенную и готовую, ту ружейную часть, которая посредствомъ колеса и прилегающаго кремня возбуждаетъ огонь для воспламененія пороха; ларь этотъ былъ положенъ въ деревянный ящикъ; и за тѣмъ къ той пружинкѣ (fibula), которая, бывъ притянута, обыкновенно повертываетъ колеско и возбуждаетъ огонь, онъ прикрѣпилъ два шнурка— одинъ къ нижнему дну деревяннаго ящика другой къ самой покрышкѣ желѣзнаго ларя; такимъ образомъ, что вынетъ ли кто желѣзный ларь изъ деревяннаго или тронетъ крышку самого желѣзнаго ларя, по необходимости въ томъ и другомъ случаѣ потянулъ бы пружину, и тогда порохъ воспламенился бы и всѣ присутствующіе были бы поражены осколками разорвавшихся стволовъ и желѣзнаго ящика [1]. Остромецкій полагалъ, что, если

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 203 и пр. 596.

въ такомъ видѣ послать его Шуйскому, то послѣдній не удержится, чтобы не раскрыть его и тѣмъ дастъ ввести себя въ обманъ [1]). Замойскій не хотѣлъ до того времени допускать, чтобы подобнаго рода хитростями вести дѣло съ непріятелемъ. Но такъ какъ уже тотъ первый нарушилъ данное публично слово, то по настоянію Жолкѣвскаго и всѣхъ другихъ, участвовавшихъ на собраніи у Замойскаго, послѣдній позволилъ отомстить подобнымъ образомъ за вѣроломство противъ нихъ и все предоставилъ дѣло Остромецкому. Послѣдній, взявъ пригоднаго плѣнника, въ продолженіе нѣсколькихъ дней хорошо съ нимъ обращался и, какъ будто намѣреваясь посвятить его въ большую тайну, заставилъ дать клятву и обязалъ его себѣ вѣрностью. Онъ выдумалъ, будто онъ какой-то Иванъ Моллеръ, служившій нѣкогда съ Фаренсбекомъ у государя Московскаго; впослѣдствіи, когда тотъ перешелъ на сторону короля, то и онъ де, послѣдовалъ его примѣру и, не смотря на то, что имѣетъ теперь нѣкоторое положеніе у короля, все-таки желаетъ де, снискать прежнюю милость къ себѣ Московскаго государя и потому, убивъ сперва главнокомандующаго войскомъ, въ то время, когда тотъ будетъ совѣщаться съ нимъ безъ свидѣтелей—по поводу его искусства въ артиллерійскомъ дѣлѣ, имѣетъ будто бы намѣреніе перейдти снова на сторону Московскаго царя. Пока же онъ просилъ его отнести этотъ ящикъ Шуйскому, говоря, что положилъ туда самые драгоцѣнныя вещи и другія важныя дѣла, что и самъ скоро затѣмъ придетъ, сперва оказавъ ту услугу, о коей выше сказалъ, Московскому государю;—ему очень важно, чтобы ящикъ былъ открытъ до его прихода. Онъ далъ плѣннику письмо такого же содержанія, чтобы отнести Шуйскому. Московскій плѣнный, вдвойнѣ обрадованный тѣмъ, что, по его мнѣнію, можетъ получить свободу и принесетъ столь пріятное извѣстіе Шуйскому, будучи проведенъ Остро-

1582.

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 205, пр. 599.

1582. мецкимъ чрезъ караулы, прибылъ къ Шуйскому. Послѣдній занятъ былъ въ то время разными дѣлами, но тотчасъ приказалъ другимъ, собравшимся сюда случайно на совѣщаніе, открыть ящикъ, не давъ себѣ времени разузнать; очень многіе прибѣжали также сюда, привлеченные какъ новинкой дѣла, такъ и по врожденному людямъ любопытству. Самый храбрый между всѣми и соперникъ Шуйскаго, другой воевода, Андрей Хворостининъ, какъ потомъ было узнано какъ отъ Александра, посланнаго послами къ Псковитянамъ по заключеніи мира (о чемъ будетъ рѣчь ниже), такъ и отъ многихъ другихъ, упершись ногою въ деревянный ящикъ, силился рукой вытащить желѣзный ларь. Въ это время, приведена была въ сотрясеніе пружина, порохъ воспламенился, желѣзный ларь и трубки разорвало, и не только всѣ присутствовавшіе были разсѣяны, но даже сорвана была нѣкоторая часть крыши отъ силы огня, и разрыва желѣзныхъ стволовъ; изъ числа погибшихъ при этомъ особенно извѣстны Андрей Хворостининъ, о коемъ сейчасъ была рѣчь, и Косѣцкій (Kosetsius) [1]). Думали тоже и о Шуйскомъ, такъ какъ онъ въ продолженіе нѣсколькихъ цѣлыхъ дней не показывался по болѣзни; въ особенности же у нашихъ твердо держалось это предположеніе, такъ какъ онъ потомъ больше не показывался никогда, между тѣмъ какъ до этого случая постоянно былъ на стѣнѣ и самъ объѣзжалъ всѣ посты. По поводу этого происшествія Шуйскій написалъ бранное письмо Замойскому и въ брани своей доходилъ до того, что вызывалъ на поединокъ. Но, когда Замойскій въ назначенный день вышелъ на условленный пунктъ съ указанными выше начальниками, непріятель не явился.

Тѣмъ не менѣе, между тѣмъ шли разсужденія съ той и другой сторонъ, какъ выше было указано, объ условіяхъ мира.

[1]) *Кар*. Т. IX, гл. 5, пр. 596. Извѣстно, что Хворостининъ не былъ убитъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого здравствовалъ и воеводствовалъ.

Уже сначала Москвитяне отвѣтили относительно Шведскаго 1582.
короля, что ихъ государь не отказывается заключить съ нимъ миръ, но онъ долженъ по обычаю предковъ отправить кого либо къ воеводѣ Новгородскому, чтобы договориться съ послѣднимъ объ условіяхъ мира. Вообще ему нельзя ничего дѣлать противъ обычаевъ и постановленій предковъ. Когда нельзя было никакъ отклонить ихъ отъ этой мысли, тогда перешли къ главнѣйшему условію о возвращеніи Ливоніи и другихъ крѣпостей съ обѣихъ сторонъ. Всего болѣе было спора по этому пункту, такъ какъ они оставляли Ливонію не съ меньшимъ горемъ, какъ еслибы шло дѣло о самой Московской области, ибо съ трудомъ она была пріобрѣтена войною въ продолженіе 29-ти лѣтъ и стоила много крови; въ ней кромѣ того успѣли народиться люди русскаго происхожденія; весьма многіе изъ нихъ тамъ прочно основались, устроившись домами. Подъ конецъ Москвитяне, уступая остальные города и почти всѣ крѣпости, сильно спорили изъ-за Дерпта и Ливонскаго Новгородка, потому что, какъ говорили они, въ провинціи этой была введена ихъ вѣра, въ ней поставленъ ими епископъ, и она посвящена была Печерской Божіей Матери. Наконецъ дѣло состоялось, такъ какъ Москвитяне стали замѣчать, что дѣла у Пскова идутъ сверхъ ожиданія еще не такъ, какъ бы имъ хотѣлось, и даже величайшія затрудненія, какъ во всѣхъ вещахъ, такъ и отъ морозовъ, нисколько не отвлекаютъ нашихъ отъ осады, и уже наступаетъ болѣе мягкое время года, ибо большая часть зимы прошла; Поссевинъ, который оставался среди Москвитянъ ради того, чтобы не возбуждать въ нихъ недовѣрія къ себѣ, съ своей стороны настаивалъ на мирѣ предъ тою и другой стороной съ величайшею прямотою и свободою, дабы не пропали даромъ его хлопоты въ дѣлѣ столь благочестивомъ. Постановивши условіемъ, чтобы имъ позволено было взять священные сосуды изъ Дерпта и Новгородка, и чтобы епископъ или священники не подвергались оскорбле-

1582. ніямъ, послы уступили всю Ливонію, бывшую подъ властью ихъ государя; отъ имени короля съ другой стороны были уступлены имъ Луки, Заволочье, Невель и нѣкоторыя другія крѣпости, взятыя у непріятеля въ прежніе годы, при чемъ возвращены были имъ Велижъ и вся Полоцкая область. Относительно Нарвы и другихъ крѣпостей, занятыхъ Шведами, долго происходили пренія; по мнѣнію нашихъ, онѣ достались Шведамъ благодаря медлительности Москвитянъ (въ дѣлѣ мирныхъ переговоровъ), а Москвитяне возражали, что до нихъ вовсе не касается дѣло отдачи этихъ крѣпостей, ибо эти крѣпости и не были упомянуты между Ливонскими крѣпостями, которыя они предложили королю, къ тому же онѣ и теперь не находятся въ ихъ власти. Наконецъ, когда вслѣдствіе этого стало затягиваться дѣло, и когда споръ сталъ такимъ, что послы короля начали свидѣтельствовать, что король никакъ не уступитъ своего права на Нарву и другія крѣпости, находящіяся въ рукахъ Шведовъ, то послы Московскаго царя стали уступать Вейссенштейнъ, предложенный королю уже раньше Московскимъ царемъ, послѣ чего стали говорить о размѣнѣ плѣнныхъ. Между тѣмъ какъ Москвитяне желали возвращенія плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ безъ вознагражденія, послы короля требовали за плѣнныхъ Заволочье, Невель и въ крайнемъ случаѣ Себежъ, и, такъ какъ у короля было очень много сановныхъ Московскихъ людей, а у тѣхъ не было ни одного знатнаго плѣнника изъ королевскихъ, притомъ и царь Московскій былъ того мнѣнія, что ему слѣдуетъ принимать во вниманіе не столько людей, сколько земли, то все это дѣло было отложено до другаго времени, когда съ обѣихъ сторонъ пришлютъ пословъ для принесенія взаимно другъ другу присяги въ храненіи мира. Относительно пушекъ и военныхъ снарядовъ, находившихся въ крѣпостяхъ, условлено было такъ, чтобы, оставивъ все то, что было тамъ при взятіи, увезти съ собою каждому то, что съ той и другой сторонъ туда послѣ

было доставлено. На такихъ-то условіяхъ было заключено перемиріе на десять лѣтъ [1]. При этомъ Московскаго царя, крайне огорченнаго потерею провинцій, не оставляла надежда вернуть назадъ въ болѣе удобныя времена отнятое у него, воспользовавшись какими нибудь безпорядками во время безкоролевья или другими случаями. А съ другой стороны и король, нанеся такое пораженіе и раззореніе Московскому государству, что оно не могло никоимъ образомъ въ немного лѣтъ поправиться, несовсѣмъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не исключается для него возможность совершить еще болѣе великія дѣла въ случаѣ, еслибы Московскій царь вздумалъ возобновить войну, когда между тѣмъ провинція Ливонія была бы закрѣплена за Польшею и защищена всѣми необходимыми способами. Послы тотчасъ скрѣпили эти условія клятвой; относительно государей было постановлено такъ, чтобы великіе послы посланы были сперва отъ короля къ Московскому царю, а затѣмъ отъ Московскаго царя къ королю для принесенія присяги. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней спорили о редакціи договора; Москвитяне хотѣли сперва, чтобы царь ихъ былъ названъ царемъ всей Россіи, потомъ отступившись отъ этого титула, но требуя наименованія его Московскимъ и Владимірскимъ и многими другими, хотѣли назвать его еще царемъ Астраханскихъ и Казанскихъ Татаръ; наши же возражали на это, что не могутъ противно обычаю предковъ ничего лишняго приписать ему. 1582.

Уже нѣсколько раньше Замойскій узналъ отъ Томаса Эмбдана (Thomas Embdanus) и нѣкоторыхъ другихъ, трудами ко-

[1] Кромѣ протокола мирныхъ переговоровъ, напечатаннаго въ Посольской Литовской Метрикѣ (II, № 81) подъ заглавіемъ «Розмовы пословъ его королевской милости съ послами Московскими», сюда же относится очень большое количество документовъ, изданныхъ пр. *Кояловичемъ* вмѣстѣ съ Дневникомъ послѣдняго похода Стефана Баторія. — Самыя договорныя грамоты, подписанныя 6-го января 1582 года, находятся тоже въ Литовской Метрикѣ, №№ 82 и 83.

1582. ихъ пользовался при разузнаваніи обстоятельствъ, что Перновъ, осаждавшійся Шведами, сильно стѣсненъ вслѣдствіе недостатка въ провіантѣ, и едва ли Москвитяне въ состояніи выдержать въ продолженіи четырехъ недѣль; кромѣ того отъ Ивана Зборовскаго, вернувшагося въ Польшу, вслѣдствіе тяжбъ весьма важныхъ и необходимыхъ для себя и своей фамиліи, онъ узналъ, что Ливонцы возбуждаются къ бунту и распространяются между ними слухи, будто король намѣренъ раздѣлить всю Ливонію, по полученіи ея, между Венгерцами. Такъ какъ само собою разумѣлось, что этого сдѣлать невозможно, если туземные владѣльцы не будутъ прогнаны со своихъ мѣстъ, то по необходимости многіе волновались по этому поводу. Въ то же время отъ имени Шведскаго короля объявлялись эдикты, въ которыхъ обѣщался возвратъ каждому его имущества и владѣній, которыя предки его, въ прежнія времена, держали на ленномъ правѣ, и приглашались тѣ, кому принадлежатъ имѣнія, явиться для вступленія во владѣніе ими. Въ числѣ другихъ нѣкто Берингъ, имѣвшій во власти нѣсколько королевскихъ крѣпостей, какъ потомъ было узнано отъ Москвитянъ, уходившихъ изъ Пернова, написалъ Москвитянамъ письмо, въ которомъ убѣждалъ ихъ, если не могутъ дольше выдерживать осады, сдаться лучше королю Шведскому, нежели Польскому. Хотя Замойскій и не терялъ надежды, что наконецъ Псковъ будетъ взятъ либо силою, если король, какъ условился онъ съ нимъ, пришлетъ ему вспомогательныя войска, либо сдастся въ его власть вслѣдствіе голода и недостатка провіанта не позднѣе іюня, дольше котораго, онъ ясно видѣлъ, осажденные не выдержатъ, тѣмъ не менѣе въ виду такой возможности потерять Ливонію въ пользу Шведовъ, онъ также склонялся въ пользу мира.

Около того же времени прибылъ въ лагерь какой-то купецъ отъ коменданта Нарвскаго, присланный Шведами для того, чтобы жаловаться на разныя обиды на границѣ обоюдныхъ

владѣній, будто бы нанесенныя нашимъ войскомъ, стоявшимъ выше Гдова на Пребужѣ. Когда сверхъ ожиданія Шведовъ ему данъ былъ слишкомъ любезный отвѣтъ, то потомъ къ Замойскому пришелъ отъ Понтуса Делагарди Каньоли Итальянецъ (Cagnolus Italus), коего дѣятельность особенно была замѣчательна при занятіи Нарвы, и, высказавъ привѣтствіе Замойскому вмѣсто короля въ почтительныхъ выраженіяхъ и отдавъ письмо Понтуса къ королю, просилъ позволенія по его личному желанію отправиться къ посламъ московскимъ. Замойскій, хотя и зналъ хорошо о томъ, что дѣлается въ Ливоніи, однако полагая, что нужно держаться его обычной учтивости передъ иностранцами, теперь па просьбу Каньоли благосклонно отвѣчалъ, что королю не могло придти въ голову, когда онъ особенно такъ долго оставался въ лагерѣ и никто не приходилъ къ нему отъ Шведскаго короля, что потомъ будетъ присланъ посолъ, и потому съ одной стороны король не далъ ему на этотъ счетъ никакихъ приказаній, а съ другой стороны онъ не можетъ ничего разрѣшить ему, не имѣя на то королевскаго приказанія и безъ его воли; онъ съ своей стороны готовъ послать письмо съ курьеромъ къ королю, или, если ему угодно, разрѣшить ему самому поѣхать къ королю, причемъ онъ дастъ ему конвой. Получивъ такой отвѣтъ и оставивъ курьера съ письмомъ, Каньоли вернулся къ Понтусу; за нимъ, когда еще не былъ посланъ изъ лагеря гонецъ къ королю, отправился въ Ливонію вѣстникъ о заключеніи мира. **1582.**

Уже раньше прибылъ къ Замойскому Александръ [1]), присланный московскими послами изъ Заполья, возвѣстить жителямъ Пскова о заключеніи мира, и когда Замойскій пригласилъ послѣдняго на завтракъ, то тотъ отвѣчалъ, что онъ сочтетъ за величайшую милость, если ему будетъ позволено,

[1]) Разумѣется боярскій сынъ, Александръ Хрущовъ *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 602.

1582. какъ можно скорѣе пройдти къ городу. «Пока, говорилъ онъ, я буду здѣсь пировать, осажденные будутъ между тѣмъ пить кровь», и прибавилъ, что онъ будетъ завтракать у него тогда, когда вернется назадъ, сообщивъ своимъ радостное извѣстіе о мирѣ. Давъ ему конвой, Замойскій приказазалъ проводить его къ городу. Когда тотъ подошолъ къ Покровской башнѣ, прикасавшейся къ рѣкѣ Великой и разрушенной, какъ выше было сказано, пушками Венгерцовъ, и объявилъ, кто онъ, то стоявшіе на стѣнахъ выказали такую сильную радость и благодарность, что тотчасъ, схвативъ его, подняли вверхъ на стѣны и, нисколько не стыдясь ни своихъ, ни кругомъ стоявшихъ нашихъ, бросились цѣловать его ноги, называя его въ радостныхъ крикахъ архангеломъ и вѣстникомъ мира; затѣмъ, обратившись къ нашимъ, называли ихъ братьями и приглашали ихъ безъ боязни подойти къ нимъ ближе и свободно ходить. На слѣдующій день тотъ же Александръ съ нѣсколькими другими знатными людьми, вернулся въ лагерь къ Замойскому; такъ какъ, по ихъ мнѣнію, миръ уже состоялся, то они просили у Замойскаго дозволенія свободно рубить дрова, и чтобы онъ какъ можно скорѣе отвелъ войско. Замойскій отвѣчалъ на это, что хотя уже переговоры о мирѣ кончились, но онъ еще не получилъ грамоты, въ которой написаны условія мира, и еще не пришли отъ ихъ государя тѣ лица, которыя должны передать крѣпости; затѣмъ онъ пригласилъ ихъ къ своему столу. Такъ какъ завтракъ былъ очень роскошенъ, то тѣ, которые были убѣждены, что наши терпятъ сильный недостатокъ въ провіантѣ, тѣмъ болѣе были удивлены при видѣ запаса не только всѣхъ нужныхъ предметовъ, но даже и очень многихъ такихъ, о которыхъ они сами никогда и не знали. Замойскій, какъ онъ это сдѣлалъ въ предшествовавшій годъ, такъ и при началѣ этого похода, кромѣ пушечнаго пороха, для потребностей набранной имъ пѣхоты, самъ заготовилъ и военные снаряды, равно какъ и огромнѣйшее количество провіанта, а

сверхъ того, не малое количество болѣе тонкихъ запасовъ для 1582.
угощенія чужестранныхъ гостей; одна часть этихъ заготовленій, сдѣланныхъ въ Ригѣ и Гданскѣ, на подводахъ, вытребованныхъ у герцога Курляндскаго и города Риги, была перевезена и сложена выше Кокенгаузена, находившагося еще въ рукахъ непріятелей, и оттуда на судахъ вверхъ по рѣкѣ доставлялась въ Дисну и далѣе въ Заволочье; другую же часть онъ свезъ на телѣгахъ. Когда во время обѣда вспомнили также о посылкѣ ящика къ Шуйскому, то Александръ разсказалъ и о случившемся съ Хворостининымъ, о чемъ мы выше сказали, и также прибавилъ, что еслибы въ это время не былъ заключенъ миръ, то они, чтобы не показаться побѣжденными изобрѣтательностію нашихъ въ свою очередь послали бы имъ вмѣсто того 300 золотыхъ яблокъ. Это довольно ясно показывало, что они ни къ какому другому происшествію не относились съ большимъ негодованіемъ, какъ къ этому. Уже и раньше до заключенія еще мира, когда Венгерцы слишкомъ близко подходили и весьма часто съ усмѣшкою говорили имъ объ ящикѣ, они до того по собственному признанію возмущались этимъ, что, когда тѣ же Венгерцы бросили какъ то передъ ними ящикъ на рѣку, покрытую льдомъ, то они стали давать по немъ въ досадѣ и гнѣвѣ многочисленные выстрѣлы изъ пушекъ. Подобнымъ же образомъ они потомъ довольно часто стали приходить къ Замойскому, который всегда ихъ ласково принималъ. Прійдя однажды для обмѣна плѣнныхъ, они встрѣтились тутъ съ начальникомъ хоругви Прокопіемъ Пенонскимъ, дававшимъ въ то время пиръ. Если они раньше были того мнѣнія, что Замойскій, находясь въ стѣсненномъ положеніи отъ недостатка въ провіантѣ и фуражѣ, отведетъ самъ назадъ войско, то теперь увидѣли, что не только главнокомандующій, но и все войско пользуется большимъ изобиліемъ. На слѣдующій день послали къ Замойскому Өедора Мясоѣдова и многихъ другихъ просить его по заключеніи мира увести наконецъ свои войска и тѣмъ

*

1582. освободить городъ отъ осады; если же онъ не сдѣлаетъ этого въ трехдневный срокъ, то, они заявляютъ, что не будутъ считать себя связанными миромъ. На это Замойскій отвѣчалъ, что по его мнѣнію они говорятъ, по заключеніи мира, не то, что думаютъ, такъ какъ онъ знаетъ, что миръ имъ непріятенъ, и конечно пріятнѣе чѣмъ тому сословію людей, которое живетъ жалованьемъ; онъ уведетъ войско, когда то будетъ удобно.

Въ это время прибылъ въ лагерь самъ воевода Брацлавскій и объявилъ, что ни на какомъ другомъ условіи не могъ состояться миръ, какъ только на томъ, чтобы немедленно было отведено войско; равно какъ и для возвращенія крѣпостей приняты такія условія, чтобы какъ можно скорѣе были посланы тѣмъ и другимъ государемъ къ тѣмъ крѣпостямъ, которыя должны быть возвращены, дворяне, и какъ скоро они прибудутъ, передающіе должны вводить принимающихъ во владѣніе землею и крестьянами. Между тѣмъ тѣ, которые вступаютъ во владѣніе, должны доставить уходящимъ для перевозки ихъ имущества нужныя подводы; когда онѣ будутъ доставлены, то на восьмой день послѣ прихода дворянъ крѣпость подлежала очищенію. Въ случаѣ, если нельзя будетъ перевезти чего либо изъ болѣе дешевыхъ вещей удобнымъ образомъ, то такія вещи могли быть оставлены за печатью, съ тѣмъ чтобы при первой возможности быть возвращенными своимъ владѣльцамъ. Въ этихъ то именно условіяхъ Замойскій видѣлъ большое затрудненіе. Такъ какъ въ странѣ, опустошенной непрерывными войнами, естественно оставалось весьма малое количество лошадей, то онъ понималъ, что почти во власти Москвитянъ будетъ по своему усмотрѣнію оттягивать возвращеніе. Однако, чтобы узнать ихъ намѣренія и вмѣстѣ съ тѣмъ выказать имъ свое довѣріе, онъ приказалъ передать имъ Островъ прежде, чѣмъ пришолъ срокъ его отдачи; и хотя онъ понималъ, что въ томъ только и заключается вся надежда на полученіе обратно остальной Ливоніи и на прочность мира, чтобы удер-

живать Москвитянъ въ вѣрности договору страхомъ осады и **1582.** близостью войска, однако для того, чтобы они не могли потомъ утверждать, будто имъ положено начало нарушенію присяги, данной послами,—отозвавъ отовсюду фуражировъ, Замойскій приказалъ всей пѣхотѣ съ пушками и болѣе тяжелыми военными орудіями выступить впередъ къ Новгородку (Ливонскому), на разстояніи 8-ми дневнаго пути, гдѣ въ крѣпости и думалъ все оставить. Отсюда онъ выслалъ впередъ въ разныя стороны другіе отряды для того, чтобы принять обратно порознь крѣпости Ливонскія; за этими отрядами вслѣдъ имъ шелъ отрядъ, служившій для защиты больныхъ, за нимъ слѣдовали обозы. Самъ онъ съ остальнымъ войскомъ, двинулся изъ-подъ Пскова въ 6-й день февраля. Москвитяне во множествѣ смотрѣли на переходъ войскъ частію со стѣнъ и болверковъ города, частію съ береговъ рѣки и другихъ болѣе высокихъ мѣстъ; они любовались преимущественно послѣдней частью войска, которая, хотя, доходила приблизительно численностью до 24.000 всадниковъ, но однако болѣе обращала на себя вниманіе ихъ скорѣе блескомъ и вооруженіемъ и красотой коней, нежели количествомъ и численностью; большая часть изъ нихъ были въ такомъ хорошемъ состояніи, что казалось, будто ничто или мало измѣнилось у нихъ отъ перенесенныхъ ими трудностей зимнихъ холодовъ и продолжительной осады. Въ такомъ порядкѣ Замойскій перевелъ войско къ Сескеліи и къ другимъ сосѣднимъ селамъ выше Дерпта, имѣя въ виду, что съ этого мѣста ему легко можно будетъ, если Москвитяне не станутъ исполнять условій мира, вернуться въ Московскіе предѣлы, а равнымъ образомъ отсюда представлялась возможность близкаго наблюденія за Перновомъ; еслибы Шведскія войска не захотѣли отступить отъ него, какъ имъ о томъ было заявлено, то онъ сейчасъ же могъ принять рѣшеніе сообразно времени и обстоятельствамъ, потому что раньше еще, тотчасъ по заключеніи мира, онъ послалъ съ нѣсколькими хоругвями всадни-

1582. ковъ Ивана Лесновольскаго объявить начальнику города и крѣпости о томъ, чтобы тотъ оставилъ этотъ городъ, какъ по праву уже принадлежащій королю. Хотя Москвитяне получили обратно Островъ и даже прошелъ срокъ, въ который они назначили возвратить Новогродокъ, однако они нарочно дѣлали проволочки; можетъ быть они ожидали того, чтобы наше войско было распущено, можетъ быть они хотѣли, чтобы ихъ люди успѣли достигнуть изъ болѣе отдаленныхъ крѣпостей до крайнихъ предѣловъ Ливоніи и даже до самыхъ границъ Московіи и переправить безопасно свои вещи; иначе, по удаленіи ближайшихъ, послѣдніе, находившіеся въ Кокенгаузенѣ, Перновѣ и болѣе другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, могли бы замедлить и подвергнуться обидамъ и притѣсненіямъ со стороны нашихъ. Замойскій, видя, что эта проволочка доставляетъ и ему, и войску величайшее неудобство, приказалъ уже раньше Уровецкому, пославъ его напередъ съ пушками къ Новогродку, открыть себѣ входъ въ крѣпость. Послѣдній, скоро вступивъ въ дружелюбныя отношенія съ комендантомъ, сталъ потомъ свободно бывать у него. Спустя нѣсколько времени, прибылъ сюда и самъ Замойскій, вмѣстѣ съ воеводой Брацлавскимъ и 60 приблизительно солдатами, которые за ними поодиночкѣ слѣдовали; на обычный вопросъ привратника наши отвѣчали, что идетъ сотникъ, и такимъ образомъ Замойскій вступилъ внутрь крѣпости. Около того же времени туда прибылъ Петръ Волконскій. Со времени переговоровъ въ Запольѣ, при которыхъ Волконскій присутствовалъ, онъ зналъ воеводу Брацлавскаго и потому съ упрекомъ замѣтилъ коменданту, зачѣмъ тотъ впустилъ воеводу, когда говорилъ, что впустилъ только сотника; воевода отвѣчалъ, что не только онъ (Брацлавскій), но и самъ Замойскій находится тутъ. Видя, что комендантъ смущенъ этимъ, Замойскій сказалъ: «вѣдь все одно, эта крѣпость была уже потеряна для твоего государя, еслибы даже ты не долженъ былъ по условіямъ мира отдать ее добровольно; никакого коварства въ этомъ

нѣтъ со стороны моей, я пришелъ сюда, чтобы осмотрѣть 1582.
крѣпость, принадлежащую моему государю». И при этомъ онъ сталъ уговаривать этого человѣка уступить. Когда послѣднiй сталъ отговариваться недостаткомъ подводъ, то Замойскiй далъ ему извѣстное число изъ тѣхъ лошадей, которыя везли пушки. Воспользовавшись ими для вывоза всѣхъ своихъ вещей, московскiй комендантъ сдалъ замокъ и удалился. Хотя Новогродокъ представляется небольшимъ по своей величинѣ, но важенъ своимъ сосѣдствомъ съ Московской областью и вслѣдствiе этого именно обстоятельства хорошо защищенъ валомъ, въ особенности же тройною стѣною и многочисленными башнями и однимъ замѣчательнымъ болверкомъ.

Отсюда Замойскiй прямо прибылъ въ Сескелiю (Seskelia) и остановился тамъ на нѣсколько дней, чтобы узнать, возвращенъ ли Дерптъ Москвитянами Сигизмунду Розену, отправленному для принятiя города въ качествѣ коммисара; видя, что Москвитяне все-таки не уходятъ, не смотря на подводы, которыя туда Замойскiй послалъ въ большомъ количествѣ, выпросивъ ихъ при большомъ въ нихъ недостаткѣ у герцога и у другихъ, онъ самъ направился въ Дерптъ и остановился въ близкомъ къ городу монастырѣ. Отсюда онъ послалъ къ начальнику города Николая Жебржидовскаго и Станислава Жолкѣвскаго сына съ требованiемъ, чтобы тотчасъ тотъ удалился, и согласно съ условiями мира сдалъ городъ и крѣпость; если же онъ не сдѣлаетъ этого впродолженiи 3 дней, то, какъ объявилъ, онъ переведетъ снова войско въ Московскую область. Въ это время уже прибылъ отъ Московскаго царя Василiй Головинъ (Basilius Holovinus) изъ его первыхъ дворянъ. Горько вздыхая, онъ говорилъ, что помнитъ то время, когда можно было Москвитянамъ быть гордыми и упрямыми; причиною же теперешней медленности выставлялъ то обстоятельство, что еще не достаточно приготовлено было лошадей и повозокъ и потому просилъ прибавить еще одинъ день къ трехднев-

1582. ному сроку. Замойскій, отдавъ ему изъ собственнаго запаса около 200 лошадей, принялъ Дерптъ въ 24 день февраля мѣсяца. Московскій царь владѣлъ Дерптомъ уже 29 годъ, и потому очень многіе разлучались съ этимъ городомъ съ величайшею горестью и слезами, какъ съ такимъ мѣстомъ, гдѣ они родились или выросли. Въ особенности женщины, сбѣгаясь на могилы и своихъ мужей и дѣтей, отцовъ и родственниковъ, по обыкновенію своему испускали страшныя рыданія. Весь народъ Московскій, болѣе чѣмъ какой другой, отличается суевѣріемъ—въ особенности въ дѣлѣ почитанія могилъ и умершихъ. Отъ обычаевъ другихъ народовъ у нихъ есть здѣсь та особенная разница, что они не тотчасъ погребаютъ умершихъ, но впродолженіе одного года держатъ ихъ въ гробахъ въ склепахъ со сводами, а затѣмъ, по прошествіи года, предаютъ землѣ со слезами и стенаніями.

Нѣкогда Дерптъ былъ богатѣйшимъ городомъ Ливоніи, доказательствомъ чего служитъ даже доселѣ видъ публичныхъ и частныхъ зданій. Въ Ливоніи нѣтъ нигдѣ лучшей и болѣе плодородной земли, чѣмъ Дерптская. Прежде, чѣмъ Нѣмцы, переселявшіеся въ Ливонію, принесли въ эти мѣста христіанскую религію и свой языкъ, все это пространство отъ моря выше Пелбскаго озера (l. Pelba) до Пскова находилось во владѣніи варварскаго племени Судетовъ (Sudetes), съ которыми, по разсказу Московскихъ лѣтописей, происходили многочисленныя войны у Русскихъ. Послѣ того какъ эта страна сдѣлалась христіанскою, она подчинилась епископамъ, подъ властію которыхъ и состояла до Германа Весселя (Vesselius). Когда Московскій царь по взятіи Нарвы и Нейгаузена заставилъ его вмѣстѣ съ городомъ сдаться подъ свою власть, то противно данному обѣщанію увелъ его въ Москву. Большое вѣроломство показалъ онъ въ отношеніи къ живому епископу, но не меньшую ненависть обнаружилъ и къ умершимъ, трупы которыхъ спустя немного времени онъ выбросилъ изъ

храма и изъ гробницъ. Нѣкоторое время затѣмъ въ городѣ на равныхъ правахъ жили и Ливонцы, и Москвитяне; по прошествіи же нѣкотораго времени, когда Ливонцы вслѣдствіе несправедливыхъ дѣйствій со стороны Москвитянъ составили заговоръ съ цѣлью умертвить ихъ, и когда Ливонцы безъ труда были усмирены Москвитянами, превосходившими ихъ числомъ, то очень многіе изъ прежнихъ жителей въ это время были перебиты, а остальные отведены въ Москву; съ тѣхъ поръ городъ этотъ имѣлъ жителями только Москвитянъ. Уже раньше, уходя изъ Новгородка, Москвитяне подложили огонь подъ его основаніе, но онъ былъ тотчасъ во время захваченъ нашими и потушенъ. Въ Дерптѣ были замѣчательны два зданія: замокъ, въ которомъ прежде жилъ епископъ, а когда городъ подпалъ подъ власть Москвы,—владыка,—и другое зданіе, предназначенное для государя, которое самъ князь, занявъ нѣсколько частныхъ лучшихъ домовъ и убравъ ихъ по своему, выстроилъ для себя. Жители Дерпта полагали, что Замойскій остановится въ замкѣ, такъ какъ по обычаю ихъ считается уголовнымъ преступленіемъ для частнаго человѣка помѣститься для жительства въ домѣ государя; на основаніи такого соображенія, въ разныхъ мѣстахъ подъ замкомъ они подложили пороховыя мины, такъ чтобы, сообразно съ тѣмъ, когда догорятъ проведенныя къ нимъ затравки (Funiculi), однѣ изъ нихъ должны были взорваться чрезъ 24 часа, другія чрезъ 48 часовъ, послѣ ихъ ухода. Остановившись прямо въ домѣ государя, Замойскій отплатилъ за опасность, которой онъ подвергался, тѣмъ, что велѣлъ казнить нѣсколькихъ крестьянъ, на которыхъ лежалъ уходъ за замкомъ. Несмотря на это, принятыя по отношенію къ непріятелю обязательства были соблюдаемы самымъ тщательнымъ образомъ, и Замойскій не только не мстилъ за это никому изъ тѣхъ Москвитянъ, которые оставались въ Ливоніи, но даже, когда одинъ мальчикъ, родственникъ Дерптскаго воеводы Плещеева, не столько подученный нами, сколько прельстившись ребя-

1582. ческимъ образомъ нѣкоторыми дѣтскими приманками, добровольно присталъ къ нашимъ, и Плещеевъ сильно о немъ безпокоился, то Замойскій приказалъ весьма ревностно искать его и возвратить. Подобнымъ же образомъ заняты были другими начальниками и прочія крѣпости, которыхъ было не мало. Прежде чѣмъ сдѣлалась извѣстною сдача Дерпта, Москвитяне скорѣе были вытѣсняемы изъ нихъ нашими ловкимъ и хитрымъ образомъ, чѣмъ сами ихъ оставляли. По занятіи Дерпта также были отданы приказы королевскимъ намѣстникамъ, начальствовавшимъ въ Заволочьѣ, Лукахъ и другихъ Московскихъ крѣпостяхъ, передать означенныя крѣпости Москвѣ. До этого же дня, ни одно владѣніе, кромѣ Острова, не было передано Москвитянамъ, но потомъ всѣ были честно сданы.

Въ это время де-ла Гарди, когда Лесновольскій отъ имени Замойскаго, объявилъ ему то, о чемъ мы выше сказали, увелъ войско отъ Пернова, послѣ того какъ ему полюбовно были указаны границы; снявъ осаду, онъ распредѣлилъ войско по крѣпостямъ, собравъ его съ полей. Около этого же времени Замойскій отправилъ къ нему Эрнеста Вейера (Ernestus Veierus) и Михаила Конарскаго (Michaeles Konarscius) по дѣлу о Вейсенштейнѣ, чтобы объявить объ уступкѣ его Москвою королю и спросить, намѣренъ ли онъ воспрепятствовать его переходу въ наше владѣніе. Тотъ на это отвѣчалъ, что его король самъ пошлетъ къ Польскому королю пословъ, чтобы переговорить по поводу этихъ спорныхъ вопросовъ.

Вотъ таковъ то былъ исходъ войны, веденной Московскимъ княземъ съ меньшимъ мужествомъ, чѣмъ то, какое онъ показалъ во время прежнихъ войнъ, или даже какое онъ обнаружилъ при ея началѣ, или наконецъ какого требовала старая слава объ его могуществѣ. Во первыхъ, онъ не сдѣлалъ совсѣмъ никакой попытки остановить движеніе нашей арміи, когда она встрѣчала препятствія при переходѣ черезъ лѣса и рѣки, хотя онъ весьма легко могъ это сдѣлать, прежде чѣмъ она

проникла въ открытую Московію и въ самое сердце государства; а кромѣ того многіе находили удивительнымъ, что онъ ни разу не далъ своимъ (воеводамъ) полномочія и возможности вступить въ битву съ надлежащими силами. Я не могу положительно сказать, поступалъ ли онъ такъ потому, что разсчитывалъ, будто онъ можетъ посылками своихъ посольствъ отнять время для дѣйствія и ослабить между тѣмъ напрасными издержками силы короля; или же потому, что, наученный неудачами прежнихъ лѣтъ, онъ считалъ возможнымъ полагаться на (искусство) своихъ въ открытомъ бою, или же тутъ было то, что обыкновенно дѣлаетъ Господь, отнимающій съ начала разумъ и мужество у тѣхъ, кого Онъ хочетъ наказать за ихъ злодѣянія, то есть, что страхъ, постоянный спутникъ и мститель жестокости, не позволялъ ему надлежащимъ образомъ позаботиться о своихъ дѣлахъ, ни мужественно за нихъ взяться. Хорошо извѣстно только то, что въ началѣ былъ весьма удобный моментъ, когда, среди всѣхъ тѣхъ затрудненій отъ лѣсовъ, болотъ и рѣкъ, онъ могъ бы сильно обуздать стремленіе впередъ нашего короля и войска, и что еслибы онъ отважился на рѣшительную битву, то едва ли могъ бы понести большій ущербъ, чѣмъ тотъ, какой онъ испыталъ на дѣлѣ—вслѣдствіе того, что, постоянно сомнѣваясь въ исходѣ и избѣгая всякаго сраженія, онъ въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстахъ противопоставлялъ своихъ нашимъ по одиночкѣ, такъ что они были окружаемы многолюдствомъ нашего войска. Извѣстно, что во время опустошенія Московскаго государства на весьма обширномъ пространствѣ отъ Днѣпра выше Стародуба и Радогостья вплоть до Чернигова, затѣмъ отъ рѣки Двины до Старицы и въ сторону Новагорода до Ладожскаго озера, во время завоеванія столькихъ крѣпостей и при сдачѣ многихъ, погибло около 300.000 человѣкъ, до 40.000 взято было въ плѣнъ, такъ что повидимому на счетъ такого количества можно было бы вести не одну войну. Сколь велико было

1582.

1582. число молодыхъ людей, взятыхъ въ плѣнъ, можно заключить изъ того, что почти не было ни одного частнаго человѣка изъ дворянъ, который не имѣлъ бы одного и двухъ у себя въ неволѣ, многіе имѣли ихъ больше; конечно, эта потеря по наружному виду была меньше выше упомянутой, но на самомъ дѣлѣ была гораздо больше. Ясно, что, такъ какъ всѣ почти юноши изъ нѣкоторыхъ провинцій, особенно же Лукской, Заволочской, Псковской и Новгородской были уведены, то всѣ эти мѣстности, теперь населяемыя только болѣе взрослыми, сами по себѣ, при недостаткѣ подростковъ, должны были бы обезлюдѣть. На основаніи окончательнаго договора онъ потерялъ приблизительно до 18 городовъ и замковъ, бывшихъ прежде подъ его властію, а именно: Дерптъ, Феллинъ, Лаишъ, Маріенбургъ, Кокенгаузъ, Пернаву, Вольмаръ, Румбургъ, Гассель, Новгородокъ, Маріенгаузенъ, Лудзень, Розиттенъ, Трикатъ, Берсонъ, Ландескъ, Сесвегъ [1]), Вейсенштейнъ, который, хотя занятъ Шведами, но не могъ быть по праву требуемъ обратно, затѣмъ (утратилъ) мѣстности, которыя раньше взяты были королемъ и находились подъ его властью, именно: Полоцкъ и въ томъ же княжествѣ Сушу, Соколъ, Красный, Ситну, Озерище Козьянъ, Нищерду, выше Витебска Велижъ, составлявшій наиболѣе древнее владѣніе Москвы, область котораго простирается почти на 120 миль; въ Ливоніи: Венденъ, Левовартъ, Дюнебургъ, Пиркель, Салу, Киремпешь, Эльсенъ, Фабіановъ; между тѣмъ какъ царь самъ получалъ обратно изъ земель, которыя завоеваны были королемъ оружіемъ: Луки, Заволочье, Островъ, Невель, Холмъ, затѣмъ только крѣпостцы, разрушенныя имъ самимъ, Красный, Красногородъ, Воронечь, Велій. Изъ всѣхъ этихъ потерь можетъ быть самою важною была та, что, уступивъ всѣ гавани на Балтійскомъ морѣ, Московскій царь, уже и раньше отрѣзанный оружіемъ Турокъ отъ судоходства по

[1]) *Кар.* Т. IX, гл. 5, стр. 205, пр. 600.

Днѣпру, былъ какъ бы изгнанъ почти со всѣхъ морей, за 1582.
исключеніемъ только Ледовитаго, не имѣющаго никакихъ пристаней и весьма опаснаго; онъ какъ бы оттѣсненъ былъ отъ всѣхъ торговыхъ сношеній съ другими западными и южными народами въ глубь Московскаго государства, и на него наложены были какъ бы оковы, мѣшающія ему двигаться въ ту или другую сторону.

КНИГА VI.

Послѣ замиренія съ Москвою, какъ разсказано въ предшествовавшей книгѣ, первою заботою короля было отправиться лично въ Ливонію и Ригу для того, чтобы дать надлежащее устройство провинціи. Какъ только онъ вступилъ въ Ливонію 12-го дня марта мѣсяца, то на слѣдующій день прибылъ къ нему Замойскій. Другіе сенаторы, польскіе и литовскіе, въ довольно большомъ числѣ уже раньше явились, чтобы сопровождать короля. Къ нимъ король вызвалъ письмомъ герцога Курляндскаго и сколь возможно большее число изъ ливонскаго дворянства и, посовѣтовавшись со всѣми ими обо всемъ, что относилось къ устройству той провинціи, просилъ ихъ письменно изложить свое мнѣніе. Главнѣйшими пунктами, о которыхъ они совѣщались, были слѣдующіе: возобновленіе храмовъ и возстановленіе (католическаго) богослуженія, возстановленіе епископа, раздѣленіе провинціи на извѣстные судебные округа, затѣмъ учрежденіе управленія и общественной казны. Каждый выразилъ свое мнѣніе объ этомъ. Король хорошо зналъ, что его предки провинціи, ими пріобрѣтенныя, устраивали по своей волѣ безъ совѣта сословій; однако, чтобы сдѣлать имъ пріятное и въ виду того, что всѣ такъ или иначе оказали свое содѣйствіе и рвеніе для возвращенія той провин-

1582. ціи, онъ предпочиталъ, чтобы главнымъ образомъ и извѣстное положеніе объ ея устройствѣ было составлено съ общаго совѣта; и потому онъ отложилъ все дѣло до сейма; а тогда только назначилъ коммисаровъ частію изъ своихъ спутниковъ, частію изъ ливонскаго дворянства, чтобы осмотрѣть всю провинцію, описать земли, всѣ доходы съ нихъ и повинности и донести ему обо всемъ этомъ, для того чтобы тѣмъ лучше можно было-бы затѣмъ на сеймѣ сдѣлать надлежащія постановленія. Въ тоже время онъ считалъ нужнымъ установить четыре разряда владѣній: первый разрядъ, который бы имѣлъ въ виду государственную безопасность, слѣдовало приписать къ пограничнымъ замкамъ, дабы они могли содержаться отсюда, какъ-бы изъ собственныхъ доходовъ, получать все необходимое для защиты и вообще быть охраняемы; второй рязрядъ тотъ, который служилъ бы фондомъ для содержанія епископа и католическаго богослуженія и для составленія государственной казны; въ третій разрядъ онъ предполагалъ отнести такія имущества, которыя слѣдовали частнымъ лицамъ на основаніи извѣстнаго права, или же могли быть даны въ видѣ мѣны, если бы возстановленія ихъ наслѣдственныхъ правъ не допускали интересы республики; наконецъ—послѣдній разрядъ имѣній предназначался въ даръ за доблесть лицамъ, оказавшимъ хорошія заслуги и въ особенности тѣмъ, которые отличились усердіемъ въ этой войнѣ; военнымъ людямъ розданы были вакантные уряды и староства, а нѣкоторымъ назначены были казенныя пенсіи. Въ продолженіе всей этой войны по отношенію къ павшимъ на ней король наблюдалъ такое правило, чтобы въ случаѣ смерти лицъ, владѣвшихъ на основаніи какого либо права государственными землями, утверждать тѣ же имѣнія за ихъ дѣтьми, хотя бы послѣднія были несовершеннолѣтни, отчасти даже и за дочерьми; многимъ даже изъ среди простаго народа за тѣ или другіе славные подвиги, оказанные какъ въ прежнихъ походахъ, такъ особенно въ этотъ послѣдній, дарованы были права

шляхетства; такъ какъ очень многіе изъ такихъ просили Замойскаго допустить ихъ къ общенію герба, то онъ ради этихъ храбрыхъ людей охотно сдался на то, что если уже они раньше сдѣлались достойными дворянства благодаря своей доблести, то могутъ быть имъ признаны не недостойными гербовъ его рода; и даровалъ право на такіе гербы, частію прибавивъ къ нимъ кое что, частію убавивъ, частію нѣсколько измѣнивъ большей части тѣхъ, которые о томъ просили. Когда устроено было все это означеннымъ образомъ, начались совѣщанія съ жителями Риги относительно тѣхъ дѣлъ, которыя, какъ мы выше сказали, были отложены до прибытія короля. 1582.

Городъ этотъ со смерти архіепископа Вильгельма завладѣлъ какъ дворцомъ и каѳедральнымъ соборомъ архіепископа, такъ и всѣми принадлежавшими къ нимъ правами и доходами, и во всѣхъ приходскихъ церквахъ ввелъ права Аугсбургскаго исповѣданія. Порѣшили относительно этого пункта такъ: храмъ Д. Якова и ближайшій къ нему св. Маріи Магдалины со всѣми издревле принадлежавшими имъ по какому либо праву доходами возвращались для потребностей католической религіи; а дворецъ, принадлежавшій архіепископу и находившійся близь стѣнъ, вмѣстѣ съ домами канониковъ и съ пустыми пространствами, которыя до того не были никому отданы, оставался во власти города. Но, такъ какъ съ этихъ мѣстностей нѣкогда взимались ежегодно нѣкоторые общественные поборы, то рѣшено было, чтобы городъ въ замѣнъ ихъ также выплачивалъ извѣстную ежегодную сумму храму св. Іакова и его служителямъ. Относительно вала, выстроеннаго городомъ противъ крѣпости, король согласился, чтобы онъ остался на томъ же мѣстѣ, на которомъ былъ и, когда онъ объявилъ, что съ своей стороны намѣренъ со всѣхъ сторонъ окружить замокъ валомъ, прибавлено было только то, чтобы и городской валъ также былъ сдѣланъ въ уровень съ тѣмъ, какимъ онъ намѣревался

1582. оградить замокъ, и чтобы въ сторону крѣпости были бы пробиты ворота въ городской стѣнѣ.

Между герцогомъ Курляндскимъ и городомъ также произошелъ споръ относительно плаванія судовъ, и портовой пошлины (мыта); первый утверждалъ за собой право на пользованіе рижской гаванью, такъ какъ рѣка течетъ изъ его владѣній и впадаетъ въ Двину ниже Риги; а также право безпошлиннаго вывоза товаровъ, а городъ отказывалъ ему въ этомъ. Король уговаривалъ ихъ согласиться между собой и объявилъ, что онъ разберетъ это дѣло на сеймѣ, если теперь не послѣдуетъ между ними соглашенія. Въ Ригу прибылъ также и принцъ Магнусъ. Онъ сталъ просить подтвержденія на право владѣнія той частью Ливоніи, которую онъ прежде имѣлъ, и соглашался признать ленную зависимость и дать присягу; ему было объявлено, что по обычаю предковъ это возможно сдѣлать только на сеймѣ. Позже всего заявило королю свои желанія и мѣстное дворянство. Такъ какъ послѣднія касались устройства всей провинціи, то ему былъ данъ отвѣтъ, что сама простая справедливость требуетъ не рѣшать безъ согласія чиновъ королевства этихъ дѣлъ, послѣ того какъ эти сословія приняли на себя столько труда и издержекъ при освобожденіи провинціи. Такъ какъ говорили, будто Московскій царь, собравшій на границахъ Ливоніи значительныя войска, выведенныя имъ изъ крѣпостей Ливонскихъ, имѣетъ намѣреніе осадить съ ними Нарву, то король всего болѣе безпокоился о томъ, какъ бы не потерять бы ее обоимъ, въ случаѣ если въ то время Шведскій король окажется не приготовленнымъ и будетъ имѣть слишкомъ мало силъ для того, чтобы дать отпоръ. Вслѣдствіе того онъ тотчасъ отправилъ къ Московскому царю съ письмомъ литовца Петра Визгерда. Въ письмѣ онъ объяснялъ слѣдующее: отъ своихъ пословъ, бывшихъ въ Запольѣ, онъ узналъ о томъ, что между ними и послами его состоялся миръ на извѣстныхъ условіяхъ, которыя онъ, король, принимаетъ; но

хотя онъ и видитъ, что ливонскія крѣпости, находящіяся во власти Шведскаго короля не упомянуты въ условіяхъ, однако, въ случаѣ если онѣ будутъ взяты Московскимъ царемъ, онъ всетаки не можетъ отказаться отъ права на нихъ, своего и республики, которое всегда поддерживалъ; и молчать объ этомъ ему не позволяютъ ни вѣра, ни совѣсть; чтобы это обстоятельство какъ нибудь не нарушило мира, онъ убѣждаетъ воздерживаться отъ всякаго насильственнаго противъ нихъ дѣйствія, пока не придутъ къ нему великіе послы, имѣющіе подтвердить съ обѣихъ сторонъ миръ, и, если окажется какое либо недоразумѣніе въ условіяхъ, придти съ нимъ объ этомъ къ соглашенію. Королева также думала писать объ этомъ къ сестрѣ своей— Шведской королевѣ чрезъ Христофора Варшевицкаго. Такъ какъ послѣдній мѣшкалъ, то король, въ виду неизвѣстности относительно намѣреній Московскаго царя, такъ и относительно другихъ дѣлъ не желавшій никакой проволочки, не колебался въ своемъ рѣшеніи какъ можно скорѣе отправить къ Шведскому королю Доминика Аламаннія (Dominicus Alamannius), своего кухмейстера, считая его болѣе годнымъ передъ прочими для отправленія этого посольства, такъ какъ уже въ то время, когда велись переговоры чрезъ Ивана Баптиста Тенчинскаго (Johannes Baptista Thencinius) о бракѣ Шведскаго короля, тогда бывшаго герцогомъ Финляндскимъ, съ королевой Екатериной, Аламанній былъ на службѣ у Тенчинскаго, и потому былъ извѣстенъ столько же королю, сколько и королевѣ; даже думали, что онъ пользовался большимъ расположеніемъ королевы, передъ которой, казалось, и нужно было теперь всего болѣе хлопотать объ этихъ дѣлахъ, вслѣдствіе ея очень близкаго родства съ королевскимъ Польскимъ домомъ, и такъ какъ она имѣла, по мнѣнію всѣхъ, не малое значеніе у своего мужа. Главною задачею посольства было во первыхъ, припомнивъ все, что произошло между обѣими сторонами съ начала войны, объяснить, что походъ третьяго года войны предпринятъ былъ 1582.

1582. королемъ не ради какой иной причины, какъ только ради Нарвы и ради включенія въ общій миръ Шведскаго короля, такъ какъ почти всю остальную Ливонію Московскій царь еще ранѣе уступилъ ему, когда присылалъ пословъ въ Вильну; между тѣмъ, противъ всякаго ожиданія короля, пока онъ находился съ войскомъ у Пскова, о походѣ на который дружески сообщено было (въ Швецію) раньше по взаимному родству, и въ то время какъ онъ лишалъ непріятеля всякой возможности помочь своимъ въ Ливоніи, Шведскій король, вмѣсто того, чтобы, какъ отъ него надѣялись, съ своей стороны сдѣлать нападеніе на Московское государство съ другой стороны, неожиданно занялъ не только Нарву и сосѣднія крѣпости, свободныя отъ гарнизоновъ, которые непріятель изъ всѣхъ крѣпостей стянулъ во Псковъ, и лишенныя провіанта и всякой надежды на помощь, но также овладѣлъ и Вейссенштейномъ, объ уступкѣ котораго непріятелями королю онъ уже зналъ, не обративши вниманія на королевское письмо; и притомъ съ помощью тѣхъ самыхъ войскъ, большую часть которыхъ его уполномоченные набрали въ Гданскѣ, и затѣмъ теперь осадилъ также и Перновъ. Король могъ бы, еслибы предвидѣлъ такой образъ дѣйствій Шведскаго государя, воздержаться отъ траты денегъ и труда, какихъ потребовалъ походъ того года; вслѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ остановить ходъ военныхъ дѣйствій, отлично начатыхъ противъ Московскаго царя и прекратить Псковскую осаду въ то время, какъ, преодолѣвъ болѣе трудную часть задачи, легко могъ бы преодолѣть и остальную, наконецъ вынужденъ былъ заключить миръ отдѣльно безъ него (Шведскаго короля), дабы, въ то время, какъ онъ старался объ его выгодахъ, не потерпѣть отъ того еще большаго вреда въ Ливоніи, изъ-за которой только и происходила война. Послу приказано было требовать у Шведскаго короля удовлетворенія королю и государству за всѣ тѣ его несправедливыя дѣйствія.

Кромѣ того, ему дано было тайное порученіе: въ случаѣ,

если Шведскій король, какъ полагали, станетъ требовать части наслѣдства Сигизмунда Августа, уплаты денегъ, должныхъ ему, выдачи обѣщаннаго приданаго, все еще не полученнаго, и нѣкоторыхъ другихъ вещей, объявить ему, что одно дѣло — его требованія, для которыхъ существуетъ въ Польскомъ королевствѣ принятый издревле извѣстный законъ и надлежащіе суды, и что совсѣмъ другаго рода тѣ обиды, которымъ съ его стороны подвергся король, и которыя не имѣютъ ничего общаго съ тѣми дѣлами. Если однако посолъ увидитъ, что Шведскій король будетъ расположенъ отказаться отъ Ревеля и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякаго права на Ливонію, то пусть обѣщаетъ ему уплату безъ всякихъ вычетовъ приданаго и долга, требуемыхъ имъ, пусть объявитъ, что король соглашается представить рѣшеніе остальныхъ спорныхъ вопросовъ сообща выбраннымъ посредникамъ и будетъ стараться предъ Московскимъ царемъ о томъ, чтобы включить и его въ общія мирныя условія; если же онъ (Шведъ) не будетъ сдаваться на такія предложенія, то пусть онъ приметъ одно изъ двухъ, либо несомнѣнный миръ съ Москвою при содѣйствіи короля, либо король на свой счетъ дастъ ему 1.000 всадниковъ для войны московской и притомъ всадниковъ такихъ, которые, будучи облагодѣтельствованы Сигизмундомъ Августомъ, охотно согласятся на этотъ походъ, и при томъ могли бы это сдѣлать на свою отвѣтственность безъ нарушенія публичнаго мира въ силу вольностей Польскаго народа. На жалованьи и на содержаніи короля (Польскаго) они будутъ до тѣхъ поръ, пока Московскій царь не заключитъ съ нимъ (Шведскимъ королемъ) такого же мира, какой заключилъ съ Польскимъ королемъ; если же Шведскій король сочтетъ при настоящихъ обстоятельствахъ неудобнымъ договариваться о всей занятой имъ Ливоніи, то послу приказано было объявить, что король не прочь отъ того, чтобы существующія между ними пререканія были послѣ улажены посредничествомъ общихъ друзей, и что, если его считаютъ еще что либо должнымъ, то онъ 1582.

1582. готовъ это уплатить; только бы съ той и другой стороны приняты были на всякій случай достаточныя мѣры предосторожности относительно Нарвы, только бы она не была занята Московскимъ царемъ въ то время, какъ они объ ней ведутъ переговоры. Всего лучше это можетъ быть достигнуто тѣмъ, чтобы въ нее былъ допущенъ королевскій (польскій) гарнизонъ. Ибо, какъ скоро въ нее будетъ принятъ королевско-польскій гарнизонъ, то Московскій царь, по причинѣ заключеннаго съ королемъ мира, уже не можетъ воевать Нарву, и такимъ образомъ онъ (Шведъ) безъ всякихъ хлопотъ и убытковъ обезпечитъ безопасность не только Нарвы, но и другихъ своихъ Ливонскихъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ (замковъ), впереди которыхъ находится Нарва; при этомъ, соединивъ всѣ свои войска, онъ (т. е. Шведскій король) окажется гораздо болѣе приготовленъ для защиты Финляндіи, такъ какъ ему не нужно будетъ защищать противъ непріятельской силы спорныя крѣпости и не нужно будетъ раздроблять войска для содержанія разныхъ гарнизоновъ. Между тѣмъ въ это время они условятся относительно посредниковъ, и всѣ ихъ несогласія или будутъ прекращены при посредствѣ оныхъ, или же, въ случаѣ невозможности уладить эти несогласія, король возвратитъ ему Нарву и найдетъ иные способы для достиженія своего права; а чтобы ему (т. е. Шведу) не было никакого обмана, отъ того, что онъ ради общей опасности передалъ ему (Польскому королю) Нарву, онъ (король Польскій) дастъ на этотъ случай приличное обезпеченіе.

Когда уже Аламанній отправился, Варшевицкій прибылъ въ Ригу съ письмомъ отъ королевы. Король далъ и ему такія же порученія къ Шведскому королю, какія были даны Аламаннію. Но при этомъ приказалъ ему возвратиться назадъ безъ изъясненія цѣли посольства, если увидитъ, что первый посолъ чего-либо добился. Если же узнаетъ, что тотъ отпущенъ безъ успѣха, то пусть объявитъ, что въ это самое время посылаются королемъ въ Москву великіе послы и что король

скоро назначитъ сеймъ; что такимъ образомъ онъ будетъ имѣть самый удобный случай къ тому, чтобы заставить Московскаго царя включить и его (Шведа) въ мирныя условія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться съ чинами о другихъ своихъ дѣлахъ,—и вотъ причины, почему уже прежде отправивъ къ нему объ этихъ дѣлахъ посольство, онъ, побуждаемый просьбами своей супруги, а также ихъ взаимнымъ свойствомъ, снова посылаетъ къ нему посла и указываетъ ему на удобный случай для разъясненія всѣхъ ихъ споровъ. Въ условіяхъ ничего не было измѣнено, какъ выше указано было. Прежде чѣмъ оставить Ригу, король назначилъ великихъ пословъ въ Москву, о коихъ выше упомянуто было, Ивана Збаражскаго, воеводу Браславскаго, Николая Тальвоша, кастелана Жмудскаго, Михаила Гарабурду. Имъ былъ данъ наказъ, по произнесеніи Московскимъ царемъ присяги о соблюденіи мира, завести рѣчь кромѣ того о включеніи въ тотъ же миръ и Шведскаго короля. Относительно же Нарвы и другихъ Ливонскихъ крѣпостей, находящихся во власти Шведовъ, объявить, что въ случаѣ, если Московскій царь изъявитъ на нихъ притязанія, то король, какъ уже раньше объявилъ въ письмѣ, не отступится отъ нихъ и даже не будетъ считать миръ дѣйствительнымъ, если это произойдетъ. Что же касается до плѣнныхъ, то, такъ какъ Московскій царь раньше требовалъ, чтобы они возвращены были одинаковымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ, пусть объявятъ, что не одинаковъ счетъ плѣнныхъ у того и у другаго, ибо во власти короля находятся отличные полководцы Московскаго царя, а у послѣдняго изъ королевскихъ подданныхъ нѣтъ ни одного довольно знатнаго; изъ дворянъ очень мало, а остальные изъ смѣшаннаго класса. На основаніи этого пусть они требуютъ, чтобы онъ или уступилъ за плѣнныхъ королю Заволочье и Невль, или, по крайней мѣрѣ, тотъ, либо другой изъ нихъ, потому что уже и раньше, когда его дѣла были еще въ хорошемъ положеніи, онъ предлагалъ за болѣе малое число 1582.

1582. плѣнныхъ Усвятъ и Озерище, такіе города, которые еще тогда не были во власти короля; иначе, пусть бы и теперь выкупалъ своихъ подобнымъ же образомъ, какъ раньше во времена Сигизмунда Августа, когда обыкновенно выплачивалъ извѣстную сумму денегъ за каждую голову. Около того же времени возвратился въ Ригу къ королю отъ Московскаго царя Поссевинъ, испытавши много тягостей и бѣдъ во время этого путешествія. Поссевинъ всего болѣе старался передъ Московскимъ царемъ объ уничтоженіи церковнаго разногласія, которое раздѣляетъ какъ большую часть восточныхъ племенъ, такъ и Московскаго царя съ Римскою церковью, и о приведеніи его къ церковному единенію; затѣмъ изъ усердія своего къ пользамъ христіанства, онъ по собственной волѣ завелъ рѣчь о заключеніи союза съ королемъ противъ Татаръ и старался разузнать, какъ расположенъ былъ бы Московскій царь относительно совокупныхъ военныхъ дѣйствій противъ варваровъ. Московскій царь относительно послѣдняго пункта указывалъ на то, что онъ уже заключилъ миръ съ Татарами. Вмѣстѣ съ Поссевинымъ пришли также послы, отправленные Московскимъ царемъ къ папѣ и къ императору Римскому Рудольфу; одинъ изъ нихъ посланъ былъ также въ Константинополь къ патріарху Константинопольскому съ нѣкоторыми дарами, чтобы искупить ими убійство сына. Тѣмъ и другимъ были даны грамоты о свободномъ проѣздѣ. Почти въ то же самое время онъ отпустилъ къ королю Матвѣя Превосту (Matthias Prevosta), посланнаго къ нему изъ Заволочья съ указаннымъ выше письмомъ, въ которомъ король отвѣчалъ на его посланіе, и купцовъ, которыхъ удерживалъ при себѣ во время военныхъ дѣйствій.

На письмо Іоаннъ отвѣчалъ въ короткихъ словахъ; онъ понимаетъ, что оно, будучи послано среди разгара военныхъ дѣйствій, написано нѣсколько рѣзко, но теперь, когда уже съ обѣихъ сторонъ возстановлены миръ и дружба, онъ считаетъ лишнимъ во время мира отвѣчать на такое письмо, которое

нѣсколько грубымъ въ то время сдѣлала война; что же касается до того, что такъ долго задержалъ принесшаго ему письмо, то не могъ иначе поступить, потому что всѣ дороги вслѣдствіе войны были заняты войсками. Отпустивъ комиссаровъ, которые, какъ выше мы указали, были назначены для описанія провинціи, король отправился въ Вильну. Тамъ онъ далъ аудіенцію посольству татарскому, прибывшему туда нѣсколько раньше отъ Магомета-Гирея, хана Крымскихъ Татаръ. Послѣдній просилъ обѣщанныхъ даровъ, жаловался на притѣсненія и обиды со стороны казаковъ; хотя послѣднія и въ самомъ дѣлѣ бывали нерѣдки, однако, Татарскій ханъ еще нарочно преувеличивалъ ихъ, чтобы, притворно указывая на домашніе страхи и близкія опасности, избѣгнуть персидскаго похода, на который въ то же время его вызывалъ Турецкій султанъ. Отвѣтъ отъ короля сказанъ былъ Татарамъ такой: что дары даны будутъ по обыкновенію предковъ и что съ ихъ ханомъ будетъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ былъ раньше. Относительно же казаковъ было сказано то же, что нѣсколько разъ и раньше выставлялось на видъ: эта толпа людей, составившаяся изъ разноплеменнаго сброда, бродячая и не имѣющая прочной осѣдлости, не признаетъ ничьей власти, но тѣмъ не менѣе, на сколько возможно ему будетъ, король постарается о томъ, чтобы удержать ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій и враждебныхъ набѣговъ. Этотъ отвѣтъ короля былъ принятъ варварами съ нѣкоторою надменностію, и главный посолъ, выслушавъ его, при самомъ какъ бы отъѣздѣ публично засвидѣтельствовалъ, что какъ бы тамъ ни было, но если казаки не будутъ обузданы, они тоже не будутъ хранить мира. Раньше того шляхта Малой Польши и Руси черезъ пословъ увѣдомила короля, что новый налогъ утвержденъ ими на ихъ сеймикахъ. Въ то же время, прежде чѣмъ король уѣхалъ изъ Вильны, къ нему явились послы отъ шляхты Великой Польши, а также Мазовіи и Подляшья, отъ нихъ онъ

1582.

1582. узналъ объ утвержденіи такого же налога и на ихъ сеймикахъ.

Тѣмъ и другимъ посламъ объявлена была благодарность и данъ былъ совѣтъ во всемъ положиться на желаніе и стараніе короля о пользѣ государства, и въ отвѣтѣ, данномъ послѣднимъ посламъ, было прибавлено, что король созоветъ въ настоящемъ же году сеймъ для устройства государства и вмѣстѣ съ тѣмъ для приведенія въ порядокъ Ливоніи, ибо, пріобрѣтя оную общимъ всѣхъ совѣтомъ и помощію, король предоставлялъ общему рѣшенію всѣхъ чиновъ ея участь. Мы уже выше сказали, по какому поводу и съ какими порученіями въ то время былъ посланъ королемъ къ Московскому царю Висгердъ Литвинъ, а къ Шведскому королю Аламанній. Московскій царь, получивъ письмо короля, въ которомъ послѣдній уговаривалъ его не трогать Нарвы и прочихъ Ливонскихъ крѣпостей, тотчасъ согласился на это. Посольство же къ Шведскому королю было принято неблагосклонно, и даже помощь королевы оказалась мало дѣйствительною къ смягченію короля, ибо, кромѣ того, что его раздражительность преграждала всѣмъ всѣ возможные способы для умиротворенія его, и она со своей стороны жаловалась на несправедливыя дѣйствія и обиды, которымъ, по ея мнѣнію, она подвергалась въ томъ, что не было выдано мужу ея приданое и наслѣдство отъ брата, и въ томъ, что мужъ ея не былъ включенъ въ мирный договоръ. По этому, когда Аламанній оттуда сталъ давать извѣстія, ясно указывающія на то, что помимо прежнихъ неудовольствій отношенія сдѣлались еще болѣе натянутыми, то король прибывшій уже изъ Вильны въ Гродно, вызвавъ туда большую часть сенаторовъ, рѣшилъ, по желанію всѣхъ, тѣмъ скорѣе назначить сеймъ для того, чтобы доложить сословіямъ о несправедливыхъ дѣйствіяхъ также и со стороны Шведскаго короля.

Въ это время обстоятельно было написано въ Ливонію и городскимъ властямъ и начальникамъ о томъ, въ какомъ поло-

женіи находятся дѣла, и имъ было дано приказаніе заботиться 1582.
о томъ, чтобы не понести по нерадѣнію какого либо вреда. Условлено было съ Литовцами, что они пошлютъ помощь, если обнаружится какое либо движеніе въ сосѣдней Ливоніи; то же самое было условлено чрезъ Райнгольда Гейденштейна съ Прусскимъ герцогомъ, такъ какъ и онъ былъ сосѣднимъ государемъ Ливоніи. Съ другой стороны, такъ какъ отправленные къ Московскому царю великіе послы, коимъ, какъ мы выше сказали, дано было порученіе устроить миръ между Шведскимъ королемъ и Московскимъ царемъ, уже были въ дорогѣ, то имъ было черезъ курьера сообщено о томъ, чтобы они не упоминали совсѣмъ объ этомъ и предоставили бы Шведу самому дѣлать свое дѣло. Въ августѣ мѣсяцѣ король выѣхалъ изъ Гродна въ Вильну; туда прибыли къ нему въ то же время и Аламанній и Варшевицкій, окончивъ свои посольства. Когда ожидали дня открытія сейма, пришло извѣстіе, что воевода Валашскій—Янкулъ (Jancola) попался въ наши руки. Послѣдній, какъ мы выше указали, былъ по происхожденію изъ Трансильванскихъ Саксовъ и человѣкъ незнатнаго рода. Выдумавъ, будто происходитъ изъ рода Валашскихъ господарей, онъ, благодаря содѣйствію Ахмета паши, достигъ княжеской власти надъ этой провинціей, и уже сначала тотчасъ показалъ въ какія отношенія онъ станетъ къ королю; противъ обычая своихъ предшественниковъ, онъ никогда не посылалъ никакихъ пословъ къ королю, затѣмъ сталъ наносить разныя оскорбленія королю и его подданнымъ, нѣсколько разъ перехватывалъ королевскія письма къ Турецкому султану, распечатывалъ ихъ и распечатанными отсылалъ назадъ; пытался всевозможными способами возбудить ненависть и презрѣніе противъ короля и королевскаго сената; сдѣлалъ нападеніе на нѣсколько сосѣднихъ имѣній дворянъ, грабя, убивая и предавая все огню; избивъ разъ королевскихъ людей за то, что они пришли требовать назадъ свое имущество и за полученіемъ

1582. суда, онъ заключилъ ихъ въ тюрьму. Когда король, возмущенный этими оскорбленіями, какъ мы раньше сказали, обратился по поводу ихъ къ Турецкому султану и потребовалъ, чтобы султанъ удалилъ Янкула изъ Валахіи и оградилъ его отъ подобныхъ оскорбленій, въ противномъ случаѣ обѣщая принять рѣшеніе собразное своему достоинству, то дѣло это было отложено. Но теперь, когда онъ былъ вызванъ къ турецкому двору, а на его мѣсто преемникомъ былъ посланъ другой, то Янкулъ, ограбивъ провинцію и набравъ всего и собравъ также отрядъ людей, задумалъ уйдти въ Венгрію, находившуюся подъ властію цезаря; но онъ боялся идти туда прямо, такъ какъ думалъ, что всѣ дороги заняты Трансильванцами. Поэтому онъ сдѣлалъ обходъ и пытался пробраться черезъ провинцію Польской области Покутье; но здѣсь Николай Язловецкій, староста Снятинскій, и нѣкоторые другіе изъ королевскихъ областей уже знали по слухамъ о его бѣгствѣ и стали преслѣдовать его; такимъ образомъ онъ былъ ими пойманъ и отведенъ во Львовъ. Король тотчасъ написалъ Николаю Сенявскому, начальствовавшему надъ пограничнымъ войскомъ въ Руси, и къ Николаю Гербурту, старостѣ Львовскому, чтобы они по народному праву совершили надъ нимъ смертную казнь, конфисковалъ его имущество и отправилъ надворнаго подскарбія Гіацинта Млодзевскаго принять имѣніе въ казну, а женѣ и дѣтямъ назначилъ ежегодное содержаніе.

Между тѣмъ наступило время сейма. Король назначилъ сеймъ на 2-е октября. Такъ какъ Московскій царь обѣщалъ остановить свои наступательныя дѣйствія противъ Нарвы только до прибытія великихъ пословъ, какъ это отъ него требовали, то король опасался, какъ бы не оказаться неготовымъ къ принятію нужныхъ рѣшеній, въ случаѣ, еслибы посламъ не удалось удержать царя при томъ же обязательствѣ далѣе, и потому онъ полагалъ, что ему не слѣдуетъ откладывать, но какъ можно скорѣе условиться о всемъ съ сословіями. Кромѣ

того, нужно было въ провинціи Ливоніи учредить законы, поставить правительственныхъ чиновниковъ, дать гарнизоны, провіантъ, всякіе военные снаряды и другія необходимыя средства для защиты противъ неожиданныхъ нападеній; нужно было возобновить упавшія укрѣпленія, устроить новыя: во всемъ этомъ чувствовался недостатокъ, такъ какъ съ одной стороны страна была опустошена непрерывною войной, длившейся въ продолженіе столь многихъ лѣтъ; частью же потому, что все передано было непріятелемъ въ такомъ видѣ, въ какомъ обыкновенно передается то, что сдается по неволѣ и уступая силѣ оружія; поэтому король, какъ мы выше упоминали, полагалъ, что все это нужно ему устроить согласно съ мнѣніемъ сейма. При этомъ также и рѣчь посла татарскаго, о коей мы выше сказали, объявившаго какъ бы войну, сильно тревожила короля. Такъ какъ къ тому же присоединились еще получаемые часто изъ Руси слухи о начавшемся броженіи, что Татары будто уже совсѣмъ готовы пуститься въ походъ, то поэтому уже раньше король приказалъ Замиойскому отправить къ Сенявскому, начальнику пограничнго Русскаго войска впередъ 22 хоругви всадниковъ, находившихся на службѣ подъ Псковомъ. Но, хотя въ это время Татары еще не брались за оружіе, однако король, видя, что малѣйшій поводъ можетъ ихъ побудить вторгнуться въ его владѣнія, считалъ сообразнымъ своему достоинству и славѣ своихъ подвиговъ принять такія мѣры, чтобы заставить ихъ также бояться за себя самихъ и освободить государство не только отъ ихъ набѣговъ, но и отъ всякаго страха опустошеній въ будущемъ. О средствахъ, какъ этого достигнуть, не нарушая мира съ Турками, онъ намѣренъ былъ сдѣлать свои предложенія на сеймѣ, которыя и слѣдовало обсудить совокупно со всѣми чинами. Кромѣ того, нужно было заплатить жалованье солдатамъ. Хотя на частныхъ сеймикахъ былъ разрѣшенъ налогъ для этой цѣли, однако налогъ этотъ собирался въ далеко меньшемъ количествѣ, чѣмъ нужно было 1582.

1582. для уплаты жалованья, равно какъ и для уплаты нѣкоторыхъ другихъ долговъ, и кромѣ того низшая противъ ожиданія сумма еще умалялась частію вслѣдствіе небрежности, частію по винѣ нѣкоторыхъ сборщиковъ, такъ какъ они приносили то меньше, чѣмъ должны были, то слишкомъ поздно; поэтому король полагалъ необходимымъ обратиться къ сословіямъ для постановленія по этому дѣлу надлежащихъ рѣшеній. Хотя король помнилъ, чего отъ него требовали отъ имени всего народа на прежнемъ сеймѣ, и что обѣщалъ онъ относительно утвержденія извѣстнаго порядка для времени безкоролевья и для выборовъ короля, однако ему казалось пока еще несвоевременнымъ приступить къ этому предмету, такъ какъ еще не зажили вполнѣ раны отъ прежнихъ смутъ безкоролевья, и не касаясь оныхъ, нельзя было разсуждать о предполагаемыхъ мѣрахъ. Не смотря на то, что таковое было мнѣніе большей части старшихъ сенаторовъ, у которыхъ онъ по обыкновенію письменно спрашивалъ совѣта, тѣмъ не менѣе, въ виду того, что по усиленнымъ просьбамъ земскихъ пословъ онъ обязался на первомъ же сеймѣ поднять объ этомъ рѣчь, король полагалъ, что ему невозможно уже отступать отъ своего обѣщанія. Равнымъ образомъ такого же взгляда онъ держался относительно попытки водворить согласіе между свѣтскимъ и духовнымъ сословіями; хотя онъ тоже считалъ при данныхъ обстоятельствахъ неудобнымъ приступить къ ней, тѣмъ не менѣе по тѣмъ же указаннымъ причинамъ принялъ на себя обязанность предложить объ этомъ пунктѣ сословіямъ. Сверхъ того, въ случаѣ, еслибы оказалось что либо неудовлетворительнымъ въ судопроизводствѣ или, если они пожелали бы какого либо исправленія въ немъ, то онъ и въ этомъ также дѣлѣ готовъ былъ оказать свое содѣйствіе государству. Все это онъ прибавилъ болѣе для того, чтобы съ одной стороны удовлетворить желанію сословій, съ другой, чтобы выказать свое расположеніе къ нимъ; главнѣйшее же вниманіе онъ обращалъ на тѣ пункты, которые мы перечислили на первомъ мѣстѣ.

После того, какъ объ этомъ было предложено съ начала сенаторамъ, потомъ собраніямъ шляхты, которыя обыкновенно составляются до сейма по обычаю въ каждомъ воеводствѣ, то не съ одинаковымъ расположеніемъ принято это было всѣми, и снова началось почти такое же волненіе и стали раздаваться тѣ же рѣчи, какія были, какъ мы выше указывали, на нѣкоторыхъ прежнихъ сеймахъ. Тѣ, которые помнили, что король имъ обязанъ своимъ королевствомъ, такъ какъ они своимъ голосомъ поддерживали его при выборѣ, теперь досадовали, что они или получили меньше того, на что надѣялись, или, что другіе достигли того, чего они сами желали. Въ средѣ прежнихъ противниковъ не мало оставалось такихъ, которые не могли забыть о своемъ пораженіи въ борьбѣ, сопровождавшей прежнія безкоролевья. Тѣ, которые раньше пользовались преобладающимъ голосомъ и вліяніемъ на сходкахъ и собраніяхъ шляхты и пріобрѣли себѣ вслѣдствіе того имя, народное расположеніе и достатокъ, теперь роптали на то, что всѣ награды отданы войсковымъ, и досадовали, что теперь больше нѣтъ мѣста и признанія для тѣхъ мирныхъ талантовъ, которыми они сами преимущественно отличались. Вообще умы были сильно возбуждены въ ту или другую сторону, смотря потому, чѣмъ кто болѣе былъ затронутъ. Иные громко кричали, что дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ, чтобы разсуждать о какомъ либо новомъ способѣ королевскихъ выборовъ на будущее время, а напротивъ о томъ, чтобы заранѣе облечь королевскою властью намѣстника чужой власти и помощника, при чемъ разумѣли Замойскаго: сюда клонятся благодѣянія, которыми онъ старался привязать къ себѣ военныхъ людей; съ этою цѣлію и по заключеніи мира многіе изъ нихъ удержаны при себѣ Замойскимъ: поразивъ шляхту страхомъ, онъ хочетъ при помощи насилія и оружія захватить королевскую власть. Диссидентовъ пугали стѣсненіемъ свободы вѣроисповѣданія и ограниченіемъ ихъ прежнихъ правъ. Иные разсуждали, что **1582.**

1582. король ищетъ не какого либо исправленія судопроизводства, но просто хочетъ, уничтоживъ существующіе суды, забрать судебную власть въ свои руки. Вообще все принималось ими и перетолковывалось на выворотъ; дошло до того, что вмѣсто означенныхъ королевскихъ предложеній въ народѣ распространялись другіе артикулы, въ которыхъ смыслъ проекта нарочно былъ извращенъ для возбужденія тревоги; при чемъ въ извѣстной степени опять проявлялась и ненависть къ Замойскому. Много и открыто жаловались на почести, предоставляемые Венгерцамъ, указывали при томъ на Ландскорону, которою владѣла вмѣстѣ съ дѣтьми сиротами вдова Гаспара Бекеша, послѣ того какъ потеряла съ начала своего мужа, получившаго за свою храбрость право польскаго шляхетства, въ лагерѣ у Полоцка, а потомъ и брата его Габріэля, погибшаго при осадѣ Пскова; она около этого времени вышла замужъ за Франциска Весселина (Franciscus Vesselinius). Между тѣмъ были и такіе, которые добровольно предлагали свою помощь королю, если онъ желаетъ поднять вопросъ о наслѣдникѣ; но король, хотя и сознавалъ за собою большія заслуги предъ государствомъ, которыя давали его фамиліи не меньше правъ на вниманіе, чѣмъ фамиліямъ другихъ королей, однако полагалъ, что несообразно съ настоящимъ положеніемъ хлопотать о достиженіи этого и что нужно лучше подождать добровольнаго желанія сословій. Тѣ съ своей стороны полагали, что король ими пренебрегаетъ, разсчитывая достигнуть цѣли съ помощью другихъ, и тѣмъ болѣе поддавались раздраженію. Шляхта, хотя и сознавала, чѣмъ она сама и республика обязаны величайшимъ благодѣяніямъ короля, однако, вслѣдствіе возбужденныхъ опасеній относительно сохраненія свободы и другихъ самыхъ дорогихъ благъ, колебалась и дѣйствовала съ нѣкоторою медлительностію, наконецъ ко всему относилась съ подозрѣніемъ.

При такомъ то настроеніи умовъ открылся сеймъ. Замойскій, какъ исполняющій должность канцлера, держалъ рѣчь отъ

имени короля и началъ ее напоминаніемъ о пожеланіяхъ **1582.**
и обѣтѣ, которые всѣми были сдѣланы при распущеніи прежняго сейма: какъ всѣ тогда желали, чтобы король вернулся къ нимъ невредимъ и цѣлъ изъ похода, и какъ давали обѣтъ съ радостными чувствами броситься взаимно въ объятія другъ друга! И вотъ то, чего они просили у Бога, сказалъ онъ, теперь достигнуто съ такою полнотою, что, какъ видимъ, король возвратился изъ непріятельской земли не только невредимъ и съ сохраннымъ войскомъ, но и пріобрѣлъ своими подвигами безсмертную славу; вполнѣ было въ ихъ власти встрѣтить теперь другъ друга со взаимными поздравленіями и съ братскими добрыми чувствами; но этому воспрепятствовало недоброжелательство нѣкоторыхъ личностей; онъ не думаетъ, чтобы ему теперь слѣдовало розыскивать, благодаря чьимъ стараніямъ это произошло, но онъ однако видитъ, что въ государствѣ уже появляются какіе то Петиліи: нужно желать, чтобы не явились также Катилины. Сказавъ это въ приступѣ, онъ далѣе объявилъ, что король не имѣетъ намѣренія предлагать на этомъ сеймѣ что-либо другое, касающееся внутреннихъ дѣлъ, какъ только то, что постановили они ранѣе, еще при жизни Сигизмунда Августа и на предшествовавшемъ Ендржеевскомъ съѣздѣ, и о чемъ потомъ сами часто просили, какъ при другихъ случаяхъ, такъ и на ближайшемъ сеймѣ. Итакъ король, слѣдуя ихъ просьбамъ, предлагаетъ на обсужденіе вопросъ объ обезпеченіи свободнаго и благоустроеннаго избранія. Указывая, что они должны отыскать опредѣленный способъ избранія королей, король не хочетъ тѣмъ сказать, что имъ слѣдуетъ помышлять объ отмѣнѣ избирательнаго права, этого наслѣдія свободы, драгоцѣннѣе котораго ничего не могли оставить ихъ предки, но позаботиться о томъ, какимъ образомъ сохранить ту свободу во всей ея неприкосновенности и навсегда ее укрѣпить. Что обсужденіе этого вопроса составляетъ настоятельную необходимость, того, онъ думаетъ, нѣтъ нужды подтверждать примѣрами другихъ;

1582. если они припомнятъ событія во время предшествовавшихъ безкоролевій и ту величайшую опасность, до которой въ то время доведено было государство, то сами разсудятъ, что тутъ рѣчь идетъ не о какомъ либо личномъ дѣлѣ короля, но объ ихъ собственномъ; король желалъ, чтобы они не пропустили столь удобнаго случая, и въ Божеской милости, оказанной имъ въ прежніе годы, когда, они знаютъ, государство спасено было однимъ чудомъ, скорѣе нашли бы поощреніе къ принятію мудрыхъ рѣшеній на будущее, а не злоупотребили бы ею для оправданія своей безпечности и нерадѣнія. Если же происками нѣкоторыхъ людей удалось поселить въ ихъ умахъ подозрѣніе, то, конечно, какъ больные не могутъ переварить здоровой пищи, такъ они сами не будутъ доступны благоразумнымъ внушеніямъ; во всякомъ случаѣ король вполнѣ все предоставляетъ на ихъ волю: или постановить, что желаютъ относительно этого вопроса объ избраніи, или совсѣмъ его устранить. Таково же его мнѣніе и о другомъ пунктѣ,—относительно утвержденія согласія между сословіями, о чемъ король счелъ нужнымъ предложить на второмъ мѣстѣ. Сами они отлично помнятъ, съ какою ревностью настаивали они на съѣздѣ Ендржеевскомъ о томъ, чтобы этотъ вопросъ былъ вновь предложенъ къ обсужденію, и какъ усердно потомъ просили о томъ же короля [1]). При общей печальной судьбѣ почти всѣхъ государствъ и при теперешнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, мы однако, продолжалъ Замойскій, имѣли особенное счастье, такъ что даже до сихъ поръ отлично сохранили внутреннее согласіе, а оно только почти и основывается на томъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ удерживаться отъ несправедливостей и оскорбленій:

[1]) Съѣздъ въ Ендржеевѣ или Андржеовѣ (=Андреевѣ), на которомъ преобладали сторонники Стефана Баторія, протестовавшіе противъ кандидатуры австрійской, относится къ январю 1576 года: см. о немъ у *Гейденштейна Rerum Gestarum ab excessu Sigismundi Augusti* Liber II (pag. 92), *Albertrandi* pag. 69 и сл. Затѣмъ объ установленіи болѣе правильнаго избирательнаго порядка шла рѣчь на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года: см. здѣсь выше стр. 169.

рѣшать что либо не путемъ насилія или чрезвычайныхъ мѣръ, **1582.**
но согласно съ признаннымъ правомъ и существомъ дѣла, а въ особенности, чтобы воздавать всѣмъ то, что каждому принадлежитъ. Это относится не только къ имуществу, но и къ почестямъ и прерогативамъ, ибо въ этомъ одномъ и заключается справедливость; справедливость же есть основа государства и согласія, которымъ оно держится. Никто не сомнѣвается, что это государство главнымъ образомъ покоится на двухъ сословіяхъ: духовномъ и свѣтскомъ. По этому пусть сами тѣ, которыхъ дѣло касается, посмотрятъ и выскажутся, должно ли разсуждать объ этомъ дѣлѣ или оставить эти разсужденія? Существуютъ ли какіе недостатки въ нашихъ судахъ, лучше всѣхъ могутъ рѣшить тѣ, которые занимаются судебными дѣлами; но во всякомъ случаѣ нельзя скрыть того, что въ короткое время въ нихъ въ такой степени умножились злыя каверзы, что не мало людей, оставивъ болѣе важныя занятія, всецѣло предались выдумыванію юридическихъ уловокъ и хитростей, чтобы ловить въ нихъ другихъ. Король предложилъ имъ свое содѣйствіе, если они признаютъ потребность какихъ либо исправленій въ этой области: они могутъ воспользоваться его содѣйствіемъ, если имъ угодно; но онъ не будетъ навязывать его противъ желанія. Послѣ этого Замойскій началъ говорить о Ливоніи, описавъ ея положеніе, сообщилъ о ходѣ переговоровъ съ Московскимъ царемъ относительно мѣстъ, удерживаемыхъ Шведами, упомянулъ о несправедливыхъ дѣйствіяхъ Шведовъ, и въ особенности настаивалъ на соображеніяхъ, которыя должны были убѣдить (слушателей), что не слѣдуетъ позволять кому либо изъ сосѣдей укорениться тамъ. Всякій раздѣлъ власти—дѣло не надежное, а въ провинціи, недавно пріобрѣтенной, пока колеблющіеся умы людей не свыклись съ законами и учрежденіями, такое совмѣстное господство исполнено опасностей; ни одинъ благоразумный народъ не пускалъ сосѣда въ новую провинцію, въ особенности людей одного и

1582. того же происхожденія и языка съ туземцами, а тотъ, который допускалъ, то тотчасъ и раскаявался въ томъ.

Послѣ этого Замойскій сообщилъ объ угрозахъ Татаръ и беззаконныхъ дѣйствіяхъ казаковъ, способныхъ вовлечь государство въ неожиданную войну. На предъидущемъ сеймѣ было принято предложеніе, по которому предоставлена была королю чрезвычайная по отношенію къ нимъ юрисдикція на извѣстный только срокъ [1]), и теперь необходимо либо держать ихъ (казаковъ) въ повиновеніи, либо помышлять о начатіи войны съ Татарами. Наконецъ, была рѣчь о жалованьѣ солдатамъ. На прежнихъ сеймахъ были утверждены предложенные для этого налоги, пусть теперь сами они разсмотрятъ, хватитъ ли ихъ на жалованье и на уплату долговъ, сдѣланныхъ у иностранныхъ государей, на защиту Ливоніи, на войну Татарскую; пусть разслѣдуютъ, отъ кого также зависѣло, что эти налоги были внесены слишкомъ поздно и меньше надлежащаго,—хотя, какъ они увидятъ, при взиманіи этихъ налоговъ соблюдались и вѣрность, и величайшее усердіе. Что касается военныхъ людей, сказалъ Замойскій, то они оказали такія услуги, что забота о нихъ должна стоять на первомъ планѣ; такъ какъ они сражались за славу и честь Польскаго народа не только съ воинственнымъ врагомъ, подъ городомъ весьма укрѣпленнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, во время самой жестокой зимы, но и ничѣмъ достаточно не снабженные и почти полуобнаженные, боролись съ трудностями климата и погоды, и почти съ самою природой. Я ничего здѣсь не буду говорить о Ливоніи, продолжалъ Замойскій, провинціи, нѣкогда весьма цвѣтущей и даже теперь изобилующей всякими средствами, которая пріобрѣтена благодаря ихъ твердости; но о томъ, на сколько они своею доблестью подняли наше имя въ глазахъ иностранцевъ, могутъ засвидѣтельствовать тѣ, которые помнятъ, какимъ (малымъ)

[1]) См. выше стр. 95.

значеніемъ пользовалось оно у иностранцевъ послѣ отъѣзда **1582.** Гейнриха, когда всѣ находились въ страхѣ и трепетѣ отъ Татаръ; пусть они справятся, каково теперь общее мнѣніе объ ихъ доблести, послѣ того какъ, побѣдивъ могущественнѣйшаго врага, они не только возвратили нѣкоторыя потерянныя провинціи, но еще пріобрѣли новыя. Однако и это не цѣнится имъ еще такъ высоко, какъ то неоцѣнимое сокровище, которое республика пріобрѣла въ нихъ самихъ, въ наличности множества храбрыхъ мужей, одушевленныхъ такимъ духомъ и такъ привыкшихъ къ войнѣ, что они съ величайшею готовностью пойдутъ на встрѣчу всякой опасности, угрожающей государству. По этому пусть сословія не обманутъ надежды тѣхъ, которые не задумались отдать все свое достояніе, пролить кровь и отдать даже самую жизнь, чтобы только не уронить достоинства Польскаго народа; при этомъ они не благодѣяніе окажутъ чужимъ людямъ, но заплатятъ должное вознагражденіе за труды и храбрость собственнымъ братьямъ и близкимъ. Вотъ все, что король считалъ нужнымъ предложить имъ теперь, сказалъ Замойскій; они сами теперь видятъ, согласно ли это съ тѣмъ, что распространяли въ народѣ нѣкоторые съ неблаговидною цѣлью?». Затѣмъ, обратившись къ королю, онъ сказалъ, что желалъ бы, чтобы за его столь великіе подвиги была воздана ему, по крайней мѣрѣ, хоть такая же благодарность, которая обыкновенно воздается въ добромъ и благоустроенномъ государствѣ и за гораздо меньшія заслуги не только королю, и притомъ королю, столь любящему государство, но и всякому предводителю войска; впрочемъ, вслѣдствіе величія своего духа онъ не нуждается въ утѣшеніяхъ, ибо въ этомъ величіи заключается гораздо лучшая защита противъ всякихъ ударовъ судьбы и больше силы для перенесенія обидъ отъ недоброжелателей, нежели у послѣднихъ хватитъ средствъ для сокрушенія онаго. Не должно сомнѣваться, что эти самыя оскорбленія отъ нѣкоторыхъ людей еще болѣе послужатъ къ

*

1582. прославленію его чести и имени. Всякій, кто ознакомится съ его подвигами, будетъ удивляться столько же тому, что онъ дѣйствительно совершилъ столь великія дѣла, сколько тому, что, при столь многочисленныхъ противопоставляемыхъ ему затрудненіяхъ, онъ вообще могъ предпринять оныя. Это самое величіе его духа ручается за то, что оскорбленія и обиды не отвратятъ его отъ дальнѣйшаго служенія пользамъ государства, какъ онъ это раньше дѣлалъ. Обращаясь къ жолнерамъ, Замойскій просилъ ихъ не думать, чтобы на столь мужественныхъ и добрыхъ гражданахъ могло лежать пятно столь неблагодарнаго настроенія и столь великой несправедливости. Подъ конецъ онъ убѣждалъ пословъ больше всего заботиться о государственномъ достоинствѣ и пользѣ. «Желалъ бы я», сказалъ—«онъ, чтобы здѣсь находились и прочіе честные и хорошіе граждане, какихъ насчитывается, помимо присутствующихъ, громадное количество, которые заняты дома воспитаніемъ дѣтей своихъ и домашними дѣлами; онъ легко бы ихъ убѣдилъ, что ничего не слѣдуетъ считать дороже пользъ государства; такъ какъ они, послы, во всемъ заступаютъ мѣсто отсутствующихъ, то тѣмъ съ большимъ вниманіемъ слѣдуетъ имъ отнестись ко всѣмъ этимъ дѣламъ; ибо прочіе, оставшіеся дома, имъ ввѣрили не только благосостояніе свое и своихъ, но и благосостояніе государства».

По окончаніи рѣчи, сенаторы стали высказывать свои мнѣнія и всѣ почти рѣшили, чтобы были внесены предложенія объ установленіи извѣстнаго способа избранія и о прочихъ указанныхъ въ рѣчи пунктахъ, за исключеніемъ только двухъ сенаторовъ, изъ которыхъ одинъ полагалъ, что Богъ ставитъ и низвергаетъ королей безъ всякихъ совѣтовъ съ людьми; а другой былъ того мнѣнія, что невозможно и даже не должно въ какомъ бы то ни было государствѣ преграждать дорогу искательству, направленному къ достиженію высшей власти. Въ посольской шляхетской избѣ съ начала много волновались по поводу рѣчи канцлера; въ особенности упирали на его замѣчаніе,

что есть уже нѣкоторые Петиліи, и что нужно опасаться, чтобы потомъ не явились также и Катилины. Но другіе стали оправдывать это, говоря, что тутъ указано не цѣлое сословіе, но извѣстные люди и даже не люди, но ихъ пороки, и пусть всякій, кто чувствуетъ, что не имѣетъ ихъ, будетъ знать, что и рѣчь та не относится къ нему. Тѣмъ разсужденіе и кончилось. Затѣмъ дано было порученіе Святославу Оржельскому отъ имени всего рыцарства (шляхетства) принести благодарность королю за хорошее управленіе государствомъ и дать ему удовлетвореніе за тѣ оскорбительныя для его достоинства рѣчи, какія нѣкоторыми были допущены и даже, говорятъ, были распространяемы въ народѣ. Когда Оржельскій въ этой своей рѣчи выразилъ мысль о томъ, что король долженъ назначить слѣдствіе надъ авторами и, разобравъ дѣло, наказать ихъ, то встрѣченъ былъ неблагопріятнымъ ропотомъ изъ среды товарищей, а потомъ чуть не бранью. **1582.**

Относительно самого дѣла, въ особенности относительно установленія извѣстной формы избранія, мнѣнія земскихъ пословъ были различны; одни вообще отрицали необходимость подвергать этотъ вопросъ обсужденію, потому что всякое постановленіе, касающееся предмета, наиболѣе тѣснымъ образомъ связаннаго съ дѣломъ свободы, и ограничивающее его пространство, тѣмъ самымъ повело бы къ умаленію самой свободы и заключило бы ее въ болѣе тѣсные предѣлы, чѣмъ это было прежде. Другіе напротивъ возражали, что самая свобода выборовъ гораздо болѣе упрочится, когда всякій обманъ и происки будутъ устранены закономъ; при этомъ они настаивали, что вопросъ уже затронутъ и поставленъ на очередь, такъ какъ относительно его обсужденія послѣдовало соглашеніе на предъидущемъ сеймѣ, и, что особенно важно, принято священное обязательство еще на Ендржеевскомъ съѣздѣ. Многіе готовы были допустить обсужденіе вопроса, но только не его рѣшеніе; они хотѣли бы сообщить своимъ, что объ этомъ будетъ гово-

1582. рено, дабы затѣмъ на слѣдующемъ сеймѣ постановить рѣшеніе согласно съ желаніями всей шляхты. Пока длились эти споры, протекли первые восемь дней сейма, въ продолженіи которыхъ, на основаніи новаго закона, должны были разбираться уголовныя дѣла; по этому король приступилъ къ разбору прочихъ судебныхъ дѣлъ. Явились къ королю послы и стали жаловаться, что многіе вызваны были къ задворному суду противозаконно; пусть король поручитъ нѣсколькимъ сенаторамъ, чтобы они, вмѣстѣ съ представителями ихъ (рыцарскаго, шляхетскаго) сословія, которыхъ они сами (послы) выберутъ, разобрали дѣло объ этихъ (неправильныхъ) по́звахъ (къ королевскому задворному суду), и пусть то, что въ этомъ дѣлѣ будетъ подлежать отмѣненію, будетъ отмѣнено, а то, что законно, пусть останется въ силѣ. Король отвѣчалъ, что существуютъ власти, которыя вѣдаютъ этими дѣлами; и если будетъ доказано, что онѣ не удовлетворяютъ своимъ обязанностямъ, то король не отказывается снизойдти до того, чтобы прибавить къ тѣмъ другихъ. Между тѣмъ онъ, какъ уже началъ, продолжалъ далѣе заниматься разборомъ дѣлъ.

Самымъ первымъ дѣломъ, представленнымъ въ судъ, было дѣло Станислава Чарнковскаго о невозвращеніи въ казну документовъ по дѣлу Брауншвейгскому, которые онъ получилъ, будучи отправленъ Сигизмундомъ Августомъ въ Германію. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Сигизмундъ отдалъ въ замужество за Гейнриха, князя Брауншвейгскаго, сестру свою Софью, и въ брачномъ договорѣ было при этомъ выговорено, что въ случаѣ, если не будетъ дѣтей, все приданое по обычаю будетъ подлежать возвращенію. Когда Гейнрихъ умеръ не оставивъ послѣ себя дѣтей, нѣсколько раньше кончины Сигизмунда Августа, и супружество окончилось, то Августъ отправилъ къ сестрѣ Чарнковскаго наблюдать за вещами и помогать совѣтомъ вдовѣ. Когда Чарнковскому были отданы всѣ документы относительно условій о приданомъ, то онъ удер-

жалъ ихъ при себѣ. Немного спустя послѣ того умеръ Сигизмундъ; избранъ былъ королемъ Гейнрихъ; онъ также скоро удалился изъ королевства, а между тѣмъ, по смерти сестры Софьи, другія сестры: Анна, королева Польская, и Екатерина, королева Шведская, стали требовать себѣ ея наслѣдства. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ князь Брауншвейгскій Юлій отдѣлывался проволочками; а между тѣмъ замѣтили, что это наслѣдство совсѣмъ не таково, чтобы его должно было требовать по праву родства, но что на основаніи договора и условій оно принадлежитъ Польскимъ королямъ и государству, и для осуществленія этого права былъ посланъ къ князю Юлію Лаврентій Гослицкій, деканъ Плоцкій. Такъ какъ Чарнковскій не захотѣлъ передать ему, какъ было приказано, тѣхъ документовъ, а Гослицкій не могъ ничего представить, кромѣ незначительнаго количества актовъ, взятыхъ имъ изъ Архива Варшавскаго, то онъ очутился въ такомъ почти положеніи, что его доказательства могли показаться недостаточно убѣдительными. Вслѣдствіе того, когда вопросъ былъ поставленъ не только о самомъ предметѣ тяжбы, но и о чести народной, то тѣмъ съ большимъ рвеніемъ стали требовать отъ Чарнковскаго главнаго документа сперва письменно, затѣмъ чрезъ спеціально по этому дѣлу посланнаго по просьбѣ Замойскаго Стефана Грудзинскаго, кастелана Накельскаго. Король, видя, что мягкія мѣры ни къ чему не приводятъ, приказалъ вызвать Чарнковскаго въ судъ черезъ инстигатора скарбоваго (прокурора казны). И вотъ въ то время, какъ принимались такія мѣры, въ судъ поступило другое дѣло, касавшееся того же Чарнковскаго. Это дѣло заключалось въ слѣдующемъ. **1582**.

Вышеупомянутый Чарнковскій, человѣкъ знатнаго и благороднаго происхожденія, имѣлъ весьма большое вліяніе на шляхетскихъ сеймикахъ и пользовался большимъ уваженіемъ и любовью всей шляхты; будучи возведенъ Сигизмундомъ Августомъ въ должность референдарія, незадолго до его кончины, онъ

1582. получилъ староство Плоцкое и, хотя Ансельмъ Гостомскій, воевода Равскій, имѣлъ постоянные съ нимъ споры изъ-за него, тѣмъ не менѣе Чарнковскій удержалъ за собой это владѣніе. Послѣ отъѣзда Гейнриха, когда уже вступилъ на престолъ Стефанъ и большая часть признала власть этого короля, Чарнковскій, принявъ на себя посольство отъ противной партіи, отправился въ Германію къ императору Максимиліану. По прибытіи короля въ Краковъ, когда сословія стали настаивать, чтобы онъ наказалъ тѣхъ и другихъ, упорство коихъ было слишкомъ замѣтно и рѣшительно, то староство Плоцкое было отдано Станиславу Крійскому, воеводѣ Мазовецкому. Затѣмъ назначенъ былъ сеймъ въ Торунѣ, и король по необходимости долженъ былъ заняться разборомъ судебныхъ дѣлъ; такъ какъ по обычаю предковъ было установлено, что короли при этомъ, кромѣ канцлеровъ, пользовались содѣйствіемъ референдаріевъ, а Чарнковскій еще не вернулся, то король отдалъ должность референдарія Николаю Фирлею, который тоже принадлежалъ къ кесарской (австрійской) партіи, позволивъ ему удержать кастеланство Бецкое. По прошествіи нѣкотораго времени вернулся въ Польшу Чарнковскій, будучи вновь призванъ друзьями, въ особенности братомъ Альбертомъ, тогда генераломъ Великой Польши, послѣ того какъ тотъ выпросилъ королевскую грамоту для брата. Онъ былъ милостиво принятъ королемъ и ему сказано было, что онъ можетъ разсчитывать на королевскую благосклонность и ожидать отъ особенной милости короля вознагражденія съ избыткомъ за причиненный ему убытокъ. Между тѣмъ изъ Рима было написано королю, что Чарнковскій просилъ отъ папы утвердить за нимъ коадъюторію архіепископства Гнѣзненскаго, на которую заявлялъ притязаніе по извѣстному праву, и дѣлалъ это безъ вѣдома короля при посредничествѣ нѣкоторыхъ иноземныхъ государей. Къ тому присоединилось и то обстоятельство, что, пока король былъ у Полоцка, ему было доложено съ самыми вѣрными доказательствами, что на Люблин-

скомъ съѣздѣ, гдѣ шляхта въ первый разъ отправляла аппеляціонные суды (держала засѣданія трибунальскія), нѣкоторыми замышлялся переворотъ, и что Чарнковскій главный виновникъ замысла. Это обстоятельство снова весьма сильно измѣнило расположеніе въ нему короля; между тѣмъ, по смерти архіепископа Якова Уханскаго, король, чтобы исполнить обѣщаніе свое, данное сословіямъ при коронаціи, назначилъ на мѣсто его Станислава Карнковскаго, въ то время бывшаго епископомъ Куявскимъ, который еще въ этомъ званіи совершилъ нѣкогда коронацію надъ Стефаномъ. Именно: такъ какъ при происшедшемъ тогда раздвоеніи выборовъ, Уханскій, а слѣдуя его примѣру, и прочіе епископы, за исключеніемъ Куявскаго, почти всѣ перешли на противную сторону, то Уханскій, призванный къ посвященію, не послушался и не явился, а когда вслѣдствіе того король коронованъ былъ Карнковскимъ, то шляхта просила короля, чтобы онъ, низложивъ Уханскаго, выбралъ на его мѣсто Карнковскаго. Король на это отвѣчалъ, что, если этого просятъ они ради только того, что Уханскій не согласился на выборъ его королемъ, то онъ лучше желаетъ привлечь его къ себѣ снисходительностью и не отчаевается, что ему удастся этого достигнуть; если же хотятъ сдѣлать это для того, чтобы почтить другаго, то онъ лучше послѣ смерти Уханскаго, отъ которой послѣдній уже недалекъ вслѣдствіе глубокой старости, окажетъ эту честь ихъ кандидату, котораго они предлагаютъ въ настоящее не совсѣмъ удобное для того время. Чарнковскій между тѣмъ держалъ Сминское владѣніе, принадлежавшее архіепископіи, и, такъ какъ не желалъ оставить его, то былъ вызванъ архіепископомъ на судъ къ королю. Когда ему было приказано явиться, онъ сперва не хотѣлъ отвѣчать; на судѣ ему было объявлено, чтобы онъ указалъ, по какому праву онъ владѣетъ тѣмъ имѣніемъ, ибо, если онъ опирается на присвоиваемую имъ себѣ коадъюторію, то никто не сомнѣвается, что вопросъ, касающійся королевскаго права, 1582.

1582. подлежитъ только вѣдѣнію короля; если же онъ владѣетъ захваченнымъ имѣніемъ на основаніи частнаго права, то будетъ отосланъ къ земскимъ судамъ, которые обыкновенно вѣдаютъ дѣла о землѣ. Повѣренный Чарнковскаго потребовалъ срока для того, чтобы представить имѣющіеся у него документы: если кто требуетъ срока, то, по нашему закону, считается, что онъ признаетъ свою подсудность подлежащему суду и назначаетъ для себя, въ силу собственнаго своего обязательства и желанія, окончательный терминъ. Повѣренный сталъ отговариваться, что ему невозможно доставить документы къ сроку, такъ какъ документы находятся въ Римѣ, и потому онъ не имѣетъ возможности предъявить ихъ. Въ это самое время земскіе послы обратились къ королю съ просьбою, чтобы отмѣнены были всѣ судебные вызовы къ (королевскому) двору, на основаніи примѣра Сигизмунда Августа, который однимъ декретомъ заразъ уничтожилъ всѣ вызовы, кои относились къ дѣламъ государственной казны. Отъ нихъ потребовали указать, какіе это были вызовы, и сказано было, что король не желаетъ, чтобы кому нибудь причинялись непріятности вопреки законамъ, но несправедливо также, чтобы всякій могъ безъ причины увертываться отъ суда; если же они настаиваютъ на своей просьбѣ, то король скорѣе согласится на то, чего они ранѣе требовали, именно позволяетъ, чтобы коммиссія, составленная изъ сенаторовъ и изъ ихъ среды, разобрала вызовы и отдѣлила законные отъ незаконныхъ. Тѣ на это ничего не отвѣчали; но просили, чтобы имъ дана была, по крайней мѣрѣ, возможность поговорить объ этомъ въ особомъ совѣщаніи съ сенаторами. Получивъ на то разрѣшеніе отъ короля, уполномоченные посольской избы дѣлаютъ то же самое представленіе въ сенатѣ; они требовали отъ сенаторовъ, чтобы они, первенствуя предъ остальною шляхтою своимъ достоинствомъ, были также впереди тамъ, гдѣ требовалось привести короля къ соблюденію справедливости и гдѣ дѣло шло объ охранѣ законныхъ правъ

шляхетства. На это имъ отвѣчали, пусть они укажутъ тѣхъ, 1582.
которые, по ихъ мнѣнію, вызваны противозаконно; или пусть укажутъ, въ какомъ именно дѣлѣ, по ихъ мнѣнію, право дворянства подверглось сокращенію и, если они докажутъ, что послѣдовали какія либо дѣйствія противозаконныя, то сенатъ, конечно, не измѣнитъ своему долгу. Тогда предводитель и ораторъ депутаціи заявилъ, что онъ взялъ на себя предъявленіе общихъ требованій и что отдѣльныя лица сами должны объяснить, въ чемъ они считаютъ себя лично обиженными. Вышелъ на средину Чарнковскій и объявилъ, что онъ былъ противозаконно вызванъ къ надворному дворскому суду. Но ему было объяснено: что касается перваго его дѣла, то нѣтъ никакихъ основаній считать оное не касающимся государства; отъ него требуютъ возвращенія документовъ, ему ввѣренныхъ, чтобы на основаніи ихъ доказать искъ государства; требуютъ въ силу того права, которое имѣетъ каждый частный человѣкъ по отношенію къ тому, кто обязался къ нему услугами; а если кто желаетъ пользоваться одинаковымъ общимъ правомъ свободы со всею шляхтою, и если кому эти вызовы ко двору кажутся тягостными, то онъ можетъ заключиться въ предѣлахъ частной жизни, жить дома, держаться вдали отъ службъ королевскихъ; но разъ кто вступилъ въ такую службу, тому не прилично было бы домогаться, чтобы его освободили отъ обязанности отдавать отчетъ въ томъ, что онъ добровольно принялъ на себя; иначе король въ общественномъ дѣлѣ поставленъ былъ бы въ худшее условіе, чѣмъ всякій частный человѣкъ въ своемъ дѣлѣ; по этому предмету, кромѣ того, есть постановленіе Сигизмунда I, смыслъ котораго сюда же клонится; наконецъ предъявляемое притязаніе прямо противорѣчитъ общей пользѣ: государство подвергалось бы часто величайшей опасности, еслибы въ дѣлахъ, не терпящихъ никакой отсрочки, оно могло достигнуть своего права не иначе, какъ послѣ собранія сейма, что всегда предполагаетъ длинный проме-

1582. жутокъ времени. Что касается до другаго его процесса, то и сенатъ лучше желалъ бы, чтобы онъ былъ представленъ на рѣшеніе сейма, но такъ какъ повѣренный его потребовалъ срокъ для представленія доказательствъ, то онъ самъ добровольно лишилъ себя всякой благовидной отговорки, чтобы не подвергнуться рѣшенію королевскаго суда. На это Чарнковскій отвѣчалъ, что, апеллируя къ документамъ, онъ тѣмъ самымъ апеллировалъ къ сословіямъ, которыя суть живые документы республики.

Послѣ того уполномоченные обратились снова къ сенату и просили, чтобы въ присутствіи ихъ были высказаны мнѣнія. Почти всѣ высказанныя мнѣнія были такого рода, что несправедливо дѣлаютъ тѣ, которые постановленіе Сигизмунда Августа о дѣлахъ казны относятъ также и ко всѣмъ королевскимъ процессамъ. Постановленіе Сигизмунда таково, что на основаніи его дѣла, относящіяся лично къ королю, къ величію власти и наконецъ къ праву и ко владѣніямъ королевскимъ, ясно отдѣлены отъ дѣлъ податныхъ и фискальныхъ; итакъ нужно разсмотрѣть, каковы тѣ дѣла, и возможно ли допустить, чтобы король отмѣнилъ всѣ тѣ позывы безъ разбора, такъ какъ, принявъ подобную мѣру, онъ пожертвовалъ бы, ради желанія просителей, не только своимъ правомъ и правомъ государства, но и правомъ другихъ лицъ, что даже и не въ его власти; это имѣло бы мѣсто именно по отношенію къ такимъ дѣламъ, которыя были начаты по инціативѣ частныхъ лицъ и касались ихъ частной пользы. Тѣмъ не менѣе послы упорствовали въ своемъ намѣреніи, и, когда споръ этотъ затянулся на много дней, то нерѣдко на своемъ собраніи они доходили до крупныхъ безпорядковъ. Король заявилъ имъ, что хотя это несправедливо, что они даже не желаютъ дѣлать разбора между законными и незаконными вызовами; и хотя, кромѣ того, онъ видитъ, что они даже и не получили отъ *своихъ* никакихъ полномочій возбуждать этотъ

вопросъ, однако онъ даетъ имъ возможность перенести споръ до свѣдѣнія *своихъ* (на сеймикахъ), чтобы на будущемъ сеймѣ можно было принять какое либо опредѣленное рѣшеніе, а пока онъ оставитъ дѣло въ томъ же положеніи и не будетъ разбирать никакихъ другихъ процессовъ, кромѣ двухъ касательно Чарнковскаго, которые уже представлены въ судъ. Были здѣсь и такіе, которые вызваны были архіепископомъ за оскорбленіе храмовъ и присвоеніе священныхъ вещей; послѣдніе тѣмъ сильнѣе боялись за свою участь, что въ тѣ дни распространенъ былъ слухъ, будто король рѣшилъ какъ можно строже судить такихъ людей; къ тому же и король способствовалъ усиленію подобнаго слуха тѣмъ, что, находясь на охотѣ недалеко отъ владѣній архіепископа и получивъ приглашеніе отъ него, прибылъ къ нему въ Ловичъ и нѣсколько дней провелъ у него въ качествѣ гостя. Многіе, бывъ вызваны къ суду даже по другимъ дѣламъ, дали себя избрать въ земскіе послы для того только, чтобы тѣмъ легче ускользнуть отъ суда; они теперь рѣшились пустить въ ходъ всяческія средства, чтобы прежде чѣмъ дойдетъ до нихъ очередь держать отвѣтъ, всѣмъ освободиться отъ суда въ лицѣ Чарнковскаго. Хотя (послѣ королевскаго заявленія) они избавились отъ своего страха, такъ какъ король объявилъ, что онъ не будетъ судить никакихъ другихъ дѣлъ, за исключеніемъ процессовъ Чарнковскаго, однако кто зашелъ въ этомъ дѣлѣ такъ далеко, что уже не могъ просто отступить назадъ, не подвергая опасности своей репутаціи въ глазахъ другихъ, того и теперь оказалось невозможнымъ отвлечь отъ первоначальнаго намѣренія даже такимъ резономъ. Иные, подъ вліяніемъ чужихъ рѣчей, опасались, не идетъ ли въ самомъ дѣлѣ рѣчь объ очень серіозномъ предметѣ, касающемся, какъ имъ толковали, ихъ свободы, и охотно соглашались на нѣкоторую отсрочку, пока вопросъ не будетъ вѣрнѣе изслѣдованъ; иные, хотя не видѣли ничего опаснаго для себя въ этомъ дѣлѣ, боялись возбудить злую

1582.

1582. молву и быть выставленными на позоръ, какъ будто они оставили безъ поддержки поборниковъ свободы. Слѣдствіемъ этого было то, что тѣ, которые вообще не одобряли всего того предпріятія, подвергаясь нападкамъ со стороны однихъ и не находя поддержки у другихъ, сами ничего не могли сдѣлать при такомъ численномъ преобладаніи противной стороны.

Тѣмъ не менѣе (на судѣ) голоса были поданы противъ Чарнковскаго. По первому дѣлу постановленіе состоялось еще гораздо раньше, и обвиненному приказано было возвратить документы; при чемъ это постановленіе не подверглось сильному оспариванію даже со стороны самихъ пословъ (сеймовыхъ). Что же касается до втораго процесса, то до сихъ поръ онъ трактовался различно, а теперь нѣкоторые стали выставлять на видъ то обстоятельство, что Чарнковскій выпросилъ себѣ коадъюторію, какъ говорили, послѣ отъѣзда Гейнриха, при чемъ особую вѣроятность этому указанію придавало собственное сознаніе, которое онъ не усумнился сдѣлать передъ королемъ относительно втораго своего, то есть Познанскаго епископства, именно, что эта номинація дана была ему послѣ удаленія Гейнриха. Но на Варшавской конфедераціи было признано, что всякій, кто выпроситъ что либо отъ отсутствующаго Гейнриха, будетъ считаться дѣйствующимъ противъ республики; и вотъ полагали, что нужно примѣнить и по отношенію къ Чарнковскому силу этого постановленія. Въ послѣдній день сейма король далъ приговоръ: званіе коадъютора не было признано за Чарнковскимъ; что же касается земельнаго владѣнія, присвоеннаго имъ, то рѣшеніе по этому вопросу признано входящимъ въ компетенцію обычныхъ шляхетскихъ судовъ; тамъ и слѣдовало Чарнковскому защищать свое право, на которомъ основывалось его владѣніе.

Такимъ образомъ прошло время, установленное для сейма. Всѣ на это сильно досадовали; въ особенности Замойскій заклиналъ всѣхъ и каждаго, чтобы приняли на себя обязанность

позаботиться о Ливоніи и о Руси, какъ бы имъ не потерять **1582**.
снова провинцію, пріобрѣтенную большимъ трудомъ и кровью, а теперь лишенную всякой помощи, и какъ бы не отдать Руси на разграбленіе варварамъ. Константинъ, князь Острожскій, воевода Кіевскій, съ своей стороны присылалъ ежедневно извѣстія о предстоящемъ нашествіи Татаръ. Не смотря на все это, ничего не было сдѣлано. Къ королю въ эти дни часто обращались Литовцы съ просьбой присоединить Ливонію къ Литвѣ. Противъ этого не было сдѣлано сильныхъ возраженій ни въ сенатѣ, ни въ посольской избѣ; напротивъ не было недостатка въ такихъ, которые, повидимому, охотно готовы были отказаться отъ нея въ пользу Литвы, чтобы тѣмъ легче получить отъ короля съ помощію Литовцевъ то, чего добивались. Тогда поднялся Замойскій и, бросивъ взглядъ на остальныхъ, сказалъ, что Ливонія отнята у непріятеля съ опасностію жизни имъ и его сотоварищами; если кто либо изъ нихъ сомнѣвается въ томъ, то онъ отдаетъ это дѣло на судъ Московскому царю; онъ не сомнѣвается, что ему удастся убѣдить ихъ въ томъ признаніемъ самого врага; поэтому, если никто не возражаетъ противъ отдѣленія Ливоніи отъ королевства, то онъ одинъ за всѣхъ воспротивится этому. Къ сейму прибыли послы Московскіе, чтобы принять отъ короля клятву на миръ подобно тому какъ уже раньше королевскіе послы обязали клятвой ихъ государя. Клятва дана была королемъ при огромнѣйшемъ собраніи всѣхъ сословій, при чемъ на мѣстѣ, гдѣ происходилъ сеймъ былъ поставленъ съ этою цѣлью алтарь, и архіепископъ, послѣ того какъ были прочтены секретарями листы договора, подсказывалъ ему слова. Кромѣ принятія клятвы, имъ было приказано переговорить относительно обмѣна плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ. Не бывъ въ состояніи достигнуть этого, они просили собрать всѣхъ плѣнныхъ въ одно извѣстное мѣсто и дать возможность выкупить ихъ у тѣхъ, кому они принадлежатъ. Была рѣчь и о пограничныхъ дѣлахъ; споры возникали

1582. преимущественно вслѣдствіе такого обстоятельства: въ Запольскомъ договорѣ о землѣ Велижской писцами литовскими было прибавлено, что она должна принадлежать къ воеводству Витебскому, какъ это было и прежде, и сдѣлана была такая прибавка для того, чтобы предупредить на нее притязанія со стороны чиновъ Польскаго королевства, войсками котораго Велижъ былъ взятъ, а Москвитяне съ своей стороны утверждали, что послѣ того какъ Велижъ достался въ ихъ руки, къ нему была отнесена значительная часть прилежавшей Торопецкой земли [1]).

Рѣшено было съ обѣихъ сторонъ отправить коммиссаровъ на мѣсто для установленія границъ. Относительно крѣпостей Ливонскихъ, занятыхъ Шведами, уже раньше у бояръ Московскихъ условлено было съ послами, чтобы Московскій царь впродолженіе всего мирнаго времени удерживался отъ находящихся по сю сторону Нарвы, а король—отъ лежащихъ за Нарвой. Затѣмъ послы были приглашены на пиръ по обычаю предковъ и приняты съ большой пышностью; при чемъ эти люди, незнакомые почти совершенно съ красивымъ убранствомъ, удивлялись, какъ великолѣпію пира, такъ и разнообразію приготовленныхъ блюдъ; но еще болѣе смотрѣли съ удивленіемъ на самаго короля.

При столь замѣчательной неурядицѣ въ общественныхъ дѣлахъ, или, лучше сказать, при такомъ о нихъ небреженіи, въ особенности достойнымъ жалости казалось положеніе людей военныхъ. Большая часть ихъ надѣялась не только на полученіе

[1]) Въ перемирномъ листѣ, напечатанномъ въ Метрикѣ Литовской II, №97, стр. 262, сказано такъ: рубежъ учинити Торопецкимъ землямъ съ Витебъскою земълею и з городомъ з Велижемъ, какъ было изстари Витебской земле с Торопецкою землею, по старымъ рубежомъ, и № 98, стр. 266: А земля Велижу по старимъ рубежомъ; какъ было Витебъской земли съ Торопецкою земълею: Витебъская земля з городомъ Велижемъ къ Витебъску, а Торопецкая къ Торопцу.

своего жалованья, какъ имъ было обѣщано, но также надѣялась достигнуть большихъ почестей, подобающихъ имъ за ихъ заслуги, и получить въ даръ земли; въ особенности же тѣ, которымъ за храбрость было даровано право шляхетства, разсчитывали, что имъ даны будутъ при этомъ и средства, съ помощью которыхъ они могли бы прилично поддержать свое шляхетское достоинство; крайне нуждаясь во всемъ и почти нагіе въ это крайне неблагопріятное время года, они дошли теперь до того, что многіе, и притомъ изъ благородныхъ, говорили, что лучше было бы имъ пасть при Псковѣ, нежели быть доведенными до такой сильной нужды и недостатка во всемъ. Въ то же время Иванъ Шуйскій, который, какъ мы выше сказали, выказалъ блистательную дѣятельность въ дѣлѣ защиты Пскова, будучи удаленъ отъ лица государя, сильно печалился и горевалъ. 1582.

Но затрудненіямъ и нуждамъ жолнеровъ, сколько было въ его силахъ, помогъ король, собравши отовсюду денегъ, такъ какъ онъ считалъ своею обязанностію не покидать лично республики, оставленной всѣми другими. Благодаря затѣмъ содѣйствію Замойскаго, въ военныхъ людяхъ проявился такой бодрый духъ, что они не только дали себя упросить отсрочить уплату до Троицы, но даже обѣщали въ случаѣ нападенія Татаръ служить безъ жалованья и идти туда, куда только поведетъ ихъ Замойскій, только бы отвели имъ квартиры на такомъ мѣстѣ, гдѣ они могли бы пока доставать себѣ пропитаніе. Когда уже сеймовые послы разъѣхались, король вмѣстѣ съ сенатомъ приложилъ возможно большую заботу и относительно Ливоніи, начавъ прежде всего съ устройства духовныхъ дѣлъ. Большая часть епископствъ въ этой провинціи была уничтожена вслѣдствіе войны и неблагопріятнаго времени; теперь король назначилъ для епископства Венденъ, который, по его мнѣнію, наиболѣе былъ удобенъ для утвержденія тамъ новаго мѣстопребыванія епископа, прибавивъ къ городу нѣсколько

1582. крѣпостей и имѣній, и просилъ папу, чтобы послѣдній основалъ тамъ своею властію епископію. Также сообразно обстоятельствамъ были написаны для провинціальныхъ жителей извѣстные уставы и положенія для того, чтобы они видѣли, что о нихъ всетаки имѣютъ нѣкоторую заботу. Въ Варшаву прибыли уполномоченные отъ дворянства, а, кромѣ того, много другихъ частныхъ лицъ, каждый для полученія вновь своихъ владѣній, изъ которыхъ, по ихъ словамъ, они или ихъ предки были изгнаны Москвитянами. Главнымъ предметомъ всѣхъ общественныхъ домогательствъ было то, чтобы король призналъ и утвердилъ артикулы договора, заключеннаго между Сигизмундомъ Августомъ и сословіями той провинціи, когда послѣднія признали его власть. Пункты эти приблизительно были таковы, чтобы въ провинціи той должностныя лица были только германскаго происхожденія; чтобы землями, находившимися теперь у каждаго въ отдѣльности или потомъ имѣющими достаться, они продолжали бы владѣть на основаніи того наилучшаго права, по которому нѣкогда владѣли; права и привилегіи каждаго въ отдѣльности пусть будутъ сохранены безъ перемѣны. Къ этимъ они сами прибавили условія, чтобы установленъ былъ извѣстный способъ судопроизводства, чтобы ихъ не принуждали разрушать крѣпости, что̀ они выпросили у короля въ Ригѣ, затѣмъ пусть король поможетъ имъ возвратить своихъ, взятыхъ въ плѣнъ. На это имъ былъ данъ такой отвѣтъ. Что касается до старинныхъ, данныхъ имъ Сигизмундомъ Августомъ, привилегій, то они, конечно, помнятъ хорошо, сколь много событій и перемѣнъ случилось въ промежуткѣ; и по своему благоразумію они, нужно думать, ясно сознаютъ, что̀ своевременно теперь и что̀ нѣтъ; они должны довѣриться рѣшенію короля; онъ былъ виновникомъ ихъ спасенія и онъ докажетъ, что имѣетъ также не меньшую заботу относительно достоинства и выгодъ пріобрѣтенной провинціи. Въ частности же, что касается до ихъ требованія, чтобы выс-

шія правительственныя мѣста въ той провинціи ввѣрялись лицамъ только нѣмецкаго происхожденія, то король съ своей стороны не желалъ бы лишать никого изъ провинціальныхъ жителей права на такія должности, если кто изъ нихъ окажется къ тому способнымъ; но тѣмъ болѣе несправедливо съ ихъ стороны желать, чтобы были устранены отъ почестей за столь славную побѣду именно виновники ихъ собственной свободы и спасенія; король постарается поставить во главѣ провинціи такого человѣка, который будетъ управлять ею по справедливости, по праву и законамъ ихъ; затѣмъ при сформированіи общаго высшаго провинціальнаго совѣта и судебныхъ учрежденій, а также при замѣщеніи должностей президентскихъ (старостинскихъ) и подкоморскихъ особенное вниманіе будетъ оказано лицамъ стариннаго Ливонскаго дворянства. Между правами и частными владѣніями было сдѣлано такое различіе, что тѣ, которыя были даны, какъ лены, прежними Ливонскими государями и законными должностными лицами до времени Вильгельма, маркграфа Бранденбургскаго, архіепископа Рижскаго, считались бы на этомъ самомъ основаніи законными; относительно же другихъ имѣній, полученныхъ отъ позднѣйшихъ правителей, когда насталъ смутный періодъ, во время котораго многое дѣлалось вопреки порядку, и въ провинціи почти не было никакой настоящей власти, то король постановитъ о нихъ рѣшеніе самъ, сообразуясь съ общими интересами провинціи, которую прежде всего требовалось снабдить силами и средствами противъ всяческихъ случайностей, а также принимая во вниманіе заслуги каждаго и самый характеръ владѣнія; а для разсмотрѣнія этихъ дѣлъ скоро назначитъ общій провинціальный съѣздъ, съ тѣмъ, чтобы каждый на немъ представилъ свои права. Но такъ какъ очень многіе, какъ говорили, потеряли въ предшествовавшее время свои привилегіи, то тѣ должны будутъ объявить, отъ кого и когда, какого содержанія они имѣли грамоты и подтвердить всѣ тѣ 1582.

*

1582. права присягой, какъ своей, такъ и присягой надлежащихъ свидѣтелей. Имъ данъ былъ также судебный уставъ, опредѣленный вышеуказанными конституціями. Разрушенія крѣпостей съ самаго начала король требовалъ преимущественно съ тою цѣлію, чтобы предупредить раздѣленіе силъ провинціи, какъ то было сдѣлано въ предшествовавшія времена, и при этомъ онъ объявилъ, что по той же причинѣ много разрушитъ и своихъ. Эго самое было теперь сказано въ отвѣтъ ливонскимъ уполномоченнымъ съ замѣчаніемъ, что они не должны отказываться послѣдовать примѣру короля въ такомъ дѣлѣ, которое касается общаго блага провинціи. Для выкупа же плѣнныхъ имъ обѣщали выдать извѣстное число людей боярскаго происхожденія. Такъ какъ принцъ Магнусъ не могъ, по причинѣ какихъ-то затрудненій, самъ лично присутствовать на сеймѣ, какъ о томъ просилъ его король въ Ригѣ, то онъ прислалъ своихъ уполномоченныхъ и черезъ нихъ предложилъ все то же, что предлагалъ и въ Ригѣ, а такъ какъ нельзя было въ отсутствіе его обсудить эти требованія, то потому это дѣло отложено было до будущаго сейма. По окончаніи этихъ дѣлъ, король отправился изъ Варшавы въ Краковъ, такъ какъ въ Варшавѣ получены были частныя извѣстія о снаряженіи Татаръ. При его прибытіи къ нему явилось посольство отъ Татаръ и объявило войну, если король не приметъ тотчасъ предложенныхъ условій и не удовлетворитъ ихъ. При этомъ Синанъ-паша отдалъ письмо, въ которомъ указывалъ, что и Турецкій султанъ не оставитъ безъ вниманія обидъ, причиненныхъ Татарамъ. Но уже раньше, какъ было нами указано, Замойскій отправилъ въ Русь значительную конницу, къ которой теперь онъ прибавилъ сколь возможно большее число жолнеровъ; теперь онъ собралъ во Львовѣ всѣ эти значительныя силы, набралъ новыхъ другихъ, на свое жалованье вызвалъ самыхъ храбрѣйшихъ шляхтичей, а кромѣ этихъ, князь Острожскій Константинъ съ величайшей готов-

ностью предлагалъ для услугъ государству свои войска, набранныя имъ въ весьма значительномъ количествѣ изъ своихъ кліентовъ. Снарядивъ такимъ образомъ Замойскаго, король отправилъ его изъ Кракова въ Русь противъ Татаръ. 1582

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

УКАЗАТЕЛИ.

I.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Августъ, курфюрстъ Саксонскій 34, 163.
Адлей, братъ Крымскаго хана Магометъ-Гирея 179, 180.
Адольфъ, герцогъ Голштинскій 80.
Аксаковъ, воевода въ Лукахъ 128.
Аламанній, Доминикъ 273, 276, 280, 281.
Александръ (Хрущовъ), польскій посолъ къ Псковитянамъ 252, 257—259.
Александръ Ярославичъ (Невскій) 195.
Али-Гирей 180.
Алимбекъ 220.
Альбрехтъ Фридрихъ, сынъ Альбрехта, герцога Прусскаго 15.
Андрей Александровичъ, великій князь Суздальскій 22.
Андрей Юрьевичъ Боголюбскій 21; Андрей (=Владиміръ Андреевичъ) двоюродный братъ Ивана IV Грознаго 26,—сынъ Ольгерда 49, 196.
Анна, супруга Стефана Баторія 239, 273, 276, 277, 295.
Ахметъ-паша 32, 281.

Б.

Балогъ, Баррабъ 248.
Барбелій, Георгій, начальникъ эскадрона венгерскихъ всадниковъ 142, 143.
Барятинскій, Петръ 219.
Басенокъ, Николай, дьякъ 239.
Баторій, Андрей 9.—Балтазаръ, сынъ его 193, 234.
Баторій, Петръ, венгерецъ 238. — Сигизмундъ, сынъ Христофора Баторія, князя Трансильванскаго 175, выбранъ княземъ Трансильваніи.—Стефанъ, сынъ Андрея Баторія 9, помогаетъ воеводѣ Валашскому. – Стефанъ, король Польскій, посылаетъ пословъ въ Москву 1; созываетъ сеймъ въ Торнѣ 2; 5, назначаетъ сеймъ въ Варшавѣ 6; 7, 9, 10, возстановляетъ судебный порядокъ 12, 13; принимаетъ присягу отъ маркграфа Бранденбургскаго 15; получаетъ письмо Магнуса 18; посылаетъ въ Москву Гарабурду 19; отправляется въ Львовъ 31; 32, принимаетъ въ Краковѣ русское посольство 33; 34, 35, 37, принимаетъ мѣры для сбора денегъ на военныя издержки 38; дѣлаетъ приготовленія къ войнѣ 39; объявляетъ войну Москвѣ 40; 41, находится въ Свири 42—48, 53—55, 59, 63—71, 73—77, 79, 80—82, назначаетъ сеймъ въ Варшавѣ 83; 84—87, 92, 93, 96—103, 105—113, дѣлаетъ литовскимъ войскамъ смотръ въ Витебскѣ 115; получаетъ извѣстіе о взятіи Велижа 120; получаетъ грамоту отъ Московскаго царя 121; идетъ отъ Суража къ Лукамъ 122, 123; 124—128, принимаетъ московскихъ пословъ 129; 130—132, совѣщается съ литовскими сенаторами о мирѣ съ Москвой 133, 134; 139, прибываетъ къ Великимъ Лукамъ 140; 141, 142, 144, 145; получаетъ извѣстіе о взятіи Невеля 146; 147; получаетъ въ Невелѣ грамоту отъ Московскаго царя 148; 149, 150, 156, 157, 159, 160, 162; отправляется въ Гродно 163; заключаетъ новыя условія съ Ригой 164; прибываетъ на сеймъ въ Варшаву 165; 166; принимаетъ москов-

скихъ пословъ 167; 168—170, 172—175; совѣщается съ Шведскимъ королемъ о войнѣ противъ Москвы 177, 178; 179—190, 192; направляется къ Пскову 193; 194, 200—203; присутствуетъ при осадѣ Пскова и ведетъ черезъ Поссевина переговоры съ Грознымъ 204, 205, 207, 208, 210, 212, 216—219, 223—225, 227, 231 232; возвращается въ Польшу 234; 235, 239, 240, 254; заключаетъ съ Грознымъ перемиріе на десять лѣтъ 255; 256, 257, 262, 266—309.

Баторій, Христофоръ, братъ короля Польскаго, князь Трансильваніи 9, 38, 42, 98, 172; смерть его 175; 179.

Батый 22, 195.

Бекешъ, Гавріилъ 147, 210, 211, 286.—Гаспаръ, отправляется въ Полоцкъ 45; 54—56, 58, 60, 64, 66, 73; умираетъ въ Гроднѣ 84; 85, 86, 92, 286.

Берингъ 219, 256.

Бирула (Birulla), казацкій атаманъ 118.

Благой, Елизарій, царскій гонецъ 102.

Богданъ, перебѣжчикъ изъ московскаго посольства 239.

Бойе, Георгъ, начальникъ шведской милиціи 35.

Борисъ Александровичъ Тверской 23.

Борнемисса, Иванъ, начальникъ Венгровъ 59, 119, 128, 130; беретъ Невель 145, 146; 208, 232.

Бутлеръ, Варѳоломей 204.

Буховецкій, Левъ, литовецъ, посолъ Баторія 1.

Бѣльскій, Богданъ 174.

Бѣлявскій, Стефанъ 214, 216.

В.

Вадашъ, Михаилъ, предводитель Венгровъ, смерть его 61; 130.

Варшевицкій, Христофоръ 273, 276, 281.

Варѳоломей, слуга Осцика 103, 104.

Василій, архіепископъ Константинопольскій 25.

Василій Васильевичъ Темный 22, 23, 197.—Ивановичъ, великій князь Московскій 23—25, 195, 197, 198.

Вассіанъ, епископъ Коломенскій 198.

Вейеръ, Эрнестъ 38, 46, 79, 136, 137, 184, 191, 192, 206, 235, 266.

Весселинъ (Везелинъ, Vesselinus), Францискъ, постельничій королевскій 210, 286.

Вессель, Германъ, епископъ 264.

Визгердъ, Петръ, литовецъ 272, 280.

Вильгельмъ, архіепископъ Рижскій 271, 307.

Винцентій, атаманъ казацкій, беретъ въ плѣнъ Уланецкаго 125; 176.

Витовтъ 116, 117, 185.

Вишневецкій, Андрей, воевода Волынскій 216.—Михаилъ, кастелянъ Брацлавскій 82.—староста Черкасскій 180.

Владиміръ Мономахъ 21.—Юрьевичъ, сынъ великаго князя Суздальскаго 22.—святой 20, 49.

Влодко, Станиславъ 244.

Воейковъ, Иванъ, главный постельничій 128, 140; изрубленъ Венграми 141.

Война, Лаврентій, литовскій подскарбій 69.

Волконскій, Петръ 262.

Воловичъ, Евстахій 58, 84, 99, 100.

Волынскій, Петръ, воевода Полоцкій 69; Вольминскій 124.

Вольскій, Мартинъ, полковникъ 157, 158.—Петръ, епископъ Плоцкій 86, 94.

Воронцовъ, Василій, воевода Московскій 35; взятъ въ плѣнъ 36.

Всеволодъ, отецъ Владиміра Мономаха 21.—внукъ Святослава Ольговича 21.

Выбрановскій 118, 136, 137, 209.

Г.

Гарабурда, Михаилъ 185, 219, 233, 277.—Петръ, посолъ Баторія 19, 40.

Гароннъ (Garonna), Иванъ, французъ 209.

Гейденштейнъ, Райнгольдъ 281.

Генрихъ, магистръ Тевтонскаго ордена св. Маріи 80.—Анжуйскій, король Польскій 4, 10; передаетъ шляхтѣ право суда 12; 291, 295, 299, 302.—Князь Брауншвейгскій 294.

Георгій, Сѣверскій 23.—Даниловичъ, князь Московскій 22.

Георгъ Фридрихъ, маркграфъ Бранденбургскій 15; посылаетъ помощь Баторію 57; 64, 163, 172, 281.

Гербуртъ, Иванъ, кастелянъ Саноцкій 177.—Николай, староста Львовскій 282.
Глинская, Елена, мать Грознаго 188.
Глѣбовичъ, Иванъ, кастелянъ Минскій 46, 63.
Головинъ, посолъ Грознаго 19, 33, 40.—Василій 263.
Голубко (Holubko), Гавріилъ 170, 171, 220.
Гослицкій, Лаврентій, деканъ Плоцкій, посолъ Баторія 177, 295.
Гостомскій, Ансельмъ, воевода Равскій 296.
Гостынскій, Іеронимъ 247.
Готтардъ, князь Курляндскій и Семигальскій 42, 47, 48, 86, 94.
Грамотинъ, посолъ Грознаго 19, 33, 40.
Григорій XIII, папа 6, 174, 278, 306.
Груденскій, Георгій, посолъ Баторія 1, 15, 16.
Грудзенскій, Петръ 248.
Грудзинскій, Стефанъ, кастелянъ Накельскій (Накленскій, Naclensis) 235, 295.
Грязной-Шубинъ 101.

Д.

Давидъ, сынъ Довмонта 196.
Девлетъ-Гирей, ханъ Крымскій. Дѣлаетъ набѣгъ на Волынь 10; 32. Присылаетъ пословъ къ Баторію 41; 42, 189, 180.
Делагарди, Понтусъ, французъ, полковникъ шведской службы 177. Занимаетъ Нарву 216, 217. Беретъ Вейссенштейнъ 218; 257, 266.
Дембинскій, Матѳей. Беретъ Венденъ 7. Защищаетъ его 17; 35, 219.
Держекъ, Христофоръ 180.—Ѳома 210.
Дзялынскій, Дука, староста Ковальскій и Бродницкій 114, 150.
Димитрій, перебѣжчикъ изъ польскаго войска 126.—Георгіевичъ Шемяка 23.
Діонисій Ареопагитъ 71.
Добраславскій, начальникъ надъ пушками 78.
Довойна, Станиславъ, воевода Полоцкій 75, 76.—Петропія, жена его изъ фамиліи Радзивиловъ 75, 76.
Довмонтъ (Тимоѳей) 196.
Фонъ-Донау, Фабіонъ 204.
Дорогостайскій, Николай, воевода Полоцкій 46, 76. Отправляется осаждать Невель 144.
Дробицкій 129.
Дрогоевскій, Иванъ Христофоръ 140.—(Дрогойевскій, Дроговскій, Drojevius, Drojovius) Иванъ Ѳома (Томашъ), староста Перемышльскій 109. Принимаетъ Заволочье 160; 179.

Е.

Екатерина, королева Шведская 273, 280, 295.
Елецкій, Димитрій Петровичъ, посолъ Грознаго 239.
Епископъ Великихъ Лукъ, задержанъ Замойскимъ 140.—Рижскій 4.

Ж.

Жаба 226.
Жолкѣвскій, Станиславъ, намѣстникъ канцлера Замойскаго, воевода Бельзскій 114, 139.—Сынъ его, Станиславъ 237, 249, 250, 251, 263.
Жукъ, Францискъ 52, 62, 76.

З.

Завиша, Мельхіоръ, конюшій Замойскаго 249, 250.
Зайончковскій 241.—Павелъ, посолъ 6.
Замойскій, отецъ Яна Замойскаго, канцлера, кастелянъ Холмскій, гетманъ надворный 98.—Янъ, канцлеръ 14, 54, 56, 58, 67, 72, 73, 85. Держитъ рѣчь на Варшавскомъ сеймѣ 87; 88, 98, 108, 109. Отправляется къ Велижу 112. Собираетъ къ Витебскѣ войско 113; 114. Прибываетъ въ Суражъ 115; 116, 117. Приступаетъ къ осадѣ Велижа 118, 119; 120, 122—133, 135,—142. Получаетъ вѣсть о взятіи Невеля 145; 146, 147, 150. Осаждаетъ и беретъ Заволочье 151—155, 157—162, 170, 172, 189. Назначается генеральнымъ гетманомъ 190; 191—194, 203, 207, 208, 211—215,

225—229, 232, 233—241, 243—245, 247—251, 255—266, 269, 271, 283, 285—292, 295, 297, 302, 303 305, 308, 309.

Збаражскій, Стефанъ, воевода Трокскій 45, 58. Воевода Витебскій, укрѣпляетъ Суражъ 116.—Янъ, воевода Брацлавльскій (Zbarascius) 10, 45, 77. Беретъ въ плѣнъ Шереметева 78; 122, 193, 233, 239, 245, 260, 262, 277.

Зборовскій, Андрей, надворный маршалкъ 190.—Иванъ (Zborovius), гетманъ надворный, кастелянъ Гнѣзненскій 122, 191, 228, 246, 256.

Зебридовскій, Андрей, королевскій подчашій 103. — (Жебржидовскій, Zebvidovius) Николай 97, 263.—Флоріанъ, кастелянъ Люблинскій 97.

И.

Ибрагимъ, чаушъ, шляхтичъ изъ рода Струсей 23.

Иванъ Андреевичъ Можайскій 23.—Васильевичъ III, великій князь Московскій 23, 197, 217.—IV Васильевичъ Грозный, царь Московскій 1, 2. Посылаетъ въ Ливонію Магнуса и беретъ ливонскіе города 3, 4; возвращается въ Москву 5; 15, 16. Осаждаетъ Венденъ 17; 18. Задерживаетъ Гарабурду 19; 23—25. Совершаетъ жестокости 26; 31, 34, 37, 40—42, 45, 48—50, 52, 55, 56. Посылаетъ помощь Полоцку 62; 66, 70, 76; 77, 79—81, 86, 96. Получаетъ вѣсть о взятіи Полоцка 99—103, 109, 111; 115, 116. Посылаетъ грамоту къ Баторію 121; 124, 126, 128, 129, 132, 134. Шлетъ грамоту Баторію въ Невель 148; 149. Беретъ себѣ новую супругу 162; 167, 171, 173—175. Укрѣпляетъ Псковъ 176, 177; 178, 181—189, 199, 201, 213, 217, 219—239, 240. Убиваетъ старшаго сына 242; 251, 253, 254. Заключаетъ перемиріе съ Польшей на десять лѣтъ 255; 263, 264, 266 269, 272—278, 280—282, 289, 303—305. — Өедоровичъ Новгородскій (= Иванъ Өедоровичъ Мстиславскій), посолъ Грознаго 99.—Ивановичъ, старшій сынъ Грознаго. Смерть его 242.

Иванъ, Сигизмундъ, князь Трансильванскій 84.

Игорь, сынъ Рюрика 195.—Внукъ Святослава Ольговича 21.

Изяславъ, сынъ Владиміра св. (= Ярослава Владиміровича) 21.

Исленьевъ, Даніилъ 215. Взятъ въ плѣнъ 216.

I.

Іоаннъ III, король Шведскій 164, 170, 177, 178, 216, 218, 239, 253. 256, 257, 266, 272—277, 280, 281.

Іоаннъ Георгъ Бранденбургскій 34.

Іоганнъ Фридрихъ Бранденбургскій 163.

К.

Казановскій, Мартинъ 82, 178, 235.

Калигарій, Андрей, папскій легатъ 80, 81.

Каллай, Иванъ, венгерецъ 238.

Каньоли, Іеронимъ 217, 257.

Каменскій, Николай, польскій кавалеристъ 63.

Камеринъ (Camerte)), Доминикъ Родольфинъ, архитекторъ 141.

Карлинскій, Симонъ 241.

Карнковскій, Станиславъ, епископъ Куявскій, потомъ архіепископъ 297, 301.

Карповъ, Михаилъ Далматовичъ, посолъ Грознаго 19. Смерть на пути въ Польшу 33.

Кашинъ, Михаилъ 128.

Кендій, Александръ 175.—Петръ 206.

Керекешъ, Матвѣй 210.

Кетлеръ, Вильгельмъ 231.

Кипріанъ, епископъ Полоцкій 69.

Киралій, Альбертъ 142, 143, 171.

Кишка, Иванъ, староста Жмудскій, кравчій королевскій 42, 84.

Клочевскій, Петръ, кастелянъ Завихвостскій, убитъ при осадѣ Великихъ Лукъ 131.

Кмита, Филонъ, староста Оршанскій, воевода Смоленскій 48, 83. Вторгается въ

Смоленскую область 144; 170, 171. Грабитъ Старую Русу 172; 185, 219.
Коборъ, Францискъ, венгерецъ 238.
Козецкій (Косѣцкій) 201, 215, 252.
Колтовской, Петръ, бояринъ Московскій 238.
Копарскій, Михаилъ 266.
Константинъ (Кириллъ), апостолъ Славянъ 71.
Корфъ, Николай, ливонецъ 35, 214.
Коссонскій 96; посаженъ на колъ 97.
Котянъ, ханъ Половецкій 21.
Кретковскій, Иванъ 237, 247.
Крыскій (Крійскій), Станиславъ, воевода Мазовецкій, посолъ Баторія 2, 296.
Кудрявый, знатный московскій человѣкъ 118.
Кульмскій (Хельминскій), Станиславъ Костка 114, 137.
Куровскій, Иванъ, спутникъ Гаспара Бекеша 64.
Курцъ, Мартинъ 73, 170, 171, 234.

Л.

Лазарь, Стефанъ 113.
Латышъ, плотникъ, способствовавшій взятію Вендена 7.
Легково, сынъ боярскій 111.
Лесновольскій, Іоаннъ 235, 262, 266.— Мартинъ 249.
Лозовицкій, Григорій, гонецъ Баторія 134, 149.
Лопатинскій, Василій, посолъ Баторія 39, 100.
Лукомскій, Константинъ, начальникъ въ Улѣ 74.

М.

Магнусъ, герцогъ Голштинскій 3, 4. Измѣняетъ Московскому царю 18, 19, 26. Беретъ Киремпешъ 219, 272, 308.
Магометъ - Гирей, ханъ Крымскій 179, 279.
Магометъ-паша, убійство его 32, 34.
Максимиліанъ I, императоръ Германскій 25.—II, избирается королемъ Польши 2; императоръ Германскій 84, 296.
Малхъ, любечанинъ 20.
Мелецкій, Николай, воевода Подольскій 38, 42, 45, 46, 48, 53, 54, 56, 67, 72, 73. Отправляется подъ Соколъ 77 79, 81, 82, 85, 96, 114.
Меѳодій, апостолъ Славянъ 71.
Микулинскій, Василій, воевода Полоцкій 69.
Миревскій, слуга Григорія Осцика 103.
Михайловъ или **Михалковъ**, Андрей Тимоѳеевъ, посолъ Грознаго 40.
Михаилъ Ярославичъ Тверской 22.
Млодзевскій, Гіацинтъ, надворный подскарбій 282.
Мнишекъ, Юрій, начальникъ Саноцкій 209, 211.
Мстиславскій, Никита Юрьевичъ(=Василій Ивановичъ) 99.
Мстиславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго 21.—Романовичъ, князь Кіевскій 21.
Мурза, Даніилъ, стольникъ Грознаго 221.
Мясоѣдовъ, Ѳедоръ 216, 224, 259.

Н.

Нащокинъ, Иванъ, дворянинъ московскій, посолъ къ Баторію 102, 103. Взятъ въ плѣнъ 144, 193. — родственникъ его 193.
Никита, атаманъ казацкій 118.
Поздроватый, Михаилъ 219.
Носовъ, Сабинъ 136, 137.

О.

Оболенскій-Лыко, Ѳедоръ, князь 128, 222.
Огинскій, Богданъ 220.
Олегъ, сынъ Святослава 20.
Олферьевъ, Романъ Васильевичъ 239.
Ольга, дочь Малха 20. — псковитянка, княгиня Русская 20, 195.
Ольгердъ, великій князь Литовскій 196.
Орденъ Ливонскій св. Маріи 4, 216, 230.
Оржельскій, Святославъ 293.
Оржеховскій, Андрей 158, 209.
Оринскій, Ѳома 246, 248.
Оришовскій, Иванъ 163.
Острожскій, Константинъ Константиновичъ, воевода Кіевскій, осажденъ Татарами 10;

58, 82, 303, 308.—Константинъ, сынъ предъидущаго 58.—Янушъ 82.
Остромецкій, Иванъ 250, 251.
Осцикъ, Григорій, сношенія съ Нащокинымъ 103, 104. Смертная казнь 105.

П.

Патріархъ Константинопольскій 278.
Паша Темесварскій. Посылаетъ пословъ къ Баторію 113.
Пеніонжекъ, Прокопій 209, 259.
Пенкославскій, Станиславъ 61, 211, 237.
Пепонскій (Пеніонжекъ), Прокопій 259.
Пентковскій 248.
Петровичъ, баронъ Трансильванскій 84.
Петръ, воевода Валашскій, подвергается нападенію низовыхъ казаковъ 9; лишается власти 39; 179.
Пивовъ, дворянинъ думный, посолъ къ Баторію 129, 132, 134.
Платеръ, Вильгельмъ, военачальникъ 7, 214.
Плещеевъ 200.—Дерптскій воевода 265, 266.
Подкова, Александръ, посаженъ на колъ 32.—Иванъ, валахъ, казакъ низовой, нападаетъ на Валашскаго воеводу 9; подвергается смертной казни 32.
Полубенскій, Александръ 5.
Полуянъ, Мартинъ, гонецъ 5.
Послы воеводствъ Краковскаго, Сендомірскаго, Сѣрадзскаго противятся новому налогу на Варшавскомъ сеймѣ 1578 г. 11.—Герцога Вюртембергскаго и курфюрста Саксонскаго 15.—Князей Помераніи признаютъ власть Баторія надъ Битовской и Лауенбургской областями 15.—Курфюрста Бранденбургскаго 15.
Поссевинъ, Антоній, легатъ папскій 174, 183, 213, 220, 222. Является посредникомъ между Грознымъ и Баторіемъ 223, 224; 225, 239, 240, 253, 278.
Превоста, Матвѣй 278.
Пржіемскій, Станиславъ 167, 237, 247.
Пруссъ, мнимый братъ Августа Цезаря 5.

Р.

Радзивилова, Христина, жена старосты Перемышльскаго 109.
Радзивилъ, Альбертъ, маршалкъ надворный 84, 103, 122, 233.—Николай, гетманъ Литовскій, воевода Виленскій 6. Ведетъ переговоры съ Магнусомъ 18, 19; 39. Отправляется съ Литовскими войсками въ Полоцкъ 45; 49, 53, 57, 72, 73, 83, 99, 104, 122, 123, 150, 200.—Николай, второй сынъ воеводы Виленскаго Николая, воевода Новогрудскій 84.—Николай Христофоръ, великій маршалкъ Литовскаго княжества 57. Раненъ при осадѣ Полоцка 61; 84.—Христофоръ, королевскій подчашій, гетманъ надворный (=польный) Литовскій, кастелянъ Трокскій 39, 45, 58, 57, 63, 83, 122, 124, 125, 129, 178, 185, 219—221, 234.—Христофоръ, герцогъ Курляндскій и Биржанскій 48, 204, 212, 229, 259, 269, 272.—Юрій, епископъ Виленскій 83.
Рачъ, Петръ, венгерецъ 68.
Редеръ 194, 204.
Речайскій, Альбертъ 214.
Рогвольдъ (Rochuoldus), князь Полоцкій 49.
Рогнѣда 49.
Розражевскій (Rozrdasevius), Христофоръ, староста Ленчицкій 38, 46, 138, 150; убитъ при осадѣ Заволочья 153.
Романовъ-Захарьинъ, (=Никита Романовичъ Юрьевичъ-Захарьинъ) 99.
Розенъ (Rosnius), Сигизмундъ 82, 194, 235, 243, 263.
Рудольфъ II, императоръ Германскій 174, 278, 282.
Рыбинскій, Мартинъ 103.
Рѣпка, Иванъ Михайловичъ 197.
Рюрикъ 20, 195.

С.

Сабоцкій, Станиславъ 143.
Сабуровъ, начальникъ Заволочья 152, 160.
Сава, Борисъ, военачальникъ 7.
Сади, сынъ Девлетъ-Гирея 180.
Самборскій, Владиславъ 175.
Сангушко, Романъ, воевода Брацлавльскій 52.

Сапѣга, Андрей 35. — Николай, воевода Минскій 2.
Сарнацкій 247.
Святополкъ, сынъ Владиміра св. 20.
Святославъ Игоревичъ, князь Русскій 20, 195.
Селимъ, султанъ Турецкій 11, 24, 32, 34, 41. Ведетъ войну противъ Персовъ 42; 178, 205, 279, 281, 282, 308.
Сенявскій, Николай, кастелянъ Каменецкій, беретъ въ плѣнъ Подкову 9; 82, 114, 122, 123, 282, 283.—Янушъ 82.
Сибрикъ, Георгій 156, 161, 171, 238.
Сигизмундъ I, 299.—Августъ 4, 12, 15, 24, 38, 41, 47, 51, 52, 75, 76, 85, 92, 94, 101, 116, 145, 161, 162, 181, 184, 188, 200, 275, 278, 287, 294, 295, 298, 300, 306.
Синанъ, паша 308.
Сирней, Лука 135, 209.
Сицкій, князь, великій посолъ 110. Получаетъ аудіенцію у Баторія 129; 132, 134.
Скарбекъ, Лаврентій 247.
Скуминъ, Ѳедоръ, подскарбій литовскій надворный 2.
Соколинскій, Юрій 123.
Соландъ, Ѳома 232.
Соликовскій, Янъ Димитрій 164.
Соломерецкій, Иванъ, староста Мстиславскій 83.
Солометъ-Гирей 180.
Софія-Палеологъ, супруга Іоанна III Васильевича 23.—Сестра Сигизмунда Августа 294, 295.
Спытко, Іорданъ 241.
Стадницкій, Станиславъ 209.
Стефанъ, Карлъ, венгерецъ 130, 157, 161.
Стремоуховъ, Левъ, отправленъ въ Москву съ вѣстью о взятіи Полоцка 100.
Сураницкій, Василій 244
Сутурна, писецъ Ивана Петровича Шуйскаго 235.
Суффи, Георгій 155.

Т.

Талвошъ, Иванъ, кастелянъ Жмудскій 48, 277.
Тарновскіе 93.
Тарновскій, Станиславъ, кастелянъ Радомскій, 191, 235.—Янъ 190.
Татевъ, Петръ, воевода Московскій 35. Взятъ въ плѣнъ 36.
Таубе, Иванъ, ливонецъ 80.
Тенчинскій, Иванъ Баптистъ 273.
Тизенгаузенъ, Гаспаръ 231.—Райнгольдъ 231.

У.

Ускель, Оттонъ 158.
Уланецкій 124. Взятъ въ плѣнъ Поляками 125.
Уровецкій, Николай 77, 114. Проводитъ дорогу черезъ лѣса 117; 119. Начальствуетъ польскимъ войскомъ при Великихъ Лукахъ 131; 150, 152, 154, 158, 172, 191, 194, 209, 211, 214, 248, 262.
Уханскій, Павелъ, посолъ къ папѣ 105.—Яковъ, архіепископъ, подвергается штрафу 14; 297.

Ф.

Фаренсбекъ (Farensbekius), Георгій, датчанинъ 112, 127, 141, 142, 156, 158, 161, 172, 204, 231, 251.
Филиппъ, воевода московскій 22.
Фирлей, Николай, референдарій 296.
Фридрихъ III, король Датскій 18.

Х.

Хворостининъ, Андрей 200, 252, 259.—Петръ, воевода Московскій 35; бѣгство 36.
Хвостовъ, Николай 215.
Хилковъ 125. Начальствуетъ надъ войсками у Торопца 128.
Ходкевичъ, Александръ, начальникъ Гродненскій 17.—Григорій, воевода Виленскій 6.—Иванъ, администраторъ Ливоніи 3. Взятъ въ плѣнъ 5; 17, 39. Смерть его 46; 73, 80.

Христофоръ, намѣстникъ Нищицкій 82; 191.

Ч.

Чарпковскій, Альбертъ 296.—Станиславъ 294—302.
Черемисиновъ, Дементій (или Димитрій, Dementius, Demetrius) 128. Взятъ въ плѣнъ 144.
Черкасскій, Гавріилъ 216.—Николай 201, 211.

Ш.

Шеипъ, Борисъ 62, 63. Убитъ 78; 79.
Шереметевъ, Ѳедоръ 62, 63. Взятъ въ плѣнъ 78; 79.
Шишмаревъ, Ѳедоръ, царскій гонецъ 109—111.
Шуйскій, Василій, намѣстникъ Псковскій 197.—Василій, сынъ его, намѣстникъ Псковскій и Новгородскій 197, 200.—Иванъ Петровичъ, воевода Полоцкій 157. Подвергается нападенію при возвращеніи въ Псковъ 158; воевода Псковскій 200, 210, 235, 238, 242, 246—249, 251, 252, 259, 305.

Щ.

Щелкаловъ, Андрей, воевода Московскій 35. Бѣгство 36.

Э.

Эмбденскій, Ѳома (Томасъ Эмбданъ) 21[illegible], 255.
Эрихъ, братъ короля Шведскаго 218.

Ю.

Юлапъ, Павелъ 140.
Юлій, князь Брауншвейгскій 295.

Я.

Ягайло, князь Литовскій 49, 50.
Язловецкій, Николай, староста Снятинскій 282.
Янкола (Янкула), Трансильванскій Саксъ, воевода Валашскій 32, 179, 281, 282.
Ярополкъ, сынъ Святослава Игоревича 20.
Ярославъ, сынъ Владиміра св. 21.

Ѳ.

Ѳедоръ Ивановичъ, второй сынъ Грознаго 242.

II.

УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

А.

Адзевъ (Адежъ) 173.
Англичане 31.
Астраханское царство 23.
Астраханцы 77, 88.
Астрахань 24.
Ашераденъ 3, 64, 219.

Б.

Балтійское море 51, 268.
Бельгія 204.
Березина, р. 51.
Берсонъ, крѣпость 268.
Бецкое кастелянство 296.
Биржанская область 48.
Битовская область 15.
Болгарія 20.
Болгары 20.
Боброѣдово 125.
Брацлавль 80.
Бѣлая, крѣпость 178.

В.

Валахи 8, 9, 38.
Валахія 9, 32, 38, 282.
Варадинъ 109.
Варшава 6, 7, 31, 38, 80, 83, 96, 97, 165, 175, 306, 308.
Варяги 20.
Вейссенштейнъ 4, 173, 218, 254, 266, 268, 274.
Велижская земля 304.
Велижъ, крѣпость 112, 115—119, 122, 124, 125, 140, 149, 173, 178, 183, 240, 254, 268, 304.
Великая, р. 146, 150, 161, 171, 185, 192, 193, 198, 203—206, 208, 211, 213, 216, 229, 246, 247, 258.
Велій, крѣпость 268.
Велія 184.
Венденъ 3, 4, 7, 17, 19, 35, 36, 40, 268, 305.
Венгерцы 53, 56—58, 63, 64, 67—69, 72, 73, 86, 92, 113, 119, 123, 131, 132, 134, 139—142, 155, 158, 192—194, 204—207, 209—211, 213, 225, 229, 230, 232, 233, 237, 238, 274, 256, 258, 259, 286.
Венгрія 109, 113, 179, 282.
Верховье 117.
Вилія, р. 113.
Вильна 39, 42, 44, 45, 48, 50, 52, 62, 80, 83, 84, 99, 102, 104, 105, 106, 109—111, 144, 156, 157, 162, 163, 172, 176—178, 234, 274, 279—281.
Витебское воеводство 304;—княжество 17.
Витебскъ 52, 74, 97, 105, 110, 113, 115, 116, 178, 268.
Владиміръ 20, 21.
Волга 24, 88, 220, 222.
Вологда 31, 241.

Волховъ 127.
Волынь 10.
Вольмаръ 35, 268.
Воронечъ, крѣпость 51, 171, 185, 189, 199, 268.

Г.

Гассель 268.
Гданскъ 2, 5, 6, 10, 18, 59, 92, 108, 191, 216, 228, 259, 274.
Гдовъ 202, 213, 236, 241, 257.
Германія 30, 38, 84, 170, 174, 188, 189, 200, 216, 294, 296.
Говья, р. 35.
Греки 20, 25.
Гродно 38, 84, 97, 99, 163, 172, 173, 280, 281.

Д.

Двина (Западная) 43, 44, 48—56, 62 73, 74, 77, 80, 105, 107, 112, 113 115, 116, 118—121, 123, 164, 180, 184, 187, 219, 221, 234, 267, 272.
Дерптъ 4, 39, 148, 167, 173, 184, 195, 214, 217, 241, 253, 261, 263—266, 268.
Дершовъ 241.
Динабургъ 3, 6, 268.
Дисна, крѣпость 42, 45—47, 51—56, 64, 79, 105, 108, 113, 178, 180, 259;—рѣка 49—51, 62, 80, 180.
Днѣпръ 8, 25, 48, 51, 82, 178, 185, 267, 268.
Донъ 24, 88.
Древлянская область 20.
Дрисса, крѣпость 52, 77, 173;—озеро 161;—рѣка 50, 52, 77, 161, 180.
Дрогичинъ 164.
Друя 80.
Дубно 221.
Дунай 20.

Е.

Европа 156.

Ж.

Жмудское староство 84.
Жмудь. См. Самогитія.

З.

Заволочье, крѣпость 52, 70, 97, 146—148, 150, 160, 167, 171, 181, 183, 185, 186, 189, 240, 254, 259, 266, 268, 277, 278.
Залѣсье 219.
Заполотье (часть Полоцка) 54—56, 58.
Запольское, село 224, 257, 259, 262, 272.
Заславль 10.
Зевальдъ 17.
Зельбурская область 48.
Зубцовскій ямъ 220.

И.

Ивангородъ 202, 217.
Изборская область 20.
Изборскъ 196.
Иколы, народъ 195.
Иллирія 25.
Ильменское озеро 127, 200, 236.
Италія 156.
Итальянцы 217.

К.

Казанское царство 23.
Казанцы 88.
Калка 22.
Каспійское море 24, 88.
Касгля, р. 50, 52, 99, 115, 116.
Киремпешъ 39, 219, 268.
Кіевское княжество 75.
Кіевъ 20, 25, 52, 75, 82.
Книшинское староство 113.
Кобылій городъ, крѣпость 241.
Коварскъ 104.
Ковна 39, 49, 77, 113.
Козьянъ, крѣпость 52, 53, 268.

Кокенгаузенъ 3, 44, 48, 81, 149, 164, 219, 259, 262, 268.
Константинополь 32, 278.
Копорье 217.
Корчинъ 31.
Краковское воеводство 11, 31.
Краковъ 33, 35, 37, 38, 50, 156, 296, 308, 309.
Красногородъ 184, 185, 234, 268.
Красный, крѣпость 45, 52, 62, 268.
Курляндія 16, 19, 132.
Курляндское и **Семигальское** герцогство 47.

Л.

Ладожское озеро 241, 267.
Ланшъ 268.
Ландескъ 268.
Ландскоронское староство 86, 286.
Лапландія 31.
Лауэнбургская область 15.
Ледовитое море 31, 177, 244, 269.
Лемпсаль 18.
Леновартъ 164, 219, 268.
Лепель 51, 110;—рѣка 51, 52.
Ливонія 2—6, 11, 15—19, 24, 30, 35, 39—44, 47, 48, 80, 94, 100, 107, 108, 112, 148, 149, 165, 167, 168, 173, 175, 177, 178, 182—184, 187, 191, 204, 213, 217, 218, 223—225, 230, 233, 240, 253—257, 260, 262, 264, 265, 268, 269, 272, 274, 275, 280, 281, 283, 289, 290, 302, 305;—приморская 177.
Ливонцы 3, 16, 24, 34, 36, 44, 87, 195, 197, 217, 256, 265.
Литва 2, 5, 7, 8, 33, 39, 41, 49—52, 74—76, 83, 88, 100, 106, 107, 120, 122, 126, 133, 144, 147, 149, 162, 172, 174, 181, 182, 233, 303.
Литовцы 8, 35, 36, 38, 42—44, 49, 53, 57, 64, 76, 101, 112, 122, 123, 130, 133, 142, 144, 191, 196, 205, 215, 226, 234, 281, 303.
Ловать, р. 125,—127, 130, 131, 135, 170, 184.
Ловичъ 301.
Луки-Великія 62, 70, 99, 106, 107, 112, 116, 118, 119, 122—128, 142, 144—150, 159, 160, 170, 184, 196, 199, 200, 219, 235, 240, 254, 266, 268.
Львовъ 31, 85, 282, 308.
Любекъ 174, 175.
Любечане 204.
Люблинъ 12, 47.
Люцинъ (Лудзенъ) 3, 234, 268.

М.

Мазовія 47, 279.
Маріенбургъ 4, 5, 167, 268.
Маріенгаузенъ 3, 268.
Мизія 25.
Михалишки 113.
Мичага 222.
Могилевская область 178, 219.
Москва 2, 5, 6, 9, 11, 15, 20, 22, 50, 69, 71, 75, 104, 125, 141, 144, 148, 174, 175, 198, 213, 219, 233, 236, 264, 265, 276, 277.
Москвитяне 7—9, 17, 24, 27, 34—36, 50—54, 58, 66—69, 71, 73—76, 78, 96, 97, 100, 104, 116, 120, 122, 125—127, 131, 134—136, 138—141, 146, 152, 154, 160, 161, 164, 167, 170—171, 174, 176, 185, 193, 206, 210, 211, 217, 218, 220—222, 226, 230, 233, 242, 244, 245, 248, 249, 253—256, 260—263, 265, 266, 304, 306.
Московское государство 8, 11, 17, 18, 24, 31, 32, 41, 43, 74, 80, 81, 87, 90, 91, 96, 103, 107, 143, 165, 167, 177, 226, 244, 255, 267—269, 274, 275.

Н.

Нарва 4, 31, 164, 167, 200, 216—218, 254, 257, 264, 272, 274, 276, 277, 280, 282, 304.
Нарова, р. 177, 216.
Невель 70, 144, 145, 148—150, 156, 167, 173, 174, 181, 240, 254, 268, 277.
Нейшлоссъ 173, 240.

Немезя, р. 219.
Немировъ 9.
Нидерланды 172.
Низовцы, Низовые казаки 8—10, 32, 41, 95, 163.
Николая Св. гавань 31.
Нища, р. 52, 77.
Нищерда (Нещерда, Nescerda, Niscerda), крѣпость 52, 96, 97, 161, 268.
Новгородцы 20, 23, 195, 197, 203.
Новгородъ 20, 127, 171, 183, 184, 197, 198, 200, 202, 221, 222, 230, 236, 240, 241, 267.
Новогродокъ - Ливонскій (Нейгаузъ) 173, 240, 253, 261—265, 268.
Новогрудское воеводство 83.
Норвегія 31.
Нѣманъ 113.
Нѣмцы 56—58, 64, 70, 78, 79, 148, 158, 195, 205, 207—210, 214, 232, 233, 264.

О.

Оболь, р. 50, 52.
Озерище, крѣпость 50, 127, 132, 149, 268, 278.
Окомечье 221.
Опочка 146, 161, 184, 185, 221, 241.
Ораненскіе луга 124, 125.
Орша 48, 83, 144.
Осташковъ 236.
Островъ 146, 147, 184, 185, 191, 234, 260, 262, 266, 268.

П.

Пельба (Пелба), озеро 146, 171, 198, 213, 215, 216, 241, 264.
Перновъ 4, 167, 173, 217, 218, 256, 261, 262, 266, 268, 274.
Персія 24, 30.
Персы 42, 180.
Петроковъ 12.
Печерскій монастырь 230, 231.
Печора, крѣпость 236.
Пирхель (Пиркель, Pirchelium, Pirkelium) 219, 268.
Плоцкое староство 296.
Плюсса, р. 241.
Подляшье 279.
Подолія 57, 114.
Пожарище (Poźar) 56.
Покутье 282.
Полона, р. 125.
Полота, р. 50, 52, 54—59, 66.
Полоцкая обл. 73, 75, 76, 106, 162, 173, 187, 240, 254.
Полоцкъ 24, 43—45, 49, 50, 53—57, 59, 62, 63, 70, 71, 76—78, 80, 81, 87, 96, 99, 105, 108, 109, 120, 132, 140, 147, 157, 161, 177, 180, 182, 199, 222, 268, 286, 296.
Польша 1, 7—9, 38, 41, 63, 71, 76, 85, 98, 106, 108, 149, 166, 169, 174, 175, 177, 182, 205, 212, 226, 255, 256, 296;—Великая 12, 47, 167, 279, 296;—Малая 31, 47, 279.
Поляки 3, 7, 8, 29, 35, 36, 49, 57, 58, 63, 67, 69, 72, 76, 79, 86, 109, 119, 129, 131, 139, 142, 145, 147, 158, 192, 205—210, 218, 229, 235, 237.
Померанія 15.
Порховъ 157, 202, 235, 236, 239, 241.
Поставъ 62, 105, 113, 178.
Почепъ (Почепово, Poczepova, Poczopovia) 83, 163.
Пребужъ (Пребузія Симеона, Prebusium Simeonis=Прибужъ) 236, 241, 257.
Пруссаки 64.
Пруссія 3, 5, 16, 47, 204.
Пскова (Псковка, Плескова), р 194, 198, 203, 215, 238, 427.
Псковская область 23, 198, 244.
Псковъ 42, 43, 46, 48, 62, 66, 73, 77, 78, 81, 106, 107, 146, 147, 150, 158, 170, 171, 176, 183—185, 193, 195, 197—202, 212, 215—218, 220, 222, 224, 230, 234, 236, 240, 241, 253, 256, 257, 261, 264, 274, 283, 286, 305.

Р.

Рава, гор. 94, 166.
Радогостъ (Радагостье, Radehostia, Radohostia) 83, 267.

Радошковичи 51.
Ревель 4, 18, 37, 177, 217, 218, 275.
Ржевъ 220.
Рига 4, 16, 18, 44, 51, 54, 132, 163, 164, 212, 219, 229, 230, 259, 269, 271, 272, 276—278, 306, 308.
Рижскій заливъ 50.
Римъ 6, 174, 296, 298.
Роннебургъ (Рюннебургъ, Румбургъ, Rumburgus, Runeburgus) 4, 149, 268.
Россія 255.
Русскіе 8, 21, 25, 56, 74, 81, 145, 218, 230, 237, 264.
Русь 9, 10, 21, 22, 41, 47, 82, 90, 279, 282, 283, 303, 308, 309.
Рѣжица (Розиттенъ, Rozittenium) 3, 234, 268,
Рязанцы 77.

С.

Саксы Трансильванскіе 281, 282.
Сала 219, 268.
Самогитія (Жмудь) 191.
Сандоміръ 31.
Сандоміpское (Сендомірское) воеводство 11, 31.
Свирь, крѣпость 42, 45, 49, 86.
Святая гора (Святогорскъ) 214, 215, 236, 246.
Святогорскій монастырь 200.
Себежъ, крѣпость 173, 182, 184, 187, 254.
Сеельбургъ 6.
Серенскъ, крѣпость 240.
Сесвегъ 268.
Сесделія, село 261, 263.
Силезія 194.
Ситна, крѣпость 52, 53, 268.
Славяне 20, 25.
Смоленская область 116, 118, 144.
Смоленское великое княжество 23.
Смоленскъ 50, 83, 99, 106—108 ,116, 124, 128, 129, 144, 176, 178.
Соколъ 52, 53, 62, 63, 65—67, 73, 77, 81, 124, 161, 182, 188, 268.
Старая Русса 171, 221, 222, 236, 241.
Старица 219—221, 267.
Стародубъ 83, 163, 267.
Стропа, городъ 35.
Стрѣлецкая крѣпость (въ Полоцкѣ) 54—56, 58, 70.
Судеты, народъ 195, 264.
Суза 202.
Суражъ 52, 115, 116, 120, 123, 129.
Суша, крѣпость 45, 52, 62, 73, 74, 81, 136, 140, 268.
Сѣверское княжество 23, 83, 106, 107.
Сѣрадзское воеводство 11, 31.

Т.

Татары 8—10, 21, 22, 24, 32, 36, 41, 42, 88, 90, 114, 122, 179, 205, 220—222, 278, 283, 290, 291, 303, 305, 308, 309;—Литовскіе 185, 219;—Ногайскіе 124, 125, 221.
Тверь 236, 241.
Торнь (Торунь) 2, 296.
Торопецкая земля 304.
Торопецъ 50, 125, 127—129, 142—144, 146, 178, 219, 221.
Торчинъ 10.
Трансильванія 9, 84—86, 175, 179.
Трикатъ 268.
Троки 104.
Турки 8, 11, 24, 32, 38, 41, 88, 174, 176, 179, 268, 283.
Туровль 45, 52, 62, 73, 74; рѣка 52.

У.

Ужица, озеро 161.
Узмень, озеро 123.
Ула, крѣпость 52, 74, 110; рѣка 50, 52, 99, 200.
Усвятъ, крѣпость 52, 70, 97, 112, 122—124, 132, 140, 144, 278; озеро 123.
Усвяча (Usviata), р. 50, 52, 99, 112, 116, 122, 123.
(У)совка (Sovca), р. 171.
Усція (Uscia=Уща), оз. 161; рѣка 161, 162.
Ушачъ, р. 51

Ф.

Фабіановъ 219, 268.
Феллинъ (Фелинъ, Felinum) 173, 268.

Финляндія 276.
Финскій заливъ 127, 171.
Францiя 156.
Фугарашъ 84.

Х.

Хойницъ 5.
Холмъ, крѣпость 170, 221, 268.

Ч.

Чашники, крѣпость 52, 99, 106, 107, 109—111.
Череха, р. 193, 194, 204.
Черниговъ 82, 267.
Черное море 8, 24, 25, 88.

Ш.

Шведы 4, 24, 36, 37, 88, 254, 256, 257, 268, 274, 277, 289, 304.
Швеція 177, 274.
Шкловская область 178, 219.
Шотландскіе солдаты 219, 233.

Щ.

Щудутъ (Sciduturn), село 106.

Э.

Эзель, островъ 177.
Эльсенъ, крѣпость 268.

Я.

Ямъ, городъ 217.
Ярославль 83.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

стран.	строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
49	22	80 года	980 года
79	18	дѣйствую	дѣйствуя
112	18	рдугая	другая
149	3	*въ прим.* переведено	приведено
163	8	Георгія	Георга
187	29	ручательства	ругательства
194	14	Росный	Розенъ
232	26	необходимость	небрежность
238	2	*въ прим.* 1521	1581
244	13	морозы,	морозы;
259	26	Пенонскій	Пеніонжекъ
260	5	непріятенъ	не непріятенъ
267	9	считалъ возможнымъ	считалъ невозможнымъ
271	17	Д. Якова	св. Іакова
283	18	Замиойскому	Замойскому

Въ С.-Петербургѣ, у Чернышева моста, д. 6 гимназіи, и въ Москвѣ, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (на Воздвиженкѣ), можно получать слѣдующія изданія Археографической Коммиссіи:

1.	Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VI—X и XV, по 2 р. за томъ	12 р.	— к.
2.	Лѣтопись по списку монаха Лаврентія (2-е изд. 1-го т. Полн. Собр. Р. Л.)	3 »	— »
3.	Лѣтопись по Ипатскому списку (2-е изд. 2-го т. Полн. Собр. Русск. Лѣт.)	3 »	— »
4.	Новгородская лѣтопись по Синод. харат. списку (2-е изд. изъ 3-го т. Полн. Собр. Русск. Лѣт., такъ назыв. Новгор. первой Лѣтописи)	3 »	— »
5.	Новгородскія Лѣтописи (2-е изд. изъ 3-го т. Полн. Собр. Русск. Лѣт., такъ назыв. Новгор. второй и Новгор. третьей Лѣтописей)	3 »	— »
6.	Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврент. сп., изд. посредствомъ свѣтопечати.	4 »	— »
7.	Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому сп., изд. фотолитографически. .	4 »	— »
8.	Новгородская лѣтопись по Синод. харат. сп., изд. посредствомъ свѣтопечати.	4 »	— »
9.	Указатель къ первымъ 8 т. Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, т. I (А—I).	1 »	50 »
10.	Акты Историческіе, томы IV и V, по 2 р.	4 »	— »
11.	Алфавитный Указатель къ Актамъ Историческимъ	— »	75 »
12.	Дополненія къ Актамъ Историческимъ, томы V—XII, по 2 р.	16 »	— »
13.	Указатель къ первымъ десяти томамъ Дополн. къ Актамъ Историч. . .	1 »	50 »
14.	Русская Историческая Библіотека, томы I, II, III и V-й, по 2 руб.; т. IV, VI и VII, по 3 р.; т. VIII, IX X и XI, по 2 р. 50 к.	27 »	— »
15.	Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края (съ 3 картами).	2 »	— »
16.	Историческое изслѣдованіе о Западной Россіи	— »	75 »
17.	Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.	3 »	— »
18.	Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. V	2 »	— »
19.	Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. I, II, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII и XIV, по 2 р., томъ III, 3 р.	29 »	— »
20.	Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіеся къ Россіи, т. II-й . . .	2 »	— »
21.	Дополненія къ Актамъ на иностранныхъ языкахъ	2 »	— »
22.	Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, т. I, 2 р., т. II, 1 р. 50 к.	3 »	50 »
23.	Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи, (съ портр. Массы, планомъ Москвы 1606 г. и рисунк. дворца Лже-Димитрія I) . .	2 »	— »
24.	Записки о Московской войнѣ Рейнгольда Гейденштейна	1 »	50 »
25.	Русско-Ливонскіе акты .	2 »	— »
26.	Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, II и III, по 2 р.	6 »	— »
27.	Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви	3 »	50 »
28.	Великія Минеи Четіи, собранныя Всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ, выпуски: 1-й (Сентябрь, дни 1—13) 5 р.; 2-й (Сент. 14—24) 3 р.; 3-й (Сентябрь 25—30) 4 р.; 4-й (Октябрь 1—3), 5-й (Октябрь 4—18) и 6-й (Октябрь 19—31), по 3 р.	21 »	— »
29.	Путешествіе игумена Даніила по Св. Землѣ, въ началѣ XII вѣка . .	2 »	50 »
30.	Путешествіе новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ, въ концѣ XII в. . .	— »	75 »
31.	О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, современное сочиненіе Григорія Котошихина, третье изданіе	1 »	50 »
32.	Писцовыя книги Новгородскія, въ 4 томахъ, по 2 р.	8 »	— »
33.	Писцовыя книги Ижорской земли, отд. II (съ картой)	— »	75 »
34.	Медальоны графа Толстаго .	2 »	— »
35.	Собраніе русскихъ медалей: вып. первый 3 р., вып. второй 1 р. 50 к., вып. третій, четвертый и пятый (въ нихъ нѣсколькихъ рисунковъ недостаетъ), съ Прибавленіемъ, по 1 р. 50 к.	9 »	— »
36.	Лѣтопись занятій Археогр. Комм., вып. 1, 2 и 3, по 50 к.	1 »	50 »
	Того же изданія выпуски 4, 5 и 6, по 1 р., вып. 7-й и 8-й по 1 р. 50 к.	6 »	— »
37.	Протоколы засѣданій Археографической Коммиссіи, вып. первый (1835—1840 гг.) и вып. второй (1841—1849 гг.), по 1 р.	2 »	— »
38.	Сказанія о князьяхъ и царяхъ земли Русской	— »	10 »
39.	Чертежная книга Сибири, 1701 г., изд. посредствомъ фотолит. (съ Прил.) .	8 »	— »
40.	Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи, листы 1-й и 2-й.	— »	30 »
41.	Описаніе рукописей Археографической Коммиссіи	1 »	50 »
42.	Указатель къ Степенной книгѣ, съ родословными росписями Русск. князей	— »	50 »
43.	Розыскныя дѣла о Өедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ, т. I и III, по 3 р., т. II, 2 р. .	8 »	— »

Тамъ же продаются:

1.	Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ	1 »	50 »
2.	Что желательно для Русской исторіи	— »	50 »
3.	Сборникъ князя Хилкова .	2 »	50 »
4.	Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка, книги 1-я и 2-я	4 »	— »
5.	Кунгурскіе акты XVII вѣка (1668—1699 г.)	1 »	50 »

3р.

Государственная книжная палата
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Heidenstein, Reinhold,

Zapiski o Moskovskoj vojnĕ (1578 - 1582)

S.-Peterburg 1889

4 Polon. 101 k
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11523003-9